

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СЕМИОТИКЕ ФОЛЬКЛОРА

ЗАРУБЕЖНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО СЕМИОТИКЕ
ФОЛЬКЛОРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ФОЛЬКЛОРУ
И МИФОЛОГИИ
ВОСТОКА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И. С. Брагинский
Е. М. Мелетинский
С. Ю. Неклюдов (секретарь)
Е. С. Новик
Д. А. Ольдерогге (председатель)
В. Л. Рифтин
С. А. Токарев
С. С. Цельникер

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЗАРУБЕЖНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО СЕМИОТИКЕ
ФОЛЬКЛОРА

•

СБОРНИК
СТАТЕЙ

Составители
Е. М. МЕЛЕТинский и С. Ю. НЕКлюдов

Перевод
Т. В. Цивьян

Математические термины проверены
Ю. И. Левиным

Сборник знакомит читателей с наиболее существенными работами структурно-типологического направления, у истоков которого находится книга советского фольклориста В. Я. Проппа «Морфология сказки», оказавшая большое влияние на современную зарубежную фольклористику. В центре внимания авторов статей сборника — различные жанры повествовательного фольклора (миф, сказка, предание), а также песни, загадки, заговоры, поверья, пословицы и их структурные модели. Ряд статей построен на материале архаического фольклора.

© Составление, перевод,
предисловие:
Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.

з 460400000-133 КБ-4-69-85
013(02)-85

Серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока», выпускаемая Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» с 1969 г. наряду с серией «Сказки и мифы народов Востока», посвященной исключительно публикации мифологических и фольклорных текстов, знакомит читателей с современными проблемами изучения богатейшего устного творчества народов Азии, Африки и Океании. В ней публикуются монографические и коллективные труды по разным проблемам изучения фольклора и мифологии народов Востока, включая анализ некоторых памятников древних и средневековых литератур, возникших при непосредственном взаимодействии с устной словесностью. Иногда важные вопросы фольклористики и мифологии рассматриваются не только на восточном материале, но и с привлечением повествовательного искусства других, соседних регионов. Значительное место среди изданий серии занимают работы сравнительно-типологического и чисто теоретического характера.

Настоящая книга знакомит советского читателя с зарубежными теоретическими исследованиями, использующими при анализе фольклора и мифологии структурно-семиотические методы. Материалом в ряде публикуемых здесь работ служат архаические устные повествовательные традиции (народов Африки, североамериканских индейцев). Их авторы — известные ученые Франции, Канады, Румынии, США; труды большинства из них уже переводились на русский язык.

Книги, ранее изданные в серии «Исследования по фольклору и мифологии Востока»:

В. Я. Пропп. Морфология сказки. 1969.

Г. Л. Пермяков. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). 1970.

Б. Л. Рифтин. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае (Устные и книжные версии «Троецарствия»). 1970.

Е. А. Костюхин. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. 1972.

Н. Рошина. Традиционные формулы сказки. 1974.

П. А. Гринцер. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. 1974. Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895—1970). Сост. Е. М. Мелетинский и С. Ю. Неклюдов. 1975.

Е. С. Котляр. Миф и сказка Африки. 1975.

С. Л. Невелова. Мифология древнеиндийского эпоса (Пантеон). 1975.

Е. М. Мелетинский. Поэтика мифа. 1976.

- В. Я. Пропп. Фольклор и действительность. Избранные статьи. 1976.
- Е. Б. Вирсаладзе. Грузинский охотничий миф и поэзия. 1976.
- Ж. Дюмезиль. Осетинский эпос и мифология. Пер. с франц. 1976, Пармиологический сборник. Пословица, загадка (структура, смысл, текст). 1978.
- О. М. Фрейденберг. Миф и литература древности. 1978.
- Памятники книжного эпоса. Стиль и типологические особенности. 1978.
- Б. Л. Рифтин. От мифа к роману (эволюция изображения персонажа в китайской литературе). 1979.
- С. Л. Невелева. Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса. Эпитет и сравнение. 1979.
- Е. М. Мелетинский. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. 1979.
- Б. Н. Путилов. Миф — обряд — песня Новой Гвинеи. 1980.
- М. И. Никитина. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. 1982.
- В. Тэрнер. Символы и ритуал. Пер. с англ. 1983.
- М. Герхардт. Искусство повествования (Литературное исследование «1001 ночи»). Пер. с англ. 1984.
- Е. С. Новик. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме (опыт сопоставления структур). 1984.
- С. Ю. Неклюдов. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. 1984.
- Пармиологические исследования. Сборник статей. 1984.
- Е. С. Котляр. Эпос народов Африки южнее Сахары. 1985.
- Готовятся к изданию:
- Ж. Дюмезиль. Верховные боги индоевропейцев. Пер. с франц.
- Ф. Б. Я. Кейпер. Труды по ведийской мифологии. Пер. с англ.

Серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока» была начата в 1969 г. переизданием классического труда В. Я. Проппа «Морфология сказки». Эта книга, впервые опубликованная более полувека назад, впоследствии (с конца 50-х годов) оказала огромное влияние на мировую науку; практически этого влияния не избегло ни одно зарубежное структурно-семиотическое исследование по фольклористике. Обзору и критическому рассмотрению трудов, в какой-то мере развивающих методологическое открытие В. Я. Проппа, была специально посвящена статья Е. М. Мелетинского, напечатанная в качестве приложения к упомянутому переизданию «Морфологии сказки». Там шла речь о работах К. Леви-Строса, А. Ж. Греймаса, К. Бремона, А. Дандиса, П. Маранды и др. Методика К. Леви-Строса, создателя структурной антропологии, и его труды в области изучения мифов более полно рассматриваются в монографии Е. М. Мелетинского «Поэтика мифа» (глава «Структурализм»), также опубликованной в серии «Исследования по фольклору и мифологии Востока».

Теперь мы считаем необходимым познакомить советского читателя непосредственно с образцами зарубежных семиотических исследований в области фольклора. Здесь предлагаются в русском переводе три статьи К. Леви-Строса, первая из которых посвящена В. Я. Проппу и общетеоретической проблеме изучения структуры фольклорных текстов, а в двух других дается конкретный анализ мифологических сюжетов, демонстрирующий возможности практического применения структурно-семиотических методов в фольклористике, и в частности позволяющий увидеть, как преобразуется значение и звучание мифа, бытующего у различных родственных и соседствующих народов (речь идет об американских индейцах). К этим двум статьям близка по характеру рассмотрения материала работа французского исследователя К. Бремона, посвященная изучению механизма варьирования одного сказочного сюжета в африканских фольклорных традициях и выявлению происходящих при этом смысловых изменений.

С несколько иным аспектом структурных исследований читатель познакомится в статье американского фольклориста А. Дандиса, который в своем анализе сказок американских индейцев в значительной степени опирается на сюжетно-композиционную формулу В. Я. Проппа и делает ряд теоретических нововведений; например, им предложены термины «мотивема» «алломотив» и др., долженствующие устранить разрыв между «функцией» В. Я. Проппа как элементарной-сюжетной единицей и мотивом как реальной данностью фольклорного текста. Оригинальный подход к структуре сказочного повествования содержится в статье К. Брето и Н. Заньоли (Франция), которые, рассматривая сюжет одной магрибской сказки, простейшим сюжетным элементом предлагают считать «диадку» (взаимодействие двух персонажей).

Следующая группа структурных исследований представлена в нашем сборнике трудами французского ученого А. Ж. Греймаса. Это две работы, имеющие сугубо теоретический характер, в которых автор обращается к методологическим разработкам В. Я. Проппа и К. Леви-Строса, отчасти синтезируя их. Первая статья (представляющая собой главу из его книги «Структурная семантика») посвящена дальнейшим преобразованиям формулы В. Я. Проппа с целью привести ее к более простому, логически стройному виду, а вторая заключает в себе семантическое истолкование мифа индейцев-бороро, с анализа которого начинается капитальное исследование К. Леви-Строса «Мифологические».

Преобразование медиативной формулы К. Леви-Строса и ее приложение к весьма широкому спектру фольклорных жанров предприняли П. Маранда и Э. Кёнгас-Маранда (Канада). Другая помещенная в сборнике работа П. Маранды демонстрирует возможность применения к фольклорным текстам методов математической логики. Пример аналогичного направления в структурной фольклористике представляет собой также статья С. Фотино и С. Маркуса (Румыния), посвященная построению «порождающей грамматики» на материале сказочного сюжета.

Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов

СТРУКТУРА И ФОРМА

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ОДНОЙ РАБОТОЙ
ВЛАДИМИРА ПРОППА *

Приверженцев структурного анализа в лингвистике и антропологии часто обвиняют в формализме. Тем самым забывают, что формализм существует как независимое направление, с которым, не отрицая того, чем он ему обязан, структурализм расходится в силу совершенно разного подхода обеих школ к понятию конкретного. В противоположность формализму структурализм отказывается противопоставлять конкретное абстрактному и признавать за вторым преимущественное значение. Форма определяется в противопоставлении к чуждой ей материи, но структура не имеет обособленного содержания: она сама является содержанием, заключенным в логическую форму, понимаемую как свойство реальности.

Это различие заслуживает более подробного рассмотрения на примере. Случай для этого представился теперь, благодаря изданию английского перевода уже давней работы В. Проппа, идеи которой очень близки к русской формальной школе в период ее короткого расцвета, приблизительно между 1915 и 1930 гг.¹

Автор предисловия С. Пиркова-Якобсон, переводчик Л. Скотт и Исследовательский центр Индианского университета оказали огромную услугу гуманитарным наукам, осуществив издание этого незаслуженно забытого труда на языке, доступном новому кругу читателей. В самом деле, 1928 год, год первого русского издания, застаёт формальную школу в глубоком кризисе, официально отвергнутой и не имеющей никаких внешних связей. В последующих работах сам В. Пропп отказался от формализма и морфологического анализа, посвятив себя сравнительно-историческим исследованиям связей фольклора с мифом, ритуалом и социальными институтами.

Однако импульс, данный русской формальной школой, не мог угаснуть: в Европе он был сначала подхвачен Пражским лингвистическим кружком, а приблизительно с 1940 г. личное влияние и преподавательская деятельность Р. Якобсона перенесли его в США.

---

* Переведено по: C. Lévi-Strauss. La structure et la forme. Réflexions sur un ouvrage de Vladimir Propp. — «Cahiers de l'Institut de Science Economique appliquée». № 9 (Série M, № 7), mars 1960, с. 3—36. Перепечатано из: «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics». Vol. 3, 1960, с. 122—149.

Я не утверждаю, что структурная лингвистика и современный структурализм как внутри лингвистики, так и вне ее являются исключительно продолжением русского формализма. Как я уже сказал, они различаются потому, что, хотя в некоторой степени структурализм и удаляется от конкретного, в своей сути он возвращается к нему. Однако, несмотря на то что его система никак не может быть названа «формалистской», Р. Якобсон не теряет из виду историческую роль русской школы и ее существенное значение. Говоря о предшественниках структурализма, он всегда отводит ей особое место, и те, кто слышал его после 1940 г., косвенно оказались затронутыми этим отдаленным влиянием. Если, как пишет С. Пиркова-Якобсон, автор этих строк «применил и развил метод В. Проппа» (с. VII), то произошло это неосознанно, поскольку книга В. Проппа до появления ее перевода оставалась ему недоступной. Однако через посредство Р. Якобсона им было воспринято нечто существенное и вдохновляющее.

* * *

Следует опасаться, что и сегодня английский перевод в том виде, в каком он появился, не облегчит распространения пропповских идей. Чтение его затруднено опечатками и темными местами, которые, возможно, существуют и в самом оригинале, но скорее говорят о сложностях, испытываемых переводчиком при передаче терминологии автора. Небесполезно поэтому рассмотреть эту работу более пристально, попытавшись выделить ее основные положения и выводы.

Пропп начинает с краткого исторического обзора проблемы. Работы по сказкам в основном состояли в издании текстов; систематические исследования были редки и элементарны. Для оправдания такого положения ссылались на недостаточность материала; автор отвергает это объяснение, считая, что во всех других областях знания проблемы описания и классификации были поставлены очень рано. Более того, он не упускает случая высказаться по поводу происхождения сказки: «О происхождении какого бы то ни было явления можно говорить лишь после того, как явление это описано» (с. 10) *.

Традиционные классификации (Миллер, Вундт, Аарне, Веселовский) представляют практическую ценность, но встречают те же возражения: всегда можно найти сказки, относящиеся сразу к нескольким категориям. Действительно, рассматриваемые классификации базируются на сказочных типах или на сказочных сюжетах. Тематическое деление, по сути дела, условно: оно основано не на реальном анализе, а на интуиции или теоретических позициях того

* Цитаты из работы В. Проппа даются по изданию: В. Я. Пропп. Морфология сказки. Изд. 2-е. М., 1969 (примеч. пер.).

или иного автора (первое, как правило, более надежно, чем второе, замечает Пропп, с. 11—12, 17). Классификация Аарне содержит инвентарь сюжетов, что оказывает исследователям большую услугу, однако деление там чисто эмпирическое, так что отнесение сказки к определенной рубрике всегда остается приблизительным.

Исключительный интерес представляет рассмотрение идей Веселовского. По Веселовскому, сюжет распадается на мотивы, и ему же принадлежит творческий акт соединения, собирания воедино мотивов, представляющих собой неразложимые элементы. Но в этом случае, замечает Пропп, каждая фраза является мотивом, и тогда анализ сказок должен быть перенесен на уровень, который сегодня мы назвали бы «молекулярным». Ни один мотив, однако, не может быть назван неразложимым, потому что даже такой простой пример, как «змея похищает дочь царя», содержит по меньшей мере четыре элемента, каждый из которых может быть заменен другим («змея» — «колдуном», «вихрем», «чертом», «соколом» и т. д.; «похищение» — «вампиризмом», «усыплением» и т. д.; «дочь» — «сестрой», «невестой», «матерью» и т. д.; наконец, «царь» — «царским сыном», «крестьянином», «попом» и т. д.). Таким образом, мы получаем единицы меньше, чем мотивы; они, по Проппу, не имеют независимого логического статуса. Мы так задержались на этом обсуждении только для того, чтобы показать, что в утверждении Проппа, верном лишь наполовину, заключено одно из главных различий между формализмом и структурализмом. Далее мы к этому вернемся.

Пропп отдает должное Бедье, указавшему на различие между постоянными и переменными величинами в сказке. Инварианты и должны были бы стать элементарными единицами. Однако Бедье не смог определить, из чего эти элементы состоят.

Если морфологический анализ сказок пребывал в зачаточном состоянии, то пренебрегали им в пользу генетических исследований. Весьма часто работы, претендовавшие на морфологичность, сводились к тавтологии. Самая новая (во времена Проппа) работа русского исследователя Р. М. Волкова (1924) не содержала ничего, кроме утверждения, что «сходные сказки похожи друг на друга» (с. 20). Итак, хороший морфологический анализ является основой любого научного исследования. Более того, «пока нет правильной морфологической разработки, не может быть и правильной исторической разработки» (с. 21).

Как указывает Пропп в начале второй главы, все его исследование основано на рабочей гипотезе, допускающей существование волшебных сказок как особого разряда. В начале анализа волшебные сказки выделяются эмпирически, как сказки под № 300—749 в указателе Аарне. Используется следующий метод.

Пусть будут даны высказывания.

1. Царь дает удальцу орла. Орел уносит удальца в иное царство.
2. Дед дает Сученке коня. Конь уносит Сученку в иное царство.

3. Колдун дает Ивану лодочку. Лодочка уносит Ивана в иное царство.
4. Царевна дает Ивану кольцо. Молодцы из кольца уносят Ивана в иное царство.

Эти высказывания содержат переменные и постоянные величины. Меняются персонажи и их атрибуты, но не их действия и функции. Свойством фольклорных сказок оказывается приписывание разным персонажам одинаковых действий. Взяв за основу постоянные величины, можно показать, что число функций конечно. Действительно, оказывается, что они весьма часто повторяются. Таким образом, можно утверждать, «что функций чрезвычайно мало, а персонажей чрезвычайно много. Этим объясняется двоякое качество волшебной сказки: с одной стороны, ее поразительное многообразие, пестрота и красочность, с другой — ее не менее поразительное однообразие, ее повторяемость» (с. 24).

Для определения функций, рассматриваемых как конституирующие элементы сказки, следует прежде всего исключить персонажи, роль которых состоит лишь в том, чтобы «выполнять» функции. Функция обозначается просто названием действия: «запрет», «отлучка» и т. д. Затем функция должна быть определена в соответствии с занимаемым ею в повествовании местом; свадьба, например, может иметь разные функции в зависимости от ее роли. Одинаковым действиям приписываются разные значения, и наоборот, но определить это можно, лишь учитывая место события среди других, т. е. располагая его в соответствии с предшествующими ему и следующими за ним событиями; отсюда возникает предположение, что последовательность функций всегда одинакова (с. 25), с той оговоркой, что, как будет видно из дальнейшего, возможны некоторые перестановки, правда представляющие собой вторичные явления: ограниченные исключения, которые всегда можно компенсировать. Допускается также, что в каждой отдельной сказке никогда не появляется всей совокупности перечисленных функций, а только некоторые из них, причем порядок их следования остается неизменным. Вся система функций в целом, эмпирической реализации которой, возможно, и не существует, имеет, по мысли Проппа, характер «метаструктуры» в современной терминологии.

Предшествующие гипотезы приводят к окончательному выводу, в дальнейшем подтвержденному, хотя Пропп считает, что на первый взгляд он кажется «нелепым и даже диким»: *все волшебные сказки однотипны по своему строению* (с. 26).

Чтобы покончить с методологическими проблемами, Пропп спрашивает себя, должно ли исследование, которое подтвердит или опровергнет его теорию, быть исчерпывающим. Если это так, то практически невозможно довести его до конца. Если же допустить, что объектом исследования являются функции, то его можно считать оконченным «в тот момент, когда обнаружится, что новые сказки не дают никаких новых функций» (с. 27), естественно, при условии, что

материал выбран произвольно и как бы «продиктован извне». Прислушиваясь к Дюркгейму, без сомнения невольно, Пропп подчеркивает: «Дело не в количестве материала, а в качестве его разработки» (с. 28). Опыт подсказывает, что сто сказок представляют собой вполне достаточный материал. В итоге анализ ведется на материале сказок № 50—151 из собрания Афанасьева.

* * *

Рассмотрим более бегло инвентарь функций — детализировать его невозможно, — содержащийся в гл. III. Каждая функция определяется в общих чертах, затем сокращается до одного слова («отлучка», «запрет», «нарушение» и т. д.) и, наконец, кодируется буквой или символом. Для каждой функции Пропп различает «виды» и «роды», причем «виды» иногда делятся на «разновидности». В результате устанавливается общая схема волшебной сказки.

¶ После описания «исходной ситуации» персонаж отлучается. Отлучка прямо или косвенно ведет за собой несчастье (нарушением ли запрета или неподчинением приказу). Появляется антагонист, выдвигает нечто о своей жертве с намерением причинить ей вред.

Пропп анализирует эту цепочку как состоящую из семи функций, обозначая их первыми буквами русского алфавита, чтобы отличить их от функций, идущих далее и обозначенных заглавными латинскими буквами и различными символами. Эти семь функций, по сути дела, являются подготовительными в двойном смысле: они служат завязкой действия, и их наличие не универсально — некоторые сказки начинаются прямо с первой основной функции, представляющей собой действие антагониста: похищение человека, похищение волшебного объекта, нанесение телесного повреждения, околдовывание, подмена, убийство и т. д. (с. 34—36). Это «вредительство» приводит к «недостаче», при том что исходная ситуация сама по себе не связана непосредственно с состоянием недостачи; о беде сообщают герою и побуждают его найти средство для ее ликвидации.

Далее возможны два пути: либо жертва становится героем повествования, либо герой существует отдельно от жертвы и оказывает ей помощь. Гипотеза о единообразии сказки этим не поколеблена, потому что ни в одной сказке не идет речь сразу о двух персонажах. Поэтому всегда есть только одна функция — «герой», — которую может выполнять тот или другой тип персонажа. Тем не менее возникает альтернатива между двумя цепочками: 1) призыв к герою-искателю и его отправление с поручением; 2) удаление героя-жертвы и опасность, которой он подвергается.

Герой (жертва или искатель) встречает «дарителя», добровольного или недобровольного, быстрого или медлящего, доброжелательного сразу или сначала враждебного. Он подвергает героя испытанию (в самых разнообразных формах, вплоть до поединка). Герой реаги-

рует отрицательно или положительно, проходит испытание самостоятельно или используя сверхъестественное вмешательство (промежуточные формы многочисленны). Получение волшебного средства (предмет, животное, человек) является основным свойством функции героя.

Перенесенный в то место, где находится предмет поисков, герой вступает в борьбу (бой, состязание, игру) с антагонистом, героя метят (метка на теле или какая-либо иная), антагонист побежден, и ситуация недостачи ликвидирована. Герой возвращается, но его преследует враг, от которого он спасается с помощью полученного средства или благодаря собственной хитрости. Ряд сказок кончается возвращением героя и ~~следующей за этим свадьбой~~.

Но есть сказки, в которых с этого момента начинается разыгрываться то, что Пропп называет «вторым ходом»; все начинается снова: вредитель, герой, даритель, испытания, сверхъестественная помощь, после чего повествование разворачивается в ином направлении. Таким образом, приходится ввести серию «функций *bis*» (с. 55—56), влекущую затем появление новых функций: герой возвращается неузнанным; ему предлагается трудная задача, которую он успешно решает. Затем его узнают, а ложный герой (занявший его место) изобличается. Наконец, герой получает награду (жену, царство), и сказка завершается.

Перечисленный инвентарь побуждает его автора к целому ряду выводов. Во-первых, число функций весьма ограничено, их всего тридцать одна. Во-вторых, «с логической и художественной необходимостью» эти функции вытекают одна из другой и все принадлежат одному и тому же стержню, хотя ни одна функция не исключает другую (с. 60). Напротив, одни функции могут объединяться попарно («запрет» — «нарушение»; «борьба» — «победа»; «преследование» — «спасение» и т. д.), а другие — располагаться цепочкой, например группа: «вредительство» — «призыв к помощи» — «решение героя противодействовать» — «отправка героя». Пары функций, цепочки функций и одиночные функции организуются в инвариантную систему; это, по сути дела, пробный камень, позволяющий оценить каждую отдельную сказку и указать ее место в классификации. Каждая сказка действительно получает свою формулу, аналогичную химическим формулам, где в естественном порядке следования перечисляются буквы (русские и латинские) и символы, кодирующие разные функции. К буквам и символам может присоединяться показатель, обозначающий вариантность в пределах одной функции. Пусть, например, для простой сказки, изложенной Проппом, будет формула:

$$ie^3b^1A^1B^1C \uparrow B^1 - II^1L^4 \downarrow C^3,$$

двенадцать символов которой читаются по порядку: «царь, три дочери» — «дочери отправляются гулять» — «опаздывают в саду» — «змея похищает их» — «призыв о помощи» — «появляются (три)

героя» — «отправляются на поиски» — «бой (три боя) со змеем» — «победа» — «избавление девиц» — «возвращение» — «награждение» (с. 114).

* * *

Определив таким образом правила классификации, Пропп посвящает следующие главы (IV и V) разрешению различных трудностей. Первая, о которой уже упоминалось, касается как будто правдоподобной ассимиляции одной функции с другой. Так, «испытание героя дарителем» может быть представлено таким образом, что окажется неотличимым от «задания трудной задачи». В подобных случаях идентификация производится не на основании внутреннего содержания функции, которая является неоднозначной, а в зависимости от контекста, т. е. по месту, занимаемому искомой функцией среди окружающих ее. И, наоборот, высказывание, на первый взгляд соответствующее только одной функции, может выполнять две разные функции, например когда будущая жертва одновременно «соглашается на уговоры вредителя» и «нарушает запрет» (с. 61—63).

Другая трудность вытекает из того, что в сказке после выделения функций остается некая остаточная субстанция, не соответствующая никакой функции. Эта проблема ставит Проппа в затруднение, и он предлагает разделить остаток на две нефункциональные категории: с одной стороны, «связки», с другой — «мотивировки».

Связки чаще всего состоят из эпизодов, служащих объяснением того, как персонаж *A* узнает, что должен сделать персонаж *B*, — знание, необходимое для того, чтобы он, в свою очередь, вступил в действие. В более общем виде связки нужны для установления непосредственных отношений между двумя персонажами или между персонажем и предметом, в то время как обстоятельства повествования обеспечивают им лишь опосредованные отношения. Теория связок важна вдвойне: она объясняет, как в повествовании можно связать между собой функции, если даже их последовательность не соблюдена, и она также позволяет свести случаи утروения к одной функции, хотя сами связки не имеют характера независимых функций и служат лишь для обеспечения утروения (с. 65—68).

Под мотивировками понимаются «как причины, так и цели персонажей, вызывающие их на те или иные поступки» (с. 69). Нередко, однако, в сказках действия персонажей не мотивированы. Из этого Пропп заключает, что мотивировки, если они есть, являются результатом новообразования. В самом деле, мотивировка состояния или действия иногда становится настоящей сказкой, развивающейся внутри основной сказки и могущей стать почти независимой: «Подобно всему живому, сказка производит лишь себе подобных» (с. 71).

* * *

Тридцать одна функция, к которой сводятся все волшебные сказки, как мы видели, «выполняется» определенным числом персонажей. При классификации функций по их «выполнителям» обнаруживается, что каждый персонаж объединяет несколько функций в «круг действия», который, собственно, его и характеризует. Так, функции «вредительство» — «борьба» — «преследование» образуют круг действия вредителя, функции «пространственное перемещение героя» — «ликвидация недостачи» — «спасение» — «решение трудной задачи» — «трансфигурация героя» определяют круг действия волшебного помощника и т. д. Из этого следует, что персонажи сказки, как и функции, ограничены по числу. Пропп выделяет семь следующих действующих лиц: вредитель, даритель, волшебный помощник, искомый персонаж, отправитель, герой, ложный герой (с. 72—73). Существуют и другие персонажи, но они нужны для «связок». Между каждым персонажем и каждым кругом действия редко бывает однозначное соответствие: один и тот же персонаж может охватывать несколько кругов действий, один и тот же круг действия может быть распределен по нескольким персонажам. Так, герой может совмещать в себе и волшебного помощника, если он сам обладает волшебной силой, в некоторых сказках волшебный помощник берет на себя функции, ранее принадлежавшие герою (с. 74—75).

Если сказка должна пониматься как единое целое, нельзя ли все-таки различать в ней отдельные части? Сведенная к наиболее абстрактной формуле, волшебная сказка определяется как развертывание, исходной точкой которого является вредительство, а конечной — свадьба, награда, освобождение или избавление, причем переход осуществляется с помощью ряда промежуточных функций. Эту совокупность Пропп называет «ходом»*, и мы придаем этому термину двойной смысл: основное деление повествования и в то же время ход в картах или шахматах. В самом деле, речь, как мы только что видели, идет сразу о двух вещах: сказки, включающие в себя несколько ходов, характеризуются повторением через определенные промежутки одних и тех же функций, как в карточных партиях, где периодически возобновляют торговлю, прикуп, объявление, игру, подсчет взыток, т. е. прилагают *одни и те же правила к разным исходным данным*.

Сказка может иметь несколько ходов. Не являются ли эти ходы и разными сказками? Ответ на этот вопрос может быть получен только после того, как будут проанализированы и определены в морфологическом аспекте отношения между ходами. Ходы могут следовать один за другим, один ход может вставляться в другой и, в свою очередь, прерываться; иногда два хода начинаются одновременно или новый ход начинается раньше, чем кончился первый; два последовательных хода могут иметь общий конец; наконец,

* В английском переводе «move», у Леви-Строса — «partie» (примеч. пер.).

бывает так, что некоторые герои удваиваются и переход от одного к другому совершается с помощью метки.

Не вдаваясь в детали, отметим: Пропп считает, что перед нами, независимо от количества ходов, одна сказка, если между ходами существует функциональная связь. Если же они логически разъединены, то повествование распадается на несколько разных сказок (с. 83—86).

Дав пример анализа (с. 86—89), Пропп возвращается к двум проблемам, сформулированным в начале работы: связи волшебной сказки со сказкой вообще; классификации волшебных сказок как независимой категории.

Мы видели, что волшебная сказка представляет собой не что иное, как повествование, содержащее функции, число которых ограничено, а последовательность постоянна. Формальное различие между сказками вытекает из того, какие из 31 функции выбирает каждая из них и как осуществляется эвентуальное повторение некоторых функций. Однако ничто не препятствует составлению сказок, где присутствовало бы волшебство, а повествование не отвечало бы описанной выше норме: это случай литературных сказок, примеры которых мы находим у Андерсена, Брентано и Гете. И, наоборот, норма может быть соблюдена и при отсутствии какого бы то ни было волшебства. Термин «волшебная сказка», таким образом, вдвойне неточен. За неимением лучшего Пропп не без колебаний принимает определение «семиперсонажные сказки», предполагая доказанным, что семь персонажей образуют систему. Однако если бы когда-нибудь пришлось ввести анализ в историческую перспективу, то подошел бы термин «мифологические сказки».

Идеальная классификация сказок должна была бы быть основана на системе несовместимости функций. Ранее Пропп принял принцип ассимиляции функций (с. 61), который, напротив, предполагает абсолютную их совместимость. Теперь — как бы в порыве раскаяния, в его работе весьма часто, — он вводит несовместимость, исключаемость, ограничивая ее двумя парами функций: «борьба с антагонистом-вредителем» — «победа героя», с одной стороны, «трудная задача» — «решение» — с другой. Эти две пары столь редко встречаются в пределах одного хода, что противоположные правилу случаи могут трактоваться как исключения. Из этого следует, что можно выделить четыре класса сказок: сказки, использующие первую пару; сказки, использующие вторую пару; сказки, использующие обе пары; сказки, не использующие ни ту, ни другую пару (с. 91—92).

Поскольку система не обнаруживает никакой другой несовместимости, классификация может быть продолжена на основании вариантов специфических функций, которые представлены везде. Только две функции являются универсальными: «вредительство» и «недостача». Таким образом, сказки можно различать по разновидностям, в которые облечены эти две функции в пределах каждой из четырех ранее выделенных категорий.

Проблема еще более усложняется, если приступить к классификации многоходовых сказок. Однако основной тип «двухходовой» сказки позволяет, по Проппу, разрешить противоречие между морфологическим единством волшебных сказок, постулированным в начале работы, и несовместимостью двух пар функций, введенных в конце как единственно возможное основание структурной классификации. В самом деле, если сказка содержит два хода, один из которых включает пару «борьба» — «победа», а другой — пару «трудная задача» — «решение», то обе пары всегда следуют друг за другом именно в этом порядке: «борьба» → «победа» в первом ходе, «трудная задача» → «решение» — во втором. Более того, оба хода объединены с помощью исходной функции, общей им обоим (с. 93). Пропп видит в этой структуре нечто вроде архетипа, откуда происходят все волшебные сказки, во всяком случае русские (с. 93).

Объединение всех типовых формул дает каноническую формулу:

$$ABC \uparrow DГZR \frac{BKПЛ \downarrow Пp-CnXФ}{ФЗKPL \downarrow Пp-Cn} УОТНС*$$

откуда легко извлечь четыре основные категории:

- 1) первая группа + верхняя группа + последняя группа;
- 2) первая группа + нижняя группа + последняя группа;
- 3) первая группа + верхняя группа + нижняя группа + последняя группа;
- 4) первая группа + последняя группа.

Принцип морфологического единства, таким образом, сохранен в неприкосновенности (с. 95).

Принцип постоянной последовательности функций также неприкосновенен при условии перестановки функции «притязания ложного героя» (Ф) в конечную или исходную позицию в зависимости от выбора одного из двух взаимоисключающих ходов: (Б—П) и (З—Р). Пропп, кроме того, допускает и другие перестановки изолированных функций и даже цепочек. Эти перестановки не меняют вывода об однотипности и морфологическом родстве волшебных сказок, поскольку они не вызывают изменений в структуре (с. 97—98).

* * *

В работе Проппа прежде всего поражает то, с какой мощью он предвосхитил последующие исследования. Те из нас, кто приступил к анализу фольклора около 1950 г., не зная непосредственно о начинаниях, предпринятых Проппом на четверть века раньше, не без удивления обнаруживают там совпадения в формулировках, иногда даже одинаковые фразы, зная, что они их не заимствовали. Понятие «исходная ситуация», сравнение мифологической матрицы с правилами музыкального сочинения (с. 7), необходимость одновременного чтения «по горизонтали» и «по вертикали» (с. 107), постоянное использование понятия группы замещений и трансформаций для разрешения

очевидной антиномии между постоянством формы и разнообразием содержания (*passim*), стремление, по крайней мере намеченное Проппом, свести поверхностное разнообразие функций к парам оппозиций, особое положение, которое занимают в структурном анализе мифы (с. 82), наконец, и это главное, основная его гипотеза о том, что, строго говоря, существует только одна сказка (с. 26) и что совокупность известных сказок должна рассматриваться как «цепь вариантов» одного сюжета (с. 103) таким образом, что когда-нибудь можно будет вычислить исчезнувшие или неизвестные варианты, «точно так же как мы на основании общих астрономических законов предполагаем о существовании таких звезд, которых мы не видим» (с. 104), — пронизательность, провидческий характер этих интуитивных наблюдений усиливают восхищение, внушают благоговение, которое испытывают к Проппу прежде всего те, кто, сами этого не зная, были его продолжателями.

Если теперь мы переходим к дискуссии, имеющей целью сформулировать некоторые ограничения и представить некоторые возражения, то это ни в коей мере не умаляет огромных заслуг Проппа и не оспаривает приоритета его открытий.

После сказанного выше можно спросить себя, какие основания побудили Проппа выбрать для проверки своего метода сказки или определенную категорию сказок. Не потому, что эти сказки надо было выделить в фольклоре особо. Пропп утверждает, что с определенной точки зрения («исторической», как он говорит, а к тому же еще, как мы думаем, и психологической и логической) «волшебная сказка в своих морфологических основаниях представляет собой миф». «Эта мысль, — тут же прибавляет он, — была достаточно дискредитирована сторонниками мифологической школы. . . а ныне мы приходим к ней путем морфологического анализа» (с. 82).

Пропп прав. Нет никакого серьезного основания для того, чтобы изолировать сказки от мифов, хотя разница между этими двумя жанрами субъективно отмечена в большом числе обществ, а иногда выражается и объективно с помощью различительных терминов и хотя предписания и запреты иногда относятся только к мифам, но не к сказкам (мифы могут произноситься лишь в определенные часы или лишь в одно время года, а сказки в силу своей «профанической» природы могут рассказываться в любое время).

Эти туземные различия представляют большой интерес для этнографа, но далеко не наверняка они основаны на природе вещей. Совсем напротив, можно установить, что повествования, которые в одном обществе носят характер сказок, в другом обществе являются мифами, и обратно; это первое основание для того, чтобы не доверять произвольным классификациям. С другой стороны, «мифограф» почти всегда замечает, что в одинаковой или трансформированной форме, но одни и те же повествования, те же персонажи, те же мотивы обнаруживаются и в мифах и в сказках одной народности. Более того, для установления полной серии трансформаций темы мифа

очень редко можно ограничиться только мифами (в туземной классификации); некоторые из трансформаций следует искать в сказках, хотя само существование этих трансформаций можно вывести исходя из собственно мифов.

Тем не менее нельзя сомневаться в том, что почти все общества воспринимают два эти жанра как разные и что прочность этого различия имеет некоторую причину. По нашему мнению, такая причина существует, но сводится она к различиям двоякого порядка. Во-первых, сказки построены на более слабых оппозициях, чем те, которые обнаруживаются в мифах: они не космологичны, метафизичны или природны, как эти последние, но чаще локальны, социальные или моральные. Во-вторых, именно потому, что сказка представляет собой ослабленную транспозицию тем, расширенная реализация которых свойственна мифу, она не так строго, как он, подчинена тройному требованию: логической связности, религиозной ортодоксальности и давлению со стороны коллектива. Сказка содержит больше возможностей для игры, перестановки в ней относительно свободны и постепенно приобретают некоторую случайность. Но если сказка работает на ослабленных оппозициях, то тем труднее их отождествлять, и трудность возрастает тем более, что они обнаруживают колебание, позволяющее переходить к литературному творчеству.

Пропп прекрасно заметил вторую из этих трудностей: «чистота строения сказок», необходимая для применения его метода, «свойственна только крестьянству. . . мало затронутому цивилизацией. Всяческие сторонние влияния меняют, а иногда и разлагают сказку». В этом случае «всех деталей предусмотреть нельзя» (с. 90). С другой стороны, Пропп оставляет за сказочником относительную свободу в выборе персонажей, в выборе функций, которые он опускает или повторяет, в определении вида оставшихся функций, наконец, и еще более полно в том, что касается номенклатуры и атрибутов обязательных персонажей. «Дерево может указать путь, журавль может подарить коня, долото может подсмотреть и т. д. Эта свобода — специфическая особенность только сказки» (с. 102). В другом месте он говорит о таких атрибутах персонажей, как «возраст, пол, положение, внешний облик, особенности этого облика и т. д.», которые представляют собой переменные величины и придают сказке «ее яркость, ее красоту и обаяние» (с. 79). Это внешние причины, и уже они могут объяснить, почему в сказке один атрибут заменяется другим: трансформация реальных условий жизни, влияние эпоса соседних народов, письменности, религий, поверий и пережитков. «Сказка постепенно метаморфозирует, и эти трансформации, метаморфозы сказок также подвержены известным законам. Все эти процессы и создают такое многообразие, в котором разобраться чрезвычайно трудно» (с. 79).

Все это приводит к мысли, что сказка не вполне поддается структурному анализу. Без сомнения, в определенной степени это верно, хотя и в меньшей, чем кажется Проппу, и не совсем по тем основаниям,

на которые он ссылается. К этому мы вернемся, но сначала надо выяснить, почему же тогда для проверки своего метода он выбрал именно сказку. Не лучше было бы обратиться к мифам, чью особую значимость он неоднократно признает?

Причины пропповского выбора многочисленны и не равнозначны. Поскольку Пропп не этнолог, можно думать, что он не располагал собственным мифологическим материалом, с которым умел бы обращаться. Сверх того, он выбрал путь, где у него были непосредственные предшественники: именно сказки, а не мифы были объектом их анализа, и сказки обеспечили поле действия русским исследователям, которые наметили первые наброски морфологического анализа. Пропп подхватывает проблему там, где они ее оставили, используя тот же материал, т. е. русские сказки.

Но выбор Проппа объясняется еще, как мы думаем, и незнанием истинных отношений между мифом и сказкой. Если большая его заслуга состоит в том, чтобы видеть в них разновидности одного и того же жанра, он остается столь же верным и историческому приоритету первого над второй. Для того чтобы приступить к анализу мифа, пишет он, «морфологические изыскания в этой области следует связать с изучением историческим, что пока не может войти в нашу задачу» (с. 82). Немного далее он добавляет, что «древнейшие мифы» образуют область, к которой восходит сказка (с. 90). Действительно, «умирает быт, умирает религия, а содержание ее превращается в сказку» (с. 96).

Этнолог побойтся давать такую интерпретацию, прекрасно зная, что сейчас мифы и сказки существуют бок о бок, один жанр не может считаться пережитком другого, если только не утверждать, что сказки хранят память о древних мифах, вышедших из употребления². Но, не говоря о том, что такое предположение чаще всего недоказуемо (поскольку мы совсем или почти совсем не знаем древних верований изучаемых нами народов, которых мы именно по этой причине и называем «примитивными»), опыт современной этнографии приводит к мысли, что, напротив, миф и сказка преобразуют одну и ту же субстанцию, но делают это каждый по-своему. Их отношение не есть отношение более раннего к более позднему, примитивного к развитому. Скорее это отношение дополнительности. Сказки — мифы в миниатюре, где те же самые оппозиции транспонированы в меньшем масштабе, что прежде всего и затрудняет их изучение.

Предшествующие соображения не должны устранять другие трудности, выявленные Проппом, хотя сформулировать их можно несколько по-иному. Даже в наших современных обществах сказка — это не остаточный миф, но, конечно, она страдает, оставшись в одиночестве. Исчезновение мифов нарушило равновесие. Как спутник без планеты, сказка стремится вырваться из орбиты и войти в другие сферы притяжения.

Это — дополнительное основание для обращения преимущественно к тем цивилизациям, где миф и сказка до недавней эпохи сосущество-

вали, а иногда продолжают сосуществовать и где, следовательно, система фольклора целостна и может быть рассмотрена в этой целостности. На деле речь идет не о выборе между сказкой и мифом, но о понимании того, что это два полюса одной области, которая охватывает все виды промежуточных форм и которую морфологический анализ должен рассматривать всю целиком, чтобы не упустить элементов, принадлежащих, как и другие, к одной и той же трансформационной системе.

* * *

Пропи, таким образом, разрывается между формалистскими взглядами и необходимостью исторических объяснений. В определенной степени то, что он в порыве раскаяния отказался от первых в пользу вторых, понятно. В самом деле, едва он сосредоточился на сказках, противоречие стало непреодолимым; очевидно, что в сказках содержится история, но эта история практически недоступна, поскольку мы очень мало знаем о предисторических цивилизациях, откуда сказки берут начало. Но действительно ли дело в нехватке истории? Исторические параметры оказываются скорее негативной разностью, вытекающей из расхождения между наличной сказкой и отсутствующим этнографическим контекстом. Оппозиция разрешается, если рассматривать фольклорную традицию еще «в становлении», т. е. так же, как традиции, являющиеся предметом этнографического изучения. Там проблема истории не ставится вообще или ставится только в исключительных случаях, поскольку внешние соответствия, необходимые для интерпретации фольклорной традиции, столь же актуальны, как и она сама.

Пропи оказывается, таким образом, жертвой субъективной иллюзии. Он разрывается не между требованиями синхронии и диахронии, как ему кажется: *не прошлого ему не хватает, а контекста*. Формалистская дихотомия, которая противопоставляет форму и содержание и определяет их с помощью противопоставленных признаков, внушена ему не природой вещей; но случайным выбором области, где сохранилась только форма, а содержание ушло. Скрепя сердце он смиряется с их разъединением. Но в самые решающие моменты анализа он рассуждает так, как если бы то, что от него ускользает фактически, ускользало бы от него также и теоретически.

За исключением некоторых пассажей — провидческих, но несколько робких и нерешительных (к ним мы еще вернемся) — Пропи разделяет фольклор на две части: форму, являющуюся основным аспектом, поскольку она поддается морфологическому анализу, и случайное содержание, которому на этом основании он придает лишь побочное значение.

Мы позволим себе настаивать на этом пункте, сосредоточившем всю разницу между формализмом и структурализмом. Для первого эти две области полностью разъединены, поскольку форма доступна

восприятию, а содержание лишь выпадает в осадок, лишенный значимой силы. Для структурализма этого противопоставления не существует: нет только абстрактного и только конкретного. Форма и содержание имеют ту же природу и одинаково поддаются анализу. Содержание черпает реальность из структуры, а то, что называют формой, является «помещением в структуру» локальных структур, из которых состоит содержание.

Эта ограниченность, которую мы считаем присущей формализму, особенно ярко выступает в основной главе работы Проппа, посвященной функциям действующих лиц. Автор выделяет в них роды и виды. При этом ясно, что первые определены исключительно на основе морфологических критериев, а вторые опираются на них лишь в слабой степени; здесь, без сомнения невольно, Пропп вводит аспекты, относящиеся к содержанию. Вот, например, основная функция — «вредительство». Она подразделяется на двадцать два вида и подвидов: вредитель «похищает человека», «похищает или отнимает волшебное средство», «расхищает или портит посев», «похищает дневной свет», «угрожает каннибализмом» и т. д. (с. 34—36). Сюда, таким образом, постепенно оказывается включенным все содержание сказок, и анализ колеблется между формулировкой, столь общей, что она применяется ко всем сказкам без различия (это уровень рода), и простым восстановлением грубой материи — вопреки провозглашенному вначале утверждению, что только формальные особенности имеют объяснительную ценность.

Противоречие это столь явно, что Пропп безнадежно ищет нейтрального выхода. Вместо систематического перечисления того, что он называет видами, он ограничивается выделением некоторых из них, помещая вперемежку в одну «особую» категорию все редко встречающиеся виды. «Технически удобнее», объясняет он, «выделить несколько главнейших форм, а остальные обобщить» (с. 34). Но одно из двух: или речь идет об особых формах, и тогда связную систему нельзя сформулировать без их полного учета и классификации; или есть только содержание, и согласно правилам, установленным самим Проппом, его надо исключить из морфологического анализа. Во всяком случае, ящик, куда сбрасываются в беспорядке все нерасклассифицированные формы, не является «видом».

Почему же Пропп удовлетворяется этой плохо прилаженной выкройкой? По очень простой причине, которая объясняет другую слабость формалистской позиции. Как только в форму тайком вводится содержание, она обрекается на то, чтобы остаться на таком уровне абстракции, где она больше ничего не означает и к тому же не имеет эвристической силы. *Формализм уничтожает собственный объект.* У Проппа он замыкается на том открытии, что в действительности существует только одна сказка. С этого момента проблема объяснения лишь ставится. Мы знаем, что такое *сказка*, но, поскольку мы наблюдаем не одну архетипическую сказку, а множество отдельных сказок, мы уже не знаем, как их классифицировать. До формализма

мы, несомненно, не знали, что общего имеют сказки. После него мы полностью лишились возможности понять, чем они различаются.

Переход от конкретного к абстрактному был легок, а спуститься от абстрактного к конкретному уже невозможно.

В заключение своего труда Пропп цитирует великолепную страницу Веселовского: «Дозволено ли и в этой области поставить вопрос о типических схемах. . . схемах, передававшихся в ряду поколений как готовые формулы, способные оживиться новым настроением, вызвать новообразования? . . . Современная повествовательная литература с ее сложной сюжетностью и фотографическим воспроизведением действительности, по-видимому, устраняет саму возможность подобного вопроса; но, когда для будущих поколений она очутится в такой же далекой перспективе, как для нас древность, от доисторической до средневековой, когда синтез времени, этого великого упростиеля, пройдя по сложности явлений, сократит их до величины точек, уходящих вглубь, их линии сольются с теми, которые открываются нам теперь, когда мы оглянемся на далекое поэтическое творчество, — и явления схематизма и повторяемости водворятся на всем протяжении» (с. 106, цит. по: А. Н. Веселовский. Поэтика сюжетов, Спб., 1913, с. 2).

Эти высказывания весьма глубоки, но по крайней мере из цитированного пассажа не вытекает, на каком основании будет произведена дифференциация, если возникнет желание понять природу и основу разновидностей литературного произведения за пределами его единства.

Пропп почувствовал эту проблему, и последняя часть его работы состоит в попытке, столь же робкой, сколь и изобретательной, ввести классификационный принцип: есть только одна сказка, но это архи-сказка, состоящая из четырех логически связанных групп функций. Если мы назовем их 1, 2, 3, 4, то реальные сказки будут распределены по четырем категориям, соответственно тому, используют ли они все четыре группы, либо три группы, которые (в силу своей логической связи) могут быть только 1, 2, 4 или 1, 3, 4, либо две, которые тогда должны быть 1, 4.

Но это разделение на четыре категории практически оставляет нас так же далеко от реальных сказок, как и одна-единственная, поскольку каждая категория объединяет еще десятки или сотни разных сказок. Проппу это так хорошо известно, что он продолжает: «По разновидностям этого (обязательного. — Л.-С.) элемента и можно вести дальнейшую классификацию. Таким образом, в первую голову для каждого разряда пойдут сказки о похищении человека, затем о похищении талисмана и т. д. сквозь все разновидности элемента А (нанесение вреда. — Л.-С.). Затем пойдут сказки. . . о поисках невесты, о поисках талисмана и т. д.» (с. 92). Что же сказать, кроме того, что морфологические категории не исчерпывают реальности и что после изгнания содержания как неспособного быть клас-

сификационной базой его снова восстанавливают в правах, поскольку морфологические попытки не удались?

Есть еще нечто более серьезное. Мы видели, что основная сказка, лишь частичную реализацию которой представляют все сказки, состоит из двух ходов, где одни функции являются повторяющимися, варьирующими друг друга, а другие принадлежат только данному ходу. Эти последние функции (для первого хода) следующие: «борьба», «клеймение героя», «победа», «ликвидация недостачи», «возвращение», «преследование героя», «спасение» и (для второго хода): «неузнанное прибытие героя», «трудная задача», «решение задачи», «узнавание героя», «обличение ложного героя», «трансфигурация героя».

На чем основана дифференциация этих двух рядов? Нельзя ли трактовать их просто как два варианта, где «трудная задача» была бы трансформацией «борьбы»³, «решение» — «победы», «трансфигурация» — «клеймения»? В этом случае рухнула бы теория основной «двухходовой» сказки, а вместе с ней хрупкая надежда на полноту морфологической классификации. Действительно, тогда бы осталась только одна сказка. Но она свелась бы к абстракции, столь смутной и общей, что ничего не сообщала бы нам об объективных основаниях, обеспечивающих существование множества отдельных сказок.

* * *

Анализ испытывается синтезом. Если синтез оказывается невозможен, значит, анализ был неполным. Ничто не может убедить в несостоятельности формализма лучше, чем неспособность восстановить эмпирическое содержание того момента, из которого он тем не менее исходил. Что же он потерял по дороге? Именно содержание. Пропп открыл — себе во славу, — что содержание сказок *изменчиво*; из этого он слишком часто делает вывод, что оно *случайно*, в чем и состоит основа трудностей, с которыми он сталкивается, потому что даже замены подчинены законам⁴.

В мифах и сказках индейцев Северной и Южной Америки одни и те же действия приписаны в зависимости от сюжета разным животным. Рассмотрим для простоты птиц: орла, сову, ворона. Различать ли нам здесь, как это делает Пропп, постоянную функцию и меняющихся персонажей? Нет, потому что каждый персонаж не дан в виде непроницаемого элемента, перед которым должен остановиться структурный анализ, говоря себе: «Дальше мы не пойдем». Можно, конечно, считать иначе, если — в духе Проппа — рассматривать повествование как закрытую систему. В самом деле, повествование не содержит информации о себе самом, и персонаж в нем сравним со словом, встретившимся в источнике, но не вошедшим в словарь, или с собственным именем, т. е. с термом, лишенным контекста.

Но по-настоящему понять смысл термина — это прогнать его через все контексты. В случае фольклора контексты прежде всего заданы совокупностью вариантов, т. е. системой совместимостей и несоуме-

стимостей, которая характеризует изменяющуюся совокупность. То, что в одной и той же функции орел появляется днем, а сова ночью, уже позволяет определить первого как дневную сову, а вторую — как ночного орла, а это означает, что постоянной здесь является оппозиция дня и ночи. Если рассматривается фольклор этнографического типа, то появятся другие контексты, обеспеченные ритуалом, религиозными верованиями, суевериями и позитивными знаниями. Тогда скажется, что орел и сова, противопоставленные друг другу по линии день — ночь, вместе противопоставлены ворону как грабителю, сборщику надали; утка же противопоставляется всем троем в рамках новой оппозиции между парой небо /земля и парой небо /вода. Далее таким образом будет определен «сказочный универсум», распадающийся на пары оппозиций, по-разному комбинирующиеся в одном и том же персонаже, который хотя и далек от того, чтобы образовать единство по аналогии с фонемой в понимании Р. Якобсона, но является «пучком дифференциальных признаков». Подобно этому в американских нарративах иногда упоминаются деревья, например слива или яблоня. Было бы равным образом неверно считать, что важно только понятие «дерево», а его конкретные реализации случайны и что существует функция, «выполнителем» которой регулярно является дерево. Список контекстов реально показывает, что в философском плане в сливе туземца интересует ее плодородие, в то время как яблоня привлекает его внимание мощностью и глубиной корней. Одно дерево вводит, таким образом, функцию «позитивное плодородие», другое — функцию «негативный переход земля — небо», и оба объединяются понятием «растение». Яблоня, в свою очередь, противопоставляется дикой репе (пробке, затыкающей отверстие между двумя мирами), реализующей функцию «позитивный переход небо — земля».

С другой стороны, внимательное изучение контекстов позволяет устранить мнимые различия. Мифологические повествования индейцев прерий об охоте на орлов сообщают об одном виде животных, который идентифицируется то как россомаха, то как медведь. Можно сделать выбор в пользу первого, поскольку индейцы используют свойства россомахи, роющей в земле ловушки: охотники на орлов действительно прячутся в ямы, и оппозиция орел/россомаха становится оппозицией небесной добычи и хтонического охотника, т. е. наиболее сильной оппозицией в рамках «охоты». С другой стороны, эта максимальная амплитуда между терминами, вообще не столь четко разграниченными, объясняет, что охота на орлов подчиняется особенно строгому ритуалу⁵.

Утверждать, как мы это делаем, что изменчивость содержания нельзя приравнивать к случайности, — значит сказать, что, если довести схему до достаточно глубокого уровня, за различием можно обнаружить постоянство. И, наоборот, предполагаемое постоянство формы не должно скрывать от нас, что функции, в свою очередь, изменяются.

Структура сказки, как ее выводит Пропп, предстает в виде хронологической последовательности качественно различных функций, каждая из которых образует независимый «род». Можно спросить себя — как в случае персонажей и их атрибутов, — не слишком ли он рано останавливает анализ, ища форму слишком близко от уровня непосредственного наблюдения. Многие из различаемых им тридцати одной функции представляются сводимыми или уподобляемыми одной и той же функции, появляющейся в разные моменты повествования и подвергнутой при этом одной или нескольким трансформациям. Мы высказали мысль, что ложный герой может быть трансформацией вредителя, трудная задача — трансформацией испытания и т. д. (см. выше) и что в этих случаях оба конституирующих хода основной сказки, в свою очередь, находятся в отношении трансформации.

Не исключено, что такое сведение может быть продолжено еще дальше и что каждый отдельно взятый ход разлагается на небольшое число повторяющихся функций таким образом, что многие выделенные Проппом функции реально образуют группу трансформаций одной и той же функции. Так, «нарушение» можно было бы трактовать как инверсию «запрета», а «запрет» — как негативную трансформацию «приказа». «Отлучка» героя и его «возвращение» будут одной и той же функцией дизъюнкции, выраженной негативно или позитивно; «поиски» героя (он ищет что-то или кого-то) будут конверсией «преследования» (его преследует нечто или некто) и т. д. Другими словами, вместо хронологической схемы Проппа, где порядок следования элементов является свойством структуры $A, B, C, D, E, \dots, M, N, H, \dots, T, U, V, W, X$, следовало бы принять другую схему, являющуюся моделью структуры, определяемой как группа трансформаций небольшого числа элементов. Эта схема имела бы вид матрицы с двумя, тремя или более параметрами:

$$\begin{array}{ccccccc}
 w & -x & \frac{1}{y} & 1-z & & & \\
 -w & \frac{1}{x} & 1-y & z & \dots & & \\
 \frac{1}{w} & 1-x & y & -z & & & \\
 1-w & x & -y & \frac{1}{z} & & & \\
 \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots
 \end{array}$$

где система операций приближается к Булевой алгебре.

В другой работе я показал, что только эта схема может выразить двойной характер времени, как оно представлено в любой системе мифа: повествование одновременно осуществляется «во времени» (где оно состоит в последовательности событий) и «вне времени»

(его сигнификативная значимость всегда актуальна) ⁶. Возвращаясь к теории Проппа, можно сказать, что данная схема имеет и еще одно преимущество, примиряя гораздо лучше, чем это делает сам Пропп, теоретический принцип постоянства последовательности функций с эмпирически очевидными перестановками некоторых функций или групп функций, наблюдаемыми в сказках (с. 97—98). Если принять нашу концепцию, порядок хронологического следования растворяется во вневременной матричной структуре, форма которой действительно постоянна; перестановки же функций суть не что иное, как один из видов замещения (в вертикальных столбцах или в их фрагментах).

* * *

Безусловно, эта критика направлена против метода Проппа и против его выводов. Правда, мы не сумели достаточно подчеркнуть, что он и сам обращал ее на себя и что в некоторых местах он с совершенной ясностью формулирует выводы, только что приведенные нами. Обратимся снова с этой точки зрения к двум основным рассматриваемым темам нашего обсуждения: постоянству содержания (вопреки его изменчивости) и переменности функций (вопреки их постоянству).

Одна глава работы Проппа (VIII) называется «Об атрибутах действующих лиц и их значениях» (курсив мой. — Л.-С.). В достаточно неясных терминах (по крайней мере в английском переводе) Пропп обсуждает выступающую на поверхность переменность элементов. Она не исключает повторяемости, поэтому можно выделить формы основные и производные, или гетеронимные. На этой основе выводится «интернациональная» модель «национальных» или «региональных» моделей и, наконец, моделей, характерных для определенных социальных или профессиональных групп: «Группируя материал каждой рубрики, мы можем определить все способы или, вернее, все виды трансформаций» (с. 80).

Итак, если, исходя из основных форм, присущих каждой группе, восстанавливается сказка-тип, то оказывается, что эта сказка содержит в себе некоторые абстрактные представления. Испытания, которым даритель подвергает героя, могут меняться от сказки к сказке, но при этом они предполагают постоянное притяжение одного персонажа к другому. То же самое касается и задач, ставящихся перед пленной царевной. Между этими выраженными в формулах устремлениями обнаруживается нечто общее. При сравнении формул с другими атрибутами «мы неожиданно получаем такую же связную цепь в логическом плане сказки, как и в плане художественном. . . даже такие подробности, как золотые волосы царевны. . . приобретают совершенно особое значение и могут быть изучены. Изучение атрибутов дает возможность научного толкования сказки» (с. 81—82).

Не располагая этнографическим контекстом (который в лучшем случае можно было бы получить только историческими изысканиями),

Пропп отказывается от этой программы сразу после того, как он ее сформулировал, и откладывает до лучших времен (что объясняет его возвращение к изучению пережитков и к сравнительно-историческому анализу): «Однако все это мы высказываем в виде предположения». Тем не менее «изучение атрибутов действующих лиц, лишь намеченное нами, чрезвычайно важно» (с. 82). Даже если оно предварительно сводится к инвентарю, который сам по себе малоинтересен, оно побуждает к рассмотрению «законов трансформаций и отвлеченных представлений, которые отражаются в основных формах этих атрибутов» (с. 82).

Пропп касается здесь самой сути проблемы. За атрибутами, сначала отвергнутыми как случайный и лишенный значения остаток, он предчувствует «отвлеченные представления» и «логический план», существование которого, если бы он был установлен, позволило бы рассматривать сказку как миф (с. 81).

Примеры, касающиеся второй темы, собраны в приложении. Они показывают, что Пропп иногда без колебаний вводит такие понятия, как «негативная функция» и «обращенная функция». Для последней он даже использует специальный символ ($\equiv$). Выше мы видели, что некоторые функции взаимоисключаемы. Есть и другие функции, которые имплицируют друг друга, например: «запрет» и «нарушение», с одной стороны, «обман» и «поддача обману» — с другой, при том что эти пары чаще всего несовместимы⁷ (с. 98). Отсюда вытекает проблема, четко поставленная Проппом: «Связаны ли разновидности одной функции непременно с соответствующей разновидностью другой функции?» (с. 98—99). Для некоторых функций они связаны всегда («запрет» и «нарушение», «борьба» и «победа», «клеймение» и «узнавание» и т. д.), для других — только иногда, некоторые корреляции могут быть необратимыми, другие — обратимыми (бросание гребешка всегда связано с прямой погоней, но обратное неверно). «Таким образом, есть как бы односторонние и двусторонние заменяемые элементы» (с. 99).

В одной из предыдущих глав Пропп анализировал возможные связи между разными формами «испытания героя дарителем» и связи, образованные «передачей герою волшебного помощника»; из этого он сделал вывод о существовании двух типов связей в зависимости от того, носит ли передача характер покупки или нет (с. 46). Применяя эти и другие правила того же типа, Пропп предполагает возможность экспериментальной проверки всех своих гипотез. Достаточно было бы приложить к синтезированию сказок систему совместимостей и несовместимостей, импликаций и корреляций (полных или частичных). Тогда можно было бы увидеть, как эти «схемы оживают, они становятся сказками» (с. 101).

* * *

Конечно, прибавляет Пропп, это было бы возможно лишь при условии распределения функций между традиционными или выдуманскими персонажами и при использовании мотивировок, связей и всех других вспомогательных элементов, в выборе которых сказочник «абсолютно свободен» (с. 102). Еще раз скажем, что это не так и что колебания Проппа в этом пункте свидетельствуют, что его попытка — такой она показалась и ему самому — безуспешна.

Исходные индейские мифы западных пуэбло начинаются рассказом о появлении первых людей из глубин земли, где они первоначально жили. Это появление должно быть мотивировано, и оно мотивируется двояко: либо тем, что люди осознают свое жалкое положение и хотят от него избавиться, либо тем, что боги обнаруживают собственное одиночество и вызывают людей на поверхность земли, чтобы те могли возносить молитвы и поклоняться им. Здесь опознается описанная Проппом ситуация «недостачи», но при этом мотивированная в одном случае с точки зрения людей, в другом — с точки зрения богов. Это изменение мотивировки от одного варианта к другому в столь малой степени случайно, что оно влечет за собой коррелятивную трансформацию целой серии функций. В конце концов оно сводится к разным способам постановки проблемы соотношения между охотой и земледелием⁸. Но было бы невозможно прийти к этому объяснению, если бы обряды, технические приемы, знания и верования данных народностей не могли быть изучены социологически и независимо от их отражения в мифе. Иначе мы оказались бы в замкнутом круге.

Заблуждение формализма, таким образом, удваивается. Держась исключительно правил, которые предшествуют расположению предложений, он теряет из виду то, что не существует языка, словарь которого выводился бы из синтаксиса. Изучение любой языковой системы требует участия и грамматиста и филолога, и это позволяет сказать, что в отношении фольклора морфология бесплодна, пока ее не оплодотворят прямые или косвенные этнографические наблюдения. Представить себе, что эти две задачи могут быть разъединены, что сначала можно взяться за грамматику, а лексику оставить напоследок, — значит навсегда обречь себя на создание обескровленной грамматики и такой лексики, где место определений будет занято анекдотами. В конце концов ни та, ни другая не выполняют своей миссии.

Это первое заблуждение формализма объясняется непониманием дополнительности между обозначающим и обозначаемым, после Соссюра признаваемой для любой языковой системы. Это заблуждение отягчается обратным заблуждением, которое состоит в том, что устная традиция приравнивается к обычному языковому выражению, где разные уровни неодинаково поддаются структурному анализу.

Признано, что язык структурирован на фонологическом уровне, постепенно пришли к тому, что он структурирован и на уровне грамматики.

Но в отношении лексического уровня существует меньшая уверенность. За исключением, может быть, нескольких особых областей, еще не установлено, под каким углом зрения лексика поддается структурному анализу.

Перенесение этой ситуации в фольклор объясняет различие Проппом единственного действительно морфологического уровня — уровня функций — и аморфного уровня, где сгрудились персонажи, атрибуты, мотивировки, связки, причем последний поддается только, как это считается и для лексики, историческому и литературоведческому анализу.

Эта аналогия не учитывает, что мифы и сказки как разновидности языка используют его «гиперструктурно». Они образуют, так сказать, метаязык, структура которого действительна на всех уровнях. Благодаря этому свойству они, конечно, должны быть прямо признаны сказками или мифами, а не историческими или художественными повествованиями. Будучи речью, они, несомненно, используют грамматические правила и слова из лексического набора. Но к привычному прибавляется и другой параметр, поскольку правила и слова служат здесь для построения образов и действий, являющихся «нормальными» обозначающими для обозначаемых речи и одновременно значащими элементами по отношению к дополнительной системе значений, которая развертывается в другом плане. Чтобы разъяснить это положение, скажем, что в сказке «король» — это не только король, а «пастушка» — пастушка; эти слова и их обозначаемые становятся осязаемыми способами для построения понятийной системы, образованной оппозициями мужской/женский (по отношению к *природе*) и высокий/низкий (по отношению к *культуре*) и всеми возможными сочетаниями этих шести термов.

Язык и метаязык, сочетание которых осуществляют сказки и мифы, могут обладать рядом общих уровней, причем эти уровни смещены. Оставаясь терминами речи, слова и мифемы функционируют как пучки дифференциальных элементов. С точки зрения классификации эти мифемы располагаются не только на уровне словаря, но и на фонологическом уровне с той разницей, что они имеют дело с разным *континуумом* (в одном смысле это данные чувственного опыта, а в другом — голосового аппарата), и с тем сходством, что *континуум* разлагается и с-лагается в соответствии с бинарными или тернарными правилами оппозиции и корреляции.

Проблема лексики выступает по-разному в зависимости от того, принадлежит ли она языку или метаязыку. То, что в американских мифах и сказках функцию трикстера может «выполнять» то койот, то норка, то ворон, ставит этнографическую и историческую проблему, сравнимую с филологическими исследованиями современной формы слова. Однако это совсем иная проблема, нежели определение того, почему один вид животного по-французски называется «vison», а по-английски — «mink». Во втором случае результат может считаться случайным и речь идет лишь о восстановлении пути, который

привел к той или иной словесной форме. В первом случае давление метаязыка гораздо сильнее, потому что составляющие единицы немногочисленны, а возможности их сочетаний ограничены. Таким образом, выбор делается между несколькими возможностями, существовавшими ранее.

Однако, присмотревшись поближе, можно увидеть, что это различие, по видимости количественное, на самом деле относится не к количеству составляющих единиц (оно не такого порядка по величине, если сравнивать с фонемами и мифемами), но к характеру этих составляющих единиц, в обоих случаях качественно различных.

Согласно классическому определению, фонемы суть элементы, лишённые значения, которые своим наличием или отсутствием служат для различения термов — слов, обладающих смыслом. Если слова кажутся случайными по своей звуковой форме, то не только потому, что они являются совершенно случайным результатом (может быть, в меньшей степени, чем думают) возможных фонемных комбинаций, число которых в каждом языке весьма велико. Случайность словесных форм в большой степени объясняется тем, что их составляющие — фонемы — сами по себе неопределенны в отношении содержания: ничто не заставляет определенные сочетания звуков выражать тот или иной смысл. Как мы уже попытались показать в другом месте, структурирование словаря происходит на другой стадии: *a posteriori*, а не *a priori* ⁹.

По-другому обстоит с мифемами, поскольку они являются результатом функционирования бинарных или тернарных оппозиций (что делает возможным их сравнение с фонемами), не имеющих дело с элементами, в языковом плане уже снабженными значениями — это «абстрактные представления», о которых говорит Пропп, — и выражены словами из лексического набора. Заимствуя неологизм из строительной техники, можно было бы сказать, что в отличие от слов мифемы «предварительно напряжены». Конечно, это все еще слова, но слова в двойном смысле — *слова слов*, функционирующие одновременно в двух планах: в языковом, где они сохраняют свое собственное значение, и в метаязыковом, где они выступают как элементы со сверхзначением, которое может проявиться только из их соединения.

При этом допущении понятно, что ничто в сказках и мифах не может остаться чуждым и сопротивляющимся структуре. Даже словарь, т. е. содержание, предстает в них лишенным того характера *natura naturans* *, на который ссылаются, быть может, ошибочно, чтобы увидеть в нем нечто совершающееся непредсказуемым и случайным образом. Словарь сказок и мифов понимается как *natura naturata* **: как данность, обладающая своими законами, предписывающими реальности и самому видению внутри мифа определен-

* «Природа природствующая» (примеч. пер.),

** «Природа оприродованная» (примеч. пер.),

ное разбиение. Для этого последнего свобода состоит лишь в поисках того, в каком порядке можно расположить кусочки мозаики, число, смысл и очертания которых предварительно установлены.

Мы вскрыли заблуждение формализма, состоящее в уверенности в том, что можно приступить непосредственно к грамматике и оставить в стороне лексику. Но то, что верно для любой языковой системы, еще более верно для мифов и сказок, потому что в этом случае грамматика и лексика не только тесно связаны в своем функционировании на разных уровнях: грамматика и лексика примыкают одна к другой по всему пространству и полностью покрывают одна другую. В отличие от языка, где ставится еще проблема словаря, метаязык не содержит никакого уровня, элементы которого не были бы результатом вполне определенных и правильно произведенных операций. В этом смысле все в нем является синтаксисом. Но в другом смысле он также является и словарем, поскольку дифференциальные элементы — это слова; мифемы — тоже слова; функции, эти мифемы в квадрате, выражаются словами (что очень хорошо заметил Пропп), и можно допустить, что существуют такие языки, где миф, как он есть, может быть целиком выражен одним словом.

POST-SCRIPTUM

В итальянском издании своей работы (*Morfologia della fiaba. Con un intervento di Claude Lévi-Strauss e una replica dell'autore. A cura di Gian Luigi Bravo, Giulio Einaudi editore. Torino, 1966*) Пропп ответил на эту статью в высшей степени обиженно. По настоянию итальянского издателя и в то же время не желая продолжать спор, вызванный, как мне казалось, недоразумением, я ограничился кратким комментарием и, поскольку оригинал его не сохранился, восстанавливаю здесь приблизительное содержание.

«Все, кто прочел статью, которую я в 1960 г. посвятил провидческому труду Проппа и которую итальянский издатель включил в этот том, конечно, правильно поняли ее цель: дань уважения великому открытию, предвосхитившему на четверть века попытки, предпринятые в этом же направлении другими.

И вот с удивлением и сожалением я обнаруживаю, что русский ученый, заслуженную славу которого я стремился скромно поддерживать, увидел в моем очерке нечто совершенно иное: не полное уважения обсуждение некоторых теоретических и методологических аспектов его труда, но вероломное нападение.

Я не хочу входить с ним в полемику по этому поводу. Очевидно, что, считая меня только философом, он обнаруживает полное незнание моих этнологических работ, в то время как на наших совместных вкладах в изучение и в интерпретацию фольклора мог бы быть основан плодотворный обмен мнениями.

Но каковы бы ни были выводы, которые лучше информированные читатели могут извлечь из этого столкновения, в их глазах, как и в моих, труд Проппа вечно сохранит ценность первенства».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ V. P r o p p. Morphology of the Folktale. — «International Journal of American Linguistics». Vol. 24, 1958, № 4, octobre. О русской формальной школе см.: V. E r l i c h. Russian Formalism. La Haye, 1955; В. T o m a s h e v s k y. La nouvelle école d'histoire littéraire en Russie. — «Revue des études slaves». Vol. 8, 1958.

² Иллюстрацию гипотез этого типа см. в нашей работе «Как умирают мифы» (публикуется в настоящем сборнике).

³ Или еще предшествующего им «испытания героя дарителем».

⁴ Попытку одновременного восстановления формы и содержания см. в работе «Деяния Асдиваля» (публикуется в настоящем сборнике).

⁵ Об этом см. мои работы: Rapports de la mythologie et du rituel. — Annuaire de l'Ecole pratique des hautes études. Section des sciences religieuses (1954—1955). P., 1955, с. 25—27; La chasse rituelle aux aigles. — Там же (1959—1960). P., 1961, с. 39—42; La pensée sauvage. P., 1962, с. 66—71.

⁶ См.: C. L é v i - S t r a u s s. Anthropologie structurale. P., 1958, с. 231.

⁷ Эта вторая система несовместимостей охватывает функции, которые Пропп называет из-за их случайного характера подготовительными. Напомним, что для Проппа основные функции содержат только одну пару несовместимостей.

⁸ C. L é v i - S t r a u s s. Anthropologie structurale, гл. XI; см. также: о н ж е. Recherches de mythologie américaine (I) (II). — Annuaire de l'Ecole pratique des hautes études. Section des sciences religieuses. P., 1952—1953, с. 19—21, и 1953—1954, с. 27—29.

⁹ C. L é v i - S t r a u s s. Anthropologie structurale, гл. V.

ДЕЯНИЯ АСДИВАЛЯ *

I

Анализ индейского мифа с тихоокеанского побережья Канады преследует здесь двойную цель. С одной стороны, разделить и сравнить разные уровни, на которых развивается миф: географический, экономический, социологический, космологический, при том что каждый из этих уровней и его символика предстают как трансформация некоей глубинной и общей всем уровням логической структуры. С другой стороны, сравнить между собой различные версии, чтобы интерпретировать расхождения между ними или между некоторыми из них, поскольку эти отклонения в мифе одного и того же народа (записанном, однако, в разных территориальных пунктах) не могут объясняться различиями в верованиях, языке или общественных институтах.

Деяния Асдиваля, миф индейцев-цимшиан, известны нам в четырех версиях, собранных более шестидесяти лет назад Францем Боасом и опубликованных в следующих работах:

F r a n z B o a s. Indianische Sagen von der Nord-Pacifischen Küste Amerikas. В., 1895 (далее — [Боас, 1895]);

О н ж е. Tsimshian Texts. — Smithsonian Institution. Bulletin 27, Bureau of American Ethnology. Wash., 1902 (далее — [Боас, 1902]);

О н ж е. Tsimshian Texts (New Series). — «Publications of the American Ethnological Society». Vol. 3. Leyden, 1912 (далее — [Боас, 1912]).

О н ж е. Tsimshian Mythology. — Smithsonian Institution. 31st Annual Report. Bureau of American Ethnology (1909—1910). Wash., 1916 (далее — [Боас, 1916]).

Сначала следует напомнить некоторые факты, знание которых необходимо для понимания мифа.

Индейцы-цимшиан, как и тлинкиты и хайда, входят в северную группу культур северо-западного побережья Тихого океана. Их поселения находятся на территории Британской Колумбии, непосредственно на юг от Аляски, и занимают бассейны рек Насс и Скина

* Переведено по: С. L é v i - S t r a u s s. La geste d'Asdiwal. — Annuaire de l'École pratique des hautes études. Section des sciences religieuses (1958—1959). P., 1958, с. 3—43.

вместе с прибрежным районом, лежащим между их устьями, а в глубину — территорию, которую охватывают эти реки со своими притоками. Насса на севере, Скина на юге текут в направлении с северо-востока на юго-запад и почти параллельны, хотя у Насса ориентация север—юг выражена несколько четче — деталь, не лишенная значения, как будет видно из дальнейшего.

Эта территория была разделена между тремя локальными группами, различающимися по диалектам: в верхнем течении Скины — гитскан, в нижнем течении, в прибрежном районе — собственно цимшиан, а в долинах Насса и его притоков — ниска. Три версии деяний Асдиваля были записаны на побережье на диалекте цимшиан [Боас, 1895, с. 285—288; Боас, 1912, с. 71—146; Боас, 1916, с. 243—245 и сравнительный анализ с. 792—824]; четвертая — в устье Насса на диалекте ниска [Боас, 1902, с. 225—228]; именно она содержит наиболее важные отличия от остальных.

Как и все народы северо-западного побережья Тихого океана, цимшиан не занимались земледелием. Летом они собирали дикорастущие плоды, ягоды, растения и корни, что было занятием женщин, в то время как мужчины охотились: в горах — на медведей и коз, а в прибрежных скалах — на тюленей; кроме того, они ловили рыбу: в открытом море — главным образом треску и камбалу, а у берега — сельдь.

Однако глубже всего воздействовало на жизнь племени речное рыболовство с его сложным ритмом. В то время как ниска были относительно оседлыми, цимшиан в зависимости от времени года перемещались от своих зимних поселений, расположенных в прибрежной зоне, до рыболовных мест либо на Нассе, либо на Скине.

К концу зимы, когда запасы копченой рыбы, сушеного мяса, жира и консервированных плодов бывали на исходе или даже полностью исчерпаны, индейцы жестоко голодали; отражение этого будет видно в мифе. Тогда они напряженно ждали появления свечи-рыбы, которая в течение приблизительно шести недель поднималась по Нассу (у истоков еще покрытому льдом) для нереста¹; это событие происходило приблизительно 1 марта, и все живущие на Скине в лодках плыли вдоль берега до Насса, чтобы занять места на являющихся семейной собственностью рыболовных участках. Период с 15 февраля по 15 марта не без основания назывался «рыбной трапезой», а следующий за ним, с 15 марта по 15 апреля, — «варкой свечи-рыбы» (для извлечения жира). Последняя операция, строго запрещенная мужчинам, производилась женщинами, которые должны были в качестве пресса использовать обнаженную грудь; отбросы, несмотря на тлетворный запах, вплоть до окончания работ червивели и гнили в непосредственном соседстве с жильем [Боас, 1916, с. 398—399 и 44—45]. Затем все возвращались той же дорогой к Скине в ожидании второго важнейшего события — появления лосося, которого ловили в июне—июле («месяцы лосося»). Приготовив и убрав годовой запас вяленой рыбы, семьи отправлялись в горы, где мужчины охо-

тились, а женщины запасали плоды и ягоды. Когда вместе с морозом приходил ритуальный месяц «игры в волчок» (его запускали на льду), жители располагались на зимовку в постоянных деревнях. В этот период мужчины иногда на несколько дней или недель отправлялись на охоту. Наконец, к 15 ноября наступал «месяц табу»: с него начинались большие зимние церемонии, в преддверии которых мужчины подвергались различным запретам.

Напомним также, что цимшиан были распределены по четырем матрилинейным кланам, не локализованным, но строго экзогамным и разделенным на роды, поколения и дома: Орлы, Вороны, Волки и Касатки; постоянные деревни были, кроме того, местопребыванием вождей (обычно называемые туземными информаторами «племенами»); наконец, социальная организация цимшиан покоилась на более или менее строгом и иерархическом порядке наследования по двусторонней линии, согласно которому любой индивид, обязанный жениться в соответствии со своим рангом, принадлежал к одной из трех категорий: «настоящие люди», или правящие семьи, «мелкая знать» и «народ», включавший (за отсутствием возможности откупиться щедрым *потлачом*) всех, кто не мог похвалиться одинаковой знатностью по двум линиям ².

II

Теперь краткое изложение деяний Асдиваля по взятой в качестве основной версии [Боас, 1912]. Эта версия была записана на побережье, в Порт-Симпсоне, на диалекте цимшиан. Боас опубликовал индейский текст со своим переводом на английский.

Голод царит в долине Скины, река замерзла, зима. Мать и дочь, мужа которых умерли от голода, вспоминают о тех счастливых временах, когда они жили вместе и когда еды было вдоволь. Овдовев и став поэтому свободными, они задумывают вновь соединиться и одновременно пускаются в путь. Поскольку мать живет в низовьях, а дочь — в верховьях реки, первая направляется на восток, а вторая — на запад; обе они идут по замерзшей Скине, где и встречаются на полпути.

Плача от голода и тоски, обе женщины располагаются на отлогом берегу у подножия дерева; они находят одну-единственную стгнившую ягоду и в унынии делят ее между собой.

Ночью к молодой вдове приходит неизвестный. Вскоре выясняется, что его зовут Хатсенас (Hatsenas ³), на диалекте цимшиан это значит «птица добрых предзнаменований». С его помощью женщины начинают регулярно находить себе пищу, а младшая, став женой их таинственного покровителя, вскоре рождает сына Асдиваля (Asdiwal, Asiwa [Боас, 1895]; Asi-hwil [Боас, 1902] ⁴), рост которого сверхъестественно ускорен его отцом, передающим ему много чудесных предметов: лук и стрелы, поражающие на охоте без промаха, колчан, копые, корзину, лыжи, плащ и шапку; благодаря им герой будет пре-

одолевать все препятствия, становиться невидимым и добывать неисчерпаемые запасы пищи. Затем Хатсенас исчезает, а старшая из женщин умирает.

Асдиваль с матерью продолжают путь на запад и поселяются в ее родной деревне Гитсаласерт (Gitsalaseret), в долине Скины [Боас, 1912, с. 83].

Однажды туда спускается белая медведица. Преследуемая Асдивалем и с помощью чудесных предметов почти настигнутая, она начинает подниматься по отвесной лестнице. Асдиваль идет за ней до неба, представляющего перед ним в виде широкого цветущего зеленого луга. Медведица приводит его в дом своего отца, Солнца, где превращается в очаровательную молодую женщину — Вечернюю Звезду. Заключается брак, причем Солнце подвергает Асдиваля ряду испытаний, которых не выдержали все предыдущие претенденты (убить дикую козу на горе, где земля дрожит, достать воду из источника в глубине пещеры со сходящимися стенами, срубить на дрова дерево, падающее на того, кто его валит, войти в горящую печь), но которые Асдиваль проходит с блеском благодаря волшебным предметам и своевременной помощи отца. Плененное дарованиями зятя, Солнце в конце концов благосклонно принимает его.

Однако Асдиваль тоскует по матери. Солнце соглашается отпустить его на землю вместе с женой и дает в дорогу четыре корзины, наполненные неиссякаемой пищей, что обеспечивает им радушный прием у жителей деревни, где царит зимний голод.

Несмотря на многократные предостережения жены, Асдиваль изменяет ей с соплеменницей. Вечерняя Звезда, оскорбленная, уходит, а безутешный муж следует за ней. На полпути между небом и землей жена поражает Асдиваля молнией и исчезает. Он умирает, ей тут же делается его жаль, и небесный тесть воскрешает героя.

Какое-то время все идет хорошо, затем Асдиваль вновь начинает тосковать по земле. Жена соглашается проводить его до земли и там прощается с ним навсегда. Возвратясь в деревню, герой узнает, что мать его умерла; ничто больше его не удерживает, и он пускается в путь к низовьям.

Придя в Гинахангиоет (Ginaxangioet), город цимшиан, он соблазняет дочь местного вождя и женится на ней. Сначала это счастливый брак, и охота на диких коз, которую неоднократно предпринимает Асдиваль вместе с четырьмя братьями жены, всегда увенчивается успехом благодаря использованию им чудесных предметов. С приближением весны семья трогается с места, некоторое время живет в Метлакатла (Metlakatla), затем плывет на лодке к Нассу, поднимаясь вдоль берега. Встречный ветер препятствует им, и они останавливаются на какое-то время в Ксемаксене (Ksemaksén). Там отношения портятся из-за спора Асдиваля с братьями жены о том, где лучше охотиться — в горах или в море. Происходит состязание: Асдиваль возвращается с гор, убив четырех медведей, в то

время как братья приходят с моря с пустыми руками. Униженные и затаившие злобу, они уходят, уводя сестру и бросив Асдиваля.

Его подбирают пришедшие из Гитхатла (Gitxatla) чужестранцы, которые тоже направляются к Нассу на ловлю свечи-рыбы.

Как и в предыдущем случае, эта группа состоит из четырех братьев и сестры, на которой Асдиваль тут же женится. Они вместе добираются до Насса, где продают много свежего мяса и лосося изголовавшимся цимшиан, уже обосновавшимся в этих местах.

После удачной рыбной ловли все возвращаются: цимшиан — в свою столицу Метлакатла, гитхатла — в свой город Лахалан (Laxalan), где у Асдиваля рождается мальчик. Теперь он богат и славен. Однажды зимой он начинает хвалиться перед братьями жены своим умением охотиться на тюленя в открытом море. Они отправляются туда все вместе. С помощью своих чудесных предметов Асдиваль охотится необыкновенно успешно, и разозленные братья оставляют его без пищи и огня на рифе. Поднимается буря, на риф обрушиваются волны, но благодаря спасительному появлению отца Асдиваля, превращенному в птицу, удается держаться на волнах, причем опорой ему служат его чудесные предметы.

Через два дня и две ночи буря утихает, обессиленный Асдиваль засыпает. Мышь будит его и приводит в подземное обиталище тюленей (морских львов), которых он ранил, но которые считают (поскольку стрелы, выпущенные человеком, для них невидимы), что они стали жертвой какой-то болезни. Асдиваль извлекает стрелы и исцеляет своих хозяев, а взамен просит помочь ему вернуться на землю. К несчастью, плавучие средства тюленей — их желудки — пробиты охотничьими стрелами и потому не годятся. Тогда король тюленей предоставляет Асдиваля в качестве лодки свой собственный желудок, взяв обещание, что по прибытии на сушу он немедленно возвратит его. Причалив к берегу, герой видит безутешную жену и сына. С помощью этой хорошей жены (но плохой сестры, ибо она исполняет обряды, необходимые для успеха задуманной героем мести) Асдиваль в качестве приманки вырезает из дерева касаток и оживляет их, чтобы они, опрокидывая лодки ударами плавников, вызвали катастрофу и гибель злых братьев.

Но Асдиваль вновь испытывает непреодолимую тоску по местам своего детства. Он покидает жену и возвращается в долину Скины. Там он поселяется в городе Гинадаос (Ginadaos), где к нему приходит сын, которому он отдает лук и чудесные стрелы, а от него получает собаку.

Приходит зима, Асдиваль отправляется в горы на охоту, но забывает лыжи. Заблудившись, он не может без них ни подняться, ни спуститься; он, его копы и собака превращаются в камень. Еще сейчас можно видеть их на вершине большой горы у озера Гинадаос [Боас, 1912, с. 71—147],

III

Будем пока придерживаться только этой версии, пытаюсь выделить ее основные составные части. Повествование соотносится с фактами разного порядка. Прежде всего, это физическая и политическая география страны цимшиан, поскольку упомянутые в нем места и города существуют реально; затем, экономическая жизнь индейцев, определяющая, как было показано, большие сезонные миграции между долинами Скины и Насса (с ними связаны и приключения Асдиваля); в-третьих, социальная и семейная организация, поскольку мы присутствуем при нескольких браках, разводах, вдовствах и связанных с ними инцидентах; наконец, космология, потому что два путешествия Асдиваля — на небо и под землю — в отличие от других имеют характер мифа, а не отражения жизненного опыта.

Начнем с географических рамок ⁵.

Действие рассказа начинается в долине Скины, где на полпути встречаются обе героини, вышедшие одна из деревни в верховьях, другая — из деревни в низовьях. В версии, записанной [Боасом в устье Насса, уточнено, что место встречи (в этой версии — на Нассе) называется Hwil-lê-nehwada 'Там-где-они-встретились' [Боас, 1902, с. 225].

После смерти матери молодая женщина с сыном поселяются в ее родной деревне (т. е. в деревне ее отца, где жила ее мать от замужества до вдовства): это деревня в низовьях. Там происходит эпизод посещения неба. Эта деревня под названием Гитсаласерт 'Люди каньонов' (Скины) была расположена недалеко от современного города Уск (Usk) ⁶. Хотя в деревне говорили на диалекте цимшиан, она была за пределами «девяти городов», образующих собственно провинцию цимшиан [Боас, 1912, с. 225].

После смерти матери Асдиваль продолжает двигаться к низовьям, т. е. к западу. Он обосновывается в городе Гинахангиоет, где и женится. Мы теперь в собственно стране цимшиан, в низовьях Скины. Действительно, название Гинахангиоет происходит от git 'люди' и gi.k 'канадская ель' (англ. hemlock tree), откуда — Gina-xangi.k 'Люди елей' ⁷, а Гинахангиоет был одним из девяти главных городов цимшиан ⁸.

Когда Асдиваль вместе семьей жены отправляется к Нассу на повлю свечи-рыбы, они добираются сначала до устья Скины, выходят к морю и останавливаются в столице цимшиан Метлакатла. Речь идет о старой (но весьма относительно старой) Метлакатла, новый город, носящий то же имя и основанный туземцами, обращенными в христианство, находится на острове Аннет на Аляске ⁹.

Старая Метлакатла расположена на побережье, севернее Принс-Руперта, на полпути между устьями Скины и Насса. Ксемаксен, где происходит первый спор и где Асдиваля первый раз бросают братья жены, находится на прибрежном острове, немного севернее.

Племя, говорящее на языке цимшиан, но независимое от племен,

сконцентрированных вокруг Метлакатла, и называемое Гитхатла, составляют островные жители, населявшие острова Мак-Каули и Дольфин. Их название образовано от *git* 'люди' и *qxatla* 'фарватер'¹⁰. После путешествия с востока на запад Асдиваль сопровождает их к Нассу, т. е. идет по маршруту, ориентированному с юга на север, а затем в обратном направлении до «их города», где в море (т. е., вероятно, на западе, поскольку речь идет именно об открытом море) происходит визит к тюленям.

Оттуда Асдиваль возвращается к Скине, т. е. на этот раз с запада на восток. Повествование кончается в Гинадаосе; несомненно, Гинадоикс (*Ginadoiks*) — от *git* 'люди', на 'из', *doiks* 'быстрый поток' — название реки, впадающей в Скину¹¹.

Рассмотрим теперь экономический аспект. Те виды деятельности, в которые миф вовлекает героев, не менее реальны, чем упомянутые выше географические места и народности.

Все начинается зимним голодом, хорошо знакомым аборигенам в период с середины декабря до середины января, перед ожидаемым весенним ходом лосося, который начинается вскоре после хода свечи-рыбы, так сказать, в промежуточный период (интервал) [Боас, 1916, с. 398—399].

После путешествия на небо Асдиваль принимает участие в весенней миграции к Нассу для ловли свечи-рыбы, затем мы присутствуем при возвращении семей на Скину в сезон лосося.

Этим сезонным вариациям, повторяя выражение Марселя Мосса, сопутствуют другие различия, не менее реальные, и среди них, что подчеркивает миф, различие между охотником на суше (воплощенным в Асдивале, родившемся на реке, и притом в верховьях, т. е. в глубине материка) и охотником на море, воплощенным сначала в «Людях елей», живущих в низовьях, в устье, а затем, еще более четко, в жителях островов Мак-Каули и Дольфин.

В отношении социологического аспекта обнаруживается большая свобода. Здесь речь идет не о точном и как бы документальном отражении туземной действительности, а о своего рода контрапункте, который то идет параллельно этой действительности, то как бы удаляется от нее и потом снова к ней возвращается.

Начальная цепочка событий в мифе отражает определенные социологические условия. Мать и дочь были разлучены замужеством последней, и с тех пор каждая жила со своим мужем в его деревне. Муж старшей из женщин одновременно был отцом младшей, покинувшей родную деревню, чтобы идти за мужем к верховьям. Это идентифицирует общество, где, хотя родство и строится по матрилинейному принципу, расселение патрилокально, т. е. жена переходит жить в деревню мужа, и где дети, хотя они принадлежат к материнскому клану, воспитываются у отца, а не у родственников по матери.

Таково было положение у цимшиан. Боас неоднократно его подчеркивает: «Прежде был обычай, чтобы великие вожди брали в жены знатных девушек из каждого племени. Поэтому у некоторых из них

было не менее шестнадцати или восемнадцати жен», что было бы невозможно, если бы муж должен был жить в родной деревне жены. И вообще, говорит Боас, «многочисленные факты указывают на то, что молодая пара жила у родителей мужа», так что «дети росли в отцовском доме»¹².

Итак, в мифе этот патрилокальный вид расселения оказывается резко нарушенным — из-за голода, который освобождает обеих женщин от соответствующих обязательств и позволяет им после смерти мужей вновь соединиться на полпути. Это подчеркнуто тем, что их стоянка у подножия дерева на берегу замерзшей реки, расположенная на равном расстоянии между верховьями и низовьями, представляет собой матрилокальный вид расселения, сведенный к простейшему выражению, поскольку новое семейство состоит лишь из матери и дочери.

Это едва намеченное перевертывание тем более примечательно, что все последующие браки матрилокальны, т. е. противоположны реальному типу.

Такова прежде всего женитьба Хатсенаса на младшей из женщин. При всей мимолетности этого союза между земной женщиной и сверхъестественным существом муж тем не менее не живет при жене и ее матери. Матрилокальный оттенок становится еще более явным в версии, записанной на реке Насс. Хатсенас (здесь его зовут Хоух (Hôux), после того как его сын Аси-хвиль вырастает, говорит жене: «Твои братья отправились за тобой и скоро придут. Мне надо спрятаться в лесу». Немного погодя появляются братья и потом уходят, нагруженные запасами мяса, принесенного женщинам их покровителем. «Как только они ушли, Хоух вернулся. Они (женщины) ему сказали, что братья и дядья звали их с собой в деревню. Тогда Хоух сказал: „Расстанемся. Вы возвращайтесь к себе, а я пойду к себе“. На следующее утро за женщинами и ребенком пришла целая толпа. Их привели в Гитхаден. Дядья мальчика устроили праздник, и мать объявила имя, которое она ему дала: Аси-хвиль. . .» [Боас, 1902, с. 227].

Мало того, что муж здесь представлен незаконно вторгшимся — братья к нему враждебны, а он боится их нападения, — но и поставка пищи идет от мужа сестры к братьям жены в противоположность тому, что реально происходит у цимшиан и в других обществах, характеризующихся сочетанием матрилинейности с патрилокальным расселением¹³.

Матрилокальный брак, сопровождаемый антагонизмом между мужем и семьей жены, иллюстрируется также браком Асдиваля и Вечерней Звезды: супружеская пара живет у отца жены, и тесть настолько враждебен к зятю, что подвергает его испытаниям, надеясь погубить.

Равным образом матрилокален и второй брак Асдиваля, у «Людей елей», сопровождаемый враждой между мужем и братьями жены, которые бросают его, принуждая сестру идти с ними.

Наконец, та же тема проступает в третьем браке, у «Людей фарватера», по крайней мере вначале, потому что потом, после путешествия Асдиваля к тюленям, ситуация перевертывается: Асдиваль вновь обретает жену, которая, отказавшись идти за братьями, бродила в поисках мужа. Более того, она помогает Асдивалю осуществить хитрость, благодаря которой ему удастся отомстить ее братьям. В конце торжествует патрилокальность: Асдиваль оставляет жену (в то время как в предыдущих браках жена оставляла его) и возвращается на родную Скину, где к нему присоединяется сын. Начатый рассказом о воссоединении матери и дочери, освобожденных от родственников по мужу или от отцовской родни, миф кончается рассказом о воссоединении отца и сына, освобожденных от родственников по жене или от материнской родни.

Если в социологическом плане инициальная и финальная цепочки мифа образуют оппозиционную пару, то в космологическом плане то же относится к двум сверхъестественным путешествиям героя, прерывающим его «реальный» путь. Первое путешествие приводит его на небо, в дом Солнца, которое сначала хочет убить его, а потом воскрешает. Второе путешествие приводит его в подземное царство тюленей, которых он сам убивал или ранил, а теперь, сжалившись, ухаживает за ними и лечит. Первое путешествие кончается, как мы видели, матрилокальным браком, свидетельствующим среди прочего о предельном экзогамном отклонении (брак между земным и небесным существами); однако этот брак будет разорван из-за измены Асдиваля с соплеменницей — как бы эскиза брака; если бы он осуществился, то, так сказать, нейтрализовал бы матрилокальность (тогда муж и жена были бы из одной деревни) и характеризовался бы эндогамной близостью, в свою очередь предельной (брак внутри деревни). Второе сверхъестественное путешествие, правда, не приводит к новому браку; тем не менее, как уже было показано, оно определяет перевертывание матрилокальной тенденции последовательных браков Асдиваля, разлучая его третьей женой с братьями, самого героя с женой, сына с матерью и оставляя единственное объединение — отца с сыном.

IV

Мы проанализировали миф, различая в нем четыре уровня: географический, техноэкономический, социологический и космологический. Два первых в точности передают реальность, четвертый отступает от нее, в то время как третий переплетает реальные и воображаемые общественные институты. Несмотря на различия, земное мышление не отделяет эти уровни друг от друга. Все происходит так, как если бы каждый из них представлял особый код, используемый в соответствии с нуждами момента и в пределах своих собственных возможностей, для передачи одного и того же сообщения, которое и будет теперь рассматриваться.

Зимний голод — повторяющееся явление в экономической жизни цимшиан. Но голод, приводящий в движение наш сюжет, кроме того, и космологичен. Дело в том, что в мифах северо-западного побережья Тихого океана современное состояние универсума объясняется резким нарушением исходного состояния, произведенным демиургом, Великаном или Вороном (Тхамсемом [Tхамsem] у цимшиан), который бродил по земле, чтобы утолить свою неудержимую прожорливость. Тхамсем, таким образом, постоянно голоден, и голод, хотя это и негативное условие, рассматривается как перводвигатель (*primum movens*) акта творения¹⁴. Можно сказать, что в этом смысле голод обеих женщин в нашем мифе имеет космическое значение и эти героини являются воплощением некоторых принципов в той степени, в какой они воплощают в себе легендарных персонажей, с которыми связано происхождение этих мест.

Инициальную ситуацию можно представить в виде следующей схемы:

мать	дочь
старшая	младшая
низовья	верховья
{ запад	восток
юг	север

Встреча происходит на полпути; ее локализация, как мы видели, соответствует нейтрализации патрилокального расселения и реализации условий матрилокального расселения, пока представленного в виде эскиза. Но когда мать умирает в том же самом месте, где происходила встреча и рождение Асдиваля, дочь, покинувшая деревню мужа «очень далеко в верховьях» [Боас, 1912, с. 71], продолжает начатое ею основное движение в направлении восток—запад до своей родной деревни в каньоне Скины, где она, в свою очередь, умирает, предоставляя поле действия герою.

Первое приключение Асдиваля вводит в рассмотрение оппозицию «небо—земля», которую герою удастся преодолеть прежде всего благодаря посредничеству отца, Хатсенаса, «птицы добрых предзнаменований», существа, принадлежащего к атмосферному, или среднему, небу; он, следовательно, хорошо приспособлен к роли медиатора между земным Асдивалем и его тестем Солнцем, хозяином эмпирейного неба. Асдивалю, однако, не удастся преодолеть свою земную природу, которой он уступает два раза: не устояв перед чарами соплеменницы и позже — тоскуя по родной деревне. Отсюда вытекает ряд неразрешенных оппозиций:

низкий	высокий
земля	небо
мужчина	женщина
эндогамия	экзогамия

Продолжая путь на запад, Асдиваль вступает во второй матрилокальный брак, что порождает новый ряд оппозиций:

охота в горах	охота на море
земля	вода

Эти оппозиции равным образом непреодолимы, поскольку земная природа подводит Асдиваля в третий раз, вследствие чего его бросают жена и ее братья.

Последний брак Асдиваля связан уже не с жителями реки, а с островитянами, но и там повторяется прежний конфликт. Оппозиция остается непреодоленной, хотя на каждом этапе термы сближаются. Дело в том, что на этот раз речь идет об антагонизме между Асдивалем и братьями жены из-за охоты на рифе в открытом море, т. е. на земле и в воде одновременно. В предыдущем эпизоде Асдиваль и братья жены отправлялись в разные стороны: один — в глубь материка и пешком, другие — в море и на лодке. На этот раз они плывут вместе в лодке, и превосходство Асдиваля, обеспечиваемое тем, что он использует чудесные предметы, предназначенные для охоты в горах, обнаруживается только при высадке: «Это была очень трудная охота из-за волн (которые захлестывали риф), идущих в направлении открытого моря. Пока они обсуждали это, [Асдиваль] сказал: „Дорогие мои, может быть, достаточно будет, чтобы я надел лыжи в том месте, о котором вы говорите. Я надену лыжи и взберусь на скалы, о которых вы говорите“. Так он и делает, а братья, которые не могут высадиться, пристыженные, остаются в лодках» [Боас, 1912, с. 125—126].

Асдиваль, земной житель, хозяин добычи, оказывается брошенным на рифе; он достиг самой крайней точки своего пути на запад в географическом и экономическом аспекте. Однако с точки зрения логической его приключения могут быть представлены по-иному — в виде ряда невозможных медиаций между оппозициями, расположенными в убывающем порядке: высокий и низкий, вода и земля, морская охота и охота в горах и т. д.

Больше всего, следовательно, герой сбивается с курса в пространственном плане, и его неудача выражается в *максимальном отклонении* от отправной точки; в логическом плане он также терпит неудачу: в силу превосходства над братьями жены он оказывается неспособным играть роль медиатора, хотя последняя оппозиция, требующая разрешения, — между образом жизни сухопутных и морских охотников — была бы тогда сведена к *минимальному отклонению*. Это как будто тупик, однако в мертвой точке происходит поворот, приводящий механизм мифа в движение.

Царь гор (на диалекте Насса Асдиваль носит имя Аси-хвиль, что означает «преодолеватель гор») застрял на карикатурной горе перед двойным препятствием: с одной стороны, это обыкновенный риф, с другой — он окружен и почти залит водой. Хозяина добычи, убийцу медведей спасает мышь, карикатурная добыча¹⁵. Она заставляет его совершить *путешествие под землю*, подобно тому как медведица, высшая добыча, принудила Асдиваля к *путешествию на небо*. По правде говоря, мыши не хватает только превратиться в женщину, чтобы предложить герою симметричный и инвертированный по отношению к первому брак, и, хотя этот элемент во всех версиях отсут-

ствуется, известно по крайней мере, что мышь — это фея, Госпожа-Мышь, как ее величают тексты, ставя перед названием грызуна слово *ksem* — почтительное обращение к женщине. Продолжая инверсию более систематично, чем это позволяла предыдущая гипотеза, можно видеть в этой фее, старухе, неспособной к продолжению рода, «инвертированную жену».

Это еще не все. Убивавший животных сотнями на этот раз будет лечить их и завоюет их любовь¹⁶. Кормилец (могущество, полученное им от отца и не раз использованное на благо своим близким) становится кормом, поскольку переправляется в тюленьем желудке¹⁷.

Наконец, путешествие в подземный мир (который во многих отношениях тоже «мир наизнанку») определит возвращение героя, поскольку он в дальнейшем направится с запада на восток, с моря на сушу, от соленой океанской воды к пресной речной воде Скинны.

Это общее перевертывание не влияет на развитие сюжета, которое продолжается вплоть до финальной катастрофы. Возвратившись к своим, т. е. к инициальной патрилокальной ситуации, Асдиваль вновь приступает к своему основному занятию, вооружившись чудесными предметами. Но он забывает лыжи, и это несчастье, против которого нет никакого средства. В конце удачной охоты он застревает на горе, на половине высоты: «Куда мог он пойти? Он не мог подняться, он не мог спуститься, он не мог пойти ни в какую сторону» [Боас, 1912, с. 145]. На этом самом месте он превратился в камень, т. е. стал неподвижным, возвращенным к своей «земной природе» в виде недвижимого камня; таким он остался «на века».

V

Предшествующий анализ побуждает установить различия между двумя аспектами построения мифа — цепочками и схемами.

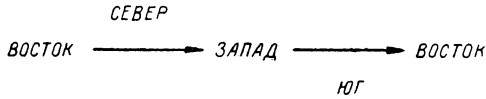
Цепочки — это поверхностное содержание мифа, события, следующие друг за другом в хронологическом порядке: встреча двух женщин, вмешательство сверхъестественного покровителя, рождение Асдиваля, его детство, путешествие на небо, серия браков, походы на охоту и рыбную ловлю, ссоры с братьями жены и т. д.

Но эти последовательности на уровнях разной глубины организованы по схемам, одновременно накладываемым на них; так многоголосная мелодия оказывается подчинена двойному детерминизму: один — горизонтальный — ее собственное развитие, другой — вертикальный — контрапунктные схемы. Составим для данного мифа инвентарь этих схем.

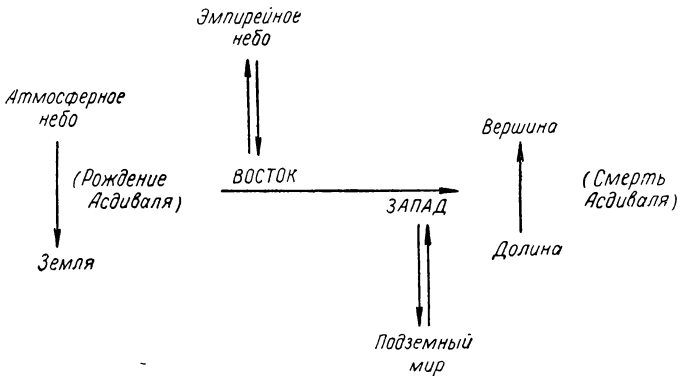
1. *Географическая схема.* Герой идет с востока на запад; потом он возвращается с запада на восток. Этот путь «туда и обратно» модулируется еще одним путем «туда и обратно»: с юга на север и потом с севера на юг в соответствии с сезонными перемещениями

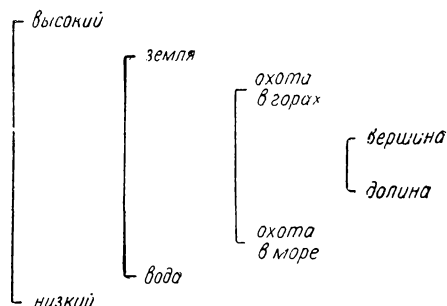
цимшиан (в которых участвует герой) сначала к Нассу, для весенней добычи свечи-рыбы, потом к Скине, для летней добычи лосося.

2. *Космологическая схема.* Три сверхъестественных путешествия связывают термы, понимаемые соответственно как «нижние» и «верхние»: приход к молодой вдове «птицы добрых предзнаменований» Хатсенаса, принадлежащего к атмосферному небу; приход Асдиваля в погоне за Вечерней Звездой на эмпирейное небо; его путешествие в подземное царство тюленей, куда его приводит Госпожа-Мышь. Конец Асдиваля, застрявшего на горе, является тогда *нейтрализацией* серединной медиации, осуществленной фактом его рождения, которая тем не менее не делает его способным к осуществлению двух высших медиаций (одна — «небо—земля» как высокий, противопоставленный низкому; другая — «море—земля» как восток, противопоставленный западу):

3. *Интеграция.* Две предыдущие схемы совмещаются в третьей состоящей из ряда бинарных оппозиций; все они для героя непреодолимы, хотя расстояние между их термами соответственно уменьшается. Инициальные оппозиции высокий/низкий, вершина/долина «вертикальны» и поэтому принадлежат к космологической схеме. Две серединные оппозиции (вода/земля и морская охота/охота в горах) «горизонтальны» и принадлежат географической схеме. На деле финальная и притом самая узкая оппозиция (вершина/долина) соединяет признаки, присущие двум предыдущим схемам: она «вертикальна» по форме, но «географична» по содержанию¹⁸. Поражение Асдиваля (он забыл лыжи, из-за чего застрял на половине высоты горы) получает тогда тройное значение: географическое, космологическое и логическое.

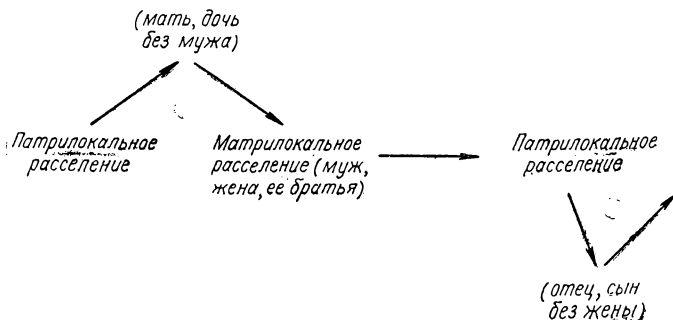
Дополнительность всех трех схем выявится, если свести их к контурам, сохраняющим лишь порядок и амплитуду оппозиций.

Первая схема образована последовательностью колебаний с постоянной амплитудой: восток—север—запад—юг—восток.

Вторая схема начинается с нулевой точки (встреча на полдороге, между верховьями и низовьями) и продолжается сначала колебаниями со средней амплитудой (атмосферное небо—земля), потом колебаниями с максимальной амплитудой (земля—небо, небо—земля, земля—подземный мир, подземный мир—земля), которые ослабевают до нуля (на половине высоты между вершиной и долиной).

Третья схема начинается колебаниями с максимальной амплитудой (низкий—высокий), которые гаснут через ряд колебаний с нисходящей амплитудой (вода—земля; морская охота—охота в горах; долина—вершина).

4. *Социологическая схема.* Вначале превалирует патрилокальное расселение. Постепенно оно уступает место матрилокальному расселению (брак Хатсенаса), которое сначала грозит гибелью (небесный брак Асдиваля), потом просто враждебно (брак у «Людей елей»), а затем ослабевает и оказывается инвертированным (брак у «Людей фарватера») так, чтобы открыть возможность для итогового возвращения к патрилокальному расселению.

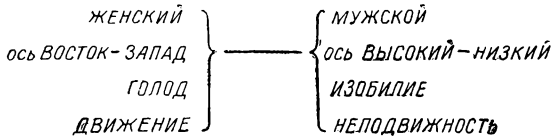
Однако социологическая схема в отличие от географической не имеет закрытой структуры, поскольку в начале она вводит в дей-

ствие мать и дочь, в середине — мужа, жену и ее братьев, а в конце — отца и сына¹⁹.

5. *Техноэкономическая схема.* Миф начинается упоминанием о зимнем голоде, кончается он успешной охотой. В промежутке между началом и концом он описывает экономический цикл и сезонные перемещения индейцев в связи с рыбной ловлей.

6. *Глобальная интеграция.* Если в конце концов свести миф к двум крайним высказываниям, инициальному и финальному, в которых заключена его операционная функция, результатом будет следующая упрощенная схема:

Произведя разделение кодов, мы проанализировали структуру сообщения. Теперь на очереди дешифровка смысла.

VI

В книге Боаса [Боас, 1916] есть одна версия деяний Асдиваля, во многих отношениях примечательная. Прежде всего она выводит на сцену новый персонаж: это Ваух (Wauh), сын Асдиваля от второго брака, выступающий как дублер отца; его приключения происходят после отцовских. В хронологическом отношении они являются дополнительными цепочками. И вот эти *цепочки* организуются по схемам, которые одновременно и *гомологичны* уже описанным, и более *эксплицитны*, чем они. Все происходит так, как если бы, подходя к концу, поверхностное повествование (цепочки) стремилось приблизиться к глубинному содержанию мифа (схемы), — конвергенция, имеющая аналогии с той, которая открывается слушателю в финальных аккордах симфоний.

Когда вторая жена Асдиваля (его первая земная жена) родила ему сына, его назвали Ваух, что означает «очень легкий», потому что он обладал скоростью вспыхивающей искры²⁰.

Отец и сын нежно любили друг друга и охотились всегда вместе. Поэтому Ваух был в страшном горе, когда дядья принудили его идти с ними после того, как они бросили Асдиваля в Ксемаксене. Мать и сын даже попытались тайком присоединиться к нему и отказались от этого, только убедившись, что его сожрал дикий зверь.

Как и отец, Ваух становится великим охотником. Незадолго до смерти мать женит его на двоюродной сестре, и молодая пара жи-

вет счастливо, причем Ваух продолжает свои охотничьи подвиги на отцовских участках, иногда вместе с женой, рождающей близнецов. Вскоре дети начинают ходить на охоту с Ваухом, как он сам когда-то ходил с Асдивалем. Однажды он отправляется вместе с ними в нехоженые места. Дети падают со скалы и погибают. На следующий год Ваух приходит охотиться в те же места, взяв все доставшиеся ему от отца чудесные предметы, за исключением копья, которое он забывает. Застигнутый землетрясением, Ваух напрасно пытается объяснить жене, которую видит в долине, что он нуждается в ее ритуальном содействии. Он с воплями просит ее принести жир в жертву сверхъестественным силам, чтобы их умиловать. Жена не слышит его и понимает все наоборот, повторяя не мужнины слова, а то, чего ей хотелось бы самой: «Ты хочешь, чтобы я съела жир?» Отчаявшись, Ваух подтверждает это, и жена наедается до отвала жиром и напивается водой. Насытившись, она растягивается на пне, лопается и превращается в кремень с прожилками, которого до сих пор в этом месте очень много.

Ваух, лишенный копья, которое позволило бы ему расколоть скалы и пробить себе проход через гору, потерявший из-за недоразумения с женой последний шанс умиловать духов, превращается вместе с собакой и всеми своими чудесными предметами в камень. Они еще и теперь там [Боас, 1916, с. 243—245].

По отношению к основной версии здесь можно отметить целый ряд значимых замен.

У Асдиваля есть единственный сын (строго говоря, как мы видели, у него от двух последовательных браков два сына, которые в этом повествовании слились в одного), а у Вауха — близнецы. Об этих близнецах нам известно совсем немного, однако заманчиво установить параллель между ними и полученными Аси-хвилем от отца двумя волшебными собаками в версии с реки Насс: одна из них красная, другая пестрая, т. е. они контрастно маркированы, что предполагает (если сопоставить это со столь распространенными у североамериканских индейцев системами цветовой символики) их дивергентные функции.

Кроме того, близнецность сама по себе является некоторым указанием. В ряду американских медиаторов близнецы представляют самый слабый член, помещенный в конце списка после мессии (примиряющего противоположности), обманщика, или трикстера (в своем лице сопологающего их), в то время как близнецная пара объединяет противоположности, сохраняя при этом индивидуальные различия²¹.

Переход от одного медиатора к близнецной паре свидетельствует, таким образом, об ослаблении медиационной функции, тем более выраженном, что после своего появления на сцене близнецы погибают на нехоженной земле, не сыграв никакой роли.

Как и Асдиваль, Ваух в конце концов превращается в камень из-за того, что забыл чудесный предмет, но в каждой версии пред-

меты разные: Асдиваль забывает лыжи, Ваух — копые. Эти предметы являются орудиями медиации, полученными героем от своего сверхъестественного отца. И здесь тоже есть градация: лыжи нужны, чтобы взбираться и спускаться по самым крутым горам; копые дает возможность прохода сквозь скалы. Копые, таким образом, является более сильным средством, чем лыжи, которые совмещаются с препятствием, а не уничтожают его. Забывчивость Вауха имеет более серьезные последствия, чем забывчивость Асдиваля. Более слабый медиатор теряет более сильное орудие медиации, и его действительность уменьшается, таким образом, вдвое.

Итак, история Вауха развивается в диалектической регрессии; однако в другом смысле она отмечена прогрессией, поскольку в этом варианте оказывается закрытой структура, оставляемая в определенных отношениях открытой.

Жена Вауха погибает от *передания*. Это конец повествования, в начале которого было показано, как мучается голодом мать Асдиваля (или Аси-хвиля). Голод побудил последнюю к *движению*, так же как теперь избыток пищи *приковывает* к месту жену Вауха. Чтобы кончить с этим, отметим еще, что оба персонажа инициальной цепочки были женщинами, «вне брака», «ненакормленными» и *перемещающимися*, в то время как в финальной цепочке это *семья*, состоящая из мужа и жены, первый — *кормилец* (непонятый), вторая — *перекормленная* (потому что непонятлива), и вопреки этой оппозиции оба *неподвижные* (что, впрочем, может произойти из-за выражаемой ею негативной дополнителности).

Самая существенная трансформация представлена женитьбой Вауха. Как мы видели, Асдиваль вступал в браки последовательно и всегда неудачно. Он не может сделать выбор между чудесной и земной женой; его бросает (хотя и против своей воли) жена-цимшиан. Его жена-гитхатла остается ему верна и даже предаёт своих братьев, но он сам бросает ее. Он кончает свои дни, вновь соединившись с сыном, но в положении холостяка.

Ваух, напротив, женится один раз, но брак оказывается для него роковым. При этом речь идет о браке, *устроенном* матерью Вауха (в отличие от *авантюрных* браков Асдиваля), и о браке с кузиной (в то время как Асдиваль выбирает себе в пару чужих), причем, подчеркнем это, с перекрестной кузиной, дочерью брата матери (что объясняет посредническую роль последней)²².

Как говорит Боас, брак с дочерью брата матери у цимшиан, особенно среди знати, к которой принадлежат наши герои, считается предпочтительным. Гарфильд сомневается в том, что практика точно соответствовала моделям мифа²³, но это имеет второстепенное значение, поскольку здесь мы рассматриваем схемы нормативного характера. Сразу видно, почему в таком обществе, как у цимшиан, этот тип брака мог считаться образцом. Мальчики росли в отцовском доме, но рано или поздно должны были переходить к дяде по матери, наследуя у него титулы, прерогативы и охотничьи участки²⁴. Брак

с матрилиateralной кузиной обеспечивал разрешение этого конфликта. Но в обществах такого типа этот брак, что часто отмечалось, позволял преодолеть и другой конфликт, конфликт между патрилинейной и матрилинейной тенденциями, а мы видели выше, какую роль в обществе цимшиан играли обе эти линии²⁵. Действительно, таким образом мужчина обеспечивает сохранение наследственных привилегий и титулов в узком семейном кругу²⁶.

Как я уже показал, это не может служить универсальным объяснением происхождения кросскузенных браков²⁷. Но для общества с феодальными тенденциями это вполне соответствует реальным мотивировкам сохранения или принятия обычая, окончательное объяснение которого надо искать в особенностях, общих для всех практиковавших его обществ.

Мифы цимшиан делают к тому же весьма своеобразную глоссу к туземной теории матрилинейных кросскузенных браков (см. историю знатной девушки, отказавшейся выйти замуж за кузена — сына сестры отца).

Жестокая и надменная, она требует, чтобы кузен доказал свою любовь, изуродовав себя. Он покрывает себе лицо рубцами, после чего девушка отталкивает его за безобразие. Повергнутый в отчаяние, юноша ищет смерти и отправляется к вождю Смарада, хозяину уродств. Тот, подвергнув героя тяжелым испытаниям, соглашается превратить его в прекрасного принца.

Теперь кузина страстно влюбляется в него, а юноша, в свою очередь, требует, чтобы она пожертвовала красотой — только для того, чтобы подвергнуть ее насмешкам. Став безобразной, девушка пытается разжалобить вождя Смарада. Калеки и уроды, составляющие его свиту, тут же бросаются на несчастную, ломают ей кости и рвут на части.

Информант Боаса видит в этой истории миф о происхождении церемоний и обрядов, сопровождающих кросскузенный брак.

«У нас был обычай, чтобы племянник вождя женился на его дочери, потому что семья вождя хотела, чтобы племянник был его наследником и преемником. Этот обычай передавался из поколения в поколение и действует по сей день, и у верхушки так всегда происходит наследование».

Итак, продолжает информант, из-за несчастья с непокорной принцессой было решено, что в подобных случаях «девушке нельзя предоставлять свободу выбора. . . Даже когда девушка не хочет выходить замуж за предназначенного ей жениха, она должна слушаться, если достигнуто согласие обеих сторон» (речь идет о переговорах между материнской родней молодых людей).

«Когда принц и принцесса соединятся, клан дяди юноши приходит в движение, тогда клан дяди молодой женщины тоже приходит в движение, и между ними начинается сражение. Обе стороны бросают камни, бывает много жертв. Шрамы от ран. . . служат как бы подтверждением брачного контракта»²⁸.

Боас отмечает в комментарии, что это миф не только цимшиан, он есть и у тлинкитов и у хайда, также матрилинейных, и отнесен к тому же типу брака.

Ясно поэтому, что он соответствует фундаментальному аспекту социальной организации этих народностей, состоящему во враждебном равновесии между матрилинейными сторонами деревенских вождей. В обобщенной системе обмена, которая в феодальных семьях устанавливается на основе предпочтения брака с дочерью матери, семьи как бы организованы в более или менее стабильный кружок, где каждая из них занимает — хотя бы временно — место «подавателя женщин» другой семье и «получателя» по отношению к третьей. В разных обществах эта ненадежная структура (поскольку дают одному без всякой гарантии получить от другого) может разными способами достичь равновесия, правда скорее кажущегося, чем реального: демократически (согласно принципу эквивалентности всех брачных обменов) или, напротив, при условии, что одна из позиций по статусу выше другой, что в ином социальном и экономическом контексте (теоретически, если не практически) приводит к тому же результату, поскольку каждая семья совмещает обе позиции²⁹. Северные общества тихоокеанского побережья не смогли или не захотели выбрать ни одной из этих точек равновесия, поскольку соответственно высшее или низшее положение обменивающихся групп внутри одной и той же социальной категории, к которой в принципе должна была бы принадлежать и та и другая, открыто устанавливается для каждого брачного союза. Каждый брак, сопровождающие его или предшествующие ему *потлачи*, передача по этому случаю титулов и имущества были для вовлеченных в них групп способом завоевать преимущество друг перед другом и в то же время положить конец прошлым конфликтам. Речь шла о заключении мира, но на лучших из возможных условиях. Наше средневековое общество в отношении патрилинейных институтов дает симметричную картину ситуации, имеющей много точек соприкосновения с только что упомянутой.

Стоит ли в этих условиях удивляться устрашающему маленькому роману, в котором индейцы ищут происхождение своих брачных институтов? Стоит ли удивляться тому, что церемония кросскузенного брака выливается у них в кровавое сражение? Когда мы, говоря об антагонизме, присущем социальной структуре цимшиан, считаем, что «достигли твердого слоя» (цитата из Марселя Мосса), то с помощью этой геологической метафоры выражаем приближение, весьма сходное с тем, которое содержится в мифах о Ваухе и Асдивале. Все установленные первобытным мышлением антиномии самого разного плана — географического, экономического, социологического и даже космологического — в конце концов ассимилируются в менее очевидной, но настолько же реальной антиномии, которую пытается и не может преодолеть брак с матрилатеральной

кузиной, что признают наши мифы, для которых именно это является функцией.

Бросим на них еще один взгляд под этим углом зрения.

Зимний голод, который губит мужей двух героинь, освобождает их от патрилокального расселения и сначала позволяет им встретиться, а потом вернуться в родную деревню дочери, которая для ее сына будет соответствовать матрилокальному виду расселения. Недостача пищи поставлена, таким образом, в связь с экспортом девушек, а когда пища исчезает, они возвращаются к своей кровной родне — символ события, более конкретно иллюстрируемый ежегодно — даже и без голода — уходом свечи-рыбы с Насса, а потом лосося со Скины. Эта рыба идет из открытого моря, приходит с юга и запада и поднимается по рекам к востоку. Как и уходящая рыба, мать Асдиваля продолжит свой путь к западу и к морю, где Асдивалю предстоит чреватые бедствиями испытания матрилокального брака.

Первый из них — брак с Вечерней Звездой, т. е. с небесным существом. Корреляция «небо — женский» и «земля — мужской», скрытая в этой цепочке, вызывает два замечания.

Во-первых, Асдиваля в каком-то смысле «выуживает» медведица, которая увлекает его на небо, при том что в мифах стопоходящие животные часто изображаются как *ловцы лосося*³⁰. Точно так же Солнце, пожалевшее Асдиваля, вылавливает его сетью, как лосося, после того, как он разбился о землю³¹. Когда же Асдиваль возвращается после инвертированно-симметричного пребывания в подземном царстве тюленей, путешествие совершается в желудке одного из них, подобно пище, что на этот раз сравнимо со *свечой-рыбой*, которую черпают лопатами из Насса — «реки-желудка». Более того, путь героя совершается теперь в обратном направлении: не с востока на запад, как у исчезающей пищи, но с запада на восток, как у пищи возвращающейся.

Во-вторых, эта инверсия сопровождается другой: от матрилокального расселения к патрилокальному, и это перевертывание само по себе есть функция замещения небесного путешествия подземным, что переводит Асдиваля из позиции «земля, мужской, подчиненный» в позицию «земля, мужской, подчиняющий».

Но и патрилокальное расселение удастся Асдивалю не лучше: там он соединяется с сыном, но теряет жену и родственников. Изолированный теперь в этом отношении, incapable объединить два модуса — родство и местожительство, он, будучи почти совсем у цели, застревает на полдороге в конце успешной охоты: он добыл пищу, но потерял свободу передвижения. Голод, источник движения, уступил место изобилию, достигнутому ценой неподвижности.

Тогда становится более понятным, почему брак Вауха с матрилатеральной кузиной, продолжающий браки его отца, символизирует последнюю напрасную попытку общества цимшиан преодолеть свои противоречия: ибо этот брак терпит неудачу из-за недоразумения,

прибавленного к забыванию. Вауху удалось жить у своих родственников по матери, сохраняя охотничьи владения отца, удалось получить наследство и со стороны матери, и со стороны отца, несмотря на то что кузены, его жена и он сам остаются чужими друг другу, потому что кросскузенный брак в феодальном обществе — иллюзия и паллиатив. В этих обществах всегда обменивают женщин и всегда борются за собственность.

VII

Предшествующий анализ приводит к соображению иного порядка: всегда рискованно предпринимать, как решил это сделать Боас в своей монументальной «Мифологии цимшиан», «описание жизни, социальной организации, верований и религиозной практики народа в том виде, как это отражено в их мифах» [Боас, 1916, с. 32].

Связь мифа с данностью существует, но не в виде *отражения*. Она имеет диалектическую природу, и описанные в мифах институты могут быть обратными реальным. Так будет всегда, когда миф хочет выразить негативную истину. Уже отмечалось, что деяния Асдиваля поставили великого американского этнолога в несколько затруднительное положение, потому что там говорится, что Ваух унаследовал охотничьи владения отца, в то время как другие тексты и непосредственное наблюдение показывают, что имущество мужчины, в том числе его охотничьи владения, переходило к сыну его сестры, т. е. от мужчины к мужчине по материнской линии ³².

Но отцовское наследство Вауха так же не соответствует реальности, как и матрилокальные браки его отца. В действительности местожительство детей было патрилокальным, а потом они оканчивали обучение у дяди по матери; после женитьбы они вместе с женами возвращались к родителям, а в деревне дяди обосновывались, когда их призывали туда в качестве его приемников.

Так происходило по крайней мере в знатных семьях общества, чья мифология становилась настоящей «придворной литературой». Уходы и возвращения такого рода представляли собой одно из внешних выражений *напряженности* отношений между поколениями, находящимися в свойстве. Спекуляции мифа вокруг способов расселения — полностью патрилокального или матрилокального — касаются, таким образом, не действительности цимшиан, а присущих ее структуре возможностей, ее скрытых потенций. Миф в конце концов направлен не на изображение действительности, а на раскрытие неудовлетворительности ее построения, поскольку крайние позиции изображены здесь только для того, чтобы доказать их непереносимость; этот способ, свойственный мифологическому мышлению, приводит к допущению (но в замаскированном языке мифа), что при таком более глубоком рассмотрении социальная практика оказывается пораженной непреодолимым противоречием. Это против-

речие, воплощенное в герое мифа, общество цимшиан не может понять и предпочитает забыть. Наша концепция взаимоотношений мифа и реальности, возможно, ограничивает использование его в качестве документального источника. Однако она открывает новые возможности, потому что, отказываясь видеть в мифе картину, всегда соответствующую этнографической действительности, мы в ряде случаев приобретаем возможность постижения категорий подсознательного.

Только что было сказано, что два путешествия Асдиваля — с востока на запад и с запада на восток — даны в корреляции с видами расселения — соответственно матрилокального и патрилокального. Итак, в действительности расселение цимшиан патрилокально; отсюда — вывод (который теперь необходим), что одно из направлений соответствует «прямому» значению прочтения их общественных институтов, а другое — противоположному. Путешествие с запада на восток, т. е. возвращение, сопровождается возвращением к патрилокальности. Тогда в туземном мышлении его направление единственно реально, в то время как другое только воображаемо.

Среди прочего миф утверждает именно это. Перемещение на восток обеспечивает возвращение Асдиваля к его «истокам»: на землю и на родину. Когда он направлялся на запад, он выступал как кормилец, клавший конец голоду; он восполнял недостачу пищи, идя сам в том направлении, куда уходит пища. Совершая путь в обратную сторону в желудке тюленя, он символически отождествляется с пищей и перемещается в ту же сторону, куда пища возвращается.

То же и с матрилокальным расселением: оно вводится как негативная реальность, замещение патрилокального расселения, переставшего существовать из-за смерти мужей.

Чему же соответствует в туземном мышлении направление запад—восток? Это — направление, в котором двигаются свеча-рыба и лосось, когда они ежегодно приходят из открытого моря, чтобы подняться по рекам, углубляясь к верховьям. Если это одновременно и ориентация, которую должны принять цимшиан, чтобы получить неискаженный образ своего конкретного социального существования, то не осознают ли они себя *sub specie piscis**: не ставят ли они себя на место рыбы или скорее не ставят ли они рыбу на свое место?

Эта гипотеза, сформулированная как результат дедуктивного рассуждения, находит косвенное подтверждение в ритуале и в мифологии.

Ловля и приготовление рыбы связаны у индейцев северо-западного побережья с самыми разнообразными обрядами. Уже было указано, что для извлечения жира из свечи-рыбы женщины должны использовать в качестве пресса обнаженную грудь и что гниющие отбросы, несмотря на зловоние, следует оставлять вблизи от жилищ.

* В виде рыбы. — *Примеч. пер.*

Лосось не гниет, потому что его сушат на солнце или коптят. С точки зрения ритуала должны быть, однако, рассмотрены некоторые другие моменты, например разрезание лосося с помощью примитивного ножа, сделанного из съедобной ракушки: лезвие из камня, кости или металла запрещено. Женщины совершают это, сидя на земле с разведенными ногами ³³.

Представляется, что эти запреты и предписания преследуют одну и ту же цель — «сократить расстояние» между рыбой и человеком, рассматривая ее как человека и хотя бы запрещая или в крайней степени ограничивая использование ремесленных орудий, относящихся к культуре, другими словами, отрицая или обесценивая то, в чем рыбы не являются людьми.

Мифы, со своей стороны, повествуют о посещении неким принцем царства лососей, откуда он, приобретая их покровительство, возвращается превращенным в рыбу. Все эти мифы содержат один и тот же эпизод: находясь в гостях у лососей, проголодавшийся принц узнает, что он ни под каким видом не должен есть ту же пищу, что и они, но должен без колебаний убивать и есть самих рыб, несмотря на то что впредь они будут являться ему в человеческом облике ³⁴.

И вот тогда отождествление в мифе касается единственного реального отношения между рыбой и человеком — пища. Это отношение нельзя ни обойти, ни трансформировать. В самом мифе оно существует в виде альтернативы: либо есть, как лососи (даже будучи человеком), либо есть лососей (даже при их сходстве с людьми). Последнее решение будет правильным при условии соблюдения установленных лососями обрядов, благодаря чему они воскресают из тщательно собранных и затем брошенных в воду или сожженных костей ³⁵. Первое решение — *отождествление* человека с лососем, а не лосося с человеком — было бы, однако, *неправильным*. Виновный в этом персонаж мифа превращается в корень или, как Асдиваль, в скалу, безвозвратно обреченный на неподвижность и прикованный к земле.

Идя от инициальной ситуации, характеризуемой неостановимым движением, к финальной, характеризуемой конечной неподвижностью, миф об Асдивале таким образом выражает по-своему основной аспект туземной философии. Вначале речь идет о недостатке пищи; все предшествующее заставляет думать, что роль Асдиваля как кормильца состоит в отрицании этой нехватки, а это совсем не то же самое, что наличие: в самом деле, когда наконец наличие достигается тем, что Асдиваль становится пищей (и уже не кормильцем), оно приводит к состоянию неподвижности.

Однако голод, как и неподвижность, — условие, для человека непереносимое. Из этого следует заключить, что для наших туземцев единственный позитивный способ бытия состоит в *отрицании небытия*. В рамках настоящей работы не предполагается разработка этой гипотезы. Отметим только мимоходом, что она могла бы пролить новый свет на *необходимость самоутверждения*, которая —

в *потлаче*, праздниках, церемониях и феодальном соперничестве — накладывает столь своеобразный отпечаток на общества северо-западного побережья Тихого океана.

VIII

Остается разрешить последнюю проблему — ту, которая ставится расхождениями между версией Насса и версиями, записанными на побережье, при том что их действие разворачивается на Скине. До сих пор мы следовали только им. Рассмотрим теперь версию Насса.

Голод царит в двух деревнях — Лахкалтсап (Laxqaltsap) и Гитвунксилк (Gitwunksilk). Их можно локализовать. Первая — это современный Гринвилл (Greenville), в устье Насса³⁶, вторая находится в нижнем течении Насса, но несколько выше³⁷. Две сестры, разлученные замужеством старшей, живут соответственно в одной и другой деревне. Они решают воссоединиться и встречаются на полдороге, в месте, получившем название в память об этом эпизоде.

У них есть немного еды: горсть ягод у сестры с низовьев, чуть-чуть икры у той, что с верховьев. Они делят это, оплакивая свою нищету.

Одна из сестер — с верховьев — пришла вместе с дочерью, о которой больше не будет речи. Сестра с низовьев — младшая и еще не замужем. Ночью к ней приходит незнакомец. Его зовут Хоух (Hоuh), что означает «носитель удачи». Узнав о положении женщин, он чудесным образом достает им пищу, а младшая вскоре рождает сына Аси-хвила (Asi-hwil), которому отец делает лыжи, сначала недейственные, но затем, после усовершенствования, придающие их хозяину чудесную силу. Кроме того, Аси-хвиль получает от отца двух чудесных собак и посох, пробивающий скалы. С этих пор герой становится охотником, лучшим, чем другие сверхъестественные персонажи, с которыми он меряется силой.

Далее помещен изложенный выше эпизод отступления Хоуха перед братьями жены, которые уводят сестру и племянника в Гитхаден (Gitxaden), в низовьях, в каньоне Насса³⁸. Там под видом медведя слуга сверхъестественного существа увлекает героя на небо, однако ему не удается достичь небесного жилища, и, потеряв след медведя, он возвращается на землю.

Далее он отправляется в страну цимшиан, где женится на сестре охотников за тюленями. Униженные его превосходством, они бросают его, и он отправляется в подземное царство к тюленям, ухаживает за ними, лечит и получает лодку из кишок, которая доставляет его на берег, где он с помощью искусственных китов убивает братьев жены. Он отыскивает жену, чтобы больше ее не покидать [Боас, 1902, с. 225—229].

Эта версия, конечно, очень скудна. Она содержит небольшое число эпизодов, и, если сравнивать ее с версией, до сих пор служившей нам опорной [Боас, 1912], последовательность событий представляется перемешанной. Однако было бы ошибочным считать версию Насса лишь ослабленным эхом версий Скины. В лучшем случае сохранившейся части — инициальной цепочке — все происходит так, как если бы богатство деталей было сохранено, но ценою замен, которые, несомненно, образуют систему. Начнем же с их перечисления, различая элементы, общие обеим версиям, и трансформированные элементы.

В обоих случаях повествование начинается в долине реки — Скины или Насса. Зима, царит голод. Две женщины, кровные родственницы, одна, живущая в верховьях, другая — в низовьях, решают воссоединиться и встречаются на полдороге.

Уже здесь обнаруживается много различий:

Место действия	Насс	Скина
Состояние реки	?	Подо льдом
Расположение двух деревень	Недалеко друг от друга	«Очень далеко» ³⁹ друг от друга
Родство между женщинами	Сестры	Мать и дочь
Гражданский статус	Одна замужем, одна незамужняя	Две вдовы

Очевидно, что эти различия соответствуют *ослаблению всех оппозиций* в версии Насса. Это весьма разительно проступает в расположении деревень и еще больше — в отношении родства между двумя женщинами, когда постоянный признак, состоящий в отношении старшая/младшая, в одном случае реализуется в виде пары мать/дочь, а в другом — старшая сестра/младшая сестра; в первом случае между ними *большая дистанция*, чем во втором; первые устремляются друг к другу под действием *более радикального события* (одновременное двойное вдовство), чем вторые (из которых замужем одна, и не сказано, что она потеряла мужа).

Кроме того, есть доказательства, что версия Насса представляет собой ослабление версии Скины, а не эта последняя усиление первой. Это доказательство заключается в наличии следов исходного отношения мать/дочь: материнство старшей сестры, приходящей с дочерью, — деталь, функциональный вклад которой в версии Насса со всех других точек зрения равен нулю:

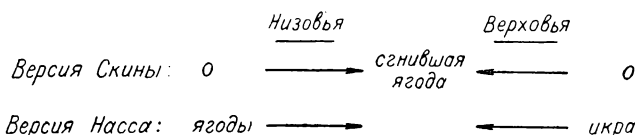
(а) [мать : дочь] : : [(мать+дочь) : не-мать],

где постоянный член задан оппозицией между *плодородием в прошлом* и *плодородием в будущем*.

Эти различия, которые можно было бы рассматривать в аспекте «больше и меньше» — и в этом смысле они количественны, — сопровождаются далее другими, представляющими собой действительно инверсии.

В вариантах Скины старшая из женщин идет с низовьев, а младшая — с верховьев. В варианте Насса наоборот: пара (мать+дочь) идет из Гитвунксилка, находящегося выше, а незамужняя сестра (которая станет женой сверхъестественного покровителя и, таким образом, будет тождественна дочери из версии Скины) приходит из Лахкалтсапа, расположенного ниже.

В версии Скины у женщин совершенно ничего нет и они вынуждены делить *единственную сгнившую ягоду*, найденную на месте их встречи ⁴⁰. И снова версия Насса свидетельствует об ослаблении, потому что женщины приносят запасы еды, правда очень незначительные: горсть ягод, чуть-чуть икры.

Легко было бы показать, что на северо-западном побережье Тихого океана и в других регионах Америки гнилое рассматривается как граница между пищей и экскрементами ⁴¹. Если в версии Скины единственная ягода (*количественно минимальная пища*) подверглась гниению (*качественно минимальная пища*), это означает, что ягоды сами по себе рассматриваются *специфически* как слабая пища в противопоставлении сильной пище.

Несомненно, что в версии Скины обе женщины по преимуществу связаны не с какой-то определенной едой, а с недостатчей любой еды. Однако эта «недостача еды», которая должна быть негативной категорией, не является пустой категорией, поскольку развертывание мифа обеспечивает ей некое содержание в прошлом. Отсутствие пищи олицетворяют обе женщины, но они связаны соответственно с востоком и западом, с суши и морем. Миф об Асдивале выражает оппозицию двух образов жизни, связанных с теми же кардинальными точками и теми же элементами: горные охотники, с одной стороны, рыбаки и морские охотники — с другой ⁴². В версии Скины «пищевая» оппозиция оказывается, таким образом, двойной: между животной пищей (в крайних позициях) и растительной пищей (в серединной позиции) и между морским животным (запад) и земным животным (восток), т. е.

Откуда — формула:

$$(b) \text{ [суша : море] } :: \text{ [(суша+море) : середина],}$$

где сразу видна аналогия с (a).

Система питания в версии Насса, как таковая, основана на упрощенной (двух-, а не трехтермовой) структуре и на ослабленных оппозициях. Из немаркированной растительная пища переходит в статус слабо маркированной, статус границы между пищей и отсутствием пищи заменяется статусом пищи позитивной — как количественно (горсть ягод), так и качественно (ягоды более свежие). Теперь растительная пища противопоставляется не самой животной пище, категории сильно маркированной (которой приписан знак —1), а реализации самого скудного количества той же животной пищи (при этом со знаком +1), причем в трех видах:

рыба, а не мясо;
икра рыбы, а не рыба;
мало, «совсем чуть-чуть»;

это образует систему:

$$\left. \begin{array}{l} \text{море} \\ \text{запад} \\ \text{растительная пища} \\ \text{(относительно более} \\ \text{обильная)} \end{array} \right\} \frac{\text{слабо маркированная}}{\text{оппозиция}} \left\{ \begin{array}{l} \text{суша} \\ \text{восток} \\ \text{животная пища} \\ \text{(относительно более} \\ \text{скудная)} \end{array} \right.$$

Корреляция обоих вариантов с точки зрения системы питания выражается, таким образом, с помощью формул:

$$(c_1) \text{ [(-мясо) : (-рыба)]} \\ :: \text{ [dx (мясо + рыба) : dx (растительная пища)],}$$

или в упрощенном виде (приравнивая очень маленькое количество к отсутствию):

$$(c_2) \text{ [мясо : рыба]} \\ :: \text{ [(мясо + рыба) : (растительная пища)],}$$

где сумма (мясо+рыба) образует категорию животной пищи. Снова можно отметить аналогию между тремя формулами — a, b, c.

Два типа пищи в версии Насса реализуются как ягоды (низовье) и икра (верховье). Икра — животная и речная пища, ягоды — растительная и земная и из всех видов земной пищи (в отличие от дичи, на которую охотятся в горах) — та, которая обычно ассоциируется с берегом⁴³.

Трансформация, реализованная переходом от одной версии к другой, с этой точки зрения может быть описана так:

$$(d) \text{ [запад : восток] } :: \text{ [море : земля]} \\ :: \text{ [вода : земля (суша)] } :: \text{ [река : берег].}$$

Тогда оппозиция реки и берега представляет собой не только ослабление основных противоречий между востоком и западом, сушей и водой, которые находят максимально маркированное выражение в оппозиции море/земля. Это еще и *функция* последней оппозиции.

В самом деле, оппозиция река/берег более маркирована внутри страны цимшиан (где элемент «вода» сводится к реке), чем на побережье. Там эта оппозиция перестает быть значимой, потому что в категории «вода» море превалирует над рекой, а в категории «земля» морское побережье превалирует над речным берегом. Тогда обоснованно перевертывание, которое для *верховьев* позволяет установить:

(d) [вода : земля (суша)] : : [река : берег],

а для *низовьев* — при отождествлении совокупности (река+берег) с землей, на этот раз в противопоставлении морю, — дает возможность установить:

(e) [вода : земля (суша)] : : [море: (река+берег)],

где совокупность (река+берег) преобразована в позицию (земля).

Поскольку *d* и *e* могут быть сведены к формуле:

(f) [земля : вода] : : [(река+берег) : море],

аналогичной формулам *a*, *b* и *c*, постольку на этом примере можно видеть, каким образом мифологическая трансформация может выражаться последовательностью равенств, два крайних из которых полностью инвертированы⁴⁴.

По сути дела, на последнем этапе трансформации позиция (низовья, запад) держится на растительной, т. е. земной, пище, тогда как позиция (верховья, восток) держится на животной пище, состоящей из рыбьей икры и, следовательно, речной, т. е. водной. Обе женщины, сведенные к общей деноминации, выражающейся в отношении (старшая, младшая), оказываются соответственно обменявшимися местами по оппозиции низовья/верховья⁴⁵.

В версии Скины, следовательно, слабая оппозиция между рекой и берегом *нейтрализована* (что выражено в мифе указанием на то, что река замерзла и женщины идут по льду) и выделена сильная оппозиция между морем и землей, представленная при этом негативно (женщины описываются по признаку лишенности, т. е. лишенности пищи, соответствующей их позициям). В версии Насса с помощью ослабления и инверсии нейтрализована сильная оппозиция и выделена слабая оппозиция между рекой и берегом, представленная позитивно (здесь женщины снабжены, хотя и скупо, соответствующей пищей).

Параллельные трансформации наблюдаются в эпизодах со сверхъестественным покровителем. В версии Скины он доставляет исключительно мясо — в растущем объеме (в порядке: белка, тетерев, дикобраз, бобр, коза, черный медведь, медведь гризли, олень); в версии Насса это и мясо и рыба одновременно и в большом количестве, так что в одном случае хижина «полна мяса и рыбы», а в другом — «полна

сушеного мяса», и только. В версии Скины такое равновесие двух образов жизни реализуется гораздо позже и достаточно эфемерно: при третьем браке Асдивалья с сестрой Гитхатла, когда вместе с братьями жены он в изобилии снабжен «лососем и свежим мясом», которое они продают изголодавшимся цимшиан⁴⁶.

С другой стороны, Асдиваль получает от отца чудесные предметы, тут же приносящие удачу (Скина), тогда как предметы, данные Асхвилю, становятся действенными не сразу. В обоих случаях герой, переносимый во внутренностях тюленей, возвращается с запада как пища; однако во втором случае замена желудка (Скина) кишками (Насса) подразумевает пищу, более приближенную к гниению, что здесь является финальной, а не инициальной темой (сгнившая ягода — первая пища женщин в версии Скины). Нельзя забывать, что с этой точки зрения свеча-рыба — единственная надежда на избавление от голода (свеча-рыба на диалекте цимшиан называется *hale-mâ'tk*, что значит «спаситель») — должна быть доведена до гниения, иначе она сочла бы себя уничтоженной и больше бы не вернулась.

IX

Каково конкретное содержание, которое можно приписать двойному механизму ослабления оппозиций, сопровождаемому перевертыванием корреляций, формальная связь чего была нами установлена? Отметим прежде всего, что инверсия касается соответствующего географического расположения двух народностей: ниска, люди Насса, находятся на севере, а цимшиан (чье название означает 'в глубь реки Скины', от *K-sia'n* 'Скина') — на юге. Чтобы жениться, так сказать, в чужой земле, герой идет с Насса к цимшиан, т. е. в сторону Скины, к югу, а в последнем браке Асдиваль, уроженец Скины, перед разрывом с женой показан нам сражающимся с семьей жены на Нассе, т. е. на севере. Каждая народность спонтанно образует симметричные и инвертированные изображения одной и той же страны.

Итак, мифы свидетельствуют о том, что дуализм — долина Скины, долина Насса, которые, включая промежуточное пространство, образуют страну цимшиан (в широком смысле) — представлен в виде оппозиции в той же степени, что и хозяйственные занятия, связанные соответственно с обеими реками.

Юноша чудесного происхождения решил подняться на небо, пока ночь еще царит над землей. Превратившись в лист, он соединяется с дочерью хозяина солнца, и она рождает сына по имени Великан. Ребенок овладевает солнцем и, став хозяином света, спускается на землю, где находит себе товарища, Логоболу (*Logobola*), хозяина тумана, воды, приливов и отливов. Мальчики вступают в борьбу и после многих безрезультатных схваток решают разыграть в стрельбе из лука реки: Скину против Насса. Великан выигрывает хитростью; это вызывает у него такую радость, что он выражает ее на диалекте цимшиан, т. е. на диалекте нижнего течения Скины. «И Логобола

сказал: „Ты выиграл, брат Великан. Теперь свеча-рыба каждое лето в два приема будет подниматься по Нассу“. И Тхамсен (Тхамсен 'Великан') ответил: „Лосось Скинны всегда будет жирным“. Так разделили они то, что Тхамсен выиграл на берегах Насса. . . После чего братья расстались». Одна из записанных Боасом версий уточняет: «Тхамсен ушел в сторону моря, а Логобола — к югу, откуда он пришел»⁴⁷.

Симметрия географического расположения — это все-таки лишь предварительное объяснение. Мы видели, что перевертывание корреляций само по себе является функцией общего ослабления всех оппозиций, которое нельзя удовлетворительно объяснить простой подстановкой юга вместо севера и севера вместо юга. Переходя от Скинны к Нассу, миф деформируется двумя структурно связанными способами: с одной стороны, это сокращение, с другой — перевертывание. Чтобы быть принятой, интерпретация должна учитывать оба эти аспекта в их взаимодействии.

Жители Скинны и жители Насса говорят на двух соседних диалектах⁴⁸. Их социальная организация почти идентична⁴⁹. Однако они глубоко различны в том, что касается образа жизни. Мы описали образ жизни на Скинне и на побережье, он характеризуется большой и к тому же двойной сезонной вариативностью: зимние города и весенние поселения, с одной стороны, весенняя добыча свечи-рыбы на Нассе и летняя добыча лосося на Скинне — с другой.

Что касается живущих на Нассе, то они как будто не переходят периодически на Скинну. Более того, известно, что те, кто жил на Нассе очень далеко в верховьях, назывались *kit'anwi'like* 'люди, которые периодически покидают свою постоянную деревню', потому что они ежегодно спускались к устью Насса для добычи свечи-рыбы, и только⁵⁰. Таким образом, самые крупные сезонные перемещения, которые совершали ниска, как будто ограничиваются Нассом, тогда как перемещения цимшиан зависели от более сложной системы Скина—Насс. Дело в том, что свеча-рыба в марте приходит в Насс, место встречи всех групп, напряженно ждущих «спасителя», в то время как лосось гораздо позднее поднимается по обеим рекам. Ниска жили, следовательно, в одной долине, а цимшиан — в двух.

При таком положении все индейцы могут осознавать дуализм Насс/Скина в качестве оппозиции, которая коррелирует с оппозицией свеча-рыба/лосось. В этом нет сомнения, поскольку миф, обосновывающий данную оппозицию, был записан Боасом в двух почти идентичных версиях: одна — на диалекте Насса, другая — на диалекте Скинны. Однако оппозиция, принимаемая обеими группами, для каждой из них может быть неравнозначной. Цимшиан переживали ее каждый год, ниска довольствовались тем, что знали ее. Хотя построение в виде оппозиционных пар представлено в языке цимшиан весьма явно как модель, возможно осознаваемая носителем⁵¹, ее логическое и философское воздействие не могло быть одинаковым в обеих группах. Цимшиан используют ее для построения глобаль-

ной и когерентной системы, однако она недоступна полностью людям, чье конкретное существование не отмечено печатью той же самой дуальности; это может объясняться еще и тем, что течение Насса не так очевидно ориентировано с востока на запад, как у Скины, а это препятствует четкости топографической схемы.

Мы подходим, таким образом, к фундаментальному свойству мифологического мышления, чему может быть много примеров: когда схема мифа переходит от одной народности к другой, и притом так, что различия языка, социальной организации и образа жизни затрудняют коммуникацию, начинается обеднение и распад мифа. Можно, однако, зафиксировать пограничное состояние, когда, вместо того чтобы окончательно погибнуть, потеряв все свои очертания, миф инвертируется и частично вновь приобретает свою четкость.

Здесь получается как в оптике. Изображение отчетливо различается через соответствующее по величине отверстие. Но как только отверстие сужается, изображение делается смазанным и трудно воспринимаемым. Однако, когда отверстие становится точечным, т. е. когда *коммуникация* близка к исчезновению, изображение перевертывается и вновь приобретает четкость. В школах этот опыт служит для демонстрации того, что свет распространяется по прямой, иными словами, что световые лучи идут не как угодно, а в соответствии с требованиями некоего структурного поля.

Данная работа является своего рода опытом, поскольку она ограничена одним случаем и поскольку выделенные в процессе анализа элементы выступают здесь как многочисленные ряды связанных друг с другом вариантов. Если этот опыт способствовал еще и тому, чтобы выявить жесткую структурированность поля мифологического мышления, он достиг своей цели.

POST-SCRIPTUM *

Перечитанный спустя пятнадцать лет, целиком посвященных изучению американской мифологии, этот текст требует некоторых уточнений (часть из них уже введена в основной корпус) и замечаний. Приняв слишком буквально указание Боаса [Боас, 1916, с. 793] на то, что версии 1895 и 1912 гг. «практически идентичны», я уделил недостаточно внимания первой из них, считая что ею можно пренебречь как «слабым вариантом» второй, по сравнению с которой у нее будут лишь некоторые минимальные различия (см. выше). На самом же деле между двумя версиями существуют значительные различия.

Основное из них касается взаимной позиции женщин, которая от одной версии к другой оказывается полностью инвертированной: мать приходит с верховьев, дочь — с низовьев, что как будто колеблет предложенную выше интерпретацию отношений между версией 1912 на диалекте цимшиан и версией 1902 на диалекте ниска. Однако

* Post-scriptum добавлен автором к переизданию работы в его книге «Anthropologie structurale deux». P., 1973, с. 223—233.

это было бы верно в том случае, если бы замерзшая река, по которой идут женщины в версии 1895, была Скина. Но хотя эта версия также принадлежит цимшиан и хотя она, по крайней мере в начале мифа, не сообщает названия реки, есть веские основания для предположения, что речь идет о Нассе. В этом случае наша интерпретация, далеко не потерявшая смысла, получила бы дополнительное подтверждение, поскольку она связала бы с меной реки мену взаимной позиции героинь по отношению к верховьям и низовьям.

Какие же основания говорят в пользу того, что в версии 1895 действие начинается на Нассе? Отметим прежде всего, что в ней младшая из женщин выходит замуж за человека из чуждого племени. В географическом плане мать и дочь живут не слишком далеко друг от друга, поскольку, покинув одновременно свои деревни, они встречаются после двух дней ходьбы, но зато они чрезвычайно удалены друг от друга в социальном плане, поскольку брак дочери является четко выраженным примером экзогамии. Вот почему, когда сын Хо (Но, антропоморфное воплощение птицы Хадсенас), Асива, вырос, отец решил, что он поселится вместе с матерью и бабушкой в племени этой последней в соответствии с тем же принципом матриликального расселения, которое превалирует в версии Насса.

Поселившись в деревне бабушки с материнской стороны, Асива предался охоте в горах, исключив морскую охоту (уточнение, которое могло бы показаться излишним, поскольку эта деревня расположена далеко в верховьях, но значение которого обнаружится далее). Он женится, и этот брак, за который он платит братьям девушки большой выкуп тушами убитых им на охоте животных, заключается против всех ожиданий с его соплеменницей. Этот эндогамный брак предшествует, таким образом, браку с дочерью Солнца (здесь названного лишь хозяином чудесного медведя), в то время как в версии Скинны интрига с соплеменницей происходит после небесного брака, так что герой наказан за свою неверность.

Далее, версия 1895 уточняет, что Асива жил с женой в горах, но что жилище его было недалеко от Насса, где на берегу ему явился чудесный медведь, которого он преследовал, поднимаясь вверх по реке [Боас, 1895, с. 287]. Это не все, потому что, когда симпатизирующий ему тесть согласился отпустить героя на землю, он спустил его на берег Насса, в то самое место, где Асива потом встретил шестерых братьев из племени Гитхатла, возвращающихся с ловли свечи-рыбы, и они увели его (очевидно, на острова, где сами жили) и дали сестру ему в жены, а потом бросили на рифе, потому что Асива, «хотя до тех пор он охотился только в горах» (ср. выше), унизил их, оказавшись лучшим охотником в открытом море. И в этом случае, следовательно, версия 1895 инвертирует версию 1912, где люди Гитхатла подбирают героя на побережье, когда они направляются к Нассу на сезонную ловлю свечи-рыбы; здесь они, напротив, подбирают его на Нассе в конце того же самого рыбного сезона и идут с ним к прибрежным островам, где сами живут.

Все предыдущие указания, таким образом, согласованно внушают мысль о том, что до брака героя с женщиной Гитхатла действие мифа развертывалось только по течению Насса. Версия 1895 г. как бы реализует своего рода компромисс между версией 1912, действие которой развертывается на Скине, и версией 1902, которая, безусловно, происходит с Насса; версия же 1895 имеет то же происхождение, что и версия Скины, но привязывает свой сюжет к Нассу.

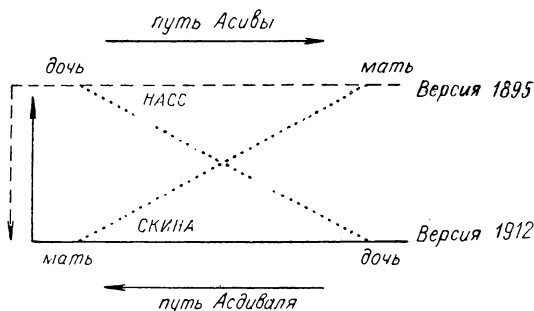
Во-первых, взаимные позиции женщин соответствуют версии Насса, а родственные отношения между ними те же, что в версии Скины. И другие детали мифа стремятся к тому, чтобы сообщить ему тот же характер компромисса между двумя версиями. Вместо того чтобы поселения женщин были недалеко или, напротив, очень далеко друг от друга, здесь, как мы видим, они в географическом плане находятся недалеко друг от друга, а в социологическом и политическом плане — очень далеко. То же и в отношении пищи: вместо того чтобы прийти с какой-то едой или, придя с пустыми руками, найти на месте встречи сгнившую ягоду, они приходят без еды, но срывают несколько полусгнивших ягод и делят их между собой, а затем у своей стоянки собирают для еды кору хвойного дерева. Этот дуализм питания мог бы соответствовать дуализму речного берега и суши, подтверждая, таким образом, дуализм воды и суши в версии Скины и дуализм реки и берега в версии Насса. Уместно в связи с этим отметить, что, если в версии 1912 единственная и полностью сгнившая ягода, находящаяся в распоряжении женщин, непригодна к пище и в количественном и в качественном отношении, то же самое касается и коры трухлявого дерева (*rotten sprucetree* [Боас, 1895, с. 77]), которую женщины собирают со ствола как будто только для поддержания огня: «. . .their fire was about to be extinguished. Then the young noble woman. . . went to get bark. . .»* [Боас, 1895, с. 73]. Как и в версии Скины, их сверхъестественный покровитель доставляет женщинам все большую и большую добычу, хотя и в более скромном масштабе: от куропатки до горной козы в версии 1895.

Возможно ли теперь понять особое положение версии 1895 независимо от того факта, что, будучи записанной, как и версии 1912 и 1916, на диалекте цимшиан нижнего течения Скины, она развертывается не на этой реке, а на Нассе, как и версия 1902, которая оттуда происходит? Другими словами, почему именно цимшиан нуждаются в версии своего мифа, отнесенной не к ним, а к стране ниска, и имеет ли этот перенос внутреннюю функцию, независимую от объективно констатируемых изменений, которые при данном рассмотрении сводятся к своего рода «плохо прилаженной выкройке» других версий?

Сравним бегло версию 1895 с соответствующими эпизодами версии Скины. Эта последняя развертывается сначала по течению реки,

* * «. . .огонь у них почти погас, Тогда молодая знатная женщина . . . пошла за корой. . .» (примеч. пер.).

которую герой проходит в направлении от верховьев к низовьям. Он достигает устья, потом поднимается по побережью, где встречает людей Гитхатла, до впадения Насса. Маршрут, описанный версией 1895, симметричен и инвертирован: герой поднимается по Нассу сначала до деревни своей бабушки, где он женится, затем еще выше к верховьям в погоне за медведем, а затем снова спускается вместе с людьми Гитхатла до их владений, находящихся в устье Скины. Обе версии строго соблюдают эту симметрию, уточняя (версия 1912), что Асдиваль, уже обосновавшись ниже места, где он родился, бросился в погоню за белой медведицей, «которая спускалась в долину» (см. выше), или (версия 1895, с. 287), что Асиву, обосновавшегося и женившегося в верховьях рядом с деревней своей бабушки, медведь завел еще дальше к верховьям. Эти различия можно представить в виде схемы:

Это симметричное построение не устраняет тем не менее некоторых трудностей, на которые версия 1895 осмотрительно набрасывает вуаль. Оно действительно подразумевает, что люди Гитхатла подобрали Асиву очень высоко на Нассе, но не уточняет, как они потом шли к своим владениям на морских островах около устья Скины. В самом деле, описание спуска по Нассу могло бы нарушить прекрасную симметрию пространственных конфигураций, как они вытекают из двух версий. Но каково же может быть ее значение?

Вспомним, как кончаются версии 1912 и 1916. В первой Асдиваль ощущает тоску по горам, где протекало его детство. Он возвращается туда, там к нему присоединяется сын, и Асдиваль, обращенный в камень, погибает в горах в день, когда он отправился на охоту без забытых им чудесных лыж. В версии 1916 г. забывчивость Вауха, дублирующего своего отца Асдиваля, в чьих владениях он продолжает охотиться, дублируется другой ошибкой: ему не удается добиться послушания жены, которая истолковывает его приказания в обратном смысле. И вот он сам, как и его отец, становится камнем, тогда как его объевшаяся жиром жена лопается и превращается в кремень с прожилками.

Как же кончается версия 1895? Освободившись от злокозненных братьев жены (исключая младшего, как и в версии 1912),

Асива мирно жил с женой Гитхатла в ее деревне (т. е. на морском побережье). Но много лет спустя он возгорелся желанием еще раз повидать тюленей, которые так хорошо его приняли. Сын захотел узнать, почему и чем кормили его тюлени. Асива сначала отказался отвечать, потом под нажимом спрашивающего открыл, что его кормили *rock cod* (колючая рыба из семейства скорпенид: *Sebastes ruberrimus*) и жиром свечи-рыбы, что, добавил он, было очень вкусно. Едва он произнес эти слова, как упал мертвым, а рыбы кости стали выходить у него из желудка. Он погиб таким образом потому, что рассказал о том, что было у тюленей, заключает миф.

Эта развязка требует комментариев. Согласно версиям 1912 и 1916, Асдиваль и его сын Ваух живут в горах (по которым то-сковал Асдиваль) и оба погибают, зайдя слишком далеко (в нехо-женный край, уточняет версия 1916) во время охоты, которая, таким образом, ставит героев в положение кормильцев. Напротив, в версии 1895 Асива, сначала исключительно горный охотник (см. выше), живет на берегу моря, может быть, даже на острове и погибает от тоски по своему пребыванию у тюленей в открытом море (т. е. еще дальше в океане); особые его сожаления вызывают воспоминания о тюленьей кухне: он представляет себя самого в положении вскармливаемого. Тоска по горам в одном случае (хотя в двух браках Асдиваль жил в устье Скины и на побережье), тоска по открытому морю в другом случае (хотя в браке Асдиваль жил в верховьях Насса, в горах [Боас, 1895, с. 287]) — обе эти концовки связаны между собой той же строгой симметрией, что и соответствующие маршруты, приписанные герою в разных версиях. Этот пример еще раз удостоверяет, что сообщения в мифе, противопоставляясь друг другу, определяют способом обратной связи инвертированные конструкции.

Итак, по отношению к двум сообщениям о смерти героя из-за тоски — либо по земле, либо по морю, т. е. от неумения реализовать равновесие между двумя этими элементами, — версия Насса [Боас, 1902] занимает нейтральную позицию: попытка путешествия героя на небо проваливается, хтоническое пребывание у тюленей не оставляет в нем сожалений, и он мирно кончает дни на побережье, где живет с женой. Теперь понятно, почему версия 1895 г. может одновременно поддерживать отношение симметрии с версиями 1912 и 1916 и обнаруживать точки схождения с версией Насса, где оппозиция между сообщениями аннулируется; удаляясь от других версий Скины, версия 1895 проходит, если можно так выразиться, через версию Насса, прежде чем достичь уровня, на котором она создаст симметричное и инвертированное изображение первой (согласно тенденции мифов северо-западного побережья системно рассматривать все возможные решения одной и той же проблемы)⁵².

Версия 1895 представляет значительный интерес и в другом отношении. Она позволяет нам уточнить семантическую позицию «забывания» в мифах. Вспомним, что версия 1912 г. объясняет смерть Асдиваля забывчивостью, а версия 1916 объясняет забывчивостью

и смерть его сына Вауха, удваивая и утяжеляя при этом недоразумение между мужем и женой, из-за чего и происходит смерть их обоих. Версия же 1895 заменяет забывание другой ошибкой — нескромностью, в которой повинен Асдиваль, открывающий сыну меню угощения, которое он разделял с тюленями. При современном уровне этнографических данных о цимшиан мы не знаем, почему это открывание является ошибкой.

Было ли запрещено готовить скорпиенц на жиру свечи-рыбы? Или первоначальная ошибка состояла в проглатывании рыбьих костей, что было позволено тюленям, но запрещено людям (ср. выше о костях лосося)? Или, может быть, тюлени запретили Асиве что-либо рассказывать о своем пребывании в чудесном мире, куда он был допущен по особой протекции? К счастью, решение этой маленькой проблемы несущественно для установления важного для нас пункта. Достаточно того, что кроме забывания версия 1916 г. вводит недоразумение как комбинаторный вариант ошибки и что версия 1895 заменяет и то и другое мотивом нескромности. Что же на самом деле общего и что различного в «забывании», «недоразумении» и «нескромности»? И можно ли их расположить и определить их отношения внутри одного и того же семантического поля?

Определим «нескромность», состоящую в открывании кому-нибудь того, что ему нельзя было говорить, как избыток коммуникации с другим. Из этого следует, что «недоразумение», которое состоит в том, чтобы понять в сказанном не то, что имел в виду говорящий, может определяться как недостака коммуникации и тоже с другим. Тогда видно, какое место достается в этой системе «забыванию»: оно состоит в недостаке коммуникации, но уже не с другим, а с самим собой, поскольку забыть — это не сказать самому себе того, что надо было себе сказать⁵³:

	Нескромность	Недоразумение	Забывание
Излишек/недостака	+	—	—
Другой/сам	+	+	—

Мотив забывания нередко появляется в сказках и мифах, но часто его стремятся рассматривать как «нитку», за которую дергает рассказчик каждый раз, когда ему надо ввести в действие интригу. Если позволено было бы обобщить предложенную здесь интерпретацию, было бы ясно, что речь идет совершенно о другом. Забывание явилось бы подлинной категорией мифологического мышления или по меньшей мере определенным, снабженным точным значением видом этой категории, в основе которой лежит коммуникация.

После рассмотрения версии 1895 г., которой следовало вернуть ее законное место, хотелось бы в заключение сделать несколько беглых замечаний по поводу другой проблемы — брака с матрилиатеральной кузиной, который мы назвали типичным не только для цимшиан, но и для соседних народов (см. выше). Однако в недавней примечательной работе Росмана и Рубеля путем сравнительного анализа генеалогий и циклов приношений в *потлаче* убедительно показано, что если эти данные подтверждают предпочтительность брака с матрилиатеральной кузиной у цимшиан, то по-другому обстоит дело у хайда и тлинкитов, где, возможно, механизм *потлача* как раз сочетается с матримониальным предпочтением патрилатеральной кузины.

Но какова бы ни была практика, имевшая место в конце XIX — начале XX в. (как известно, сведения, относящиеся к более раннему времени, очень редки) и у тлинкитов и у хайда, их мифы подтверждают то же предпочтение брака с матрилиатеральной кузиной, что и мифы цимшиан. Мы привели содержание мифа цимшиан о принцессе, отказавшейся выйти замуж за своего кузена, и прокомментировали его. Как подчеркнул Боас, этот миф существует также у тлинкитов и хайда. Версия хайда из Скайдегейта ⁵⁴ многого не дает, потому что она не сообщает о факте родства женщины; кроме того, все повествование разворачивается в стране цимшиан; она и не претендует на сообщение нам данных о других народах. Зато версия Массе ⁵⁵, которая впервые появляется у тлинкитов, весьма отчетливо выявляет родство главных героев, соответственно сына сестры отца и дочери брата матери, что информант комментирует следующим образом: «Когда-то женились только на детях дядей. Не хотели, чтобы имущество дядей переходило бы к другим. Также [мужчина] не допускал, чтобы кто-нибудь, кроме него, женился на ребенке его дяди. И Гаогатль (Gaogatl), сын деревенского вождя, подумал так же и стал добиваться брака с дочерью своего дяди, и дочь его дяди тоже этого хотела». Версия тлинкитов ⁵⁶ воспроизводит ту же самую ситуацию. Молодой индеец, «сын вождя некоего клана», ухаживает за своей кузиной, которую отец, дядя юноши, предназначает «какому-то чужому вождю». Поскольку герой надеется достичь цели, осуществляя свое право на жену дяди, т. е. на мать своей возлюбленной (потому что «в древние времена мужчина, который женился на женщине, у которой была дочь брачного возраста, женился также и на дочери»), миф, очевидно, повествует о тех высокопоставленных семьях, где, по наблюдениям Свентона, Мердока и Лагуны, мужчина, который наследовал своему дяде по матери, женился на его вдове, дочери или на обеих ⁵⁷.

Старинное свидетельство прибавляет к тому же, что у тлинкитов предпочтение брака с патрилатеральной кузиной относилось, вероятно, лишь к мужчине из-за более общей тенденции выбора пары в отцовском клане; тенденция эта применительно к женщине приводила к симметричной и инвертированной формуле брака: «Родители

девушки очень хотят выдать ее замуж за члена семьи с отцовской стороны. Это может быть дядя, кузен или дед. Этот же принцип превалирует у родителей юноши, когда они хотят женить его на девушке или женщине, которые были бы близкими родственницами с отцовской стороны. Это может быть его кузина, тетка или бабушка. Эти браки не только. . . считаются очень удачными, но они (индейцы) всей душой предпочитают их бракам в любой другой родственной группе»⁵⁸.

Очевидно, что если тлинкиты формулировали свои матримониальные предпочтения таким образом, то это влекло выбор патрилатеральной кузины для мужчины и выбор патрилатеральной кузена для женщины, которая оказывалась, таким образом, матрилиатеральной кузиной своего мужа. Повествование тлинкитов⁵⁹ передает, что юноша-хайда, сразу после свадьбы покинутый своей матрилиатеральной кузиной, отправляется со своим отцом в другую деревню, чтобы там снова жениться. Опять-таки с помощью отца он удовлетворил требования своей первой жены на часть имущества. Это подчеркивание роли отца показывает, что патрилатеральный брак мог следовать за первоначальным матрилиатеральным браком и что, таким образом, допускались оба вида брака. Если прибавить, что один миф цимшиан [Боас, 1916, с. 154] рассказывает о юноше, которого отец и все дядья с материнской стороны призывают взять жену в клане отца, в противоположность хорошо засвидетельствованному предпочтению матрилиатеральной кузины, придется признать, что существует «определенная неопределенность» в том, как эти народы представляли свою собственную систему и как они применяли ее на практике.

Эти факты не опровергают показаний Росмана и Рубеля, полностью сохраняющих свою силу, но прибавляют хотя бы то, что у тлинкитов и хайда либо могли сосуществовать две разновидности обобщенного обмена (даже если одна из них представляла исключительный характер), либо между идеологией и практикой проявлялось некоторое расхождение, по-своему передававшее те напряженные отношения между поколениями, к которым мы уже привлекали внимание. Не стремясь к тому, чтобы обеспечить свое равновесие исключительно с помощью механизма брачных обменов, рассматриваемые общества обратились по возрастающей к другим циклам повинностей, связанных с титулами и имуществом. Но всему прочему этот довод говорит в пользу следующего: если бы даже предпочтение патрилатерального брака у тлинкитов и хайда было бы окончательно признано, вряд ли оно могло бы поколебать наши прежние взгляды на непрочность этой установки⁶⁰. Действительно, ее внутренняя непрочность была бы еще ярче выявлена тем фактом, что общества, которым удалось сделать эту установку более долговечной, обладают и другими политическими и экономическими механизмами, от которых по преимуществу зависит их спаянность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ P. E. Goddard. Indians of the Northwest Coast. — The American Museum of Natural History. Handbook Series № 10, 1935.

² [Боас, 1916, с. 478—514]; V. E. Garfield. Tsimshian Clan and Society. — «University of Washington. Publications in Anthropology». Vol. 7, 1939, № 3, с. 173—174 и 177—178; V. E. Garfield, P. S. Wingert, M. Barbeau. The Tsimshian: Their Arts and Music. — «Publications of the American Ethnological Society». Vol. 18, 1951, с. 134; V. E. Garfield, P. S. Wingert. The Tsimshian Indians and their Arts. Seattle, 1966.

³ Hadsenas [Боас, 1912], Hadsenas [Боас, 1895]. «Это птица, которая напоминает американского дрозда (англ. «robin» *Turdus migratorius*), но это не дрозд» [Боас, 1912, с. 72—73]. «Он поет „ho, ho“, и его имя, которое значит 'удача', обозначает птицу, считающуюся небесным вестником» [Боас, 1895, с. 286]. Можно думать, что это *Ixoreus naevius*, который действительно является зимней птицей со странным и таинственным криком (C. Lévi-Strauss. Mythologiques. IV. P., 1971, с. 438—439, 447).

В этой не претендующей на лингвистичность работе предельно упрощена транскрипция индейских слов: сохранены лишь различия, необходимые для того, чтобы избежать неоднозначности в приведенных примерах.

⁴ Имя Asdiwal, безусловно, имеет много коннотаций. Форма Nacsa Asihwil означает «преодолеватель гор» [Боас, 1902, с. 226], но ср. также asdiwal — «быть в опасности» [Боас, 1912, словарь, с. 257] и Asewaelgyet — «другое имя и особое воплощение Птицы-Грома» (M. Barbeau. Totem Poles. — «Bulletin 119, National Museum of Canada. Anthropological Series 30». 1950, vol. 1, с. 144—145, vol. 2, с. 476).

⁵ Карта, более точная и полная, чем та, которая была опубликована в первых изданиях данной работы, любезно предоставлена мне г-ном Вильсоном Даффом, профессором Университета Британской Колумбии, которому я выражаю здесь глубокую благодарность. Названия мест опознаются легко, несмотря на транскрипцию, немного отличающуюся от транскрипции Боаса.

⁶ V. E. Garfield. Tsimshian Clan and Society, с. 175; [Боас, 1912, с. 71, 276]. Ср. Kitselässir — «на реке Скина» (A. Krause. The Tlingit Indians. Results of a Trip to the Northwest Coast of America and the Bering Straits. Seattle, 1956, с. 214—215).

⁷ V. E. Garfield. Tsimshian Clan and Society, с. 175.

⁸ [Боас, 1916, с. 482—483]. Свентон дает: «Kinagingeeg, около Метлакатла (?)» (I. R. Swanton. The Indian Tribes of North America. — Bulletin 145, Bureau of American Ethnology. Wash., 1952, с. 606); ср. Kin-nach-hangik «на полуострове около Форт-Симпсона» (A. Krause. The Tlingit Indians, с. 214—215).

⁹ W. Beunon. The Tsimshians of Metlakatla. — «American Anthropologist» (n. s.). Vol. 43, 1941; V. E. Garfield, P. S. Wingert, M. Barbeau. The Tsimshian..., с. 33—34.

¹⁰ V. E. Garfield. Tsimshian Clan and Society, с. 175; [Боас, 1916, с. 483]. Свентон дает: «Kitkatla, на острове Porcher» (I. K. Swanton. The Indian Tribes of North America, с. 607).

¹¹ V. E. Garfield. Tsimshian Clan and Society, с. 176; Ginadâiks — «Один из девяти городов цимшиан» [Боас, 1912, с. 223]; ср. Kinnatō-iks — «на полуострове, около Форт-Симпсона» (A. Krause. The Tlingit Indian, с. 214—215).

¹² [Боас, 1916, с. 355, 529, 426]. Ср. также с. 420, 427, 441, 499—510.

¹³ [Боас, 1916, с. 423]; B. Malinowski. The Sexual Life of Savages in North-Western Melanesia. Vol. 1—2. N. Y.—L., 1922, passim.

¹⁴ Изложение и сравнительный анализ всех учебных текстов о прожорливости демиурга см.: [Боас, 1916, с. 636 и сл.].

¹⁵ Прежде всего как самое маленькое млекопитающее, вошедшее в мифологию, и еще потому, что в мифологии северо-западного побережья мышь пред-

ставляет хтонических животных на самом скромном уровне — на уровне домашнего хозяйства. В самом деле, мышь — хтоническое животное, принадлежащее домашнему очагу. В этом качестве она имеет право на незначительное жертвоприношение — жир, который стекает с ушных подвесок из шерсти, когда их специально для мыши бросают в огонь.

¹⁶ «Любовь вождя тюленей и его племенн все возрастала» [Боас, 1912, с. 133].

¹⁷ Цимшиан группы ниска «черпают из реки (Насс) свою пищу, состоящую прежде всего из лосося и сечи-рыбы. Эта рыба действительно в начале весны поднимается по реке для нереста в таком огромном количестве, что река была названа Nass, что означает 'желудок' или 'продовольственный склад'. (G. T. Emmons. Niska. — Handbook of American Indians North of Mexico (Bulletin 30, Bureau of American Ethnology). Vol. 1—2. Wash., 1910).

¹⁸ Двойной — обычный и сверхъестественный — аспект оппозиции между вершиной и долиной уже содержится в мифе, поскольку опасность положения героя вызвана землетрясением, которое произвели боги.

¹⁹ Таким образом, мы увидим это далее, явная открытость цикла объяснима, потому что в истории сына Асдивали, Вауха, закрытость будет результатом матрилиateralного брака, в конечной ситуации оказавшегося несостоятельным: муж и жена без детей.

²⁰ Сам Асдиваль унаследовал от отца легкость и быстроту птицы. В этом заключаются достоинства, присущие охотнику, который, как считают индейцы, «должен ступать с той же легкостью, с какой летит птица» [Боас, 1916, с. 403]. Информант Боаса считает Вауха «единственным сыном» Асдивали [Боас, 1916, с. 243]. Это ошибка, поскольку у Асдивали был сын от третьего брака [Боас, 1912, с. 123, 133, 135], что несущественно, поскольку третий брак дублирует второй.

²¹ Ср. в связи с этим мою «Структурную антропологию» (Anthropologie structurale. P., 1958), гл. XI — «Структура мифов».

²² Очевидно, информант Боаса допустил ошибку, а Боас исправил ее лишь частично. В [Боас, 1916, с. 244] этот пассаж представлен следующим образом: «Перед смертью мать пожелала, чтобы сын женился на одной из ее кузин, и он выполнил желание матери». Речь, таким образом, должна была идти о кузине матери, а не сына. Соответствующий индейский текст есть в кн.: Th. M. Durrill. The Relationship Systems of the Tlingit, Haida and Tsimshian. — «Publications of the American Ethnological Society». Vol. 11. N. Y., 1928, с. 124, я привожу его в упрощенной транскрипции: на gauga (?) dem dzake na'ot da hasa'x a dem naksde lguolget a klálda lgu-txaât. . .

Термин родства *txaâ* означает детей сестры отца или брата матери, т. е. всех перекрестных кузенов. *Lgu* — диминутив. Суффикс *-i* — посессив 3-го лица. В своем изложении истории Вауха Боас повторяет подозрительное утверждение: «Он женится на одной из кузин своей матери» [Боас, 1916, с. 825]. Но в комментарии он исправляет свою интерпретацию, с основанием помещая этот пример среди тех, которые он приводит для иллюстрации браков с матрилиateralной кузиной: «Нормальный тип брака, как его описывают традиционные повествования, соединяет юношу с дочерью брата его матери. Так. . . женщина просит, чтобы дочь вышла замуж за своего кузена (244)» [Боас, 1916, с. 440]. Из того, что на с. 244 речь идет только о браке Вауха, следует, что родственные связи Боас на этот раз устанавливает правильно, но пугает пол супругов. Отсюда — новое противоречие, потому что тогда кузина была бы со стороны отца. Действительный смысл, очевидно, следующий: перед смертью мать пожелала, чтобы сын женился на одной из его кузин.

²³ V. E. Garfield. Tsimshian Clan and Society, с. 232—233.

²⁴ [Боас, 1916, с. 411] в противоречии со с. 401. Мы вскоре вернемся к этому расхождению.

²⁵ [Боас, 1916, с. 178]. Ср. об этом также: E. Sapir. A Sketch of the Social Organization of the Nass River Indians. — «Museum Bulletins of the Canada Department of Mines». Geological Survey. Vol. 19. Ottawa, 1915, с. 6, 27; V. E. Garfield, P. S. Wingert, M. Barbeau. The Tsimshian. . . , с. 17—25.

²⁶ I. R. Swanton. Contributions to the Ethnology of Haida. — «Memoirs of the American Museum of Natural History». Vol. 8. N. Y., 1909; см. статью Веджвуда «Күзенный брак» в «Британской энциклопедии»; J. F. Richards. Cross-Cousin Marriage in South India. — «Man». Vol. 14, 1914.

²⁷ C. Lévi-Strauss. Les structures élémentaires de la parenté. P., 1949, с. 158—159 (1967, с. 143—145).

²⁸ [Боас, 1916, с. 185—191]. Описывая, по данным другого информанта, церемонию брака у ниска, Боас говорит, что сражение между двумя группами может быть очень жестоким, случается, что убивают одного раба из охраны жениха: «Это примета того, что супруги никогда не разлучатся» [Боас, 1916, с. 531].

²⁹ C. Lévi-Strauss. Les structures élémentaires de la parenté; он же. Anthropologie structurale, с. 345—346.

³⁰ [Боас, 1916, с. 403]. Функция удвоения путешествия Асдиваля на небо (по контрасту с одним путешествием в подземный мир), очевидно, состоит в том, чтобы дополнительно подчеркнуть аналогию с ловлей лосося. В самом деле, возвращение на небо изображено как ловля сетью, опущенной в небесное отверстие, подобно ритуальной ловле сетью первого весеннего лосося через прорубь на еще покрытой льдом реке.

³¹ [Боас, 1912, с. 112—113]. Если наша интерпретация верна, следует допустить, что эксплицитная оппозиция небо / земля реализуется здесь в имплицитной форме небо / вода, что представляет самую сильную оппозицию в трех-элементной системе, используемой мифом. Эта система реально может быть представлена в виде следующей формулы (знак : читается «относится к»; знак : : — «как», знак / — «противопоставлено чему-либо»):

(1) небо : земля : : земля : вода,
что может быть записано и как

(2) небо > земля > вода.

Высказанная выше гипотеза о «вылавливании» Асдиваля тогда проверяется превращением:

(3) небо : вода : : земля : земля,

причем утверждается, что оно соответствует второму сверхъестественному путешествию Асдиваля, где оппозиция воде (земле) выражена с помощью подземного путешествия. Поэтому вполне обоснованно устанавливается:

(4) небо / земля : : небо / вода (когда «вода» имеет функцию «под небом»)

(5) земля / вода : : земля / земля (когда «земля» имеет функцию «под землей»).

Итак, это удвоение полюса «земля» оказывается необходимым для включения, говоря завуалированно, более сильной оппозиции между небом и землей в менее сильную и пока имплицитную оппозицию между землей и водой: Асдиваль, находящийся на земле, смешанной с жидким элементом, «выловлен», как рыба, вверх на небо, описанное как земной пейзаж: «зеленый цветущий луг».

Представляется, таким образом, что с самого начала мифом управляет одна более действенная, чем остальные, оппозиция, хотя это и не сразу осознается: оппозиция между землей и водой, которая, кроме того, наиболее непосредственно связана с формами производства и с объективными отношениями между человеком и миром. Даже формальный анализ мифов одного общества подтверждает примат инфраструктур.

³² Ср. колебания Боаса [Боас, 1916, с. 401, 411—412]. Даже Гарфильд, внимательно изучавшая эту проблему, не решается признать наследование по отцовской линии, ср.: V. E. Garfield, P. S. Wingert, M. V. Barbeau. The Tsimshian. . . , с. 17.

³³ [Боас, 1916, с. 449—450 и 919—932] (нутка).

³⁴ [Боас, 1916, с. 192—206, 770—773, 919—932].

³⁵ Мы не располагаем достаточной информацией относительно других рыб, в частности скорпенид. Но из [Боас, 1895] вытекает, что, находясь у тюленей, герой ел их кости, потому что они в конце концов выходят у него из желудка, от чего он умирает.

³⁶ «Lakkulzar ili Greenville»; «Gitwinksilik. . . в устье Насса» (I. R. Swanton. The Indian Tribes of North America, с. 586). Однако на карте в книге

Барбо Gitwinksilk (Gitwinksihlt) помещен выше (см.: M. V a g b e a u, Totem Poles).

³⁷ «Greenville (lexqaltsa'p). . .». По Сепиру, Гитванкцитлку (Gitwankcitlku) «Люди оттуда, где живут ящерицы» образуют третью группу ниска, считая от низовья (E. S a p i r. A Sketch. . ., с. 2).

³⁸ «Gitxate'n — «Люди ловушек (на рыбу)» (там же, с. 3). На карте у М. Барбо Гитрхатин (Gitrhatin) находится в начале устья и низовьях каньона. Представляется, что это то же место, которое ранее называлось Лахкалтсап (Laxqaltsap).

³⁹ Миф торжественно утверждает это, но деревню молодой женщины не называет.

⁴⁰ «Несколько ягод» [Боас, 1895].

⁴¹ Многочисленные мифы рассказывают о том, как люди лишились лесосы из-за отказа есть заплесневевший кусок рыбы или из-за отвращения, когда обнаружили, что Мать Лососей мечет икру через зад.

⁴² «Охота в море требует совершенно иных приемов по сравнению с горной охотой» [Боас, 1916, с. 403].

⁴³ «Женщины едут в лодке все вместе или гуляют по лесу, собирая ягоды» [Боас, 1916, с. 404].

⁴⁴ Ср.: С. L é v i - S t r a u s s. Anthropologie structurale, с. 252—253.

⁴⁵ Младшая, представляющая плодородие в будущем, маркирована по признаку «женский», старшая не маркирована. Следовательно, младшая должна постоянно занимать позицию (земля): в версии Скинны — потому, что она произведет на свет Асдиваля, владыку гор, земного охотника, а в версии Насса — по той же причине, к которой присоединяется сугубо женский признак сбора ягод, олицетворяющих земную пищу. Ср.: «Мужчины приносят всю животную пищу, кроме съедобных ракушек, а женщины собирают ягоды, корни и съедобные ракушки» [Боас, 1916, с. 52 и 404].

⁴⁶ Ср. [Боас, 1902, с. 225—226; Боас, 1912, с. 74—77 и 120—123].

⁴⁷ [Боас, 1916, с. 70]. Ср. также [Боас, 1902, с. 7 и сл.].

⁴⁸ F. B o a s (ed.). Handbook of American Indian Languages. Tsimshian. Clüekstadt, 1933—1938.

⁴⁹ E. S a p i r. A Sketch. . ., с. 3—7, из чего вытекает, что Годдар ошибся, приписав ниска только два экзогамных разделения вместо четырех. Заблуждение это объясняется, вероятно, тем фактом, что ниска, непосредственные соседи тлингитов, нуждаются чаще, чем цимшиан, в применении к своей социальной организации правила наименьшего общего кратного, чтобы соблести законы экзогамии в браках с чужими.

⁵⁰ E. S a p i r. A Sketch. . ., с. 3.

⁵¹ Боас приводит тридцать одну пару оппозиций «локальных частиц» типа вверх / вниз, внутрь / наружу, вперед / назад и т. д. [F. B o a s (ed.). Handbook. . ., с. 300—312].

⁵² C. L é v i - S t r a u s s. Compte rendu de M. Detienne: Les Jardins d'Adonis. — «L'Homme». Vol. 12, 1972, № 4.

⁵³ После моего доклада в феврале 1973 г. в Ванкувере, где была изложена эта интерпретация, студентка Университета Британской Колумбии Хильда Томас высказала мысль, что тоска, которая противоположна забыванию, может быть определена как избыток коммуникации с самим собой, и, таким образом, иллюстрирует последнюю, четвертую комбинацию: +, —.

⁵⁴ I. R. S w a n t o n. Haida Texts and Myths. — Bulletin 29, Bureau of American Ethnology. Wash., 1905, с. 354.

⁵⁵ Там же, с. 654—655.

⁵⁶ I. R. S w a n t o n. Tlingit Myths and Texts. — Bulletin 39, Bureau of American Ethnology. Wash., 1909, с. 243.

⁵⁷ A. R o s m a n, A. R u b e l. The Potlach: A Structural Analysis. — «American Anthropologist» (n. s.). Vol. 74, 1972, № 3, с. 40.

⁵⁸ J. F. J o n e s. A Study of the Tlingits of Alaska. N. Y., 1914, с. 128.

⁵⁹ I. R. S w a n t o n. Tlingit Myths and Texts, с. 242.

⁶⁰ C. L é v i - S t r a u s s. Les structures élémentaires de la parenté, с. 553—558 (изд. 1967 г., с. 512—517).

КАК УМИРАЮТ МИФЫ *

Здесь пойдет речь о смерти мифов, но не во времени, а в пространстве. Что мифы трансформируются, конечно, известно. Трансформации, переводящие один вариант одного и того же мифа в другой, один миф в другой миф, одни и те же или разные мифы из одного общества в другое, воздействуют то на схему, то на код, то на сообщение, однако миф, как таковой, не прекращает при этом своего существования; таким образом, трансформации соблюдают своего рода принцип сохранения материи мифа, согласно которому из любого мифа всегда может выйти другой миф.

Однако случается иногда, что в ходе этого процесса целостность первоначальной формулы нарушается. Тогда эта форма как угодно дегенерирует или прогрессирует в ту или иную сторону от уровня, на котором различительные признаки мифа еще опознаются, и он сохраняет то, что можно было бы назвать «общими контурами». Во что же трансформируется миф в таких случаях? Это мы и предполагаем разобрать здесь на одном примере.

Народы, принадлежащие к языковой группе селишей, вместе со своими южными соседями, сахаптинами, в историческую эпоху занимали практически все пространство, простирающееся от Скалистых гор до Тихого океана и охватывающее в общей сложности бассейны рек Колумбия на юге и Фрэнгер на севере. На этой обширной территории были записаны многочисленные варианты комплекса мифов, сконцентрированных вокруг истории ничего, большого и презираемого старика, обычно носящего имя Рысь. Хитростью он овладевает дочерью деревенского вождя; все в полном недоумении от ее необъяснимой беременности. Рождается ребенок, который объявляет, что Рысь — его отец; жители деревни в негодовании бросают эту семью без огня и еды. Один йли с помощью жены Рысь обретает свой истинный облик прекрасного юноши и опытного охотника. Благодаря ему семья живет в изобилии, тогда как жители, ушедшие из деревни, умирают от голода. В конце концов они смиряются, возвращаются и просят прощения; его — вместе с припасами — получают те, кто в злобе не бил и не истязал героя¹.

Сведенный к основной теме, этот миф имеет очень широкое распространение: он встречается вплоть до американских тропиков,

* Переведено по: C. Lévi-Strauss. Comment meurent les mythes. — Science et conscience de la société. Mélanges en l'honneur de Raymond Aron. P., 1971, vol. 1, с. 131—143.

у древних тупинамба на восточном побережье Бразилии, а также в Перу. Оригинальность селишей состоит в том, что у них миф развивался в двух параллельных формах. В одной из них сын Рыси, похищенный Совой и затем освобожденный родными, надевает гноющую кожу старика; после сожжения эта кожа породит туман; в другой — ребенок (в одних версиях он искатель приключений, в других — несносный плакса) становится хозяином ветра, опустошающего землю: поймав и укротив его, он подвергается опасностям и избегает их благодаря персонажу по имени Койот. То, что эта вторая форма широко использует старый французский фольклор, занесенный в XVIII в. канадскими лесорубами, ставит проблему, которую мы попытались решить в другом месте² и которую здесь не стоит рассматривать. Для того чтобы удостовериться в симметрии этих двух форм, достаточно указать, что в верованиях интересующего нас региона и вне его, вплоть до восточных пуэбло, рысь и койот образуют пару коррелирующих и противопоставленных термов, точно так же как пара туман и ветер — два типа взаимоисключающих атмосферных явлений, с происхождением которых связывается соответственно каждая серия мифов. Более того, герои каждой серии, сын Рыси или подопечный Койота, воспроизводят персонажей (и даже иногда с ними идентифицируются), носящих очень близкие имена, между которыми туземные информанты ощущают родство: Тсаауз, Нтсааз, Снаназ (Tsaauz, Ntsaaz, Snanaz) — в зависимости от диалекта³. Так, даже когда похищенный Совой мальчик не является сыном Рыси, он сохраняет метафорическую связь с отцом: оба они — хозяева тумана, и в разные моменты повествования каждый из них скрывает свою истинную природу под гноющей кожей старика. Если отношение между ними основано на сходстве, то в симметричной серии между Койотом и юным героем, хозяином ветра, превалирует отношение совмещения: их общая деятельность проистекает из простой встречи. Наконец, поимка первого героя Совой перекликается с именем второго героя, потому что на языке шусвапов его зовут Снаназ, что, по свидетельству информантов, как раз и значит «сова»⁴.

Обе серии в наиболее разработанной форме обнаруживаются у индейцев с реки Томсон, занимающих центральное положение в языковом пространстве селишей. Уже у их северных соседей, шусвапов, также принадлежащих к селишам, комплекс мифа начинает распадаться; по словам лучшего их знатока Дж. Тейта, эти индейцы часто делили свою версию мифа о Снаназе, хозяине ветра, на две отдельные истории. Что касается симметричного мифа о маленьком мальчике, невыносимом плаксе, которого сначала пугает, а потом похищает Сова, то этот миф ослабевает по мере движения к варианту, который можно назвать минимальным, во-первых, в количественном отношении, поскольку он иногда сводится к похищению героя, его последующему освобождению и превращению человека-совы в обыкновенную птицу, возвещающую смерть (функция, приписываемая

сове всеми внутренними селищами и многими другими индейцами), и, во-вторых, в качественном отношении, поскольку из великана-людоеда (например, у кутенаи, изолированной языковой группы, граничащей с селищами на востоке ⁵) Сова мифа шусвапов превращается в мудрого и могущественного волшебника, который не только не поработает героя, но дарует ему свое знание и даже делает его могущественнее себя.

Стало быть, прослеживая один и тот же миф с юга на север, мы прежде всего замечаем некоторое уменьшение длины и богатства повествования, с одной стороны, а с другой — драматической напряженности мотивов, как будто сюжет одновременно дряхлеет и сжимается.

* * *

Самые северные представители центральных селищ — шусвапы по языку и культуре особенно близки своим южным соседям. Однако, если продолжить разыскания вовне, придется переступить через двойной порог. На северо-западе шусвапы соприкасались с чилкотинами, первыми из представителей языковой семьи атапаска, которая занимала весь север и северо-запад вплоть до эскимосских земель. В культурном отношении чилкотины отделились от аморфной социологической модели, типичной для центральных селищ, и приближались в большей степени к смежным с ними индейским культурам тихоокеанского побережья, таким, как квакиутль, бела кула, цимшиан и др., характеризуемым, как известно, сложной социальной организацией с разделением на кланы и фратрии, с системой классов (различающей аристократов, простой народ и рабов и основанной на рождении, праве первородства и богатстве) и отличающимся необычайным расцветом живописи и скульптуры, хорошо известным примером чего являются большие, так называемые тотемные столбы с богатой резьбой и церемониальные маски.

Эти языковые и культурные особенности свидетельствуют об историческом прошлом, различном у селищ, занимавших одну и ту же территорию, как кажется, в течение многих тысячелетий, и у пришедших позднее атапасков. Порог, образованный северной границей территории селищ, должен был явиться серьезным препятствием для коммуникации. В подобных случаях часто отмечается, что мифологические системы, пройдя через минимальное выражение, возвращают себе первоначальную полноту по ту сторону порога. Но там изображение перевертывается, подобно пучку световых лучей, проходящих в темную комнату через точечное отверстие и перекрещивающихся из-за этого препятствия таким образом, что одно и то же изображение, снаружи прямое, в комнате отражается как обратное. В соответствии с этой моделью версия мифа чилкотинов о мальчике, похищенном Совой, восстанавливает столь же богатый и развернутый сюжет, какой можно было найти в группах селищ к югу от шусвапов.

Однако многие основные высказывания значимым образом колеблются и подвергаются трансформациям, доходящим иногда до перевертывания смысла.

Как же рассказывают миф чилкотины? Под предлогом угощения Сова, говорят они, заманил и похитил мальчугана, который плакал не переставая. Человек-птица воспитал его — благодаря магическим действиям мальчик очень быстро вырос — и украсил ожерельем из раковин *dentalia*. Родители бросились на поиски сына и нашли его, но, поскольку тому нравилось у Совы, он сначала отказался идти с ними. В конце концов он согласился, и маленький отряд убежал, поджегши хижину Совы. Человек-птица пустился в погоню за беглецами, спрятавшимися около мостика, через который он должен был переходить. Устрашенный героем, размахивавшим перед ним руками-крючьями (он прикрепил к пальцам грозные когти из козлиных рогов), Сова упал в воду, добрался до берега вплавь и прекратил преследование. Деревня радостно встретила героя, он появился украшенный с ног до головы унесенными у Совы раковинами и раздавал их направо и налево; с этих пор у индейцев появились украшения из *dentalia*.

Однажды мать героя нашла, что он грязен, и приказала ему вымыться. Он отказался, она принудила его, он погрузился в воду и исчез. Безутешная мать села на берегу озера и отказалась сдвинуться с этого места. Наступила зима. Деревенские женщины стали приходить на берег озера черпать воду из проруби. Герой, все это время живущий на дне, развлекался тем, что портил им ведра. Его поймали две сестры, использовав как приманку богато разукрашенное ведро. Герой так разбух и ослабел от пребывания в воде, что не мог идти. Сестры напрасно пытались соскрести тину, которая покрывала его, как вторая кожа. Они перенесли его в свою хижину, где он отогрелся у огня, и стали о нем заботиться.

Эта зима выдалась небывало суровой, припасы оказались скудными, а мужчины не могли достать дерева, необходимого для того, чтобы сделать лыжи и охотиться. Герой, хотя он только что выздоровел, вышел наружу, быстро добыл дерева на пару лыж и попросил одну женщину взять его вязанку и встряхивать ее посередине лестницы, по которой спускаются в хижину (у индейцев жилище частично подземное, и входят в него через крышу). После этого вязанка стала увеличиваться и заполнила хижину. Охотники смогли сделать лыжи и отправиться на охоту, но добычи они не нашли. Воцарился голод.

Тогда герой попросил у деревенских жителей стрелы и, в свою очередь, отправился на охоту. Он тайно снял и спрятал кожу из тины. В своем настоящем облике он убил много карibu и, вновь надев тину, разделил их между теми, кто дал ему хорошие стрелы. Но Ворон, давший мягкую стрелу, получил при разделе только койота — жалкую добычу. Тогда он стал выслеживать героя и обнаружил в развилке дерева кожу из тины. Ворон спрятал ее и увидел, как возвращается молодой, прекрасный, украшенный раковинами

герой. Разоблаченный, герой остался таким, как был, и женился на сестрах, которые его вылечили⁶.

Конечно, для того чтобы выявить трансформации или инверсии, которые происходят в этом мифе атапасков, более распространенном у селишей, желательнее было бы привести и другие варианты. Однако это увело бы нас слишком далеко, и мы ограничимся несколькими замечаниями. Вместо обычного случая, когда Сова проникает в хижину, чтобы похитить ребенка, здесь он выманивает его наружу. Приведенная выше версия шусвапов уже произвела трансформацию Совы, кровожадного чудовища у кутенаи и свирепого хозяина в других вариантах, в благодетеля. Повествование чилкотинов продолжает трансформацию в том же направлении, но инвертирует функцию человека-птицы: у шусвапов он давал духовное могущество, а здесь становится обладателем материального богатства — раковин *dentalia*, которыми герой украшает себя перед бегством. К этому событию миф возводит происхождение этих драгоценных украшений; он придает им характер одновременно экзотический и сверхъестественный. У чилкотинов были все основания поддерживать перед своими соседями, внутренними селишами, таинственность происхождения раковин: живя дальше от побережья, селиши могли доставать морские раковины только через их посредство и поэтому называли чилкотинов именем, которое значит «люди с *dentalia*». В действительности же все обстояло иначе: чилкотины могли сообщаться через расположенные на их территории перевалы, прорезающие прибрежную горную цепь, с бела кула; они покупали у этих рыбаков раковины, а перед равнинными селишами держали на них настоящую монополию. Эти последние, в особенности индейцы Томсона и Кёр д'Алена, развивали симметричную разобранной выше серию мифов, объясняющих то, как они потеряли некогда местный источник раковин *dentalia*, что делает их миф диаметрально противоположным мифу, с помощью которого чилкотины стремились объяснить приобретение экзотического источника этих своих украшений.

Не менее показательным в мифе чилкотинов является эпизод, в ходе которого мать героя хочет принудить его вымыться. Если проследить все варианты этого эпизода по оси юго-восток — северо-запад, где друг друга сменяют соответственно индейцы Кёр д'Алена, Томсона и чилкотины, то можно наблюдать, по сути дела, тройную трансформацию. В версии индейцев с Кёр д'Алена страдающая от жажды мать просит у сына воды, а он ей отказывает. В версии индейцев реки Томсон сын, страдающий от жары, купается, несмотря на запрещение матери, что находится в противоречии с тем же эпизодом у чилкотинов⁷. Таким образом, семантическая функция воды переходит от питья к купанию, т. е. от содержимого к содержащему (вместилищу тела), потому что вода для питья входит в тело так же, как тело входит в воду для купания. Одновременно негативный сын инвертируется в негативную мать, а она, в свою очередь, инвертируется в позитивную мать:

	Нёр д'Ален	Томсен	Чилкотины
Вода	Содержимое	Содержащее	Содержимое
Протагонисты	Сын (—)	Мать (—)	Мать (+)

Все версии содержат «зимнюю» цепочку, но, в то время как в версиях внутренних селишей жителям не хватает дров, в версии чилкотинов им сначала не хватает воды, поскольку герой, развлекаясь порчей ведер, мешает женщинам ее доставать. Дерево, несомненно, играет свою роль в этой версии, но в качестве поделочного материала, т. е. в оппозиции с другой функцией, которую может выполнять дерево, поддерживая огонь в очаге. Эта оппозиция к тому же удаивается благодаря различным в одной и другой версиях способам, с помощью которых герой добывается увеличения небольшого количества дерева: встряхиванием его на середине лестницы или простым сбрасыванием сверху вниз. Последний способ — в версиях селишей удержался только он — с тем большей определенностью отсылает к тому способу, который применяет персонаж по имени Рысь (о нем мы уже говорили вначале: для того чтобы дочь вождя забеременела, он плюет или мочится с верха лестницы на девушку, спящую у ее подножия), что в некоторых из этих версий мальчик, схваченный Совой, — это сын Рыси, причем в мифе чилкотинов, где он им не является, он тем не менее надевает кожу из тины и становится поэтому слабым и больным, подобно Рыси, одетому в гноющую кожу старика, или сыну Рыси, который сразу после освобождения из плена у Совы добровольно принимает тот же облик. Можно вспомнить, что эта кожа, украденная у героя и сожженная, дает начало туману в полной симметрии с тиной, которая делает воду непрозрачной, подобно тому как замутняет воздух туман, чья «водяная» близость замещает ту близость, которую мифы селишей видят между туманом, дымом и огнем.

Наконец, связь с той серией мифов, где герой становится хозяином ветра, слабо представленной у чилкотинов, реализуется появлением в другом мифе Койота, в инвертированной позиции жалкой добычи, пассивного орудия мести героя Ворону, который плохо ему помогал, в то время как в сильных версиях о происхождении покоренного ветра мы видели Койота, оказывающего герою активную помощь, которая позволяет ему избежать опасной ситуации.

* * *

A priori ничто как будто не противоречит предположению, что за границей расселения чилкотинов миф может миновать и другие пороги, переход через которые приведет к сжатию и ослаблению сюжета, и что при этом мифу может быть возвращен первоначальный образ, но инвертированный по-иному и на новые оси. Можно предположить также, что, последовательно минуя пороги, сюжетный импульс исчерпает себя и коэффициент семантического поля трансфор-

маций, вначале легко поддающегося разработке, будет падать. Все менее и менее допустимые по мере перехода одних в другие, последующие состояния системы настолько исказят схему мифа, подвергая ее устойчивости такому жестокому испытанию, что она в конце концов треснет по швам. Тогда миф, как таковой, прекратит свое существование. Он или угаснет, уступив место другим мифам, характерным для других культур и других регионов, или, чтобы выжить, подвергнется изменениям, которые повлияют уже не только на форму, но и на самую суть мифа.

Это предполагается и в том частном случае, который нас занимает. Севернее чилкотинов жили «носильщики», также принадлежащие к языковой семье атапаски, но весьма отличные по культуре. Так, своим именем «носильщики» они обязаны своеобразным обычаем: вдовы у них должны были выполнять особенно строгие предписания, например в течение длительного периода постоянно носить кости покойного мужа. И вот у них обнаруживается порождающая ячейка нашего мифологического комплекса, такая же, какая была далеко на юге, у сахаптингов и селишей, но в примечательном образом трансформированной форме. «Носильщики» рассказывают историю о бедном мальчике-сироте, единственной одеждой которого была шкура рыси. Случайно во время прогулки он напал на обнаженную дочь вождя. Та его не видела, но затем узнала по шершавым рукам, которые дотрагивались до ее тела; чтобы избежать бесчестия, она вышла за него замуж. Вождь благосклонно принял столь недостойного зятя; преподношением ему одежд и украшений он «смыл» его бедность. Это вышло к благу, потому что юноша оказался выдающимся охотником и истребителем чудовищ, преследовавших индейцев. Но однажды он вступил в сражение с громадной кровожадной рысью и погиб. Безутешная молодая женщина покончила с собой на трупе мужа⁸.

При сравнении этого повествования с историей Рыси, изложенной нами вначале на основании версий сахаптингов и селишей, обнаруживаются многочисленные типы изменений. Некоторые из них предстают в виде инверсий: там герой стар, здесь — молод, нападает на дочь вождя за пределами деревни, а не внутри хижины или поблизости от нее. Далее все происходит так, как если бы версия «носильщиков» систематически заменяла буквальные выражения их метафорическим эквивалентом: вместо героя по имени Рысь — одежда из шкуры рыси, характеризующая героя; символический контакт с телом девушки заменяется реальным овладением ею; не менее символично уподобление бедности, которую дары вождя «смыывают» с героя, коже из тины в версии чилкотинов, которую тщетно пытаются смыть две сестры, и гноящейся коже в версиях селишей, где освободившийся от нее герой появляется украшенным богатствами, которыми он уже владел. Наконец, вместо истории, внушенной идеей справедливого распределения и кончающейся разделением действующих лиц на два лагеря: на плохих и наказанных и на хороших и

прощенных, здесь перед нами сюжет, развитие которого приводит к трагическому и неизбежному исходу. Все эти черты показывают, что версия «носильщиков» осуществляет переход от формулы, до сего времени соответствующей мифу, к формуле романтической, внутри которой исходный миф — не забудем, что он был «историей Рыси», — предстает в виде своей собственной метафоры: чудовищная рысь, немотивированно возникающая в конце и карающая не столько героя, украшенного всеми добродетелями, сколько само повествование, забывшее или пренебрегшее своей собственной природой и отрехшееся от себя как от мифа.

* * *

Рассмотрим теперь другой порог: тот, который на северо-западе отделял внутренних атапасков от племен тихоокеанского побережья, чьи социальные и культурные особенности мы уже кратко охарактеризовали выше и к чему следовало бы прибавить еще и особенности языкового порядка. Разместившиеся в устье рек Насса и Скины цимшиан, говорящие на изолированном языке, возможно родственном большой пенутианской семье, разделялись на кланы, имеющие патронимы животных. Клан Медведя в племенной группе ниска утверждал с помощью легенды свое исключительное право на ношение церемониального лобного украшения из раскрашенного резного дерева с перламутровой инкрустацией, изображающего голову совы, окруженную антропоморфными фигурами с когтями. Рассказывают, что у одного вождя был сын, который плакал не переставая. Его пугали Совой, и тот действительно прилетел и унес, но не невыносимого мальчика, а его сестру и поднял ее на верхушку дерева, откуда никому не удавалось ее снять, несмотря на ее мольбы. Наконец она смирилась, умолкла и вышла за Сову замуж. Вскоре она родила сына и, когда он вырос, попросила у мужа разрешения отослать его к людям. Сова согласился, сложил на этот случай песню и вырезал из дерева украшение для головы в виде своего изображения. Он проводил жену и сына до их деревни. После того как мать узаконила гражданское положение сына среди родственников, она ушла к мужу, оставив ребенка, который позже передал клану, из которого он произошел, убор, вырезанный Совой, и песню, которой он научился от Совы: «О мой брат! Белая Сова подарил мне это дерево, чтобы жить там».

Чтобы упростить анализ, оставим образ сестры в стороне. Ее присутствие в сюжете, по сути дела, объясняется трансформацией, происхождение и основание которой следует искать в версиях селишей реки Фрэзер, а именно у стилили или чехалис, но здесь их не имеет смысла разбирать. Ограничимся реконструкцией того, в чем эта версия цимшиан удаляется от версий чилкотинов и внутренних селишей. В то время как у «носильщиков» она сближалась с последними игрой метафор, очевидно, что повествование цимшиан вводит

в действие исключительно связи по смежности. К тому же оно предстает здесь не как миф, а как легенда, повествующая о событиях предположительно исторических и призванная выполнить точную и определенную цель — обосновать некоторые клановые привилегии. И, однако, речь неопровержимо идет о том же самом мифе, потому что резной убор, опубликованный Боасом⁹, изображает персонажей, протягивающих к сове, которую они окружают, руки со страшными когтями: мотив, который легенда цимшиан в том виде, как ее записал Боас, не объясняет, но который был известен информантам, потому что они называли этих персонажей *claw men* — «люди с когтями», а когти упоминались и в изложенном выше мифе чилкотинов.

Исходя из этого, можно продвинуться гораздо дальше. Те когти из козлиных рогов, с помощью которых герой чилкотинов обращает Сову в бегство, являются трансформом корзины, из которой торчат шила, куда совы в версиях шусвапов и кутенаи помещают похищенного героя; шила, в свою очередь, являются трансформом червей — пищи сов, наполняющих корзину, в более южных версиях селишей, где птица-похититель играет роль устрашающего хозяина, а не людоеда (версия кутенаи) или шамана, руководящего инициационными испытаниями (версия шусвапов). В конце этого нисходящего пути, у сенпойл, которые жили на юго-востоке территории селишей, т. е. напротив цимшиан, обнаруживается скрытый намек на центральную тему их повествования и сопровождающую его ритуальную песню. Так, сенпойл называли разветвление центрального столба в хижине, где совершались танцы в честь духов-хранителей, «совиный насест»¹⁰.

Если, далее, исходный миф селишей, переходя от чилкотинов к «носильщикам», трансформируется в романическую сказку, будучи перед этим инвертирован в качестве мифа при переходе через культурный языковой порог, отделяющий селишей от атапасков, то, преодолевая другой порог, он претерпевает иную трансформацию, на этот раз в рамках легендарной традиции, обосновывающей определенные изменения древней системы. В одном случае он колеблется в сторону романа, в другом — в сторону, которая, конечно, не является исторической, но на это претендует.

Чтобы кончить этот обзор, обратимся к востоку, т. е. в направлении, противоположном цимшиан. Это поможет нам отыскать третий тип трансформации, за пределами культурного и языкового порога, отделяющего атапасков от племен большой языковой семьи алгонкин, простиравшейся до атлантического побережья.

Самыми западными ее представителями на севере были кри, сопредельные с атапасками. В 1880 г. те, кто жил у озера Пуль-д-О, рассказывали, что здесь когда-то была деревня, откуда каждую ночь таинственно исчезал ребенок. В другом конце деревни жил мальчик, который постоянно кричал и плакал. Однажды мать в гневе сильно его встряхнула. Ребенок выскользнул из кожи, как «бабочка,

которая выходит из куколки», и улетел, превратившись в большую белую сову.

Женщина сторожила возвращение сына и обнаружила, что он, превращаясь ночью в сову, похищал детей и пожирал их, а днем снова принимал человеческий облик. Она собрала жителей деревни и обвинила сына, зачатого ею от белого человека. Маленького людоеда приговорили к смерти, но он стал умолять своих сограждан о пощаде, а за сохранение своей жизни обещал им большие чудеса. В конце концов его заключили в деревянный сундук, который подняли на сваи, и оставили запас еды, а все население покинуло это место.

Вернувшись через три года, все были поражены, увидев на оставленном ими месте большую деревню с деревянными домами, населенную белыми людьми, языка которых индейцы не понимали. Это была торговая фактория. Там жил ребенок-сова. Его узнали, стали расспрашивать; он объяснил, что новый народ произошел от детей, которых он похитил и сожрал. «А он, став великим белым вождем, дал кри оружие, одежду, утварь. И с тех пор оба народа жили в полном согласии»¹¹.

Действительно, кри, чье имя является сокращением *Kristineaux* (от *Keniatenoa* — одно из их самоназваний), с 1640 г. вступают в сношение с иезуитами и очень рано завязывают дружеские связи с французами и англичанами. К концу XVII в. они уже были охотниками и проводниками торговцев мехами, и их последующая история связана с историей Компании Гудзонова залива и Северо-Западной меховой компании. Их версия мифа о ребенке, похищенном Совой, явно проистекает из манипуляции, предназначенной для того, чтобы подчинить миф историческому пути, который отличал кри от их соседей, более сдержанных или даже враждебных по отношению к белым.

Но мы видим при этом, что речь идет не о том типе истории, к которому ценой другой манипуляции над мифом приходила легенда цимшиан. И разница здесь не в том, что в одном случае речь идет о племени, а в другом — о клане, она глубже. Цимшиан стремились утвердить существующий порядок и сделать его непреложным с помощью традиции, происхождение которой они отбрасывали во мрак времен. Кри приспособляли тот же миф к недавней истории с явным намерением оправдать существующее положение и укрепить единственную остающуюся для них возможной ориентацию — сотрудничество с белыми. История в легенде цимшиан повествует о воображаемом, потому что никогда женщина не выходила замуж за сову; история в мифе кри соотносится с реальными событиями, потому что белые брали в жены индианок, и, конечно, должно было случиться так, что когда-то индейцы в первый раз посетили факторию. В момент записи мифа дружеские отношения с белыми для них принадлежали еще к пережитому опыту.

Так миф, который трансформируется, переходя от племени к пле-

мени, в конце концов изнемогает, однако не до такой степени, чтобы исчезнуть. Остается еще одна альтернатива: путь романической разработки и путь использования мифа с целью узаконить историю. История эта, в свою очередь, может быть двух типов: ретроспективного, т. е. обосновывающего традиционный порядок далеким прошлым, или перспективного, т. е. делающего это прошлое начальной фазой вырисовывающегося будущего. Подчеркивая на одном примере манифестации органической непрерывности между мифологией, легендарной традицией и тем, что правильно будет назвать политикой, мы хотим воздать дань уважения ученому и философу [R. Aron], который никогда не соглашался делать из истории привилегированную область, где человек обеспечивал себе возможность обрести истину.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ F. Boas. Indianische Sagen von der Nord-Pacifischen Küste Amerikas. B., 1895, с. 9—10; он же (ed.). Folk-Tales of Salishan and Sahaptin Tribes. — «Memoirs of the American Folklore Society». Vol. 11, 1917, с. 103—116; A. Phinney. Nez Percé Texts. — «Columbia University Contributions to Anthropology». Vol. 25, 1934, с. 465—488; M. Jacobs. Northwest Sahaptin Texts. — Там же. Vol. 19, 1934, p. 1—2, с. 27—30; T. Adanson. Folk-Tales of the Coast Salish. — «Memoirs of the American Folklore Society». Vol. 28, 1934, с. 193—195; G. A. Reichard. An Analysis of Coeur d'Alene Indian Myths. — Там же. Vol. 41, 1947, с. 109—116; I. A. Teit. Traditions of the Thompson Indians. — Там же. Vol. 6, 1898, с. 36—40; он же. The Shuswap. — «Memoirs of the American Museum of Natural History». Vol. 4. Leiden—New York, 1909, с. 684; V. F. Ray. Sanpoil Folk Tales. — «Journal of American Folklore». Vol. 46, 1933, с. 138—142; W. I. Hoffman. Selish Myths. — «Bulletin of the Essex Institute». Vol. 15 (1884). Salem, Mass., 1884, с. 28—29; H. K. Haeblerlin. Mythology of Puget Sound. — «Journal of American Folklore». Vol. 37, 1924, с. 414—417; Ch. Hill-Tout. Notes on the N'tlakápanu of British Columbia, a Branch of the Great Salish Stock of North America. — «Reports of the British Association for the Advancement of Science». Vol. 69, 1899, с. 534—540; он же. The Natives of British North America. L., 1907, с. 228—242.

² Ср. наш отчет в «Annuaire du Collège de France», 69-e année, 1969—1970, с. 285—289.

³ F. Boas (ed.). Folk-Tales of Salishan and Sahaptin Tribes, с. 26.

⁴ I. A. Teit. The Shuswap, с. 698—699, 702—707; он же. Traditions of the Thompson Indians, с. 63—64, 87—89; он же. Mythology of the Thompson Indians. — «Memoirs of the American Museum of Natural History». Vol. 12. Leiden—New York, 1912, с. 265—268, 393—394; F. Boas (ed.). Folk-Tales of Salishan and Sahaptin Tribes, с. 26—30; G. A. Reichard. An Analysis of Coeur d'Alene Indian Myths, с. 146; L. Farrand. Traditions of the Chilcotin. — «Memoirs of the American Museum of Natural History». Vol. 4. Leiden—New York, 1900, с. 36—37, 42—43.

⁵ F. Boas, G. Hunt. Kutenai tales. — Bulletin 59. Bureau of American Ethnology. Wash., 1918, с. 20, 37, 50.

⁶ L. Farrand. Traditions of the Chilcotin, с. 36—37.

⁷ G. A. Reichard. An Analysis of Coeur d'Alene Indian Myths, с. 169—170; F. Boas (ed.). Folk-Tales of Salishan and Sahaptin Tribes, с. 26—30; I. A. Teit. Mythology of the Thompson Indians, с. 265—268.

⁸ D. Jenness. Myths of the Carrier Indians. — «Journal of American Folklore». Vol. 47, 1934, с. 114—121.

⁹ F. B o a s. The Social Organization and the Secret Societies of the Kwakiutl Indians. — Reports of the U. S. National Museum. Wash., 1902, с. 324—325 и табл. 1; ср.: о н ж е. Fifth Report of the Indians of British Columbia. — «Reports of the British Associations for the Advancement of Science». Vol. 65, 1895, с. 572.

¹⁰ V. F. R a y. Cultural Relations in the Plateau of Northwestern America. — «Publications of the F. W. Hodge Anniversary Publication Fund». Vol. 3. Los Angeles, 1939, с. 129.

¹¹ E. P e t i t o t. Traditions indiennes du Canada nord-ouest. P., 1886, с. 462—465.

1°. СОКРАЩЕНИЕ И СТРУКТУРИРОВАНИЕ

а) Организация функций

«Морфология сказки» В. Проппа слишком хорошо известна, а сходство между русскими и другими европейскими сказками установлено в достаточной степени, чтобы говорить об этой работе, не излагая предварительно ее содержания. Как известно, произведя описание функций, описание, состоящее одновременно из сгущения синтагматических единиц повествования в семантические единицы и из постулирования инвариантов тех вариантных форм, в которых они выступают в конкретных сказках, Пропп предлагает двойное определение того вида нарратива, которым является сказка.

1. Рассматривая отношения между описанными таким образом функциями и действующими лицами (актантами), которым они присвоены, он группирует функции по кругам действия, каждый из которых определяет соответствующего актанта. Это позволяет ему представлять сказку как «семиперсонажное» повествование.

2. Рассматривая только сами функции в их последовательности, образующей повествование, Пропп получает второе определение сказки, согласно которому она характеризуется: а) достаточно ограниченным набором функций (31); б) обязательным порядком их следования.

В предыдущей главе ** мы попытались проанализировать, в какой мере первое пропповское определение способствует пониманию и обоснованию более общей актантной модели, приложимой к большому числу описаний микроуниверсумов мифа. Теперь речь идет о новом исследовании. Как мы видели, анализ по функциям был пригоден для описания актантных смыслов и для дальнейшего построения на этой основе актантной модели; одновременно он мог быть использован в качестве исходной точки для описания отношений между функциями; последние, хотя и организованные в повествование, должны были, по крайней мере теоретически: а) учитывая характерную для

* Переведено по: А. J. G r e i m a s. A la recherche des modèles de transformation. — A. J. G r e i m a s. Sémantique structurale. Recherche de méthode. P., 1966, с. 192—213.

** Напомним, что данное исследование является одной из глав книги Греймаса «Структурная семантика» (примеч. ред.).

любого дискурсивного выражения избыточность, быть достаточно ограниченными по количеству, чтобы восприниматься как простые структуры; б) учитывая их следование в повествовании, содержать в то же время существенные элементы, позволяющие выявить трансформационные модели для семантических структур.

Чтобы в какой-то степени проверить эти предварительные теоретические рассуждения, следует снова обратиться к пропповскому набору функций и посмотреть: 1) можно ли свести их к такой совокупности функций, которая воспринималась бы как простая структура; 2) в чем состоит обязательность следования функций и в какой мере она может соответствовать реальным трансформациям этих структур.

Теперь после уточнения цели, остается лишь попытаться упростить набор функций, прибегая при случае к новым их сокращениям и, если возможно, к структурным отождествлениям.

б) Набор функций

Перечисляется составленный Проппом набор функций:

- 1° отлучка;
- 2° запрет;
- 3° нарушение;
- 4° выведывание (разведка);
- 5° выдача (сведения о жертве);
- 6° подвох;
- 7° пособничество;
- 8° вредительство;
- 8^а недостача;
- 9° посредничество (медиация, соединительный момент);
- 10° начинающееся противодействие;
- 11° отправка;
- 12° вызов (первая функция героя);
- 13° реакция героя;
- 14° снабжение, получение волшебного средства;
- 15° пространственное перемещение;
- 16° борьба;
- 17° клеймение, отметка;
- 18° победа;
- 19° ликвидация беды или недостачи;
- 20° возвращение;
- 21° преследование, погоня;
- 22° спасение;
- 23° неузнанное прибытие;
- 24° см. выше, 8а;
- 25° трудная задача;
- 26° решение;
- 27° узнавание;
- 28° обличение антагониста;

- 29° трансфигурация, новый облик героя;
- 30° наказание;
- 31° свадьба.

с) Распределение функций по парам

Набор, включающий 31 функцию, слишком велик для применения к нему структурных операций. Надо, следовательно, попытаться сократить его, тем более что и сам Пропп указал на возможность «спаривания» функций. На этой стадии, однако, «спаривание» такого рода может быть лишь эмпирическим, основанным исключительно на двойном требовании сгущения повествования в «эпизодные» единицы при условии, что будущие эпизоды обязательно бинарны и состоят только из двух функций.

В результате такого сокращения пропповский набор функций принимает следующий вид:

- 1° отлучка;
- 2° запрет vs нарушение;
- 3° выведывание vs выдача;
- 4° подвох vs пособничество;
- 5° вредительство vs незначительность;
- 6° посредничество vs начинающееся противодействие;
- 7° отправка;
- 8° испытание героя vs реакция героя;
- 9° получение волшебного средства;
- 10° пространственное перемещение;
- 11° борьба vs победа;
- 12° клеймение;
- 13° ликвидация незначительности;
- 14° возвращение;
- 15° преследование vs спасение;
- 16° неузнанное прибытие;
- 17° трудная задача vs решение;
- 18° узнавание;
- 19° обличение антагониста vs трансфигурация героя;
- 20° наказание vs свадьба.

Мы видим, что поддаются попарному объединению только некоторые функции. Новый набор, хотя и сокращенный, ненамного удобнее первого.

d) Договор

Встает вопрос, нельзя ли дать «спариванию» функций методологическое обоснование, которое сделало бы его операционным. Тогда такая функциональная пара, как «запрет vs нарушение», в рамках пропповского синтагматического описания интерпретируется как импликация (и в самом деле, «нарушение» предполагает «запрет»).

Если же, напротив, рассматривать ее вообще вне синтагматического контекста, эта пара станет семической категорией с терминами, одновременно и конъюнктивными и дизъюнктивными, и, следовательно, может быть записана как s vs $ne\ s$.

Попарное объединение, определяемое как категоризация функций, освобождает анализ, по крайней мере частично, от уровня синтагматического следования: сравнение, имеющее целью соединить тождественное и разъединить противоположное, теперь может быть применено к набору функций в целом. В своих критических замечаниях к Проппу («Структура и форма» *) К. Леви-Строс указал, что запрет, по сути дела, есть не что иное, как «негативная трансформация» приказания, т. е. того, что мы обозначаем через «предписание» (посредничество). Но предписание, со своей стороны, сопровождается связанной с ним функцией «реакция героя», которую лучше было бы назвать «согласием». Благодаря этой двойной оппозиции общее устройство четырех функций выглядит следующим образом: если

$$\frac{\text{предписание}}{\text{согласие}} = \text{установление договора,}$$

то

$$\frac{\text{запрет}}{\text{нарушение}} = \text{разрыв договора.}$$

Но, с другой стороны, если запрет является негативной формой предписания, а нарушение — отрицанием согласия, то очевидно, что эти четыре термина суть не что иное, как проявление семической системы, которую мы можем обозначить: либо на уровне гиперонимии — как выражение категории

$$A \text{ vs } \bar{A},$$

либо на уровне гипонимии, где каждый из термов, в свою очередь, соответствует системе

$$\frac{a}{ne\ a} \text{ vs } \frac{\bar{a}}{ne\ \bar{a}}.$$

Гомологическая операция, которая позволила нам рассматривать A как «установление договора», теперь создает возможность новой интерпретации последней функции повествования, обозначенной Проппом как «свадьба». Действительно, если повествование в целом началось разрывом договора, то финальный эпизод, т. е. свадьба, после всех перипетий восстанавливает разорванный договор. Тогда свадьба — не просто функция, как следует из анализа Проппа, но договор между адресантом, предлагающим адресату объект для поисков, и адресатом-субъектом, который его принимает. Свадьба должна, следовательно, выражаться формулой «предписание vs согла-

* Публикуется в настоящем сборнике (примеч. ред.).

сие» с той лишь разницей, что заключенный таким образом договор подкреплен передачей объекта желания.

Примечание. Переосмыслением функции «свадьба» мы начинаем серию поправок к проповскому набору функций; теоретические условия для этого мы уже указали: изотопия дискурсивного выражения может быть обеспечена лишь при условии, что алгоритмы сокращения функций будут устанавливаться на одном и том же уровне обобщения.

е) Испытание

Констатация того, что договор в некоторых случаях может сопровождаться функциями-результатами и таким образом вписываться в цепь функций, заставляет поместить его внутрь синтагматических схем, частью которых он является.

Если взять в качестве примера испытание, которое должен выдержать герой непосредственно после отлучки, то можно заметить в проповском описании новые лакуны. Так, анализ испытания как двух функций

вызов	vs	сопротивление
(первая функция дарителя)		(реакция героя)

недостаточен: подобно тому как предписание сопровождается согласием, вызов на испытание не может не сопровождаться его принятием. То же верно и для последующего: за принятием вызова идет сопротивление, кончающееся решением задачи; в итоге испытание увенчивается функцией-результатом — получением волшебного средства.

Теперь можно сказать, что любое испытание — так мы назовем только что описанную синтагматическую схему из пяти функций — состоит из следующих функций и пар функций (в порядке появления):

A = предписание vs согласие;

F = сопротивление vs решение задачи;

не c = результат.

Если попытаться приложить эту схему ко всем содержащимся в повествовании испытаниям — а их там несколько, — то обнаружится, что испытания проанализированы Проппом весьма неравномерно. Достаточно только составить сравнительную таблицу встречающихся в повествовании испытаний, чтобы почти автоматически заполнить лакуны, которые не замедлят появиться.

Таблица позволяет сформулировать ряд наблюдений.

1. Она выявляет большую избыточность, содержащуюся в сказочном нарративе:

а) прежде всего испытания, рассматриваемые как синтагматические схемы, повторяются три раза; различаются они лишь содержанием своих результатов;

Предложенная схема	Квалифицирующее испытание	Основное испытание	Прославляющее испытание
A { предписание согласие	Первая функция дарителя Реакция героя	Приказ Начинающееся противодействие героя	Трудная задача —
F { сопротивление решение задачи	— —	Борьба Победа	— Решение задачи
не c = результат	Получение волшебного средства	Ликвидация недостатка	Узнавание

б) функциональная пара-составляющая структуры договора, появившаяся в начале повествования в негативной форме A , в конце, как мы видели, становится A . Более того, каждое испытание начинается договором A_1 , A_2 , A_3 ;

с) представленная в каждом из трех испытаний пара «сопротивление vs решение» один раз, как мы увидим, появится без предшествующего договора.

2. Схема испытания имеет вид логической последовательности, характером которой мы еще займемся, а не синтагматической цепочки, потому что:

а) пары A и F не всегда смежны (отсылка героя с поручением лишь гораздо позже получает продолжение в виде основного столкновения с вредителем);

б) пары A и F могут оказаться в одиночестве, за пределами схемы испытания.

3. Если функциональная пара A может рассматриваться как бинарная структура значения, то по-иному обстоит дело с парой F , чья структура нуждается в объяснении.

f) Отлучка героя

Поверхностный взгляд на распределение функций в повествовании показывает, что его кульминационный момент состоит в борьбе героя с вредителем. Борьба, однако, происходит за пределами того общества, в котором произошло несчастье. Длинная цепочка повествования между отлучкой и неузнанным прибытием характеризуется отсутствием героя.

При более пристальном рассмотрении этой цепочки вновь обнаруживается отсутствие критерия изотопии, которому должно подчиняться наименование функций. «Отлучке» героя у Проппа соответ-

ствует функция «возвращение», которая на самом деле означает не возвращение героя, а его новую отлучку после пребывания в том месте, где происходит его победоносная борьба с вредителем. Если же мы будем понимать под «отлучкой» (обозначив ее через $\bar{p}$) момент, с которого начинается отсутствие героя, то этой функции будет противопоставлена (как позитивная сема семе негативной) не та, которую Пропп называет «возвращением», а «неузнанное прибытие» (p).

Кроме того, моменту, с которого начинается отлучка, соответствует приход героя на место борьбы ($\overline{не\ p}$), а моменту прихода героя на это место соответствует то, что Пропп называет «возвращением» ($не\ p$). Тогда мы получаем следующую схему перемещений героя:

$$\frac{\bar{p}}{не\ p} \text{ vs } \frac{p}{не\ p} .$$

Следует прибавить, что между моментами $\bar{p}$ и $\overline{не\ p}$ помещено еще и пространственное перенесение, или, другими словами, быстрое перемещение (d), — особая функция, которая, появившись в ходе рассказа перед борьбой, не имеет тем не менее симметричного соответствия после борьбы, где она сливается с функциями «преследование vs спасение». Мы вправе считать, что «преследование vs спасение» представляет собой синкретизм функций, где содержится, с одной стороны, функциональная пара F (разложимая на «сопротивление vs решение») и, с другой стороны, быстрое перемещение. Тогда в схему отлучки следует ввести еще одну функцию (d) — перемещение, которое, хотя и осуществляется в противоположных направлениях, не становится от этого менее избыточным:

$$\bar{p} + d + \overline{не\ p} \text{ vs } не\ p + d + p .$$

В связи с этой схемой следует сделать два замечания.

1. Быстрота перемещения на уровне повествования должна, вероятно, на уровне актантажной модели соответствовать интенсивности желания. В этом смысле она является не функцией, а одним из ее аспектов и поэтому не входит в описание функций. Мы остановились на ней лишь для того, чтобы выделить в синкретизме функций избыточное F , и еще потому, что на этом уровне анализа синкретизм функций заслуживает того, чтобы быть отмеченным.

2. Само по себе перемещение, рассматриваемое как категория «(идти) туда vs (идти) обратно», интересно лишь в той мере, в какой оно свидетельствует об одиночестве героя и о его пребывании в другом месте, «там», не имеющем отношения к «здесь» повествования. Исследования Д. Пом (D. Paulme) и Л. Себаг (L. Sebag), опубликованные в «L'Homme», III, уточнили смысл этой типологической дизъюнкции: герой находится то под землей, то под водой, то в воздухе; то он в царстве мертвых, то в царстве богов. Проблема оказывается одновременно и простой и сложной, во всяком случае, слип-

ком сложной для того, чтобы рассматривать ее в рамках сказки, аксиологический запас которой недостаточен.

Будем в связи с этим предварительно рассматривать отлучку героя как категорию дейксиса, избыточную в связи с медиационной функцией героя, на которой мы остановимся позже.

Примечание. «Отлучка старших» (= адресанта) может быть обозначена таким же образом.

g) Потеря и возврат

Читатели Проппа, должно быть, заметили, что в своем описании он четко различает девять первых функций, рассматривая их как своего рода введение в ткань повествования. Мы уже знаем роль первых трех функций (отлучка, запрет, нарушение), эквиваленты которым обнаруживаются в середине и в конце повествования. Теперь остается рассмотреть еще три пары функций, образующих это «введение»:

выведывание vs выдача,
подвох vs пособничество,
вредительство vs недостача.

Сразу можно заметить, что вся эта цепочка представляет собой серию несчастий, происходящих вследствие нарушения установленного порядка, что она является негативной последовательностью, которой должна была бы соответствовать согласно принципу симметрии, обнаруженному в предшествующем разборе, позитивная последовательность.

Представляется, что первая пара функций — «выведывание vs выдача» — вписывается в рамки общего понятия коммуникации и может быть выражена проще — как «вопрос vs ответ». Расчлененной таким образом лингвистической коммуникации, как кажется, соответствуют две удаленные друг от друга в ходе рассказа функции: «клеямение vs узнавание», которые, хотя и в иной формулировке, могут интерпретироваться как «передача (знака) vs получение (этого знака)», т. е. как две симметричные функции, образующие позитивный акт коммуникации, в то время как пара «вопрос vs ответ» составляет своего рода негативную коммуникацию.

Если принять в расчет прием овеществления, обычный в мифе, то в первом случае речь идет о передаче сообщения-объекта, а во втором — о вымогательстве сведений. Рассмотренная симметрия должна быть тем не менее дополнительно подтверждена предполагаемой симметрией двух оставшихся функциональных пар.

В финальной части повествования узнавание героя сопровождается обнаружением истинного лица вредителя, который сбрасывает маску. Но если вредитель сбросил маску, значит, эта маска у него была. И действительно, хотя описательная лексема «подвох» не указывает на это с очевидностью, Пропп не упускает случая подчеркнуть, что антагонист с целью обмануть героя всегда появляется

в чужом облике. Таким образом, устанавливается оппозиция между «подвохом» и «обличением» вредителя.

Что же касается второй функции этой пары — «пособничества героя», то она, хотя и менее явно, выводит героя как бы в маске. В самом деле, на этой стадии повествования герой очень часто предстает простаком, чем-то вроде деревенского дурачка, которого легко провести и который может даже заснуть на то время, пока вредитель действует; одним словом, речь идет о нераскрытом герое. Этой замаскированной манифестации героя соответствует в конце повествования его трансформация: герой предстает во всем великолепии, в царском облачении; он обнаруживает свою истинную героическую природу. Теперь, сравнивая инициальные и финальные функции, можно сказать, что манифестации вредителя и героя в чужом облике, когда они скрываются под ложной внешностью, соответствует обнаружение их истинной природы. Гипотеза, несмотря на трудность словесной формулировки функций, подтверждается: инициальные негативные функции разворачиваются параллельно финальным позитивным функциям. Невозможно не заметить своего рода усиления (*crescendo*) в поступательном движении функциональных пар. Негативная коммуникация, т. е. вымогательство сведений, сопровождается обманом, а обман, в свою очередь, вредительством в виде кражи или похищения. Третья пара функций по своему структурному статусу больше похожа на первую пару. Действительно, обе цепочки имеют то общее, что в обоих случаях объект (сообщение или символический образ богатства) меняет владельца и переходит от героя или от его родных и близких к вредителю. В промежуточной функциональной паре этот переход, если он существует, менее заметен: он выявляется лишь при сравнении с первым испытанием, которое герой должен выдержать и в результате которого получит волшебное средство, т. е., в сущности, могущество, придающее ему качество «быть героем». Это позволяет понять, что и в результате подвоха, так сказать, переходит из рук в руки или оказывается спрятанной у вредителя именно героическая природа героя.

Таким образом определяется структурный статус инициальных и финальных цепочек повествования, каждая из которых характеризуется тройной степенью избыточности функциональных пар; речь идет об общей структуре коммуникаций (т. е. обмена), содержащей передачу какого-либо объекта: объект-сообщение, объект-могущество и объект-богатство; инициальная цепочка выступает как избыточная серия лишений, перенесенных героем и его близкими, а финальная цепочка состоит из параллельной серии приобретений, осуществленных героем.

Однако если «вредительство vs недовольство» образуют функциональную пару негативного обмена, то на противоположном конце рассказа положение несколько усложняется: вредительству, конечно, соответствует наказание вредителя, но недовольство после победы над вредителем ликвидируется избыточно, сначала восстано-

лением общественного блага, а затем вознаграждением героя на свадьбе.

Теперь речь пойдет о записи итогов проделанного анализа с помощью символических обозначений. Обозначим через C шесть пар функций, которые мы только что проанализировали; в нумерации C_1, C_2, C_3 инвариантный характер коммуникативного статуса выражен повторением C , а объекты-переменные выражены цифрами 1, 2, 3.

Рассмотрим инициальную серию функций как негативную трансформацию финальной серии, обозначив инициальные функции через $\bar{C}_1, \bar{C}_2, \bar{C}_3$. Поскольку C всегда обозначает категорию, в свою очередь способную к семическому переходу в c vs $ne c$, мы получаем следующее символическое выражение двух параллельных и обращенных серий:

$$\begin{aligned} \bar{C}_1 &= \frac{\bar{c}_1}{ne c_1} & C_1 &= \frac{c_1}{ne c_1} \\ \bar{C}_2 &= \frac{\bar{c}_2}{ne c_2} & C_2 &= \frac{c_2}{ne c_2} \\ \bar{C}_3 &= \frac{\bar{c}_3}{ne c_3} & C_3 &= \frac{c_3}{ne c_3} \end{aligned}$$

Далее можно условно обозначить инициальную серию как лишение, а финальную серию — как возмещение.

Примечание. Присвоение функциям после их пересмотра новых названий вызвано введением символических обозначений.

h) Испытания и их следствия

На этой стадии анализа уже возможно перейти к интерпретации результатов испытаний. Каждое из трех испытаний состоит из двух пар функций, обозначенных через A и F , и одной одиночной функции, рассматриваемой как частный результат, специфицирующий каждое испытание. Они предстают в порядке появления в повествовании как: получение волшебного средства, ликвидация недостачи, узнавание.

Поскольку дано, что все функции, за исключением трех последних, организованы в пары, одиночный статус *результатов* может показаться странным.

К счастью, анализ обеих цепочек — лишения и возмещения — позволяет лучше понять результаты. Так, возьмем для начала результат основного испытания, где «ликвидация недостачи» предстает как позитивная функция ($ne c_3$), противопоставленная своей негативной трансформации, т. е. «недостаче» ($ne \bar{c}_3$). Подобно этому «узнавание» является «получением сообщения» ($ne c_1$), противопоставленным своей позитивной семе, т. е. «клеймению» (c_1) и «выдаче» — перс-

даче сообщения ($\overline{не c_1}$). Что касается «получения волшебного средства» как результата квалифицирующего испытания, то мы уже видели, что ему соответствует «лишение героя силы», представленное «способничеством» ($не c_2$ vs $не c_2$).

Включение результатов в цепочки лишения и возмещения позволяет лучше уяснить смысл самих испытаний: их роль состоит в том, чтобы аннулировать роковые последствия лишения, которое само по себе является результатом нарушения установленного порядка.

1) Результаты сокращения

Первая часть анализа, своего рода эскиз к сгущению функций, на этом кончается, и мы можем представить в виде схемы сокращенный окончательный набор повествовательных функций.

Разрыв договора
Лишение

Возмещение
Восстановление договора

Главное испытание

$\bar{p} \bar{A} \bar{C}_1 \bar{C}_2 \bar{C}_3 p A_1 p_1 (A_2 + F_2 + не c_2) d не \bar{p}_1$
 $(F_1 + c_1 + не c_3) не p_1 d F_1 p_1 (A_3 + F_3 не c_1) C_2 C_3 A (не c_3)$

Квалифицирование   Поиск   Требование

A = договор (предписание vs согласие);

F = борьба (реакция vs победа);

C = коммуникация (передача vs получение);

p = присутствие;

d = быстрое перемещение.

2°. ТОЛКОВАНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ

а) Ахронные и диахронные элементы повествования

Приведенная схема соответствует сокращенному набору функций. Это сокращение оказалось возможным лишь благодаря известной свободе обращения с самим определением нарратива, где, по Проппу, последовательность элементов строго соблюдается.

Произведенное нами сокращение, напротив, потребовало парадигматической и ахронной интерпретации отношений между функциями: в самом деле, попарное разбиение функций действует, только если отношение импликация

$не 1 \rightarrow 1$

может быть трансформировано, исходя из наличия в семическом содержании парных функций отношения дизъюнкции, в

s vs $не s$,

что позволяет видеть в функциональной паре элементарную структуру значения.

Парадигматическая интерпретация, позволившая уяснить значение повествования в целом, дала нам затем возможность обнаружить независимые от порядка синтагматической последовательности и на этот раз более крупные единицы значения, термы которых основаны на семических категориях, проявленных в отдельно взятых функциях. Отношение, по которому строятся эти единицы, также является дизъюнкцией. Чтобы указать различие между этими двумя структурными уровнями, мы выделили (с помощью заглавных букв) составляющие их термы уже как категории и (с помощью надстрочного знака отрицания) их негативные термы. Эта процедура, если рассмотреть ее поближе, явится не чем иным, как приведением функций к функциональным категориям, сопровождаемым на втором этапе их отождествлением. Она позволила нам, отвлекаясь и от избыточности, и от последовательности в развертывании повествования, выделить две тождественные функциональные структуры:

$$A \text{ vs } \bar{A}$$

и

$$C \text{ vs } \bar{C}$$

в предвидении интерпретации повествования как простой ахронной структуры.

П р и м е ч а н и е. Анализ структуры коммуникации $C \text{ vs } \bar{C}$ не так прост как можно заключить из его записи. Он требует длинного развертывания, не возможного в рамках настоящей главы. К нему мы обратимся в другом месте.

Все повествование свелось бы к этой простой структуре, если бы не диахронный «осадок» в виде функциональной пары «реакция героя vs решение задачи», которую мы обозначили через F и назвали «борьбой» и которая не может быть трансформирована в элементарную семическую категорию.

б) Диахронный статус испытания

Функциональная пара F отличается особенностью вдвойне примечательной: она не только не может быть интерпретирована как категория семической оппозиции, но и представляет собой единственную одиночную асимметричную функцию; это значит, что в повествовании она ни разу не появляется в негативной форме.

Зато F входит составным элементом в диахронную цепочку, которую мы обозначили как «испытание» и которая состоит из

$$A + F + c.$$

Отсюда следует, что «испытание» можно было бы считать неразложимым ядром, связанным с определением повествования как диахронии. Теперь можно сделать ряд замечаний, уточняющих его диахронический статус.

1. Отношение между A и F может рассматриваться как отношение временной последовательности, а не обязательной импликации. В самом деле, в повествовании могут быть представлены только A или $\bar{A}$, и это не влечет обязательного появления F ; таким образом, A не является пресуппозицией F . С другой стороны, F может присутствовать в повествовании и без предшествующего A ; значит, F не является пресуппозицией A .

Это возвращает нас к тому, что цепочка «испытаний»; если она и характеризует повествование как временную последовательность, не предписывает, как того хотел бы Пропп, эту последовательность в качестве обязательной. Совершенно напротив: «испытание» является в этом смысле своего рода проявлением свободы. И если оно тем не менее предстает в виде застывшей цепочки, то это происходит не из-за внутренних отношений причинности, а из-за избыточности, которая отливаает его в форму, привнося в качестве дополнительной мифопоэтической коннотации смысл «утверждение свободы героя».

2. Если отношение между A и F есть отношение временной последовательности, оно не должно идентифицироваться как отношение, реализуемое благодаря значению «смежность». Временная последовательность легко допускает разъединение, и мы как раз видели, что основное испытание отделяет друг от друга две свои функциональные пары A и F , отчего повествование, напротив, сжимается.

3. Придает же свободной последовательности $A + F$ диахронный статус лишь обязательность результата, вытекающая из этой свободы. Сам результат действительно обязателен; он предполагает существование $A + F$; это отчетливо проявляется в некоторых литотных сокращениях повествований, где волшебное средство может быть передано герою без указания на предшествующее этой передаче испытание. Испытание, таким образом, есть лишь предуказание последовательности A и F , санкционированное появлением результата *не с*.

Особый диахронный статус испытания не исключает некоторого его параллелизма с выведенной ранее актантной моделью.

В самом деле, не только все шесть актантов оказываются включенными в испытание: категории, обеспечивающие осуществление актантной модели, также находят себе эквиваленты в испытании. Так, категория коммуникации соответствует структуре договора. Функциональная пара F , в свою очередь, реализует в виде борьбы оппозицию волшебного средства (которым владеет герой) и противника. Что касается результата, то, как мы видим, он представляет в разных вариантах приобретение субъектом желаемого объекта.

Следует отметить, что из трех входящих в повествование испытаний: квалифицирующее испытание, основное испытание, прославляющее испытание — только два последних представляют полное соответствие имплицитных ими функций с актантами по-

вестования. Что касается первого испытания, результатом которого является проверка героя на готовность к решающим испытаниям, то F в нем является лишь притворной, т. е. символической, борьбой, где адресант играет роль противника.

е) Драматическая пружина повествования

Если диахронное определение повествования содержится уже в одном только испытании, то его временное разворачивание подчеркнуто сверх того определенным числом приемов, принадлежащих к элементам нарративного мастерства. Это мастерство является составляющей «вторичной разработки» повествования (известной под названием драматической интриги, пружины и напряжения) и может быть определено через расстояние между функциями, т. е. разделение в последовательности функций, образующей повествование, семических смыслов, принадлежащих к той же самой структуре значения.

Так, семе $ne\ c_3$ (недостача) соответствует через интервал в пятнадцать функций сема $ne\ c_3$ (ликвидация недостатка). Излишне давать объяснение недостатке, которую Э. Сурьо (Souriau) обозначает как непереносимую ситуацию, чреватую нуждой, являющуюся двигателем действия. Как только появилась негативная сема (недостача), повествование будет стремиться найти позитивную сему (ликвидацию недостатка). Пружина, образованная разведением $ne\ c_3$ vs $ne\ c_3$, может быть названа «поиск».

В тот самый момент, когда пружина «поиск» растягивается, появляется новая сема, c_1 (клеяние): пружина, которая натягивается для реализации противоположной семы, $ne\ c_1$ (узнавание), хотя это напряжение представляется меньшим — из-за позитивного (а не негативного, как в случае «поиска») характера искомой семы; это напряжение может быть названо «просьбой», т. е. исходящей от героя просьбой узнать.

Что касается третьей пружины, «проверки», связывающей $ne\ c_2$ с $ne\ c_2$, то она кажется слабой лишь в той мере, в какой проверка героя просто объявляет о его победе, а не реализует ее. Структура ее тем не менее та же, что и структура пружины «поиск», и обе они являются избыточными пружинами, направляющими интригу.

Мы будем считать главными пружинами те разведения функций, в которых сема *ad quem* является одновременно и результатом испытания, потому что таким образом пружины включаются в саму структуру испытания и, кроме того, становятся частью его определения. И, напротив, мы будем считать вторичными и непостоянными пружины, образованные теми разведенными семическими оппозициями, чья сема *ab quo* не предшествует результату испытания.

д) Две интерпретации повествования

Испытание, которое определяет повествование в диахронном плане и является его узловым моментом, далеко не исчерпано. В самом деле, за исключением борьбы (F), другие составные элементы испытания представлены, так сказать, лишь формально: свой семантический вклад, свое значение, которое будет и значением испытания, они получают только из контекста, т. е. из повествовательных цепочек, предшествующих испытанию или следующих за ним.

Э. Сурьо определяет общее устройство театральной пьесы очень просто: более или менее спокойной начальной ситуации соответствует более или менее прочная ситуация конца пьесы; между этими двумя моментами происходит нечто. Мы уже знаем, что за «нечто» происходит в середине повествования; однако сема повествования черпает свой смысл только в двух постоянных начала и конца.

Две цепочки повествования — инициальная и финальная — состоят из двух семических категорий в позитивной и негативной форме:

Инициальная цепочка
 $A + \bar{C}$

Финальная цепочка
 $C + A$

Если считать, что в этих двух цепочках содержится основной семантический капитал повествования, то именно их прочтение должно дать ключ к значению сказки. Дело, однако, осложняется тем, что в зависимости от типа отношений между структурными термами возможны два прочтения. Первое будет состоять в ахронном понимании термов как категорий и в установлении корреляций между этими двумя категориями,

$$\frac{\bar{A}}{A} \simeq \frac{\bar{C}}{C},$$

что означает: существование договора (установленного порядка) относится к отсутствию договора (порядка) как лишение относится к полному обладанию ценностями.

Второе прочтение, учитывающее временное расположение термов, заставит нас рассматривать их во взаимной импlications

$$(\bar{A} > \bar{C}) \simeq (C > A),$$

что может быть объяснено примерно так: в мире без закона ценности разрушены; восстановление ценностей делает возможным возвращение в царство закона. Мы видим, что, несмотря на идентичность термов, эти две формулировки весьма и весьма различны.

е) Ахронное значение повествования

Первая формулировка устанавливает корреляцию между двумя рядами фактов в двух разных областях.

1. *Область социального*: законный порядок, организация общества на основе договора.

2. *Область индивидуального или межиндивидуального*: существование благодаря коммуникации между людьми индивидуальных ценностей и обладание ими.

Парадигматика повествования устанавливает, следовательно, наличие корреляции между этими двумя областями, т. е. судьбой личности и судьбой общества. Мы видим, что повествование в таком понимании только проявляет отношения, существующие на уровне коллективной аксиологии, при том что повествование служит лишь одной из многих форм этого проявления. В этом смысле сказка есть не что иное, как частный случай воплощения некоторых структур значения, которые могут ей предшествовать и которые, весьма вероятно, в социальном дискурсе избыточны.

Корреляция позволяет, таким образом, представить повествование как простую структуру значения. Что касается самой «корреляции», рассматриваемой как отношение, то она в основном является утверждением наличия отношения; выраженная, если речь идет о словесном уровне, союзом *как*, она устанавливает между членами уравнения отношения конъюнкции.

Теперь следует рассмотреть термины корреляции поближе, чтобы увидеть, в какой степени, несмотря на отсутствие аксиологического контекста, можно углубить интерпретацию значения в сказке.

Возьмем сначала вторую часть пропорции, относящуюся к области индивидуального. После сокращения мы интерпретировали каждое *C* как процесс коммуникации, характеризуемый передачей символического объекта. Затем коммуникация разделялась в соответствии с передаваемым объектом, причем каждый объект-вариант шел под своим номером: 1, 2, 3. Не стоит подробно говорить — тем более что это хорошо известно и в антропологии — об этой модели представления ценностей в мифе, которую можно назвать «объект в свете коммуникации», интереснее попытаться понять ее природу.

1. В случае C_1 объект коммуникации — сообщение, своего рода «застывшее» слово, благодаря этому овеществленное и поддающееся передаче. Объект-сообщение в мифе, дающий ключ и к узнаванию, мог бы рассматриваться как формулировка модальности «знать».

2. В случае C_2 речь идет о передаче могущества, которая лишает человека необходимой для действия энергии или, наоборот, дает ему эту энергию. Объект-могущество был бы тогда эквивалентом модальности «мочь» в мифе.

3. В случае C_3 коммуникация состоит в передаче объекта желания, что, следовательно, должно соответствовать модальности «хотеть». Не решаясь пока говорить о характере корреляции между ценностями, на которые делает ставку повествование, и модальными составляющими-категориями актантной модели, можно сказать, что наличие этой корреляции является подтверждением большой общности и тех и других.

Итак, мы видим, что термы *лишение* и *возмещение* ценностей, которыми мы обозначали повествовательные цепочки $\bar{C}\bar{C}\bar{C}$ и $C\bar{C}\bar{C}$, представляются в определенной степени подтвержденными этими новыми уточнениями. В итоге можно сказать, что вторая часть структурной пропорции, по сути дела, выражает альтернативу между человеком, лишенным благ, и человеком, наслаждающимся ими во всей полноте.

Что касается первой части пропорции, то она одновременно и проще и сложнее. Статус A , определенный нами как социальный договор, на первый взгляд также является коммуникацией: адресант приказывает адресату действовать; адресат принимает приказание. Речь идет, таким образом, о добровольном подчинении. В случае $\bar{A}$ адресант запрещает адресату действовать, что является очевидной негативной трансформацией a , приказа, являющегося приглашением к действию (a не к не-действию). Здесь договор носит негативный характер.

Кроме того, подчинение соответствует нарушению, которое, хотя и является одним из видов отрицания подчинения, тем не менее не целиком негативно, потому что в нем содержится стремление действовать в противоположность запрету, т. е. запрещению действовать. Терм *нарушение*, таким образом, неоднозначен.

а) В связи с подчинением это отрицание подчинения:

$$\text{не } a \text{ vs } \overline{\text{не } a};$$

б) в связи с запретом, являющимся отрицанием приказа (приказ действовать), это отрицание отрицания (отрицание приказа не действовать), т. е.:

$$\bar{a} \text{ vs } \text{—} (\bar{a}).$$

Иными словами, отрицание есть своего рода утверждение (ср. французское утвердительное *si*):

$$\text{—} (\bar{a}) = a.$$

Из этого следует, что нарушение есть своего рода приказание-Парадоксальное на первый взгляд, это дедуктивное рассуждений теоретически оправдано, даже если мы ограничиваемся только конверсией функций, не учитывая актантов. Включение актанто, разъясняет этот парадокс. Нарушение — именно приказ, содержащий отрицание адресанта и замену его адресатом. Представляется что идентификация адресата и адресанта в функции приказа оказывается определением [свободной] воли, акта свободной воли.

Теперь мы видим, что если

$$A \text{ vs } \bar{A}$$

есть оппозиция между установлением общественного договора и его разрывом, то разрыв договора получает некоторое позитивное зна-

чение: утверждение свободы личности. Повествование, следовательно, ставит альтернативу выбора между свободой личности (т. е. отсутствием договора) и принятым социальным договором. Только после такого дополнительного анализа выявляется истинное значение сказки, которая, как и миф, что Леви-Строс и предугадал и показал, актуализирует противоречия, выбор равно и невозможный и неудовлетворительный.

В контексте русской сказки это противоречие мифа может быть сформулировано следующим образом: следствием свободы личности является лишение; возмещение ценностей происходит за счет восстановления порядка, т. е. путем отказа от этой свободы.

Теперь надо рассмотреть, как повествование пытается разрешить это противоречие.

г) Трансформационная модель

Мы видим, что анализ повествования может привести к двум разным определениям.

Первое из них имело диахронный характер. Повествование в самом деле сводится к цепочке «испытание», которая, выявляя в речи актантную модель, как бы антропоморфизирует значение и реализуется поэтому как цепь человеческих (или парачеловеческих) поступков. Эти поступки, как мы видели, предполагают и временную последовательность (но не смежность и не логическую импликацию), и свободу последовательности, т. е. те два признака, которыми обычно определяют историю: необратимость и выбор. Мы видели также, что необходимый выбор (F после A) содержал некоторый результат, сообщая таким образом человеку, втянутому в исторический процесс, чувство ответственности. Итак, элементарная диахронная цепочка повествования содержит в своем определении все признаки исторической деятельности человека — необратимой, свободной и ответственной.

Такая интерпретация испытания позволяет рассматривать его как модель, т. е. как организованную совокупность действий в мифе, учитывающих исторические, т. е. действительно диахронные, трансформации; тогда анализ повествования, идущий в этом направлении, кончается признанием возможности описывать трансформационные модели. Под этим углом зрения уточняется роль испытания: оно берет данную содержательную структуру

$$\frac{\bar{a}}{не\ a} \simeq \frac{с}{не\ с}$$

и трансформирует ее с помощью операции, термы которой придется пересмотреть, в отличную от первой содержательную структуру

$$\frac{a}{не\ a} \simeq \frac{с}{не\ с}.$$

Даже поверхностное сравнение двух структур — до и после трансформации — показывает, что трансформация как будто состоит в ликвидации знаков отрицания в структуре, над которой она оперирует, другими словами, в металингвистическом приеме отрицания отрицания, в результате приводящего к утверждению.

Если это так, то теперь можно попытаться проанализировать еще не рассмотренные элементы в схеме испытания. Мы видели, что каждое из трех содержащихся в повествовании испытаний имеет особый результат — не c_1 , не c_2 и не c_3 — и что эти результаты являются не только следствиями испытаний, но еще и позитивными терминами семических категорий, негативные термины которых представлены в виде антецедентов в структуре, подлежащей трансформации с помощью испытания. Тогда, следовательно, борьба (F) — единственная неразложимая функциональная пара в ахронной структуре, непосредственно предшествующая появлению позитивного термина трансформируемой структуры, и она должна учитывать эту самую трансформацию.

Сначала борьба появляется как столкновение волшебного средства и противника, т. е. как проявление (одновременно и функциональное, и динамическое, и антропоморфное) того, что можно было бы рассматривать как два — позитивный и негативный — термина структуры комплексного значения. За столкновением следует функция «решение задачи», означающая победу волшебного средства над противником, т. е. уничтожение негативного термина в пользу единственного позитивного.

Борьба в этой интерпретации вполне могла бы соответствовать в мифе распаду сложной структуры, т. е. металингвистической операции, в которой отрицание приводит к тому, что в элементарной структуре остается лишь ее позитивный терм. У нас еще будет случай вернуться к этой характеристике суждения на ином уровне. Как бы то ни было, борьба предстает уже как выражение металингвистической деятельности в том смысле, что она не имеет собственного содержания, но сводится, напротив, к содержанию результата, который, как мы видели, проявляется отдельно и независимо от борьбы.

Но результат не есть следствие только борьбы; это одновременно и следствие частичного договора, заключенного перед борьбой и, в свою очередь, входящего в состав испытания; результат, таким образом, является санкционированием договора, доказательством его реализации и предполагает частичное восстановление разрушенного глобального договора. Не собираясь сейчас останавливаться на лингвистической интерпретации утвердительного суждения, к чему мы вернемся позже, ограничимся констатацией того, что испытание, рассматриваемое как наглядное выражение трансформационной модели, вводит диахронное измерение, которое, противопоставляя аксиологические смыслы, вложенные в предшествующие ему и следующие за ним структуры, учитывает в то же время их трансформацию.

g) Повествование как медиация

Мы видим, что повествование (а более конкретно — русская сказка), подвергнутое функциональному анализу, имеющему целью определить характер отклонений между функциями внутри дискурса, поддается двойной интерпретации, выявляющей существование двух имманентных типов моделей: первая из них связана со статичной моделью и может служить формой организации противоречивых аксиологических смыслов, представленных как неудовлетворительные; вторая, наоборот, утверждает трансформационную модель, предлагая возможность трансформации вложенных смыслов.

Возможность двойной интерпретации лишь подчеркивает большое число противоречий, которые может содержать повествование. Это одновременно утверждение неизменяемости и возможности перемен, утверждение обязательного порядка и свободы, разрушающей или восстанавливающей этот порядок. Причем эти противоречия простому глазу недоступны; совсем напротив: повествование создает впечатление равновесия и нейтрализации противоречий. Именно в этой перспективе оно обнаруживает существо своей медиационной роли. Следовало бы говорить при этом о многих медиациях: медиации между структурой и поведением, между неизменяемостью и историей, между обществом и личностью.

Нам представляется возможным, хотя и слишком обобщенно, разделить этот нарративный жанр на два больших класса: повествования о *принятом* порядке и повествования об *отвергнутом* порядке. В первом случае исходной точкой является констатация существования некоторого порядка и необходимость оправдать, объяснить этот порядок. Порядок, который существует «над» человеком, будучи порядком социальным или естественным (существование дня и ночи, лета и зимы, мужчин и женщин, молодых и старых, земледельцев и охотников и т. п.), объясняется на уровне человека: поиск, испытание — все это формы человеческого поведения, восстанавливающего порядок. Медиация повествования состоит в «гуманизации мира», в придании ему личностного и событийного измерения. Мир оправдан существованием человека, человек включен в мир.

Во втором случае существующий порядок рассматривается как несовершенный, человек — как подвергшийся лишениям, ситуация — как непереносимая. Тогда повествовательная схема выступает как архетип медиации, как обещание спасения: надо, чтобы человек, личность, брал на себя судьбы мира, чтобы он с помощью борьбы и испытаний трансформировал его. Модель повествования включает, таким образом, разные формы сотеризма, предлагая решение любой непереносимой ситуации недостатчи.

Это введение в историю, будь оно объясняющим или гипотетичным, цикличным или открытым, придает дополнительный интерес анализу, позволяя поставить вопрос о ценности и значимости моделей, выявленных в результате описания русской сказки.

К ТЕОРИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МИФОЛОГИЧЕСКОГО НАРРАТИВА *

Посвящается Клоду Леви-Стросу

1. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И МИФОЛОГИЯ

Недавние успехи мифологических изысканий, связанные в особенности с работами Клода Леви-Строса, дают материал и идеи для семантической теории, которая, как известно, ставит общую проблему прочтений текстов и стремится установить инвентарь процедур для их описания. Представляется, что методология интерпретации мифов ввиду их сложности выходит за пределы, которыми в настоящее время ограничивают семантику наиболее известные американские теоретики, а именно Дж. Катц и Дж. Фодор.

1. Семантическая теория, которая ставит своей задачей прочтение мифов, не ограничиваясь при этом интерпретацией высказываний, должна иметь дело с выделяемыми в тексте цепочками высказываний.

2. Вместо того чтобы исключить любое обращение к контексту, описание мифов призвано использовать внетекстовую информацию, без которой установление нарративной изотопии было бы невозможно.

3. Наконец, исполнитель-субъект (=читатель) не может рассматриваться как инвариант сообщения мифа, поскольку оно перекрывает категорию сознательное vs подсознательное. Объект описания находится на уровне передачи, т. е. на уровне *текста-инварианта*, а не на уровне восприятия, т. е. *читателя-варианта*.

Мы, следовательно, обязаны исходить не из некоей сложившейся семантической теории, но из совокупности описанных мифологом фактов и выработанных им понятий и потому стремиться выяснить: 1) не могут ли и те и другие быть сформулированы в терминах общей семантики, пригодной среди прочего и для интерпретации мифов; 2) какие требования предъявляет к такой семантической теории понятийный аппарат, выработанный мифологами.

Для этой цели мы избрали исходный миф бороро, который служит Леви-Стросу в «Сыром и вареном» отправной точкой для опи-

* Переведено по: А. J. Greimas. Pour une théorie de l'interprétation du récit mythique. — А. J. Greimas. Du sens. Essais sémiotiques. P., 1970, с. 185—230.

сания мифологического универсума, рассматриваемого по одному из своих параметров — культуре питания. Однако, в то время как Леви-Строс ставил своей задачей вписать эту версию мифа в поступательно развертывающийся мифологический универсум, наша цель состоит в том, чтобы, рассматривая исходный миф как нарративную единицу, попытаться установить процедуру описания, последовательно приводящую к оптимальному прочтению этого мифа. При этом методе наша работа, по сути дела, будет состоять в перегруппировке и использовании идей, которые нам не принадлежат.

2. СТРУКТУРНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ МИФА

2.1. Три составляющие

Любое описание мифа должно, по Леви-Стросу, учитывать три основных элемента: арматуру, код, сообщение.

Спросим себя: 1) как интерпретировать эти три составляющие мифа в рамках семантической теории и 2) какое место приписать каждой из них в интерпретации мифологического нарратива.

2.2. Арматура

Под *арматурой* (которая является инвариантным элементом) следует понимать как структурный статус мифа, так и нарратив. Этот статус представляется двояким: 1) можно сказать, что совокупность структурных свойств, общих всем мифам-нарративам, образует нарративную модель, притом что 2) эта модель должна соответствовать одновременно: а) мифу как дискурсивной, межфразовой единице и б) структуре содержания в этом нарративе.

1. Повествование — дискурсивная единица, и потому оно должно рассматриваться как *алгоритм*, т. е. как последовательность высказываний, функции-предикаты которых лингвистически отображают совокупность действий, направленных к некоторой цели. Будучи цепочкой, нарратив обладает одним *временным параметром*: включенные в него действия связаны между собой отношениями предшествования и следования.

Чтобы повествование имело смысл, оно должно быть целостным по значению, поэтому оно может быть представлено в виде простой семантической структуры. Из этого следует, что вторичные развертывания нарратива, которые находятся вне простой структуры, образуют подчиненный структурный слой; рассматриваемый как единое целое нарратив обуславливает, таким образом, иерархическую структуру содержания.

2. Подкласс *драматизированных нарративов* (мифы, сказки, театральные произведения и т. д.) определяется общим структурным свойством — дихотомическим членением по оппозиции перед/после, организующим их временной параметр.

Этому дискурсивному перед/после соответствует «перевертывание ситуации», которое в плане имплицитной структуры есть не что иное, как инверсия знаков содержания. Таким образом, между этими двумя планами существует корреляция:

$$\frac{\text{перед}}{\text{после}} \simeq \frac{\text{инвертированное содержание}}{\text{исходное содержание}}$$

3. Еще раз ограничим инвентарь нарративов; большая их часть (русская сказка, но также и наш исходный миф) обладает иным свойством: они включают инициальную и финальную цепочки, расположенные в других, чем корпус самого нарратива, планах «реальности» мифа.

Этой особенностью нарратива соответствует новая организация содержания: к двум *топическим содержаниям* — одно исходное, а другое инвертированное — присоединяются два других, *коррелирующих содержания*, которые в принципе находятся между собой в том же отношении трансформации, что и топические содержания.

Это первое определение арматуры не противоречит общей формуле мифа, в свое время предложенной Леви-Стросом, и, будучи не вполне удовлетворительным, поскольку оно еще не позволяет на данном уровне наших знаний классифицировать совокупность нарративов определенного жанра, вносит все же в интерпретацию важный элемент — предсказуемость. Можно сказать, что первая процедура описания мифа есть разбиение повествования на цепочки, которым должна соответствовать предсказуемая организация содержаний.

2.3. Сообщение

Такое понимание арматуры позволяет предположить, что сообщение, т. е. особое значение мифа-версии, в свою очередь, основано одновременно на двух изотопиях и позволяет два разных прочтения — одно в дискурсивном, другое в структурном плане. Под изотопией мы понимаем избыточную совокупность семантических категорий, которая делает возможным такое единообразное прочтение нарратива, что оно вытекает из частичных прочтений высказываний и разрешения их многозначности, стремясь при этом к единственному прочтению.

1. Нарративная изотопия определяется некоей антропоцентричной перспективой; она представляет повествование в виде последовательности событий, участники которых — живые существа, действующие сами или приводимые в действие. Первая категоризация на этом уровне — индивидуальный vs коллективный — позволяет выделить асоциального героя, отъединенного от общества и появляющегося как агент, — лицо, благодаря которому происходит перевертывание ситуации, как персонифицированный медиатор между ситуациями перед vs после.

Очевидно, что эта первая изотопия с лингвистической точки зрения сводится к *анализу знаков*: участники и повествователь события являются лексемами (=морфемами в американском смысле), разложимыми на семемы (=значения, или смыслы слов), которые с помощью синтаксических отношений организуются в однозначные высказывания.

2. Вторая изотопия, напротив, относится к уровню структуры содержания в дискурсивном плане. Повествовательным цепочкам соответствуют содержания, взаимные отношения которых теоретически известны. При описании возникает проблема установления эквивалентности между лексемами и конститутивными высказываниями повествовательных цепочек, а также структурными построениями соответствующих им содержаний; разрешением этой проблемы мы займемся позже. Пока достаточно сказать, что такая перестановка предполагает анализ по семам (=постоянные признаки значения); он единственный позволяет оставить в стороне антропоморфные свойства лексем-участников и лексем-событий. Что же касается действий героя, занимающего центральное место в устройстве нарратива, то они соответствуют лингвистическим операциям трансформации с учетом инверсии содержаний.

Понимание сообщения, читаемого в двух различных изотопиях, первая из которых есть лишь дискурсивное выражение второй, возможно, лишь теоретическая схема. Она может соответствовать только одному подклассу повествований (например, сказке); другой подкласс (мифы) будет характеризоваться переплетением в одном и том же повествовании цепочек, находящихся то в одной, то в другой изотопии. Это кажется нам второстепенным, поскольку: а) только что установленное различие обогащает наше представление о нарративной модели и даже может служить критерием для классификации нарративов, б) оно, четко разделяя две процедуры описания, различительную и дополнительную, помогает выработать технику интерпретации.

2.4. Код

Мысли Леви-Строса о мифе, начиная с его первого исследования, «Структура мифа», и до сегодняшних «Мифологических», отмечены перемещением интереса: обратившись сначала к определению структуры нарратива, он занят теперь проблемами описания мифологического универсума; сосредоточившись сначала на формальных событиях вневременной структуры, он теперь предполагает возможность сравнительного описания, общего и исторического одновременно. Это включение компаративистики является важным методологическим вкладом, о чем мы будем говорить специально.

2.4.1. Определение нарративных единиц

На первый взгляд использование сравнительных данных, представляемых мифологическим универсумом, есть не что иное, как обработка контекстной информации. Оно может принять две разные формы: 1) можно идти к выяснению прочтения некоей версии мифа, сравнивая его с другими мифами или, в более общем виде, сравнивая одни синтагматические пласты повествования с другими; 2) можно устанавливать корреляцию одного нарративного элемента с другими элементами, поддающимися сравнению.

Установление корреляции двух неидентичных нарративных элементов, принадлежащих к двум разным повествованиям, приводит к выявлению парадигматической дизъюнкции, осуществление которой над данной семантической категорией заставляет рассматривать второй нарративный элемент как трансформацию первого. Однако — и это наиболее важно — выясняется, что трансформация одного из элементов вызывает как следствие трансформации во всей рассматриваемой цепочке, что влечет ряд теоретических следствий.

1. Оно позволяет подтвердить наличие *обязательных отношений* между элементами с совпадающими конверсиями.

2. Оно позволяет выделить в мифе *нарративные синтагмы*, определяемые одновременно и конститутивными элементами, и обязательностью их связи.

3. Наконец, оно позволяет определять сами нарративные элементы уже не только в их парадигматической корреляции (с помощью процедуры коммутации, предложенной в свое время Леви-Стросом), но и по их позиции и функции внутри синтагматического единства, куда они входят. Двойное определение нарративного элемента соответствует, как мы видим, двум дополнительным подходам (пражскому и датскому) к определению фонемы.

Излишне настаивать на важности этого формального определения нарративных единиц, экстраполяция и приложение которого к другим семантическим универсумам оказываются действительно необходимыми. На данном этапе оно дополнительно поддерживает наши попытки выделить такие единицы, исходя из анализа В. Проппа. Не имея возможности перейти здесь к исчерпывающим проверкам, скажем просто, в виде гипотезы, что можно выделить три основных типа нарративных синтагм.

1. Перформативные синтагмы (испытания).

2. Договорные синтагмы (заключение и нарушение договора).

3. Дизъюнктивные синтагмы (отправления и возвращения).

Очевидно, что определение нарративных элементов и синтагм требует знания не контекста, а общей методологии установления лингвистических единиц и что определенные таким образом единицы существенны для нарративной модели, т. е. для арматуры.

2.4.2. Ограничения и реконверсии

Теоретическое представление о нарративных единицах теперь можно перевести на уровень процедур описания. Так, параллельное сравнение любых двух цепочек, одна из которых подлежит интерпретации, а другая является трансформированной, может иметь две разные цели.

1. Если предполагается, что интерпретируемая цепочка основана на вариантной изотопии нарратива, то внутри данной цепочки сравнение позволит определить границы нарративных синтагм.

Не следует, однако, думать, что нарративные синтагмы постольку, поскольку они соответствуют текстовым цепочкам, сами по себе являются непрерывными и спаянными; их манифестация, напротив, часто принимает форму прерывных обозначающих, так что нарратив, представленный как серия нарративных синтагм, перестает быть изоморфным тексту в его первоначальном состоянии.

2. Если интерпретируемая цепочка по отношению к вероятной изотопии инвертирована, то сравнение, подтверждая гипотезу, позволяет перейти к *реконверсии* данной нарративной синтагмы и к восстановлению общей изотопии.

Используя термин *реконверсии*, предложенный Ельмслевом в его «Языке», мы хотим ввести еще одно уточнение для различения истинных трансформаций, т. е. инверсий содержания (которые соответствуют либо требованиям нарративной модели, либо межмифным изменениям), и подстановок инвертированных содержаний (где необходимая для установления изотопии реконверсия ничего не меняет в структурном статусе мифа).

Попутно заметим здесь, что рассмотренная нами процедура реконверсии поднимает более общую теоретическую проблему — проблему существования двух разных *нарративных модусов*, которые можно назвать *ложным модусом* и *истинным модусом*. Игра истины и лжи опирается на фундаментальную грамматическую категорию быть vs казаться (образующую, как известно, первичную семантическую организацию атрибутивных высказываний); она вызывает хорошо известное в психоанализе нарративное переплетение, которое часто становится одной из главных трудностей прочтения, поскольку создает внутри нарратива иерархические слои стилистической лжи; их количество в принципе остается неопределенным.

2.4.3. Контекст и словарь

Использование данных мифологического контекста связано, следовательно, с нарративными элементами, реализованными в речи в виде лексем. Кроме этого следует отличать формальные характеристики (которые они обязательно содержат) от их субстанциональных характеристик. Первые суть: 1) либо *грамматические свойства*, которые делают лексемы или актантами, или предикатами, 2) либо *нарра-*

тивные свойства, извлекаемые нарративными элементами из функционального определения их роли как внутри нарративной синтагмы, так и в нарративе в целом. Так, актанты могут быть субъектами-героями или объектами-ценностями, адресатами или адресантами, антагонистами-вредителями или помощниками-благодетелями. Актантная структура нарративной модели принадлежит арматуре, а сочетания дистрибуций, совмещений и дизъюнкций ролей зависят от квалификации исследователя и предшествуют использованию кода.

Эти уточнения служат исключительно для установления четкого разделения между использованием контекста и использованием данных нарративной модели. Контекст представляет собой сумму содержаний, независимых от самого нарратива и используемых а posteriori нарративной моделью. Эта сумма содержаний уже установлена: подобно тому как писатель постепенно в течение повествования облекает в плоть персонажей, начиная с выбранных для них имен, так и непрерывающаяся фантазия мифа создает мифологических персонажей, лишенных концептуальных содержаний; именно это смутное знание содержаний (которым, например, владеют индейцы-бороро, а не исследователь) образует первичный предмет контекста, и именно его следует организовать в код.

Поскольку дано, что установленные содержания реализуются в виде лексем, можно было бы считать, что контекст в своей совокупности сводим к мифологическому словарю, где, скажем, наименование «ягуар» будет сопровождаться определением, содержащим: 1) все, что известно о «натуре» ягуара (совокупность его качества), и 2) все, что ягуар способен сделать или перенести (совокупность его функций). Словарная статья «ягуар» в этом случае не будет слишком отличаться от словарной статьи «стол», для которого «Толковый словарь французского языка» (Dictionnaire générale de la langue française) дает следующее определение:

1) *кваликативное*: «плоская поверхность из дерева, камня и т. д., поддерживаемая одной или несколькими ножками»;

2) *функциональное*: «на которой размещают предметы (чтобы есть, писать, работать, играть и т. д.)».

Подобный словарь (при условии, что он не содержит «и т. д.») может оказаться весьма полезным: 1) позволяя разрешить *многозначность прочтения* высказываний мифа благодаря процедурам отбора совместимостей и исключения несовместимостей между различными смыслами лексем, 2) облегчая *равновесие* повествования, т. е. давая возможность: а) заполнить лакуны, вызванные литотным употреблением ряда лексем, и б) сжать некоторые стилистически расширенные цепочки; обе параллельные процедуры имеют целью установить общее равновесие нарратива.

2.4.4. Словарь и код

К сожалению, составление такого словаря предполагает предварительную классификацию установленных смыслов и достаточные сведения о нарративных моделях. Ограничиваясь лишь лексемами-актантами, можно было бы сказать, что они относятся к «системе существ», о которой говорит Леви-Строс и которая должна классифицировать все существа: живые, поддающиеся оживлению, сверхъестественные, вплоть до минеральных «существ». Но тут же можно заметить, что такая классификация не будет «истинной» в своих собственных пределах: в мифологическом плане не имеет смысла говорить, что ягуар принадлежит к классу животных. Мифологию интересуют лишь классификационные рамки, она имеет дело лишь с «критериями классификации», т. е. с семическими категориями, а не с расклассифицированными лексемами. Этот методологически важный пункт заслуживает уточнения.

1. Предположим, что категориальная оппозиция человек / животное внутри нарратива коррелирует с категорией нарративной модели предшествование vs следование. В этом случае она переводит топические смыслы в исходные смыслы и в инвертированные смыслы: в соответствии с коррелирующими терминами можно будет сказать, что люди некогда были животными, или наоборот. Однако в лексемном плане ягуар может шествовать по повествованию, не меняя наименования; в первой части он будет человеческим существом, во втором — животным, или наоборот. Иными словами, содержание лексемы «ягуар» не только *таксономично*, но и *позиционно*.

2. Среди многочисленных «проявлений смысла», которые может содержать лексема «ягуар», смысл, в конце концов признаваемый постоянным, определяется общей изотопией сообщения, т. е. параметрами мифологического универсума, выражением которого является отдельный миф. Если рассматриваемый параметр принадлежит культуре питания, то ягуар будет рассматриваться в функции потребителя; семический анализ его содержания позволит в корреляции с нарративной оппозицией «перед vs после» описать его как потребителя:

$$\frac{\text{перед}}{\text{вареного} + \text{свежего}} \simeq \frac{\text{после}}{\text{сырого} + \text{свежего}}$$

Следовательно, назвать ягуара хозяином огня неверно: им он является только в некоторых, но не во всех позициях. Словарь должен содержать не только позитивные и инвертированные определения ягуара; он предполагает также классификацию основных культурных параметров мифологического универсума.

3. Существуют такие трансформации нарративных элементов, которые находятся не между мифами, а внутри данного мифа. Это случай нашего исходного мифа, который содержит превращение героя-ягуара в героя-олени. В плане гастрономического кода речь идет просто о трансформации:

потребителя	в потребителя.
{сырого+ свежего+ животного}	{сырого, свежего, растительного}
(ягуар)	(олень),

а лингвистическая трансформация сводится к внутрикатегориальному парадигматическому замещению (пища животная vs пища растительная), обоснование которого следует искать в структурных требованиях нарративной модели.

Данный пример противопоставлен тому, который был разобран нами в (1):

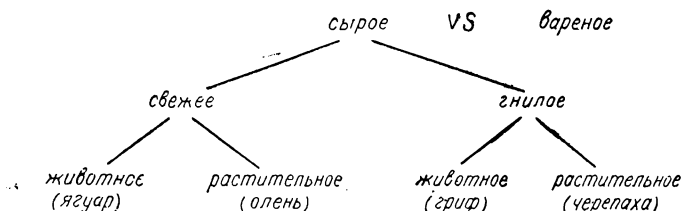
а) в первом случае наименование не меняется, а меняется содержание;

б) во втором случае наименование меняется и меняется содержание, но частично.

Итак, эти изменения выявляет, следовательно, семический анализ содержаний, а не анализ на уровне лексем. Для того чтобы быть полным, словарь должен указывать ряды эквивалентных наименований, вытекающих из соответствующих трансформаций на уровне кода. Словарь (необходимость которого для автоматического анализа мифов представляется насущной) может быть составлен только в зависимости от того, как продвинется наше знание арматуры и мифологического универсума, представленного в отдельных кодах: словарная статья будет обоснованной только тогда, когда она будет надежно обеспечена семантическими категориями, выработанными интерпретационной теорией мифов.

2.4.5. Код и выражение

Наши усилия по уточнению условий, при которых мифологический словарь и возможен и полезен, позволяют лучше понять, что в перспективе Леви-Строса следует понимать под кодом, и в частности под гастрономическим кодом. Код — это формальная структура, (1) образованная небольшим числом семических категорий, (2) комбинаторика которых при производстве семем учитывает совокупность вложенных содержаний в выбранном параметре мифологического универсума. Например, гастрономический код может частично быть представлен в виде дерева:

Поскольку каждое разветвление образует семическую комбинацию, равную одной семеме, а каждая семема представляет содержа-

ние как «объект потребления», комбинаторика стремится к тому, чтобы в установленных а priori условиях исчерпать все возможные содержания-объекты потребления.

Кроме того, каждой семеме на уровне выражения соответствуют особые лексемы (которые мы заключили в скобки). Отношение, которое существует между лексемой и семемой, выявляющей ее содержание, содержит два разных требования

1. Лексема всегда относится к семеме как *субъект* потребления к объекту *потребления*. Речь идет, следовательно, о постоянном отношении, обусловленном семантически; его можно рассматривать как *стилистическую дистанцию* между планом выражения и планом содержания.

2. Выбор того или иного животного для выражения определенной кодовой комбинации содержания не зависит от формальной структуры, он обуславливает закрытость мифологического корпуса в данной культурной общности. Лексемный инвентарь определенной мифологии (т. е. словарь) соответствует закрытой — поскольку она реализована — комбинаторике, а код функционирует как относительно открытая комбинаторика. Одним и тем же кодом могут передаваться несколько мифологических универсумов, поддающихся сравнению, но реализованных по-разному; таким образом, при условии правильного построения он образует общую модель, лежащую в основе мифологического сравнения.

Арматура и код, нарративная модель и модель таксономическая являются двумя составляющими теории мифологической интерпретации. Прочтение текстов мифа является функцией теоретического знания этих двух структур, столкновение которых и производят сообщения мифа.

3. НАРРАТИВНОЕ СООБЩЕНИЕ

3.1. Дескриптивный праксис

Итак, теоретически прочтение сообщения мифа предполагает знание структуры мифа и организующих принципов мифологического универсума (выражением которого в данных исторических условиях он является). Практически это лишь частичное знание, и описание поэтому представляется дескрипцией, которая, оперируя и данным сообщением, и моделями арматуры и кода, одновременно увеличивает наше понимание и сообщения, и имманентных ему моделей. Тогда мы обязаны исходить из плана выражения и разных его изотопий, стремясь в то же время перейти к единственной структурной изотопии сообщения и определить процедуры, позволяющие осуществить этот переход.

После разбиения текста на цепочки в соответствии с предполагаемым членением содержания мы попытаемся разобрать каждую цепочку отдельно, выделяя с помощью единой записи элементы и содержащиеся в ней синтагмы мифа.

3.2. Разбиение на цепочки

Предполагаемое членение содержания по двум категориям

топическое содержание vs коррелированное содержание
исходное содержание vs инвертированное содержание

позволяет разбить текст на четыре цепочки. Две топические цепочки при этом могут подвергаться дальнейшему делению; каждая из них содержит серии событий, основанных на двух изотопиях, на поверхностном уровне гетерогенных: первая включает две последовательные отлучки героя; вторая пространственно разделяет события, относящиеся к возвращению героя, помещая одни из них в деревне, другие — в лесу. Это второе прагматическое разбиение, которое мы разберем позже, позволяет, таким образом, разделить повествование на шесть цепочек.

Мифопоэтическое повествование

	Инвертированное содержание			Исходное содержание		
Содержание	Коррелированное содержание	Топическое содержание		Топическое содержание	Коррелированное содержание	
Нарративные цепочки	Инициальная	Гнездо душ	Гнездо попугаев	Возвращение	Месть	Финальная

3.3. Запись по нарративным единицам

Запись, которой мы будем пользоваться, состоит в том, чтобы: 1) представить текст в канонической форме *нарративных высказываний*, каждое из которых содержит функцию, сопровождаемую одним или несколькими актантами; 2) организовать высказывания в конститутивные алгоритмы *нарративных синтагм*.

Подобная запись носит выборочный характер; она извлекает из текста только сведения, *ожидаемые* на основании формальных свойств нарративной модели. (Мы пытаемся применить здесь к анализу мифопоэтического повествования схемы нарративных единиц, полученные главным образом при пересмотре работы Проппа по структуре сказки; ср. нашу «Структурную семантику» *). Записанный таким образом нарратив представляет, следовательно, лишь формальную арматуру мифа, а содержания самого сообщения в тексте остаются в стороне.

Цели предложенной процедуры следующие.

* См. с. 89--108 настоящего сборника.

1. Приводя к выделению нарративных единиц, она образует формальные рамки, внутри которых могут быть затем выделены и корректно проанализированы содержания.

2. Имея дело только со стандартными нарративными единицами, она позволяет исключить несущественные для описания элементы повествования и выявить другие, обязательные для него элементы.

3. Она должна в итоге привести к идентификации и повторному распределению семантических свойств содержания, вытекающих из нарративной модели (либо из расположения содержаний внутри повествования, либо из предписанных моделью трансформаций).

Размеры статьи не позволяют разобрать эту запись полностью. Уточним лишь, что, начав с установления нарративных синтагм, мы теперь перейдем к нормализации функций, чтобы объединить их в алгоритмы, рискуя возвратиться к анализу актантов повествования.

3.4. Запись цепочек

3.4.1. Инициальная цепочка

«В самые древние времена случилось женщинам пойти в лес за пальмовыми листьями. Один юноша тайно последовал за своей матерью, набросился на нее и изнасиловал.

Когда она вернулась, муж заметил перья, приставшие к ее поясу из коры и похожие на те, которыми украшают себя юноши. Заподозрив неладное, он приказал устроить танцы, чтобы узнать, у кого из юношей было такое украшение, и, к своему великому ужасу, обнаружил его только у собственного сына. Он объявляет новый танец. Результат тот же».

1. ОБМАН

а) *Дизъюнкция*

Отлучка [женщины] + Обманное перемещение [сын]

б) *Испытание*

Бой + Победа [сын; мать] (насилие)

Результат: инвертированная метка [мать] (метят мать, а не сына)

2. ИЗОБЛИЧЕНИЕ

а) *Конъюнкция*

Возвращение [мать; сын] + Узнавание метки [отец; мать]

б) *Испытание*

Прославляющее, обманное и инвертированное испытания [отец; юноши] (танец, а не борьба; вредитель, а не герой)

Результат: узнавание вредителя [сын] (а не героя)

ОБЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Наказание вредителя [отец, сын]

Комментарий

Сравнение записанной цепочки с нарративной схемой показывает, что в общем устройстве нарратива на уровне инвертированного содержания она соответствует обману владельца, а на уровне исходного содержания — наказанию вредителя. В результате обманных действий антагониста владелец лишается магического (не-природного) объекта, который приносил ему определенное могущество. «Обманутый» субъект может вернуть его лишь при условии предварительного изобличения и затем наказания вредителя. Топическая часть нарратива состоит в наказании сына-вредителя по приказанию лишенного могущества (в не-природном плане) отца.

3.4.2. Путешествие в гнездо душ

«Убедившись в своем несчастье и желая отомстить, он посылает сына в гнездо душ, приказывая принести ему большую танцевальную погремушку (*bagu*), которую ему очень хочется получить. Юноша советуется со своей бабушкой, та раскрывает ему смертельную опасность этого предприятия и советует прибегнуть к помощи колибри.

Когда герой в сопровождении колибри приходит к водному царству душ, он садится на берег, а колибри стремительно летит и обрезает шнурок, на котором подвешена погремушка; инструмент падает в воду со звуком „йо!“ . Встревоженные шумом души пускают стрелы. Но колибри с добычей летит так быстро, что достигает берега невредимой.

Тогда отец приказывает сыну принести ему маленькую погремушку душ, и повторяется тот же эпизод с теми же деталями, но на этот раз птица-помощник — стремительная джурити (*Leptoptila* sp., вид голубя). Во время третьего путешествия юноша овладевает *buttoré* — звонкими колокольчиками, сделанными из копыт каэтету (*Dicotyles torquatus*), нанизанными на шнур, который обвязывают вокруг щиколотки. Ему помогает большая саранча (*Ecridium cristatum*), которая летает медленнее птиц, так что в нее несколько раз попадают стрелы, но не убивают ее».

1. ДОГОВОР

Приказ [отец] vs Согласие [сын]

2. КВАЛИФИЦИРУЮЩЕЕ ИСПЫТАНИЕ

Дополнительное испытание [бабушка; сын] (совет)

Результат: получение помощника (три помощника)

3. ДИЗЬЮНКЦИЯ

Отлучка [сын] + Быстрое горизонтальное перемещение

[сын + помощники]

4. ГЛАВНОЕ ИСПЫТАНИЕ

Результат: ликвидация недостачи [сын] (кража украшений).

Бой + Победа [сын; духи воды] (синкретически)

3 bis. КОНЪЮНКЦИЯ

Быстрое горизонтальное перемещение + Возвращение [сын]

1 bis. ВЫПОЛНЕНИЕ ДОГОВОРА

Ликвидация недостачи [сын]

Невосстановление договора [отец]

ОБЩИЙ РЕЗУЛЬТАТ

Квалифицирование героя

Комментарий

1. В этой цепочке мы встречаем ряд хорошо известных структурных характеристик нарратива: а) имплицитный характер предварительного испытания, которое проявляется лишь в виде следствия, б) синтагматическая инверсия, обусловленная обманым характером испытания, где кража, сопровождаемая преследованием, заменяет открытую борьбу, с) синкретизм функций, который образует преследование, распадающееся на борьбу + быстрое перемещение, d) утроенные цепочки, значение которого выясняется только с помощью семического анализа помощников (или объектов желаний).

2. Записанная таким образом цепочка должна в общем устройстве нарратива соответствовать квалифицирующему испытанию героя.

3.4.3. Путешествие в гнездо попугаев

«В ярости от того, что его планы расстроились, отец зовет сына пойти вместе на ловлю попугаев, гнездящихся на откосе скалы. Бабушка не знает, как предотвратить эту новую опасность, но дает внуку чудесную палочку, которая поможет ему удержаться при падении.

Отец и сын приходят к подножию скалы, отец ставит длинный шест и велит сыну взбираться по нему. Едва тот добирается до гнезд, отец выпускает шест; юноша едва успевает сунуть палочку в расщелину. Он повисает в воздухе, зовя на помощь, а отец в это время уходит.

Наш герой замечает рядом с собой лиану, хватается за нее и с трудом взбирается на вершину. Отдохнув, он пускается на поиски пищи, делает из ветвей лук и стрелы и охотится на ящериц, которыми изобилует плато. Он убивает некоторое количество и часть прикрепляет к поясу и к матерчатым повязкам, охватывающим его запястья и щиколотки. Но мертвые ящерицы разлагаются, издавая такое ужасное зловоние, что герой лишается чувств. Грифы-стервятники (*Cathartes urubus*, *Corogyps atratus foetens*) бросаются на него, пожирая дохлых ящериц, а потом добираются до тела несчастного, начав с ляжек. Придя в себя от боли, герой прогоняет врагов, но уже после того, как они полностью объели ему мягкие части. Насытившись таким образом, птицы становятся его спасителями: подцепив героя клю-

вами за пояс и за повязки на запястьях и на ногах, они взлетают и бережно опускают его у подножия горы.

Герой приходит в себя, „как будто он проснулся“. Он голоден, ест дикие плоды, но обнаруживает, что, лишившись зада, не может удерживать пищу: она выходит из него, не успев перевариться. Сначала растерявшись, юноша вспоминает одну бабушкину сказку, где герой разрешил эту проблему, сделав себе искусственный зад из теста, приготовленного из размельченных клубней. Восстановив таким способом недостающее и наконец насытившись. . .»

1. ПРЕКРАЩЕНИЕ ДОГОВОРА

а) *договор*

Предписание [отец] + Согласие [сын]

б) *Квалифицирующее испытание*

Дополнительное испытание [бабушка; сын] (совет)

Результат: получение помощника [сын] (чудесная палочка)

с) *Дизъюнкция*

Отлучка [отец; сын] + Вертикальное перемещение вверх [сын]

д) *Основное испытание*

Бой + Победа [отец; сын] (ложное столкновение; инверсия ролей)

Результат: новое перемещение [сын]

е) *Результат по договору*: прекращение договора

2. ЖИВОТНАЯ ПИЩА

а) *Негативное испытание*

Бой + Победа [сын; ящерицы] (охота и поглощение сырой животной пищи).

Результат: поражение (смерть героя)

б) *Позитивное испытание*

Бой + Победа [грифы; сын] (охота и поглощение сырого гнилого)

Результат: победа

3. РАСТИТЕЛЬНАЯ ПИЩА

а) *Дизъюнкция*

Вертикальное перемещение вниз [сын] (в объединении с предыдущим испытанием: доброжелательное поведение противников > помощников)

б) *Негативное испытание*

Не настоящий бой [сын; дикие плоды] (срывание, а не охота)

Ложная победа [сын] (поглощение свежей растительной пищи)

Результат: поражение при испытании (невозможность питаться)

с) *Позитивное испытание*

Квалифицирующее дополнительное испытание [бабушка; сын] (совет по воспоминанию)

Результат: получение помощника [сын] (растительный помощник)

Основное испытание

Избыточное не настоящее испытание + Победа [сын; дикие плоды]

Результат: победа (ликвидация недостачи — невозможности питаться)

ОБЩИЙ РЕЗУЛЬТАТ

Ликвидация недостатка (приобретение определенных способов питания)

Комментарий

1. Семантическая запись этой цепочки вскрывает одну из структурных характеристик рассматриваемого мифа: все более и более очевидно, что это подчинительная конструкция, развертывающаяся на нескольких уровнях одни и те же нарративные схемы. Так, цепочка, которой мы в данный момент занимаемся, в общем устройстве нарратива соответствует основному испытанию; рассматриваемая в собственных пределах, она одна реализует нарративную схему, в которой алгоритм «Прекращение договора» занимает место квалифицирующего испытания; оно, в свою очередь, появляется в ходе записи как автономный нарратив, содержащий квалифицирующее испытание и основное испытание. В результате нарративная схема реализована на трех разных иерархических уровнях; нарративная синтагма, соответствующая уровню прочтения, получает, таким образом, несколько последовательных интерпретаций.

2. В этой цепочке появляется и другая характеристика нарративной модели, которой мы до сих пор не встречали, — доказательство от противного.

3.4.4. Возвращение героя

«. . . он возвращается к себе в деревню и обнаруживает, что она покинута. Долгое время он блуждает в поисках своих. Однажды он обнаруживает следы их ног и палки, принадлежащей его бабушке. Он идет по следам, но, боясь обнаружить себя, принимает облик ящерицы, уловки которой долго привлекают внимание бабушки и ее второго внука, младшего брата героя. Наконец он решается появиться перед ними в своем настоящем виде (чтобы прийти к бабушке, герой последовательно превращается в четырех птиц и бабочку).

В эту ночь произошла страшная буря с грозой, и все очаги в деревне погасли, за исключением бабушкиного; на следующее утро к ней приходят за головешками все, в том числе вторая жена отца-убийцы».

1. ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕРОЯ

а) *Негативное возвращение*

Отлучка [сын] + Горизонтальное перемещение [сын] (от места испытания)

Ложное возвращение [сын] (не-конъюнкция из-за отсутствия точки ad quem)

б) *Позитивное возвращение*

Избыточная отлучка [сын] + Перемещение [сын]

Дополнительное испытание [бабушка; сын] (совет)

Результат: получение помощника [сын] (следы палки)

Истинное возвращение инкогнито [ящерица] (ящерица-сын)

Опознание по метке [бабушка; сын]

2. ЛИКВИДАЦИЯ НЕДОСТАЧИ

а) *Негативная ликвидация*

Применение воды со злоторным действием + Лишение благотворного огня

б) *Позитивная ликвидация*

Предоставление благотворного огня [бабушка; община]

Узнавание меченого героя [мачеха]

Неузнавание героя [отец; сын] (обычный, а не торжественный прием)

ОБЩИЙ РЕЗУЛЬТАТ

Обличение вредителя и его наказание

Комментарий

1. Прежде всего следует отметить структурный параллелизм между цепочками 3 и 4: удвоению негативного и позитивного испытания здесь соответствуют сначала негативное и позитивное возвращение, а затем ликвидация недостачи в двух формах — негативной и позитивной.

2. Следует указать в качестве характерного способа демонстрацию с помощью *reductio ad absurdum* невозможности восстановить договор из-за отсутствия адресата, которому должен был быть передан предмет поисков, или поиски нового адресанта (бабушка).

3. В качестве характеристики данного мифа можно отметить, что он помещает инвертированное содержание (т. е. как мы знаем на этой стадии анализа, отсутствие огня) не в мифическое время «некогда», а в сегодняшнюю повседневность и представляет его как случайность.

Описание в подобных случаях должно проводить реконверсию повседневного в мифическое; очевидно, что этот прием сразу определяется как стилистическая конверсия.

3.4.5. Мечь

«Она узнает пасынка, считавшегося умершим, и бежит предупредить мужа. Тот, как будто ничего не произошло, берет свою ритуальную погремушку и принимает сына с песнями, какими приветствуют возвращение путешественника.

Между тем герой замышляет мечь. Однажды, гуляя в лесу с маленьким братом, он ломает разветвленный сук дикой яблони. Подрученный старшим братом, мальчик настойчиво просит и добивается от отца, чтобы тот устроил общую охоту; превратившись в маленького грызуна *mea* (*mea*), он незаметно пробирается туда, где отец устроил

засаду. Тогда герой водружает себе на голову разветвленный сук как рога, превращается в оленя и набрасывается на отца с такой яростью, что поднимает его на рога. Затем он скачет к озеру и бросает туда свою жертву».

1. ОБМАННЫЙ ДОГОВОР

Обман [брат] + Подчинение [отец] (ложное «желание»)

Предписание [отец] + Согласие [мужчины] (отец; ложный вождь)

2. ДИЗЬЮНКЦИЯ

Отлучка [отец; мужчины] + Горизонтальное перемещение [отец; мужчины] (разлучение с домашним очагом)

3. КВАЛИФИЦИРУЮЩЕЕ ИСПЫТАНИЕ

Превращение помощника в обманщика [брат → грызун] + Вымогательство сведений [грызун] (обман «знания»: охотник становится добычей)

Результат: получение помощника (фальшивые деревянные рога)

Квалифицирующее испытание [сын] (притворное превращение героя в жертву: олень)

4. ГЛАВНОЕ ИСПЫТАНИЕ

Бой [отец; сын] (ложный охотник против ложной добычи)

Победа [сын] (ложная жертва — победитель)

Результат: перемещение [отец] (разъединение с общиной)

ОБЩИЙ РЕЗУЛЬТАТ

Наказание вредителя

Комментарий

1. Вся цепочка развивается в модусе обмана. В противоположность тому, что происходило до этого, обман не проявляется здесь: а) ни как конверсия содержания цепочек (ср. конверсию в путешествии в гнездо душ, где инвертированный нарративный элемент, вызывающий другие трансформации, является объектом недостачи — вода vs украшения), б) ни как инверсия нарративной синтагмы, характеризующая инверсией функций (где, например, кража, сопровождаемая преследованием, в синтагматике помещает результат перед испытанием), но проявляется как инверсия в распределении ролей предполагаемых актантов. Так, организатором охоты выступает отец, в то время как на самом деле ее организует сын; отец считает себя охотником, в то время как на самом деле он заранее выслеженная жертва; герой, настоящий охотник, превращается в добычу — оленя. Мы настаиваем на этой достаточно распространенной схеме потому, что в будущем она позволит рассмотреть *типологию обмана*.

2. Прочтение цепочки, невозможное без использования кода, может тем не менее быть облегчено, если *сформулировать некоторые гипотезы* независимо от того, сравниваем ли мы ее с предшествующими

цепочками или стремимся с учетом избыточности определить изотопию данной цепочки.

а) Возвращение героя сопровождалось, как мы помним, негативной ликвидацией недостачи с помощью двух взаимно дополнительных действий: утверждения злоторной воды и отрицания благотворного огня. Позитивная ликвидация недостачи проявилась как утверждение благотворного огня; логично предположить, что рассматриваемая теперь цепочка будет посвящена выражению дополнительного термина, т. е. отрицанию злоторной воды. В качестве гипотезы выступает, таким образом, идентификация

дизъюнкция отца = отрицание злоторной воды, что позволяет предположить корреляцию между отцом и злоторной водой.

б) Исследование избыточности, устанавливающей изотопию данной цепочки, позволяет предположить *растительную ось* (герой и его маленький брат превращаются в травоядных; оружие, карающее вредителя, имеет растительное происхождение). Если это так, то этой оси логически противопоставляется *животная ось*, принадлежащая антагонисту (который, будучи охотником, по сути дела, позитивно определяется как потребитель животной пищи). Если далее указать, что речь идет в обоих случаях о поедателях сырого (это самоочевидно для оленя, но применимо и к отцу, разлученному с домашним очагом), то фигура отца как будто входит в корреляцию с сырым, животным (гипотеза, которая, как мы увидим, оправдывается лишь частично).

3.4.6. Финальная цепочка

«Тут же его пожирают духи (*buioḡoé* — кровожадные рыбы пираньи). От мрачного пиршества остаются лишь обглоданные кости на дне, а на поверхность всплывают легкие в виде водных растений, листья которых, как говорят, напоминают легкие.

Возвратившись в деревню, герой мстит и женам своего отца (одна из которых — его собственная мать)».

1. ДИЗЪЮНКЦИЯ

Отлучка [отец; сын] + Быстрое горизонтальное перемещение [отец; сын]

Приход к месту испытания [отец] (погружение = конъюнкция с водой)

2. НЕГАТИВНОЕ ИСПЫТАНИЕ

Бой + Победа [пираньи; отец] (поглощение плоти = сырого, животного)

Результат: смерть героя-вредителя

3. ПОЗИТИВНОЕ ИСПЫТАНИЕ

Бой + Победа [отец; пираньи]

(не-поглощение основной части: легкие + кости).

Результат: герой-вредитель остается живым

4. ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ДИЗЬЮНКЦИЯ

Отлучка по вертикали вниз + Трансформация в воцного духа (?) (кости)

Отлучка по вертикали вверх + Трансформация в водное растение

Комментарий

Мы разделили бой вредителя с кровожадными духами на два отдельных испытания для того: а) чтобы разъединить два разных результата испытания, а также б) чтобы установить некоторый структурный параллелизм с предшествующими цепочками.

3.5. Актанты и договорные отношения

Примененная нами запись позволила установить связь конститутивных функций нарративных синтагм. Тем самым мы пренебрегли другим аспектом нарратива — записью актантов, которые мы пока оставили в качестве персонажей нарратива; мы, следовательно, разделили предложенную процедуру на два последовательных этапа.

Если кодирование актантов не слишком эффективно для синтагм-испытаний, статус которых прост, а структура избыточна, то оно становится значимым, когда речь идет о договорных единицах, которым выпала роль организации всего повествования. Определяющие их функции устанавливают чередование согласий и отказов от обязанностей и постоянно вызывают новые распределения и перераспределения ролей. Только изучив эти распределения ролей, можно надеяться на разрешение сложной с первого взгляда проблемы трансформации сына-вредителя в героя и параллельной трансформации отца-жертвы во вредителя.

Приняв для обозначения актантов нарратива простую систему сокращений:

D_1 (адресант)	vs	D_2 (адресат)
S (субъект-герой)	vs	O (объект-ценность)
A (помощник)	vs	T (противник-вредитель),

можно будет представить в топической части нарратива основные договорные обязательства и соответствующее распределение ролей:

ЦЕПОЧКИ	ФУНКЦИИ	АКТАНТЫ
Отлучка в гнездо душ	Наказание вредителя	Сын = T
Принятие договора	{ Приход	Отец = D_1
	{ Согласие и отлучка	Сын = $D_2 + (S) + T$
		Примечание. Скобками мы обозначаем героя до квалифицирующего испытания

Отлучка в гнездо попу-
гаев

Принятие договора	{	Приказ	Отец= D_1
		Согласие и отлучка	Сын= $D_2 + S + T$
Разрыв договора	{	Ложный бой	Отец= $D_1 + T$
		Результат	Сын= $D_2 + S$

Примечание. Роль T переходит от сына к отцу

Возвращение героя

Отказ от договора	{	Возвращение	Сын= $D_2 + S$
		Отсутствие отца	Отец= $(D_1) + T$
Заключение нового до- говора	{	Поиски адресанта	Сын= $D_2 + S$
		Возвращение и дар	Бабушка= (D_1)

Примечание. Отсутствующий адресант и новый, непроявленный адресант обозначены скобками

Разрыв прежнего дого- вора	{	Распределение огня	Бабушка= D_1
		Не-прославление героя	Отец= T

Месть

Инверсия нового дого- вора	{	Наказание вредителя	Отец= T
		Приказ	Сын= D_1
		Согласие и отлучка	Отец= $D_2 + (S) + T$

Избыточность, характеризующая нарушение договора (разрыв договора — отказ от договора — нарушение договора), и поиски нового адресанта мешают ясно видеть симметрию нарратива, вызванную параллелизмом перераспределения ролей между отцом и сыном. Это можно свести к следующему:

Персонаж	Договор-наказание		Двойная трансформация	Договор-наказание	
	T	$D_2 + (S) + T$		D_1	$D_2 + (S) + T$
Сын	T	$D_2 + (S) + T$	$D_2 + S$	D_1	
Отец	D_1		$D_1 + T$	T	$D_2 + (S) + T$

Комментарий

1. Достаточно признать существование двух различных форм договора: 1) добровольный договор, включающий задачу спасения, и 2) недобровольный договор, вытекающий из задачи выкупа, — и увидеть в мести эту вторую форму договорного обязательства, чтобы понять, что нарративная модель в целом имеет договорную организацию. Тогда топическая часть мифа является выполнением первоначального договора, вытекающего из инициальной цепочки; со своей стороны, финальная цепочка оказывается связанной таким же

образом с основным корпусом повествования. Затем можно сформулировать новое соответствие между нарративом и структурой содержания: корреляциям неизотопных содержаний мифа на уровне структуры соответствуют на уровне нарратива отношения договора.

2. Переход от одного договора к другому осуществляется благодаря двойной трансформации, т. е. с помощью парадигматической подстановки семических термов, производимой внутри двух категорий одновременно: 1) отец становится вредителем, а сын, пройдя квалифицирующее испытание, — героем ($S \rightleftharpoons T$); 2) поскольку вредитель не может быть адресантом (структурная *несовместимость*, которую мы уже рассматривали при анализе психодраматического корпуса), отец превращается в адресата, предоставляя роль адресанта сыну ($D_1 \rightleftharpoons D_2$). Гипотеза, которую мы сформулировали на основании предыдущих разборов (не мифологических, а литературных) и согласно которой в нарративном плане *испытание есть выражение трансформации* содержаний, подтверждается: двойная трансформация, сформулированная здесь на уровне актантов, по сути дела, соответствует в нарративе ложному испытанию.

4. СТРУКТУРНОЕ СООБЩЕНИЕ

4.1. Би-изотопия нарратива

Формальная запись не дала нам ключа к единственному изотопному прочтению, совсем напротив: как представляется, нарратив решен таким образом, что в своей топической части он последовательно выражает две изотопии одновременно. Можно даже спросить себя, не являются ли варианты изотопий, соответствующие нарративным цепочкам, одним из различительных признаков, позволяющих противопоставить мифологический нарратив другим типам нарратива.

Так, если цепочка «путешествие в гнездо душ» после реконверсии может рассматриваться как выявление изотопии воды (и огня) в соответствии с равенством «поиски украшений $\approx$ поиски воды», то в цепочке «путешествие в гнездо попугаев» задача поисков украшений забыта и цепочка сосредоточена лишь на проблемах режима животного и растительного питания. Кроме того, возвращение героя отмечено даром огня (и воды), а следующая за этим цепочка «месть» почти не поддается прочтению; лишь с помощью дедуктивных схем в ней можно обнаружить стремление разделить растительную и животную пищу. Топическая часть нарратива будет следующей:

Изотопия	Гнездо душ	Гнездо попугаев	Возвращение	Месть
Природный код Гастрономический код				

Таким образом, четко проявляются две изотопии, обнаруживающие наличие двух разных способов кодирования нарратива. На этой стадии интерпретация мифа преследует цель установить эквивалентность между двумя кодами и свести весь нарратив к единственной изотопии. Она ставит перед исследователем проблему *выбора стратегии*: какова базовая изотопия, к которой надо сводить вторую изотопию, рассматриваемую как поверхностная? В пользу выбора гастрономического кода выступают соображения двух родов.

1. Формальная запись позволяет установить разницу уровней, на которых располагаются подлежащие анализу содержания в двух изотопиях; эти содержания выражаются в нарративном сообщении в канонической форме как результаты испытаний и, следовательно, как объекты поиска, в первом случае объекты представлены в виде *лексем* (вода, огонь), а во втором — в виде *сочетаний сем* (сырой, вареный, гнилой, свежий и т. д.) Можно сказать, что анализ содержания на семическом уровне более глубок, чем анализ на уровне знаков; поэтому в качестве базового должен быть избран именно семический уровень анализа.

2. Общее устройство нарративной модели предусматривает в разветвлении нарратива последовательность трех типов испытаний:

Квалифицирующее испытание	Основное испытание	Прославляющее испытание
Гнездо душ	Гнездо попугаев	Мечь

Представляется, что основное испытание связано с топическим содержанием мифа; поэтому весьма вероятно, что его изотопия выражает глубинный уровень содержания.

Но решающим моментом в выборе стратегии является схождение обоих этих пунктов. Поэтому теперь мы приступаем к изложению и интеграции кода, начиная с того места, какое занимает цепочка, соответствующая основному испытанию.

4.2. Объект поиска

Не касаясь больше договорной единицы, вводящей основное испытание, будем анализировать лишь саму цепочку, разделенную пространственной дизъюнкцией на два сегмента. Каждый из них выступает в виде испытаний, отмечающих поражение или победу определенного способа питания.

Если допустить, что распределенные таким образом четыре испытания являются лишь нарративными выражениями структурных

Питание

Животное (наверху)		Растительное (внизу)	
Поражение	Победа	Поражение	Победа

трансформаций, то можно сказать, что два поражения должны рассматриваться как *отрицание*, а две победы — как *утверждение* определенных способов питания.

1. Режим питания, отвергаемый сразу, — это потребление *сырого, животного*; он отвергнут как *каннибализм*: и код, и дискурсивный контекст сообщают нам, что герой, благодаря квалифицирующему испытанию ставший хозяином воды, на самом деле является ящерицей, сухопутным крокодилком в миниатюре и, по сути дела, именно в виде ящерицы он предстает по возвращении перед бабушкой. Можно сказать, что *каннибализм* — это *нарративное выражение конъюнкции тождеств* и что смерть и гниение, вытекающие из этого, действительно смерть, исчезновение чувствования.

2. Режим питания, принимаемый затем, — это потребление *вареного, животного*. Мертвый герой становится пищей, определяемой как *сырое, гнилое, животное*. Грифы-стервятники, съедая только «сырую и гнилую» часть героя (ящериц и «гнилой» зад), реализуют таким образом дизъюнкцию *гнилой vs свежий* и отрицание *гнилого сырого*. Это действие, на первый взгляд кажущееся каннибализмом, на деле им не является, поскольку грифы в прежнем инвертированном мире являются хозяевами огня. Не входя в детали контекста, который читатель Леви-Строса уже знает, и не слишком настаивая на их роли как колдунов, совершающих очищение с помощью огня и воскрешающих мертвых, можно сказать, что их победа есть победа потребителей вареного и, следовательно, утверждение потребления *вареного, животного, гнилого*. Соответствующая этому испытанию трансформация — замена термом *вареный* термина *сырой* внутри семической категории *сырой vs вареный*.

3. Стоит отметить по этому случаю частое стилистическое явление избыточной коннотации. Так, дизъюнкция *высокий vs низкий*, соответствующая перемещению героя к подножию горы, присутствует и в других повествованиях бороро. Бороро были когда-то попугаями, которые, после того как однажды была открыта их тайна, бросились в горящий костер. При помощи операции дизъюнкции они тогда превратились в птиц (верх) и растения (низ), найденные в пепле. С другой стороны, жрецы бороро помогают при поиске пищи: «как попугай, они срывают плоды»; герой-попугай, пробудившись внизу, обретает дополнительную растительную часть своего тела.

4. Режим питания, отвергаемый вторично, — это потребление *сырого, растительного*. Более точно: речь идет не об объекте потреб-

ления (дикие плоды), но о потребителе в качестве объекта потребления (для грифов). Герой, как известно, лишается зада, отрицаемого как *сырое* и *гнилое*. Парадигма подстановки на уровне тела героя открыта: *гнилая* часть уже отсутствует, но еще не замещена *свежей* частью.

5. Трансформация потребителя, чья животная часть, *сырая* и *гнилая*, с помощью растительного помощника заменена *сырым* и *свежим* (идентифицируемым с этой новой частью его тела), и восстановленная таким образом возможность питаться эквивалентны утверждению и потреблению *сырого*, *растительного*, *свежего*.

В итоге: а) дизъюнкция верх vs низ различает две оси потребления — животное vs растительное; б) первая серия испытаний состоит в превращении *сырого* в *вареное*; в) вторая серия испытаний осуществляет трансформацию *гнилого* в *свежее*.

4.3. Построение кода

Теперь можно попытаться обобщить полученные сведения, чтобы увидеть, осуществимо ли построение кода, учитывающего совокупность топического выражения мифа.

1. Заметим прежде всего, что рассматриваемая цепочка представляет проблему питания как *отношение* между потребителем и потребляемым объектом и что категории, которые мы постулировали, чтобы выразить содержание разных объектов потребления (*сырой* vs *вареный*, *свежий* vs *гнилой*), могли быть установлены только утверждением или отрицанием возможности того или иного отношения. Если это так, то вода и огонь выступают в *отношении* производителя к производимому объекту; и действительно, именно огонь превращает сырое в вареное и именно вода делает свежее гнилым. Объект потребления располагается, таким образом, между

$$\frac{\text{Адресант}}{\text{(производитель)}} \rightarrow \text{Объект} \rightarrow \frac{\text{Адресат}}{\text{(потребитель)}}$$

Теперь можно сказать, что все нарративное выражение размещено как на уровне содержаний, различающих объекты потребления, так и на уровне категорий, различающих адресантов и адресатов. Поэтому определение общей изотопии речи, которое мы предложили ранее и согласно которому она является не одной повторяющейся семантической категорией, но организованным пучком категорий, приложимо к мифологическому нарративу: объект потребления, являющийся предметом речи, *стилистически* представлен как своим собственным содержанием, так и содержаниями, разделенными с помощью категориальных отношений. Установление единственного прочтения будет тогда состоять в редукции этих стилистических отклонений.

2. Рассматривая более подробно две функции — очищение огнем и гниение от воды, мы замечаем, что одна из них может быть названа *живой*, а другая — *мертвой*; поэтому расстояние, отделяющее вареное от гнилого, соответствует оппозиции между жизнью и смертью. Представляется возможной новая, более общая коннотация категорий питания в зависимости от их характера: живой и благотворный или мертвый и злоторный. В самом деле,

если *вареное* $\simeq V$, то *сырое* $\simeq$ не V , и
если *гнилое* $\simeq M$, то *свежее* $\simeq$ не M .

Кроме того, новая коннотативная категория благодаря сокращению стилистической дистанции между производителем и произведенным объектом приводит к параллельному распределению семических термов, описываемых лексемами *вода* и *огонь*. В следующей таблице сведены в краткой форме результаты этого сокращения, приводящего к построению двухвалентного, но симметричного кода. Его можно считать установленным корректно, лишь в той мере, в какой он позволяет учесть совокупность топических содержаний.

Жизнь		Смерть	
V	вареный (огонь-жизнь)	сырой (огонь-смерть)	не V
не M	свежий (вода-жизнь)	гнилой (вода-смерть)	M

4.4. Диалектическая трансформация

В этих рамках совокупность трансформаций рассматриваемой печочки допустимо представить как диалектический алгоритм. Действительно, следующие друг за другом испытания состоят в:

- (1) отрицании термина *сырой* (не V);
- (2) утверждении термина *вареный* (V);
- (1) утверждении термина *свежий* (не M);
- (2) отрицании термина *гнилой* (M).

Тогда общее диалектическое утверждение постулирует наличие обязательного отношения между *вареным* и *свежим* ($V +$ не M — термы, принадлежащие к категориям изначально обособленных содержаний) и показывает, что их конъюнкция образует жизнь, т. е. культуру питания (или, в переводе на параллельный код, что конъюнкция огня в очаге и благотворного дождя образует «естественные условия» этой культуры).

Этот анализ выявляет и лексемные выражения персонажей, выполняющих одновременно функции производителя и потребителя; так, гриф-стервятник в качестве поедателя сгнившего сырого является

птицей смерти, но он же, присоединяя в мифическом прошлом функцию производителя огня, становится птицей жизни, совершающей воскрешение. Точно так же сыроедущий ягуар и гнилоедящая черепаха после инверсии образуют законченную культурную пару. Неудивительно поэтому, что наш герой носит имя потребителя, трансформированное в имя адресанта — Geriguiguiatugo, т. е. ягуар-черепаха. (Интерпретация ягуар=огонь и черепаха=дрова для очага образует параллельную коннотацию, категоризируемую безотносительно к их статусу потребителя.)

4.5. Ликвидация недостачи

1. Мы видели, что обманное поведение адресанта-отца имело следствием дублирование как возвращения героя, так и ликвидации недостачи, представленных негативно и позитивно.

$$\frac{\text{Отрицательное возвращение}}{\text{Отрицательный дар}} \simeq \frac{\text{Положительное возвращение}}{\text{Положительный дар}}$$

Из этого вытекает, что первый дар героя есть дар смерти, а не жизни; только через посредство нового адресанта — бабушки — он возобновляет свой дар, на этот раз позитивный.

Заметим, что диалектический алгоритм дара дважды инвертируется по отношению к поиску: 1) в качестве дара он инвентурируется синтагматически, и утверждение при этом предшествует отрицанию; 2) в качестве негативного дара он инвертируется в своих терминах, утверждая свойства смерти, но не жизни. Он состоит, таким образом, в:

- (1) утверждении M (гнилой $\simeq$ вода-смерть),
- (2) вызывающем отрицание $не M$ (сырой $\simeq$ вода-жизнь), и
- (1) отрицании V (вареный $\simeq$ огонь-жизнь),
- (2) имплицитующем утверждении $не V$ (сырое $\simeq$ огонь-смерть).

Отрицательный дар устанавливает, следовательно, обязательное отношение между двумя содержаниями, т. е. между M и $не V$, что само по себе есть отрицание смерти и тем самым антикультуры.

2. Поэтому можно предположить, что положительный дар будет иметь ту же синтагматическую структуру, но оперирующую иными содержаниями, утверждая жизнь, но не смерть. Распределение огня, осуществленное бабушкой, может быть записано как составляющая первой части алгоритма:

- (1) утверждение V (вареный $\simeq$ огонь-жизнь),
- (2) имплицитующее отрицание $не V$ (сырой $\simeq$ огонь-смерть).

Эпизод обманной охоты логически не может быть ничем иным, кроме как второй частью алгоритма, т. е.:

- (1) утверждением $не M$ (свежий $\simeq$ вода-жизнь),
- (2) включающим отрицание M (гнилой $\simeq$ вода-смерть).

Такая интерпретация при всей ее правдоподобности тем не менее не кажется автору несомненной. По крайней мере на поверхности все

происходит так, как если бы функция охоты состояла в выявлении *сырого vs вареный*, а не *гнилого vs свежий*. В самом деле, отец, отказавшись прославить героя, не причастен к благу огня; он остается «сырым». Избыточным образом его «сырость» подтверждается дизъюнкцией мужчин и домашних очагов, почему они и оказываются в положении поедателей сырого.

В этом месте описаний возникает некоторая трудность, так как построенный код пока не полон; мы установили изоморфизм только между категориями питания, различающими объект потребления, и «естественными» категориями, дифференцирующими производителей, но оставили в стороне организацию, позволяющую изоморфно описать потребителей (которые по отношению к объекту являются стилистическим отклонением, сравнимым с соответствующим отклонением производителей). Поэтому пока мы вынуждены оставить начатый анализ и попытаемся прежде всего восполнить наше знание именно этого фрагмента кода.

4.6 Сексуальная культура

1. Введя категорию *жизнь vs смерть*, мы смогли установить культурную сетку, которая, деля код мифа по двум разным параметрам, имеет при этом более общий характер, чем организуемая ею культура питания.

Если это так, можно попытаться приложить эту сетку к уровню сексуальной культуры для установления эквивалентности гастрономических и сексуальных значимостей. Они будут признаны изоморфными лишь при наличии формально идентичного распределения. Речь идет о сексуальной культуре, т. е. о совокупности представлений, относящихся к сексуальным отношениям (что имеет метафизический и аксиологический характер), а не о логически предшествующей этим представлениям культуре родства. Следующая ниже таблица иллюстрирует предполагаемый изоморфизм:

V	вареный (муж)	сырой (ребенок мужского пола)	не V
не M	свежий (мать; бабушка)	гнилой (жена)	M

Такое распределение представляет собой грубое упрощение, в принципе оно должно было бы удовлетворять доказательству изоморфизма между двумя культурными измерениями мифологического универсума и обеспечивать перекодировку одной системы в другую. Таблица в этом виде учитывает определенное количество фактов: а) женщина-бороро — гнилой плод; б) будучи матерью, она —

кормилица и, сохраняя растительную природу, образует комплексный терм $M + не M$ (в то время как бабушка, не будучи более женой, соответствует одному терму $не M$), с) сексуальное поведение внутри брака соответствует жизни; это варка пищи, которая в конъюнкции с гнилым вызывает брожение и жизнь d) мужчину-холостяка и особенно ребенка, не прошедшего инициации, следует отнести к области сырого и огня-смерти.

2. Благодаря этому двухвалентному модусу насилие может интерпретироваться как испытание, которое выражает серию трансформаций и которое можно объединить в одном диалектическом алгоритме:

- (1) отрицание *вареного* (V) (сын замещает мужа),
- (2) приводящее к утверждению *сырого* ($не V$), и
- (1) утверждение *гнилого* (M),
- (2) содержащее отрицание *свежего* ($не M$) (женщина как мать отрицается).

Внебрачный сексуальный акт был бы тогда выражением конъюнкции сырого и гнилого и идентифицировался бы с диалектическим утверждением, вводящим смерть; свою антикультурную природу утверждает не только сын — то же самое происходит и с отцом, свойство которого «варить» отрицается; отныне он, соединяясь со своей женой (и особенно с новой женой, появляющейся как бы специально), сможет лишь воспроизводить утверждение $V + M$. После насилия оба мужских персонажа определяются одинаковым образом, но, в то время как сын, проходя — естественно, в другом культурном параметре — через серию героических испытаний, трансформируется в противоположность того, чем он был вначале; отец сохраняет свойства *сырой* и *гнилой*.

3. Эта экстраполяция в определенной мере позволяет сделать ряд выводов, относящихся как к статусу нарратива, так и к процедурам описания: 1) построение кода предполагает установление культурной сетки, достаточно общей для того, чтобы включать кодирования, изоморфные не только топическим, но и коррелирующим содержаниям; 2) синтагматическому сцеплению, которое мы интерпретировали как отношение причины к результату (карающий договор), соответствует переход от одного культурного параметра к другому (сексуальная культура переходит в культуру питания).

4. Установление эквивалентности разных кодов позволяет лучше понять некоторые стилистические приемы нарратива. Так, два конститутивных для персонажей элемента — на уровне сексуального кода они соответствуют мужскому и женскому — находятся между собой в отношении, которое можно обобщить в виде категории активный vs пассивный. Это позволяет понять инверсии ролей в эпизодах охоты:

- а) будучи *сырыми*, персонажи являются *охотниками* (охота на ящериц, охота на оленя);
- б) будучи *гнилыми*, они являются *добычей* (грифов, оленя).

Теперь можно вернуться к прерванному анализу и перечитать эпизод финальной охоты; если отец в качестве охотника подтверждает свое свойство *сырой*, сведения о месте, где он сидит в засаде, принесенные помощником — обманщиком меа, превращают его в добычу, т. е. в *гнилое*. Победа оленя, вооруженного фальшивыми рогами (=свежие ветви), выражает, следовательно, трансформацию, которая является отрицанием гнилого, соответствующим утверждению свежего.

4.7. Квалифицирование и дисквалифицирование

Нам остается рассмотреть последнюю цепочку, посвященную дизъюнкции отца-вредителя (*не V + M*) с общиной. Уже отмечалось, что статус отца в этом месте повествования симметричен статусу сына после насилия: а) с точки зрения содержания они оба определяются как агенты смерти, будучи одновременно *сырыми* и *гнилыми*, б) с точки зрения синтагматической структуры повествования они являются объектами мести, т. е. обязаны выполнить договор-наказание. Отсюда следует, что цепочки «путешествие в гнездо душ» и «погружение в озеро», следующие за двумя дизъюнкциями, в принципе сравнимы. Тогда можно попытаться сопоставить их и интерпретировать одновременно, выявляя их сходства и различия.

Примечание. С точки зрения техники описания мы пытаемся таким образом повысить значение процедуры *внутреннего сравнения*, как уже делали это, анализируя последовательно два аспекта ликвидации недостачи (поиск и дар).

Путешествие в гнездо душ

Дизъюнкция (вследствие победы) с антикультурным обществом. Конъюнкция с духами воды при дизъюнктивной позиции (бой)

Квалифицирование героя

Аналитическая процедура: разделение на конститутивные элементы путем прибавления (в виде помощников)

1. Колибри

Максимальная дизъюнкция по отношению к духам воды (верх) (анти-вода=огонь=абсолютная жизнь)

2. Голубь

Дизъюнкция по отношению к гнилому (голубь ≠ разрушитель воды-смерти)

3. Раненая саранча

Дизъюнкция с сырым
а) утверждение сырого: саранча=разрушитель садов=засуха=огонь-смерть
б) возможность утверждения свежего: рана, нанесенная духами во-

Финальная цепочка

Дизъюнкция (вследствие поражения) с культурным обществом. Конъюнкция с духами воды при конъюнктивной позиции (интеграция)

Дисквалифицирование героя

Аналитическая процедура: разделение на конститутивные элементы путем дизъюнкции (расчленение)

1. Кости

Максимальная конъюнкция по отношению к духам воды (низ) (кости=духи воды=абсолютная смерть)

2. Легкие — водные растения

Конъюнкция с гнилым (болото=выражение гнилого)

3. Пиранья

Конъюнкция с сырым
а) утверждение сырого: пиранья=гнилой=огонь-смерть

б) конъюнкция тождеств: сырая часть героя поглощается и не воз-

ды, является отрицанием абсолютного сырого

Следствия

Дополнительное приобретение героем качеств, противопоставленных его природе; возможность человеческой культуры

мещается (ср. каннибализм грифов)

Следствия

Идентификация качеств героя с природными качествами; возможность не-человеческой антикультуры

Комментарий

Процедура сравнения с использованием данных контекста на уровне лексем позволила осуществить общее членение двух цепочек.

а) Мы видели, что дизъюнкция героя с обществом людей имеет следствием его конъюнкцию с обществом духов. Из этого вытекает конфронтация природы героя со сверхъестественным.

б) Оба героя, идентичные по природе, отличаются тем не менее по поведению. Это отличие происходит исключительно из их синтагматического статуса актантов-субъектов, противопоставленного следующим образом:

Субъект-герой, обладающий потенцией жизни, герой-победитель при овладении культурой устраивает испытания, приобретает качества, которые он отнимает у духов

Субъект-герой, обладающий потенцией смерти, герой-побежденный при овладении культурой проходит испытания, теряет качества, которые он передает духам

с) Анализ такого рода неудовлетворителен, поскольку он ограничивается лексемным уровнем. Описание стремится достичь уровня семического членения содержаний и выявить глубинные трансформации нарративных цепочек. Теперь можно поставить следующие вопросы: чему на уровне структурных трансформаций соответствует квалификация героя? Какие трансформации, со своей стороны, содержит дисквалификация героя?

4.8. Квалификация героя

Из нарративной модели вытекает, что цепочка, вставленная между отлучкой героя и основным испытанием, призвана *квалифицировать* героя, т. е. придать ему качества, которых он был лишен и которые сделают его способным пройти испытания. Однако если рассматривать семическую композицию содержания «герой до и после квалификации», то существенной разницы при этом не обнаруживается: герой и в том и в другом случае является *сырым + гнилым*.

В чем же тогда состоит квалификация? Представляется, что оно не может заключаться ни в чем ином, кроме как в приобретении качеств, которые, будучи по своей природе противоположными и дополнительными, тем не менее сообщают герою способность утверждать и отрицать и трансформируют его в *метасубъект диалектических трансформаций* (на что отчасти указывают такие обозначения

ния, как «хозяин огня» или «хозяин воды»). Квалифицированный герой обладал бы при этом и своим собственным содержанием, и противоположными терминами, способными это содержание отрицать. Только в результате квалификации герой действительно стал бы *медиатором* с комплексным категориальным содержанием, включающим одновременно термы *s* и *не s* каждой категории. Гипотетический характер формулировок вытекает, как мы подозреваем, из почти полного отсутствия сведений о членении этого отрезка нарративной модели, и наши усилия направлены больше на то, чтобы раскрыть структурные свойства модели, чем на корректную интерпретацию цепочек.

1. Герой, *гнилой* (*M*) в момент первого квалифицирующего испытания, не может быть противопоставлен духам воды, которые также имеют признак *M*. Их столкновение возможно только благодаря помощнику, колибри, которая в силу своей максимальной дизъюнкции с водой (но еще и потому, что она не-пьющая и очень часто «хозяин огня») представляет терм, диаметрально противоположный *M*, т. е. терм *V*. Присоединение свойства *V*, определяющего помощника, колибри, трансформирует героя в комплексный терм *M + V*, т. е. в многозначное существо, медиатора между жизнью и смертью. Именно комплексная природа позволяет ему появиться затем в виде *голубя*, т. е. одновременно потребителем и отрицателем *гнилого*. Это позволяет сказать, что на данной стадии герой

$$\begin{array}{cc} \text{статически} & \text{динамически} \\ M + V & \bar{M}, \end{array}$$

где знак отрицания указывает на то, что жизнь обладает властью отрицать смерть. В обычных терминах это значит, что герой стал вероятным хозяином воды-смерти.

2. Герой, который в то же время является *сырым* (не *V*), идентифицируется с саранчой, разрушительницей садов, которая, в свою очередь, существует лишь благодаря благотворной воде. В этом его качестве духи воды ранят героя, т. е. делают неспособным к полному уничтожению действия благотворной воды. Когда герой выступает как раненая саранча, принадлежащий ему терм *сырой* трансформируется в комплексный терм *не V + не M*; тем самым герой переходит во второй аспект своей природы:

$$\begin{array}{cc} \text{статически} & \text{динамически} \\ \text{не } V + \text{не } M & \overline{\text{не } V} \end{array}$$

(отрицание указывает на то, что вода-жизнь обладает властью отрицать абсолютный характер огня-смерти).

3. Пока не составлена протокольная запись содержаний с уче-

том комплексных категорий и их трансформаций, скажем просто, что квалифицированный герой появляется либо как

$$(M + V) + (\text{не } V + \text{не } M),$$

либо как отрицатель содержания, относящихся к смерти:

$$\overline{M + \text{не } V} = (\overline{M + \text{не } V}).$$

Последняя запись четче показывает постоянство качества «смертной» природы героя, к чему следует прибавить еще и вторую природу, делающую его метасубъектом.

4.9. «Природная» культура

Дисквалификация отца, приключения в воде объясняются главным образом отсутствием у него боевых качеств, его статусом побежденного героя, обреченного на смерть. Эпизод под водой, как известно, соответствует двойному захоронению (плоти и костей), практикуемому бороро. Вместо приобретения новых качеств, которые опять бы квалифицировали его, герой разделяется и соединяет каждый из определяющих его природу термов с соответствующим термом в мире духов. Конъюнкции противопоставленных термов, характеризующей квалификацию, здесь соответствует конъюнкция идентичных термов, т. е. нейтрализация смысла. Так еще раз утверждается симметрия: средний терм элементарной структуры значения, по сути дела, симметричен комплексному терму.

Используя, таким образом, возможности, предоставленные сравнительным методом, можно теперь перейти к значению цепочек в качестве содержания, коррелирующего с позитивной топической частью мифа. Два содержания, топическое и не топическое, выражают установление некоторого порядка по двум разным параметрам мифологического универсума. Нам остается ответить на два вопроса: какой из установленных таким образом порядков коррелирует с установлениями культуры питания? В каком измерении расположен этот порядок?

1. Встреча героя с пираньями тождественна одновременно и разложению и расчленению его природы; сначала производится полная дизъюнкция двух ее конститутивных элементов: *сырой* воспринят и соединен с сырой природой пираний; *гнилой* отвергнут и соединяется с другими элементами. Эта дизъюнкция есть не что иное, как распад синтетического понятия (*не V + M*), определяющий всю антикультуру; если культура была только что установлена как синтез, то антикультура оказывается дезорганизованной:

$$\begin{array}{l} \text{Культура} \quad \quad \text{Антикультура} \\ (V + \text{не } M) \text{ vs } (\text{не } V \text{ vs } M). \end{array}$$

Можно предположить, что установление антикультурного порядка не может быть ничем иным, кроме как максимальной дизъюнкцией термов, сближение которых угрожало бы культуре.

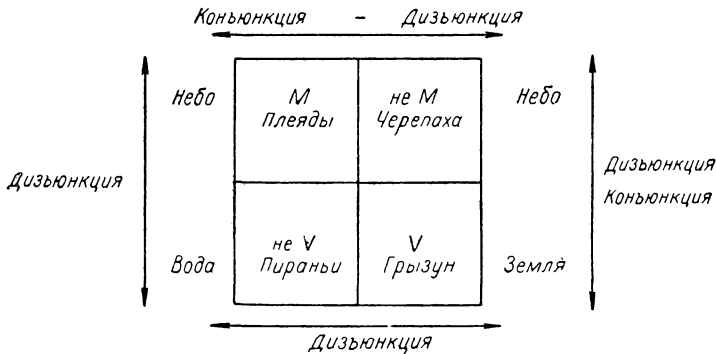
2. Именно в таком свете целесообразно интерпретировать последовательность событий. *Гнилой*, отделенный от *сырого*, проявляется двояко (кости vs легкие): с одной стороны, при движении вниз он достигает обиталища душ и соединяется с ними в своем загробном существовании; с другой стороны, при движении вверх гнилое «всплывает», т. е. отделяется от воды, чтобы после первой метаморфозы появиться в растительной форме — как водное растение.

Итак, бороро прекрасно знают, что подъем гнилого вверх на этом не прекращается и что гнилой в виде Букета цветов, являющегося метафорическим утверждением и конъюнкцией тождеств, попадает на небо, где образует созвездие Плеяд. Дизъюнкция *сырого* и *гнилого*, таким образом, упрочивается с помощью дизъюнктивной пространственной инверсии: огонь — смерть небесного происхождения — заключен в воде, воплощаясь в пираньях; вода — смерть подземного происхождения — проецируется на небо в виде созвездия.

3. Преобразование природы (более точно было бы назвать это «природной» культурой: это действительно новый мифологический параметр, который мы пытаемся определить) на этом не останавливается. Можно предположить, что *свежий*, ранее определенный в терминах гастрономической культуры, проходит ту же трансформацию и оказывается на небе: земная Черепаха, «хозяин свежего», в своем качестве поедателя гнилого попадает туда в виде созвездия Ворона. Вода-смерть и вода-жизнь, таким образом, объединяются на небе. К объяснению нового расположения можно прибавить два уточнения: а) отношение между Черепахой (*не М*) и Букетом цветов (*М*) представляет собой — этого нельзя забывать — описание договорных обязательств между адресантом (сын) и адресатом (отец), взявшим на себя обязанность выкупа; злоторная природа подчинена благодетельной природе; б) герою не удалось покинуть землю только потому, что он оставил младшего брата, появившегося как дублер как раз в момент возвращения героя; грызун, следовательно, выполняет на земле функции покровителя домашнего очага (*V*), по крови оставаясь связанным с благотворной водой (*не М*). Остается последняя дизъюнкция — злоторного и благодетельного огня; первый укрошен, будучи заключенным в воде (пиранья), второй остается на земле, поскольку его конъюнкция с водой была бы роковой.

4. Из этого вытекает, что введение «природной» культуры состоит в топологической инверсии естественного порядка. Используя две категории, одна из которых топологическая (высокий vs низкий), а другая — биологическая (жизнь vs смерть), можно сказать, что «окультуривание» природы состоит в помещении природных ценностей в рамки одновременно двух кодов, становящихся изоморфными только после инверсии знаков.

Основная топологическая дизъюнкция состоит в том, чтобы отъединить относящиеся к смерти значимости (*M* и *не M*), оказавшиеся на небе, от относящихся к жизни значимостей (*V* и *не V*), оставшихся внизу, она же постулирует невозможность утверждения *M + не V*, которое разрушило бы культуру; при этом благодаря кровным связям она обеспечивает возможность культурной конъюнкции *не M + V*. Второе различие осуществляется дизъюнкцией между *V*, находящимся в воде, и *V*, находящимся на земле (эти термины подвергнуты двойной дизъюнкции, потому что их конъюнкция угрожала бы культуре); дизъюнкция влечет за собой пространственную конъюнкцию (на небе) *M* и *не M*, поскольку они находятся в отношении культурного подчинения.

В итоге «природная» культура, введя новый код, упрочивает прерывный характер природных значимостей: она утверждает невозможность конъюнкций, «противоречащих природе», и возможность некоторых других отношений, «согласных природе». Символически это можно было бы обозначить как

$$(не M \rightarrow M) vs (не V vs V).$$

Примечание. Рамки настоящей работы не позволяют настаивать на прерывном (и своеобразном) характере культурных значимостей (Черепаша, Грызун), противопоставляющем их непрерывному характеру не культурных значимостей (Букет цветов, Пирания), или настаивать на введении диахронического порядка времен года, вытекающем из синтагматического подчинения *не M* и *M*. К. Леви-Строс в этом отношении высказался достаточно ясно,

5. СТРУКТУРА СООБЩЕНИЯ

Представим основные результаты интерпретации этого мифа бороро в виде таблицы:

Содержания	Инвертированные		Исходные	
	Коррелирующие	Топические		Коррелирующие
Результаты трансформаций	$не V + M$	$M + не V$	$V + не M$	$не M \rightarrow M$ $не V vs V$
Культурный параметр	Сексуальный	Гастрономический		Природный
Стилистическая перспектива	Потребитель	Объект потребления		Производитель

POST-SCRIPTUM

Из добросовестности мы не можем обойти молчанием, что при чтении этого текста К. Леви-Строс высказал ряд сомнений относительно нашей интерпретации мифологии бороро, и в частности относительно инициальной и финальной цепочек нарратива. Поскольку очевидно, что наша компетентность в этой области, более чем ограниченная, не может сравниться с его, мы тем самым предупреждаем читателя от полного согласия с нашей интерпретацией данного мифа. Однако мы придерживаемся принципа, выбранного в качестве интерпретационной гипотезы: существует корреляция между топическими содержаниями нарратива и содержаниями, выраженными в периферийных цепочках.

БЫК-ТАЙНИК *

(Трансформация одной африканской сказки)

Распространенная на западе Африки сказка содержит в качестве начального эпизода мотив: персонаж проникает в тело живого животного (бык, вол, корова, слон), чтобы питаться им, — тема, которую в воспоминание об одном романе Марселя Эме ** мы предлагаем назвать «Бык-тайник». Версия бамбара¹ дает полный перечень событий, следующих за этим эпизодом и составляющих то, что вскоре проявится как канонический сюжет.

Во время голода Заяц проникает в брюхо быка, принадлежащего Духам, отрезает там куски мяса, приносит их домой и пирует с семьей. Жена Гиены, полная любопытства, приходит за головешкой для очага; при этом она получает кусок мяса. Ее муж обращается к Зайцу, изображая сильнейшую зубную боль, которую он просит вылечить. Когда Заяц сует в пасть мнимого больного лапу, тот хватает ее и соглашается разжать челюсти только при условии, что на другое утро они оба пойдут туда, где добывается пища. Рассказчик отмечает, что насилие здесь излишне: Заяц раскрыл бы свою тайну по доброй воле. Гиена-муж всю ночь не смыкает глаз. Задолго до рассвета он принимается бить свою мать, чтобы она стала кашлять, как она кашляет каждый день на заре.

Наконец Заяц и Гиена отправляются, и оба влезают в брюхо быка. Заяц предупреждает Гиену: можно отрезать сколько угодно мяса, но нельзя трогать сердце. Гиена нарушает запрет и отрезает сердце, вызывая смерть быка и приход духов-хранителей, которые недоумевают о причине этой подозрительной смерти и решают разрезать труп на куски. Оба сообщника пытаются спрятаться от грозящей расправы: по наущению Зайца Гиена укрывается в желудке, в то время как сам Заяц забирается в желчный пузырь. Духи начинают производить вскрытие: удаляют внутренности, отбрасывают в сторону желчный пузырь вместе с его содержимым. Заяц выбирается на свободу и возмущается: он мирно отдыхал после обеда, и тут на него неожиданно обрушились нечистоты. Духи приносят ему извинения. Запятнанный желчью, но очищенный от подозрения, Заяц для помощи следствию предлагает свой пророческий дар:

* Статья написана специально для настоящего сборника.

** Имеется в виду роман Марселя Эме (Marcel Aymé) «Le boeuf clandestin», 1939 (примеч. пер.).

бык умер от болезни, находящейся у него в желудке. Выньте этот орган, завяжите его и бейте. Гиену забивают насмерть в этом мешке из плоти. Благодарные духи награждают Зайца долей мяса.

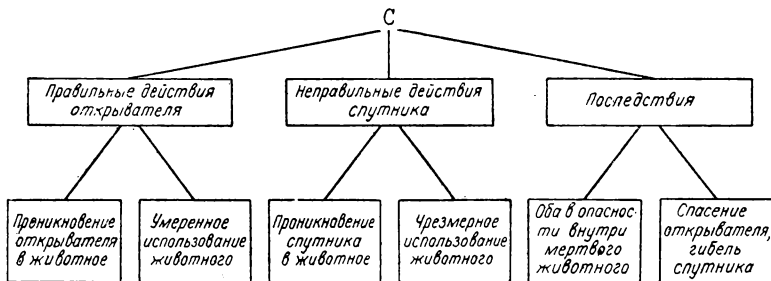
В настоящее время наше собрание насчитывает десяток версий. Ареал их распространения (волоф, бамбара, малинке, мосси, догон, мбаи, секиани) покрывает обширную полосу от Сенегала на западе до Чада на востоке и Габона на юге. Кроме постоянно представленного мотива хитреца (Паук, Заяц, Черепаха, Белка), проникающего в тело животного, чтобы питаться им, рассмотрим следующие темы, регулярно с этим мотивом связанные:

вмешательство прихвостня (Гиена, Леопард), младшего негативного хитреца, который по договоренности или насильно заставляет первого раскрыть тайный источник пищи;

когда оба сообщника вместе проникают в тело-кормилец, — противооставление умеренности первого открывателя, соблюдающего неприкосновенность жизненной основы их хозяина, и неудержимой прожорливости его приспешника, который проявляет губительную жадность;

когда оба приятеля оказались в ловушке внутри трупа — оппозиция между хитростью первого, находящего способ выйти и даже повернуть ситуацию в свою пользу, и глупостью второго, который покорно дает привести себя к гибели.

Чтобы подвести итоги начального этапа анализа, представим основные сюжетные эпизоды в виде следующего дерева:

Рассмотрим более детально возможные для каждого из этих эпизодов развертывания.

ПРОНИКНОВЕНИЕ ОТКРЫВАТЕЛЯ В ЖИВОТНОЕ

Большинство версий ограничивается кратким введением: в голодное время герой (Заяц, Паук) через глотку или рер анимс проникает внутрь быка или коровы, принадлежащих верховному существу (Богу, Духу, Вождю), и отрезает там куски (жира или мяса), которыми кормит всю семью. Использование магической формулы («Глина белая и охра красная, откройтесь») отмечено только в одной сказке (секиани, № 320).

Другие версии содержат более детальные введения. Две из них начинаются ситуацией соревнования между Зайцем и Гиеной. Условившись искать счастья поодиночке, оба приятеля встречаются вновь, чтобы сравнить свою добычу: один возвращается ни с чем, другой — разжиревшим (малинке, № 621) или с куском жира (волоф, № 1077).

В некоторых версиях бык заменяется слоном. Тогда введение расширяется вплоть до автономной сказки: в отличие от быка, являющегося не более чем скотом и не имеющего антропоморфного статуса, слон — это Слон, персонаж большого веса, типизированный так же, как Гиена или Заяц, и одна из самых частых жертв проделок плута. Хитрец, ловко эксплуатирующий эту гору мяса, фигурирует во многих сказках. К тому же возможности anus'a Слона как будто особенно облегчают доступ внутрь: в одной сказке лимба (№ 370), где Слон парадоксально играет роль ложного глупца, он предлагает Пауку, у которого сгорела ступа, полость своего anus'a, чтобы толочь рис. На третий раз Слон закрывает anus и уходит, унося рис и оставив Пауку одну солому.

Эти свойства, как интеллектуальные, так и анатомические, объясняют замену быка слоном в роли животного-кормильца. Хитрость, позволяющая плуту проникнуть к нему в брюхо, варьируется. В версии мбаи (№ 879) Белка, пойманная с поличным на краже арахиса у Слона, предлагает в виде возмещения почистить его и снаружи и изнутри; начинает она с внутренностей, где и размещается со своим имуществом: котелком, жаровней и солью. В трех других сказках Заяц предлагает Слону научить его игре в шахматы. Он дает ученику выиграть, тот хохочет, распахнув глотку или anus, а Заяц пользуется его веселым настроением, чтобы войти в него (малинке, № 621; мосси, № 873, 1092).

УМЕРЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЖИВОТНОГО ОТКРЫВАТЕЛЕМ

Исследуя внутренности быка или слона, герой действует хитро и ловко. Он умеет рисковать с расчетом. О его положительных качествах часто свидетельствует еще одна черта: он берет себе умеренно, довольствуясь жиром (догон, № 177; волоф, № 1077), несколькими кусками мяса (секиани, № 320), но остерегаясь задеть жизненно важный орган (сердце или особый шарик жира). Кроме того, в четырех версиях (догон, № 177; бамбара, № 328; мосси, № 873, 1092) он приносит добычу домой и кормит семью. Этим его поведение отличается от эгоизма его сообщника, плохого отца и мужа-недоброжелателя, часто занятого тем, чтобы скрыть от семьи находку — какой-нибудь волшебный котелок или другой пищевой резерв.

ПРОНИКНОВЕНИЕ СООБЩНИКА В ЖИВОТНОЕ

В некоторых наших сказках сказано просто, что открыватель приглашает с собой приятеля либо по своей инициативе, либо по его просьбе (Берег Слоновой Кости, № 178; секиани, № 320; мосси, № 879). В других бесцеремонность приглашенного подчеркивается включением одного из следующих мотивов:

в трех сказках (догон, № 177; бамбара, № 328; мосси, № 873) второй персонаж, заинтригованный процветанием, царящим в доме первого, посылает на разведку жену под предлогом того, чтобы попросить головешку для разжигания огня;

в трех других сказках (бамбара, № 328; малинке, № 621; волоф, № 1077) второй персонаж из оправданного или неоправданного опасения, что сосед не поделится с ним своей тайной, симулирует зубную боль; когда тот сует ему в глотку лапу, чтобы вылечить его, он сжимает челюсти и добивается обещания вместе пойти на другое утро туда, где сосед добывает пищу;

и, наконец, в трех сказках (бамбара, № 328; малинке, № 621; мосси, № 1092) второй персонаж, не в силах дожидаться рассвета, пытается ускорить наступление дня разными уловками: разжигает огонь, долженствующий изображать восход солнца (№ 621, 1092); рассыпает по хижине перец, чтобы старухи, как обычно на заре, стали кашлять (№ 621); бьет собственную мать, чтобы она закашлялась (№ 328).

Эти гротескные хитрости имеют одну очевидную функцию — создать контраст между первым и вторым персонажами. Второй бесцеремонен, груб, не способен подчиняться как социальному, так и космическому порядку. Его последующая неумеренность не удивит нас.

ЧРЕЗМЕРНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЖИВОТНОГО

В трех сказках (секиани, № 320; Берег Слоновой Кости, № 321; мосси, № 873) говорится просто, что один из приятелей, слишком жадный, по неосторожности отрезает сердце животного-кормильца, в то время как другой прилагает старания для того, чтобы сохранить этот жизненно важный орган. Во всех других сказках эта оппозиция подчеркнута тем, что открыватель надлежащим образом предостерег спутника, либо предупредив, что сердце трогать нельзя, а мясо или жир можно (мосси, № 1092, 879; волоф, № 1677; бамбара, № 328, 178), либо запретив ему трогать мясо и разрешив отрезать только жир (догон, № 177), либо предупредив его, что жизнь животного зависит от маленького шарика жира (малинке, № 621).

БЕГСТВО И ОПРАВДАНИЕ ОТКРЫВАТЕЛЯ

Оказавшись плененными в мертвом животном и боясь расправы, сообщники пытаются спрятаться в труп. В то время как второй выбирает «благородный» орган, первый догадывается сделать «скромный» выбор, чем обеспечивает себе спасение. Самый распространенный способ бегства состоит в том, чтобы забраться в какие-нибудь «отходы», которые будут выкинуты в кусты: желчный пузырь (мossi, № 879; волоф, № 1077; бамбара, № 328; догон, № 177; малинке, № 621), кишки (секиани, № 320). Речь может идти также о желудке, о рубце, которые отдают детям опорожнить поодаль или вымыть в реке (мossi, № 1092, 873; Берег Слоновой Кости, № 321).

В своей изощренности, примеров которой много в африканских сказках, открыватель, желая обеспечить себе тайник менее престижный, но более надежный, иногда нарочно предлагает своему сообщнику худшее, а сам претендует на благородный орган (легкие, желудок...). Тогда партнер начинает подозревать, что его хотят одурачить, и попадает в ловушку в убеждении, что он ее избежал: он сгоняет первого с места, которое тот притворно хотел занять, и сам устраивается там на свою погибель (волоф, № 1077; секиани, № 320; бамбара, № 328; догон, № 177; малинке, № 621).

ОБНАРУЖЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ СООБЩИКА

Выпутавшись из беды, открыватель может ограничиться объявлением своего алиби и предоставить сторожам животного-кормильца заботу об изгнании и наказании своего сообщника (№ 178, секиани, № 320). Чаще всего он использует ситуацию, чтобы отомстить. Изображая прорицателя, он определяет, что болезнь находится в желудке, рубце, легком, кишках и т. д., и советует бить этот орган палкой (мossi, № 879; волоф, № 1077; бамбара, № 328; Берег Слоновой Кости, № 321; догон, № 177; малинке, № 621; мossi, № 873, 1092). В возмещение понесенного им ущерба или в награду за определение болезни он сверх того может получить долю разделанного животного (секиани, № 320; бамбара, № 328; мossi, № 873).

* * *

Характеристики сказки «Бык-тайник» теперь в достаточной степени определены. Исходя из этого общего типа, мы можем рассмотреть ряд примеров — как отдельные, производные от него версии, так и версии промежуточные между данными и другими типами, близкими или отдаленными. Подчеркнем, что нельзя понимать эти «трансформации» как обязательно соответствующие эволюции сказки. В некоторых случаях есть основания полагать, что формы, которые мы будем анализировать, имеют источником сказку-

тип, охарактеризованную выше. В других случаях у нас не хватает данных для однозначного определения; например, бывает трудно сказать, репрезентирует та или иная трансформация историческую эволюцию сказки и сохранение более древнего состояния или это регресс, который берет более древние формы, сочетая их с новыми.

Рассеянную группу текстов мы сфокусировали в той одной точке их временной эволюции и пространственного распространения, где достаточно большое число сопоставимых друг с другом версий обеспечивает реализацию продуктивного типа сказки. Эта точка равновесия и связности соответствует тому, что мы условно назовем сказкой «Бык-тайник». Вокруг этого зародышевого ядра располагаются в виде пыльцы из неустойчивых форм сказки, мифы, анекдоты, которые родили его, рождены им, опять рождены им после того, как родили его, туманность, которую мы можем описать и объяснить только в связи со сказкой-типом, принятой за точку отсчета и источник всех трансформаций, хотя бы и идеальный.

За невозможностью разобрать по одному все тексты этой туманности рассмотрим несколько примеров наиболее распространенных трансформаций:

удаление из сказки назидательности в пользу других значений; контаминацию данной сказки-типа с другой сказкой-типом, отличающейся, но близкой;

влияние, оказанное сюжетными схемами и мотивами сказки-типа на версию очень отдаленной сказки-типа.

ОСЛАБЛЕНИЕ МОРАЛИЗУЮЩЕЙ СИЛЫ (НАЗИДАТЕЛЬНОСТИ)

Возьмем на этот раз в качестве примера сказку темне (№ 323).

Лягушка нашла волшебную королевскую корову. Если сказать ей: «Откройся», она раскрывает глотку, и этим можно воспользоваться, чтобы быть проглоченным; потом с помощью той же формулы можно быть извергнутым обратно. Лягушка входит в корову, маленьким ножом отрезает жир и приправляет им свою еду. Паук, ее гость, спрашивает, откуда она взяла жир. Лягушка открывает ему тайну и соглашается взять его на следующее утро с собой. От нетерпения Паук прибегает к хитрости, устраивая ложный рассвет. Наконец они отправляются. Лягушка предупреждает Паука, что нельзя трогать сердце коровы, иначе она умрет. Паук так добросовестно соблюдает запрет, что на первый раз их предприятие оканчивается без происшествий. При расставании Лягушка говорит Пауку, что не надо повторять их поход на следующий день. Обманутый в своих ожиданиях, Паук не слушается. Он возвращается один и, забыв о запрете, вырезает у коровы сердце. Пока царские слуги разрезают труп, Пауку, спрятавшемуся во внутренностях, удается ускользнуть. Затем он возвращается к ним, вымазанный нечистотами, жалуется, что его испачкали, и получает в возмеще-

ние голову животного. Но это еще не все: голову он закапывает в болоте у дороги и зовет на помощь. Прохожие с лучшими намерениями хотят помочь ему вытащить увязшую корову. Голова остается у них в руках, а Паук обвиняет их в том, что они своей грубой неосторожностью погубили его корову. Новое вознаграждение: он получает в возмещение трех коров. Мораль: благодаря хитрости Паукживает состояние.

Очевидно, что в этом тексте использован тот же набор мотивов, что и в «Быке-тайнике», но сюжет перестроен и ориентирован на совершенно другую мораль. Открывателем здесь является Лягушка, которая в африканской сказке не принадлежит к категории больших трикстеров, а чаще появляется кое-где как второстепенный участник. Противопоставление Лягушки, благоразумной и умеренной, Пауку, прожорливому и легкомысленному спутнику, в первой части (до смерти коровы), конечно, присутствует, но в стадии лишь наполовину реализованной возможности: Лягушка сходит со сцены, выведя Паука на первый план. Далее весь вопрос заключается в выяснении того, будет ли Паук в тяжелом положении, вызванном его собственной неосмотрительностью, вести себя так же глупо. Однако он не только выправляет ситуацию, но обращает ее к своей выгоде, а в дальнейшем еще и находит способ ее умножить.

Сказка сохраняет оппозицию умеренность/неумеренность, хитрость/глупость. Но умеренность и хитрость перестают быть качествами, существующими только в единстве, как две стороны нераздельного разума. Здесь инициальная оппозиция «открыватель — умеренный и хитрый/его спутник — неумеренный и глупый» стерта в пользу другой, соответствующей эволюции единственного героя, сначала неумеренного, а потом хитрого. Оказывается, наличие двух сторон разума не обязательно. Напротив, Паук не обладает умеренностью, заставившей бы его побороть свой аппетит и не желать невозможного, но что из этого? У него есть хитрость, позволяющая побороть ситуацию и извлечь из нее все возможное. Мораль этой сказки, заключающей цикл приключений Паука окончательным успехом, семиотически маркирована совмещением двух удач, это своего рода *fluctuat nec mergitur* *: Паук подводит себя жадностью, но благодаря уму последнее слово остается за ним.

Можно рассмотреть обратную комбинацию — герой сначала хитер, а потом неумерен — и извлечь из этого противоположную мораль: для чего ум, если все портит зазнайство, возникающее при успехе? Такой вывод извлекает из нашей сказки версия нгамбайе (№ 183).

Антилопа после родов просит жену Паука приготовить ей еду. В награду она позволяет ей войти к себе в брюхо и отрезать там немного мяса. Паук переодевается женщиной и приходит к Антилопе предложить свои услуги. Оказавшись в брюхе, он вырезает

* Качается и не тонет (надпись на гербе Парижа) (*примеч. пер.*).

у своей хозяйки сердце. Та умирает. Приходят ее родственники. Паук, все еще в брюхе трупа, кричит: «Я — болезнь, убившая вашу дочь! Сейчас я выйду и убью вас!» Все разбегаются. Паук выбирается из туши, разделявает ее и вместе с сыном начинает варить мясо. Однако сын отказывается от своей доли. В гневе он идет за матерью, которая раскрашивается в белый цвет и предстает перед Пауком как Смерть, пришедшая за ним. Теперь очередь Паука в ужасе бежать, в то время как его жена и сын уносят добычу.

В сказке темне мораль была выражена апофеозом двух последовательных удач, одна из которых увеличивала другую. В сказке нгамбае мораль выражается другим способом — повторением одного и того же цикла приключений. Едва избавившись благодаря своей изобретательности от опасности, куда его завела неумеренность, хитрец тут же спешит совершить то же самое. Сказка использует возможность, предоставленную любому опытному в своем деле рассказчику, бесконечно продолжать повествование с помощью присоединения к нему дополнительных ответвлений, которые он черпает в своем репертуаре; единственным ограничителем является утомление — его или слушателей. При таком развитии любой вид морализующих или философских рассуждений быстро теряет почву под ногами: благодаря парадоксальной способности попеременно то к грубейшим промахам, то к изощреннейшим уловкам создается и персонаж, чрезвычайно увлекательный сам по себе, и сюжет, весьма богатый поворотами и контрастными эффектами, и оба они вполне самодостаточны.

Одновременно с растворением морали разрушается формальная структура сказки. Она теряет форму, разбиение на симметрично уравновешенные эпизоды, заключение с ясным и однозначным разрешением. Конца больше нет: карьера героя предстает в виде ожерелья, на которое рассказчик попеременно, как бусины контрастирующих цветов, нанизывает случаи то неудачливости, то сверхудачливости, одновременно удивительных и комических, хотя смех, вызываемый ими, — двух разных родов. Эти эпизоды не имеют органического единства: если нитка оборвется, раскатившиеся бусины могут быть либо вновь использованы в виде микросказок, шуток, сведенных к одной-единственной хитрости или глупости, либо вплетены в другие сказки, либо, наконец, скомпонованы в новые сочетания. Распадение исходной сказки ведет, таким образом, к тому, что она разбивается на ряд мобильных мотивов, увеличивающих арсенал любого рассказчика. По своему ли вдохновению или по просьбе слушателей он использует эти мотивы по отдельности или объединяет в сочетания с проблематичной устойчивостью.

Вот что происходит с основным мотивом «Быка-тайника» в сказке туарегов (№ 778). Слон и Шакал вместе путешествуют. Испытывая жажду, они наконец находят лужу, из которой Шакал делает несколько глотков. Слон, напротив, выпивает всю лужу. Они продолжают путь. Шакал снова хочет пить, Слон впускает его к себе

в брюхо. Шакал утоляет жажду, затем, заметив жир, покрывающий стенки его «резервуара», начинает отрезать от него куски. Как ни протестует Слон, Шакал продолжает свое занятие, пока тот не погибает. Шакалу удается ускользнуть незамеченным, но животные требуют испытания (ордалий). Лев приказывает разделить тушу Слона и сварить каждому свою долю: у убийцы мясо должно остаться сырым. Действительно, Шакал видит, что у него мясо не варится. Он потихоньку подменивает свой котелок котелком Гиены. Уличенную в убийстве Гиену предают смерти.

Попытка выделить в этом тексте оппозиции умеренность/неумеренность и хитрость/глупость, как мы это делали ранее, была бы иллюзорной. И роль Шакала не позволяет выделить эти категории: можно сказать, что Шакал не видел дальше своего носа, удовлетворившись несколькими глотками, в то время как Слон, обеспечивший себе обильный запас воды, действовал как будто более разумно. Точно так же можно считать, что Шакал в брюхе Слона неоднократно проявляет неумеренность. Но это лишь потенциальные нарушения, поскольку с ними прямо не связано никакое наказание. Каково непосредственное следствие беспечности Шакала? Вознаграждение тем, что Слон дает ему свой жир. Каково непосредственное следствие его неумеренности, погубившей Слона? Вместо того чтобы остаться в его брюхе, Шакал выбирается оттуда и спасается. Правда, далее ему угрожает опасность испытания, и эта угроза могла бы быть сочтена наказанием за его бесчинства. Однако, если ничего не опровергает этой интерпретации, ничего ее и не подтверждает: она должна трактоваться как некоторая возможность, оставленная рассказчиком в резерве; комментатор остережется обращаться к ней.

Вся первая часть этой сказки оказывается не более чем прологом, предназначенным для введения испытания, ситуации-теста, где бессовестной хитрости Шакала соответствует глупая простота Гиены. На этот раз речь идет о противопоставлении не глупого Шакала умному Шакалу, а изворотливого плута всегда попадающемуся простофиле. Хитрость здесь не преследует никакой конструктивной цели: ее ценность — исключительно во внутреннем колизее; она сама своя цель.

УСТОЙЧИВОСТЬ, ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЭТИОЛОГИЧЕСКОМУ ЗНАЧЕНИЮ

Сказка, которая разрушается таким образом, тем не менее не обречена на безвозвратное вырождение. Ее материал используется еще и для подкрепляющего концовку сказки этиологического вывода: «И вот с тех пор...» Незначительный или часто юмористический характер этой финальной детали сам по себе малосуществен, но он выявляет способность сказки возвращаться к мифу, из которого она, быть может, и произошла. Действительно, хитрец характеризуется прежде всего как носитель беспорядка, подстрекатель

к отходу от нормы. В то время как теперешние люди заурядны, их звериный предок, и гораздо лучший, и гораздо худший, постоянно ищет боковых путей, либо «недоприспосабливаясь» (в своих промахах), либо «сверхприспосабливаясь» (в своих находках): «Паук, более приближенный к мифу, одновременно и очень умен, и глуп, полон недостатков; он самый коварный и самый тупой [. . .]. Он вносит непредвиденность и вместе с нею возмущение в общество, где индивидуум определяется исключительно своим семейным или социальным статусом. Воплощая беспорядок, он вводит движение и жизнь в универсум, который без него оставался бы застывшим»². Если ему еще будет дарована сверхдемиургическая сила, он приобретет или возвратит себе статус мифического предка, благодаря которому мир, хорош он или плох, стал таким, как сегодня. Именно через него может быть понято и принято открытие и утверждение космического порядка, иначе неоправданного; его путаные фантазии проясняют взаимосвязь вещей, их «Это вот так». Возвращение сказки к мифу вечно: такой персонаж, как, например, Паук, в достаточной степени сохранил двойственность, столь характерную для его соответствий — американского Койота³ или палеоазиатского Ворона⁴, — нужную ему для возможной реконверсии.

Если учесть, что сказки «Дерево-сокровищница» и «Пещера Али-Бабы» на африканском материале подвергаются примечательным трансформациям (или ретрансформациям) в мифы о происхождении пищи, оснащаются деталями, которые ставят, вне сомнения, восполнение сказки мифом, можно понять первоначальное удивление, когда в нашем корцусе не оказалось ни одного примера «ремифологизации» «Быка-тайника». Обнаружение версии гурунзи положило этому удивлению конец.

В начале начал царил всеобщий мир, но также и голод. В конце концов Богу делается жаль живых существ: он дарует яйцо, которое должно на седьмой день расколоться и принести им спасение. Пока же каждый должен переносить голод. Тем не менее Заяц находит способ проникнуть в яйцо и взять из него нечто для прокорма семьи. Это обнаруживает Гиена, идет к Зайцу и заставляет его привести себя к источнику пищи. Заяц и Гиена входят в яйцо. Несмотря на предупреждение Зайца, Гиена вырывает и уносит зародыш. У Зайца хватает благоразумия спрятать свою долю в кустах, в то время как Гиена отдает зародыш своей жене, чтобы она его приговорила. Обнаружив преступление, Бог созывает всех и производит расследование. Плоть эмбриона находят у Гиены, которую изгоняют из общины, а остальных Бог одаряет богатством.

Здесь мы узнаем большую часть основных черт «Быка-тайника», но они инкорпорированы в сюжет этиологического, а не просто этического характера. В начале начал добро (всеобщий мир) сосуществует со злом (постоянный голод). После преступления Гиены как бы побеждает инвертированная ситуация. Бог дает живым существам

пищу, но с тех пор они начинают враждовать друг с другом. Одно зло изгнало другое.

Бог, однако, замыслил лучший исход. Рассказ умалчивает о конкретных деталях его решения; мы знаем лишь, что оно было связано с выходом из яйца живого зародыша. Больше мы ничего и не могли бы узнать: по вине Гиены яйцо было лишено зародыша и его тайна осталась секретом Бога. Мы по меньшей мере можем представить себе чудесную пищу по образцу яйца, которое не является ни растительной, ни животной (за исключением эмбриона) пищей. Заяц понял это: его проникновение законно и проходит без последствий, потому что оно позволяет ему прокормить семью, не вредя другим. Действия Гиены, напротив, приводят к катастрофе: из-за нее голод замещается страхом. В наказание Гиена в дальнейшем исключается из общения с остальными, причем те по ее вине в дальнейшем входят в сообщество лишь для того, чтобы пожирать друг друга: они будут поедать друг друга, а Гиена — их останки. Таким образом, ее положение и в искуплении и в злоупотреблении будет на ступень ниже, чем у остальных: когда они ели траву, она ела живой зародыш; теперь они едят свежее мясо, Гиена же кормится падалью.

За отсутствием других мифов, связанных с таким яйцом-панaceей, мы можем рассматривать этот миф как результат контаминации мотивов «Быка-тайника» и группы сюжетов, приписывающих Гиене ответственность за введение в общество плотоядных животных и войны. Эта тема иллюстрируется сказкой диола карабан.

В то время как все животные еще травоядны, Гиена нарушает запрет и ест мясо. Чтобы наказать святотатство, звери по наущению Зайца прячутся за деревьями, а он говорит Гиене, что все умерли от эпидемии. Соблазнившись возможностью поживиться, Гиена прибегает, а Заяц дудит в трубу, давая таким образом сидящим в засаде животным сигнал, что добыча близко.

Как и в мифе гурунзи, здесь существует сдвиг между способом питания Гиены и других животных: когда они травоядны, Гиена осквернена тем, что поедает их мясо; когда животные наказывают Гиену, поедая ее мясо, Гиена уже пала еще ниже: она пожирает падаль.

Сюжет «Быка-тайника» вначале предлагает ситуацию голода, еще более аномальную из-за того, что небольшая привилегированная группа обладает не просто едой, но едой самой желанной — мясом. На эту скандальную ситуацию герой-открыватель реагирует в соответствии с механизмом, проанализированным П. и Э. Маранда⁵, изобретая такие же аномальные способы доступа к пище и ее потребления: он входит внутрь своей добычи, чтобы есть ее заживо. Решение в своем роде идеальное, поскольку оно обеспечивает защищенность того, кто ест, боками того, кого он ест, и гарантирует ему регулярное и продолжительное питание. Однако такое положение недолговечно: будучи тайным, оно не принимает в расчет необходимость

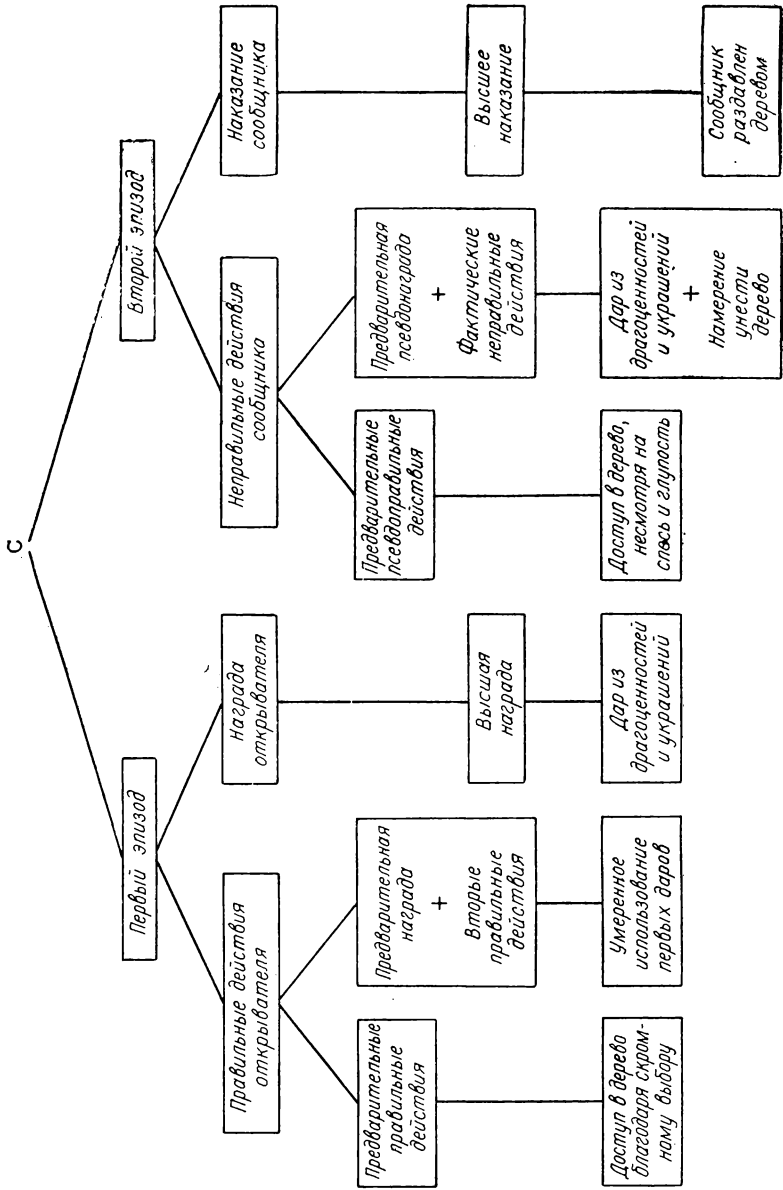
контактов потребителя с его социальными партнерами. С одной стороны, это сообщник, зависть, прозорливость и глупость которого сводят на нет изобретательность и умеренность открывателя; с другой стороны, врагом является владелец быка, поскольку он не согласен на раздел своего имущества по договору и добровольно. Устранение сообщника и союз с владельцами — вот условия, чтобы узаконить доступ открывателя к мясу. Между тем в действительности промелькнувший на миг золотой век исчез: чудесное животное мертво. Отныне быка можно будет есть лишь после того, как он будет убит. Сегодня пир, завтра пост.

БЫК, ДЕРЕВО И ПЕЩЕРА

Теперь сравним мотивы и сюжетные схемы «Быка-тайника» со сказками или с группами близких сказок, степень родства между которыми требует уточнения. Один из наиболее близких сюжетов был исследован Ж. Калам-Гриоль под названием «Дерево-сокровищница». Автор так излагает вкратце канонический сюжет: «В своих основных вариантах африканская сказка выводит на сцену двух героев. Первый (более молодой) после начального выбора правильного пути и прохождения многих испытаний вступает в диалог с деревом, которое последовательно дает ему дары, а в конце раскрывает ствол, где находятся богатства и драгоценности (иногда — особо ценимая листва); попытки отрицательного героя, напротив, приводят его только к антиукрашениям (или антипище). Вернувшись в деревню, оба героя наряжают своих жен; те сравнивают драгоценности, что вызывает зависть у жены отрицательного героя, которому она и устраивает сцену. Тот, используя хитрость (притворная зубная боль), кусает руку первого героя, вынуждая его открыть тайну дерева. Но отрицательный герой снова потерпит крах из-за жадности. Он захочет взвалить себе на спину все дерево целиком и будет вынужден вернуть его на место, а сам погибнет»⁶.

Из «Дерева-сокровищницы», приведенного к архетипу, объединяющему лучшие версии, и мы, в свою очередь, извлечем дерево (графическое, см. ниже), чтобы сравнить его с деревом, отражающим структуру «Быка-тайника».

Родство обеих схем, подчеркнутое идентичностью некоторых мотивов, очевидно. Ж. Калам-Гриоль в Заключении своей работы сама говорит о том, что было бы интересно сопоставить обе эти сказки. Однако особенно привлекает ее внимание параллель между «Деревом-сокровищницей» и африканскими версиями «Пещеры Али-Бабы»: «Переход от одной темы к другой понятен. В обоих случаях имеется полое вместилище (дерево или пещера), заключающее в себе сокровище, и два противопоставленных друг другу героя, которые пытаются овладеть им с разной степенью удачи; отрицательный герой наказан либо самим деревом, либо владельцами сокровища (духами или ворами)»⁷. Если исходить из этого, то тройное сравнение, при-

соединяющее к этим двум сказкам «Быка-тайника», будет весьма уместным. Но Ж. Калам-Гриоль, проследившая свою параллель, отмечает в ней расхождения: использование формулы «Сезам, отворись» в случае «Пещеры», но диалоги и испытания в случае «Дерева». Еще точнее: «основная разница заключается в том, что дерево само дарит сокровища заслужившему их герою, в то время как сокровища пещеры похищаются положительным героем, основная удача которого состоит в умении уйти вовремя, тогда как другой опаздывает»⁸. Еще одно расхождение, правда более гипотетичное, касается характера сокровищ: «в африканском варианте они состоят в основном из украшений (драгоценности и красивые одежды) и во вторую очередь из особо ценимой пищи; в восточном варианте преобладают золотые и серебряные монеты»⁹.

Какое же положение займет «Бык-тайник» по отношению к этому набору оппозиций?

1) В отличие от дерева, которое дарит главным образом драгоценности и украшения, или от пещеры, содержащей преимущественно золотые или серебряные монеты, бык дарует своим гостям не обработанные продукты, а самую естественную добычу — сырое мясо, которое является его сущностью, его нутром, его плотью. Своеобразие здесь заключается в тождестве скрытого внутри сокровища со скрывающей его оболочкой, точно так же как своеобразие дерева заключается в тождестве хранилища, содержащего сокровище, с владельцем этого хранилища. Более банальная в этом отношении пещера сохраняет различие между этими тремя членами: сокровище не является своим собственным хранилищем, хранилище не является хозяином сокровища. Можно составить следующую таблицу возможных сочетаний.

	Сокровище и хранилище	Хранилище и владелец
Пещера	≠	≠
Дерево	≠	=
Бык	=	≠
?	=	=

Четвертое сочетание, соответствующее нарративному архетипу, в котором сокровище, хранилище и владелец совмещены в одном лице, можно было бы считать реализованным в тех версиях, где домашний скот заменен Слоном или Антилопой, которые сами приглашают обманщика войти к себе в брюхо, однако в этих сказках после смерти жертвы всегда вводится субститут владельца — семья, требующая отчета.

2) Второй критерий сближает «Быка» с «Пещерой» и отдаляет от «Дерева». Намерения владельца хранилища в «Дереве» потенциально доброжелательны (он дарит сокровища тому, кто сумел ему угодить). Они, напротив, враждебны в «Быке» и в «Пещере», и эта особенность приводит к изъятию проверочного испытания для открывателя: нет диалога ни с хозяином хранилища — он отсутствует,

ни с самим хранилищем, не имеющим статуса личности, которая дает или отказывает. Туда попадают только обманным путем, всегда с помощью хитрости, с риском быть пойманным на месте преступления.

Эта оппозиция диктует или по крайней мере допускает различное распределение основных отрезков повествования. В «Дереве-сокровищнице» чрезвычайно развиты предварительные этапы поисков: речь идет прежде всего о подчеркивании правильных действий и награды открывателя. Напротив, финальный эпизод (вина и наказание сообщника) изложен наспех и суммарно. Кроме того, положительный герой отходит на второй план или даже вообще уходит со сцены, когда отрицательный герой вступает в диалог с деревом. В «Пещере» и особенно в «Быке» скорее превалирует противоположное распределение: лишь несколько беглых замечаний посвящены первому проникновению открывателя в хранилище, иногда с помощью магической формулы. Попадает ли он в свою находку более хитростью, чем удачей? Неизвестно. Во всяком случае, именно после этого подчеркивается правильность его действий, и притом дважды: сначала — в умеренном пользовании мясом или сокровищем, к которым он получил доступ, затем — в хитрости, изобретенной им, чтобы выбраться из трудного положения, куда его завела неумеренность компаньона.

Следующее различие между «Деревом-сокровищницей» и «Бык-тайником» особенно ярко: в первом, скромно выбирая узкий путь и хитростью подбив партнера выбрать широкий путь, герой находит способ войти в дерево; во втором, скромно выбирая неблагородный орган и хитростью подбив партнера забраться в благородный орган, герой находит способ выйти из быка. Мораль одна и та же, но место, которое она занимает в событийной цепи, различно.

Более сложна ситуация в «Пещере». Как и в «Дереве», отрицательный герой пойман, когда он находится в пещере один: открыватель не вернулся туда вместе с ним или уже ушел оттуда. Следовательно, в этот момент испытанию может быть подвергнут только отрицательный герой. Кроме того, само это испытание не так четко разделяет два дополнительных аспекта правильного поведения — умеренность и хитрость. В самом деле, сообщник или неосторожно задерживается в пещере, чтобы там поесть или набрать еды, и эта алчность служит причиной его гибели (чрезмерные притязания, аналогичные желанию унести на себе дерево или съесть быка вместе с сердцем), или он оказывается запертым в пещере из-за того, что забыл магическую формулу (неумение выбрать нужный в данной ситуации способ, сравнимое с выбором дороги, не ведущей к дереву, или выбором тайника, не позволяющего выйти из быка).

Заметим, однако, что обе стороны правильного (или неправильного) поведения могут быть проверены одним испытанием. Версия Галана (Galland) в «Тысяче и одной ночи», например, синтезирует их, представляя забывание формулы как результат смятения, в которое повергло жадного Касима зрелище груды богатств: «...подойдя

к двери, чтобы открыть ее, и полный мыслей совершенно не о том, о чем ему следовало думать прежде всего, он обнаруживает, что забыл нужное слово и вместо „Сезам“ говорит: „Ячмень, отворись!“» (СССЛXV ночь). Соответствующие африканские версии достигают того же самого результата другими способами: сообщника сопровождает в хранилище открыватель, и только он знает способ, как туда войти (потому что знает пароль, потому что для этого нужны крылья и т. п.). Когда оставаться далее становится опасно, сообщник отказывается выходить, и его наставник уходит один. Не умея выйти из хранилища, сообщник пойман с поличным возвратившимся хозяином. Неумеренность и глупость, таким образом, соединили свои губительные усилия воедино.

Но остается еще открыватель пещеры, который действовал с умеренностью (брал скромно и не задерживался), пока не представил осязательного доказательства своей хитрости. Эта лакуна в большинстве лучших наших африканских версий восполняется введением нового эпизода. Схваченный владельцем, сообщник пытается купить его прощение доносом на открывателя. Но тот, едва вернувшись домой, ложится в постель и в качестве алиби ссылается на болезнь, из-за которой он уже много дней лежит пластом. Сообщника, отягчавшего свое преступление клеветой, казнят без милосердия.

Таким образом, как в «Тысяче и одной ночи» благоразумие Али-Бабы, сведенное на нет жадностью Касима, должно быть компенсировано уловками Моргана и это двойное испытание умеренности и хитрости обуславливает конечное овладение сокровищем, так и в самых полных африканских версиях зловключения открывателя, хотя у него хватило ума уйти вовремя, на этом не кончатся: ему надо еще изворачиваться, чтобы ликвидировать последствия неумеренности, глупости и неблагодарности своего товарища. Случай показывает свою находчивость, которая в «Дереве-сокровищнице» обеспечивает проникновение в хранилище, а в «Быке-тайнике» — выход из него, дан положительному герою «Пещеры» в форме своего рода «вторичной поимки», уже после эпизодов в хранилище.

Отвлечемся от многочисленных заимствований друг у друга, характерных для разных версий этих трех смежных сказок. Три идеальные полярности, которые мы условно назовем «Дерево-сокровищница», «Пещера Али-Бабы», «Бык-тайник», обнаруживают следующие различительные признаки (см. табл. на с. 161—162).

Мы настаиваем на идеальном характере этих полярностей, каждая из которых способна вовлечь на какое-то время в свою орбиту фантазию рассказчика, попавшую, начиная с того или иного мотива, в поле, принадлежащее им всем троем. Окончательная траектория рассказа, как траектория небесного тела, будет зависеть от гравитационных сил, направленных на него в разных точках его движения, причем нет полной гарантии, что же произойдет в следующий момент: продолжит ли оно первоначальный путь или будет перехвачено силой большего притяжения?

«Дерево-сокровищница»	«Бык-тайник»	«Пещера Али-Бабы»
Соревнование двух героев Положительный герой находит дерево	Положительный герой находит быка	Положительный герой находит пещеру
Испытания, выдержанные благодаря скромности и дипломатичности	Вход героя через рот или per anum	Вход с помощью магической формулы
Вознаграждение украшениями или драгоценностями	Умеренное изъятие мяса или жира	Изъятие золота и серебра
Отрицательный герой возвращается ни с чем		
Драгоценности, отданные жене положительного героя, возбуждают зависть у жены отрицательного героя	Под предлогом просьбы огня жена отрицательного героя получает мясо	
Раскрытие тайны благодаря хитрости с зубной болью	Раскрытие тайны благодаря хитрости с зубной болью	Раскрытие тайны благодаря хитрости с зубной болью
Отправление, ускоренное хитростью с ложным восходом солнца, и т. п.	Отправление, ускоренное хитростью с ложным восходом солнца, и т. п.	Отправление, ускоренное хитростью с ложным восходом солнца, и т. п.
Отрицательного героя приводят к дереву	Отрицательный герой и положительный герой входят в быка	Отрицательный герой входит в пещеру
Испытания, не выдержанные из-за неумеренности и зазнайства	Оба в опасности из-за жадности отрицательного героя, убивающего быка	Отрицательный герой задерживается и остается запертым из-за того, что забыл формулу
	Положительный герой выбирается из опасности благодаря хитрому и скромному выбору	
	Отрицательный герой остается в ловушке из-за нескромного выбора	

«Дерево-сокровищница»	«Бык-тайник»	«Пещера Али-Бабы»
		Схваченный владельцем, отрицательный герой доносит на своего товарища
		Положительный герой находит оправдание благодаря ложному алиби
Отрицательный герой раздавлен деревом	Отрицательный герой забит насмерть	Отрицательный герой убит

Прекрасной иллюстрацией контаминаций тем «Дерева-сокровищницы» и «Быка-тайника» является текст сенуфо (№ 818). Заяц приходит к баобабу. Дерево раскрывается. Заяц входит и отрезает куски мяса и жира и приносит их домой. Жена Гиены видит, как жена Зайца готовит еду. Она бьет мужа, ругая его за то, что тот не может достать мяса. Гиена-муж просит Зайца раскрыть тайну, и тот соглашается привести его к баобабу. Гиена входит и, нарушив запрет баобаба, предупредившего, что нельзя трогать его сердце, начинает вырезать его. Баобаб закрывается и поглощает Гиену.

Общая схема этой сказки совпадает со схемой «Дерева-сокровищницы» по двум из наших критериев: дерево выступает как потенциально доброжелательный даритель богатств, которые оно содержит; два героя последовательно входят в хранилище, причем жадность отрицательного героя не ставит в тяжелое положение положительного. Зато эта схема не удовлетворяет третьему критерию: сокровище состоит не из драгоценностей, украшений или приготовленной пищи, а из сырого мяса. Это мясо — сама плоть баобаба, у которого есть еще жир и сердце. Здесь явно ощущается влияние мотивов «Быка-тайника». Автор антропоморфизмирует баобаба, придавая ему кроме способности мыслить, хотеть и действовать еще и тело из плоти, одушевленное сердцем, играющим роль жизненно важного органа, — так он приближает «Дерево» к «Быку». Он использует антропоморфизм еще и для того, чтобы Баобаб сам произносил запрет касаться его сердца: этим предостережение, даваемое в «Быке» открывателем, сближается с испытаниями, характерными для «Дерева-сокровищницы». Каково же в конце концов следствие нарушения запрета? Когда Гиена начинает резать Баобаба сердце, тот закрывается и замыкает ее внутри себя. Без сомнения, речь здесь идет прежде всего

о мести за оскорбление, а не о реакции на физическую рану; несущественно, что эпилог, вызывающий в памяти воров, запертых в застывшем трупе, еще раз свидетельствует о влиянии мотивов «Быка-тайника».

КОБРА-ГЛИСТ

Контаминации, которые мы рассмотрели выше, нетрудно понять: они неизбежны из-за крайней близости тем. Но сила притяжения «Быка-тайника» может обнаруживаться и в таких сказках, которые, казалось бы, не должны были его испытывать, если только случайность не свела два мотива в голове изобретательного рассказчика, сумевшего затем произвести необходимые транспозиции.

В группе сказок того же региона, что и «Бык-тайник» (мы располагаем десятком версий — хауса, лимба, того, апанги, сенудго, нгамбайе), развертывается следующий сюжет: в обмен на немедленное вознаграждение хитрец заключает договор, ставящий его жизнь в зависимость от милосердия кредитора. Когда подходит срок, ему надо найти выход из положения. Тогда он одурачивает либо кредитора, уничтожая его или заставляя дать отступного, либо кого-то третьего, который расплатывается за него. Вот в качестве примера краткое содержание сказки № 43. Смерть дарит быка тому, кто по прошествии года согласится стать ее добычей. Лишь Заяц настолько безумен, чтобы принять это условие. Он пирует с семьей, но предусмотрительно оставляет ребра быка и подвешивает их на соседнее дерево. От ветра ребра, как спелые плоды, падают вниз, к великой радости проходящей мимо Гиены. Наевшись, Гиена заявляет претензии на землю, где растет чудесное дерево. Поломавшись для виду, Заяц отдает землю. Смерть приходит предъявить иск хозяину этих мест и пожирает Гиену.

В теме этой истории, кроме инициального мотива поедания быка, особенно ничего не напоминает «Быка-тайника». Посмотрим, однако, как путем легко распознаваемых трансформаций ассимилирует некоторые характерные мотивы нашей сказки одна версия хауса (№ 45). Кобра предлагает своего быка тому, кто гостеприимно примет ее у себя в брюхе. Соглашается только Паук. Он убивает быка и пирует вместе с женой. Когда Кобра требует выполнения условия, Паук пытается скрыться. Тем не менее, разоблаченный Туканом, он принужден поглотить Кобру. Как от нее избавиться? Паук переодевается женщиной легкого поведения, сходится с сыном вождя и смазывает медом anus себе и своему любовнику, так что соблазненная медом Кобра переползает из одного тела в другое. Освободившись, Паук скрывается, меняет одежду и возвращается под видом врача, предлагающего свои услуги, чтобы вылечить сына вождя. Он снова мажет медом anus юноши и отверстие бурдюка и приставляет одно к другому; когда Кобра проскальзывает в бурдюк, он прикалывает завязать его и забить змею насмерть. Благодарный вождь дарит Пауку лошадей и скот. Паук отказывается от лошадей, но уводит скот.

Вернемся к началу. Относится ли дар Кобры к циклу, который мы назовем «Мой бык сегодня — за твою жизнь через год», если подойти к нему чисто формально, абстрагируясь от того, каким образом это достигается. Формулировка конкретных условий возвращения долга («ты дашь мне войти внутрь себя») сама по себе определяет положение стрелки, повинувшись которой сюжет, минуя многие уже проверенные решения, пойдет по направлению к мотивам «Быка-тайника». Три полюса притяжения объединяют здесь свои усилия.

1. «Заяц, которому угрожает опасность внутри быка, где он находится», соответствует инвертированной ситуации «Паук, которому угрожает опасность от Кобры, находящейся внутри его». В обоих случаях спасение заключается в том, чтобы отделить содержимое от содержащего: будучи содержащим, надо перевести содержимое в другое содержащее; будучи содержимым, надо выбраться в другое содержащее (оболочку).

2. Заяц, которому угрожает опасность из-за прожорливости Гиены, находящейся вместе с ним внутри пожираемого ими быка, напоминает Паука, которому угрожает опасность из-за прожорливости Кобры, находящейся внутри его и пожирающей его. Желательно отомстить. В обоих случаях самая изощренная кара состоит в том, чтобы наказать виновного тем и там, где он совершил преступление: превратить убежище-кормильца в тюрьму и в этой тюрьме убить его.

3. Заяц, изображающий лекаря, хитростью добивающийся наказания своего жадного сообщника, хитростью получающий вместо заслуженного наказания долю мяса — главный предмет своих желаний, — эти финальные эпизоды «Быка-тайника» как будто не предполагались в материале другой сказки. Однако допущение инициальных элементов, заимствованных у «Быка-тайника», прокладывает путь другим заимствованиям — конечно, при введении необходимых транспозиций. В данном случае очевидно, что проблема «Кобра в животе Паука» может быть сразу решена с помощью хитрости «бурдюк, намазанный медом»: нет никакой необходимости для хода с животом сына вождя, и потому эпизод с Пауком, переодетым женщиной, — ненужная роскошь. Но это дополнительное звено кроме шутовской окраски выполняет точную задачу. Оно необходимо для того, чтобы расставить по местам актеров в мизансцене, идентичной последней картине «Быка-тайника»: враг заточен в животе больного; близкие ищут причину болезни; хитрец, виновный в болезни, определяет эту причину и, избавленный от подозрений, возвращается на только что покинутую им сцену под видом лекаря, чтобы одновременно и отомстить, и извлечь из ситуации выгоду.

* * *

Уподобление кредитора пиявке, присосавшейся к своей добыче, достаточно тривиально. В этом образе соблюдаются обычные условия питания: тот, кто ест, находится вне того, что он ест (в другой версии той же сказки хауса Кобра просто поставила условием «укусить»

Паука по истечении срока договора; продолжение истории гораздо банальнее). Интерес «Быка-тайника», секрет его воздействия заключен в том, что он представляет собой идеальный способ: тот, кто ест подобно глисту, а не пиявке, находится внутри пожираемого. Этот оригинальный мотив может быть сформулирован следующим образом: «Герой проглатывается своей жертвой, чтобы найти в ее чреве пищу и защиту».

Стремление к возвращению в эмбриональное состояние простирается настолько резко, что нет необходимости специально останавливаться на этом. Достаточно сказать, что сказка не приводит к безусловному осуждению такой регрессии. Найдя способ восстановить первичные условия питания, в то время как все вокруг умирают от голода, открыватель демонстрирует свою зрелость, пользуясь с умеренностью привилегиями ребенка. Источник питания обнаруживает тройное преимущество: 1) обеспечивает мясной режим пищи, сопоставимый с непосредственной коммуникацией между эмбрионом и материнским чревом; 2) помещает пожираемого внутри пожираемого, под кровом своей утробы; 3) сохраняет жизнь, постоянно отдавая мясо, и таким образом обеспечивает возможность бесконечно повторяемых изыятий.

В других африканских сказках появляется необходимость ввести мать. В одной из них (дан, № 158) Паук превращается в брошенного младенца, для того чтобы его собственная жена подобрала его и отдала ему весь их запас риса. Все было бы прекрасно, если бы Паук, неисправимый обжора, не отказывался бы расти. . . Жена наконец идет за советом к оракулу, который открывает ей обман. Слишком натягивая пуповину, Паук в конце концов разорвал ее. Еще более показательна весьма распространенная сказка о том, какие конвульсии потрясают общество животных, по наущению хитреца поддавшихся искушению съесть собственных матерей. Сам хитрец спасает свою мать от смерти, она тайком его кормит, и он жиреет, в то время как все его сотоварищи чахнут от голода.

Эти две сказки, присоединенные к «Быку-тайнику», являются вариациями на одну и ту же тему. В последней из них взрослый, осознавая себя взрослым, экспериментирует на том, что произошло бы, если бы он поддался желанию съесть собственную мать в соответствии с обычным способом питания (тот, кто ест, находится снаружи того, кого он ест). В предыдущей сказке взрослый, ощущая себя младенцем, обладающим аппетитом взрослого, ставит опыт возвращения ко времени, когда мать кормила его, как ребенка; наконец, в «Бык-тайнике» взрослый, представив себя эмбрионом, наделенным аппетитом взрослого, доводит эксперимент до крайней точки. Банальный и поучительный урок, годящийся для многократных использований и расширений до бесконечности: матерью, или (шире) любым источником пищи, или (еще шире) любым постоянным, но ограниченным запасом следует пользоваться, только соблюдая чувство меры. «Бык-тайник» — одно из африканских воплощений нашей «Курицы, несущей золотые яйца».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нумерация сказок (здесь версия бамбара, № 328) дается в соответствии с предварительной классификацией, разрабатываемой в настоящее время под руководством Дениз Пом (Dénise Paulme). Было бы слишком длинно сообщать в каждом случае источник цитируемых сказок.

² D. P a u l m e. Typologie des contes africains du Décepteur. — «Documents de travail de l'Université d'Urbino», №: 50—51, série B, 1976.

³ C. G. J u n g, K e r é n y i Ch., R a d i n P. Le Fripon divin. Genève, 1958 [нем. оригинал 1954, англ. пер. 1956].

⁴ E. M. M e l e t i n s k y. Typological Analysis of the Paleo-Asiatic Raven Myths. — «Acta ethnographica». T. 22. Budapest, 1973.

⁵ E. K. M a r a n d a, M a r a n d a P. Structural models in folklore and transformational essays. The Hague—Paris, 1971.

⁶ G. C a l a m e - G r i a u l e. Le thème de l'arbre dans les contes africains. — Société d'études linguistiques et anthropologiques de France. Vol. 16. P., 1969, с. 12.

⁷ Там же, с. 46.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ СМЫСЛА И ИЕРАРХИЯ ПОДХОДОВ В АНАЛИЗЕ МАГРИБСКОЙ СКАЗКИ *

1. ВВЕДЕНИЕ

Мы предполагаем изложить в этой статье ход своих исследований по экспериментированию и совершенствованию методов анализа магрибских фольклорных текстов¹. В течение ряда лет наши усилия были направлены специально на создание комплексного и разветвленного метода анализа текста, имеющего целью его интерпретацию.

Поскольку существующие методы показались нам не вполне удовлетворительными — как из-за интерпретаций, нередко слишком односторонних, так и из-за трудно поддающихся проверке процедур, мы попытались, взяв из них наиболее надежные постулаты, мысли и методологические приемы, выработать собственный подход к анализу.

Прежде всего было решено отказаться от использования заранее выработанной сетки, диктуемой интерпретационной теорией. Для себя мы выбрали другой путь — подойти к сказке непредвзято, с тем чтобы, не предпрешая результатов а priori, выявить ее специфическую проблематику следующим образом:

1) разворачивать ее в метасказку, определяемую как такое разложение и восстановление сказки, которое позволяет в первом приближении вскрыть систему значений;

2) сопоставлять эту метасказку с данными, полученными на других этапах нашего исследования (см. ниже) таким образом, что это обогащает, подтверждает, уточняет и даже более или менее основательно перестраивает ее.

Кроме того, метасказка рассматривается как необходимая подготовка для последующего приложения известных теорий [...].

Мы старались устоять и перед весьма распространенным искушением эмпирического характера, а именно перед расшифровкой текста исходя из этнологических, социологических, исторических данных, образующих все виды контекстов сказки. В этом была бы явная опас-

---

* Переведено по: C. H. Breteau, N. Zagnoli. Multiplicité du sens et hiérarchie des approches dans l'analyse du conte Maghrebin. — Folk narrative research. Some Papers Presented at the VI Congress of the International Society of Folk Narrative Research (Review of Finnish Linguistics and Ethnology, 20). Helsinki, 1976.

ность редукционизма. Мы же хотели избежать сведения одной специфической культурной продукции к какой бы то ни было другой культурной продукции.

Представляется, что сказка есть не отражение социального в *чистом виде*, а особый объект, реализующийся на основе социального: речь идет поэтому о выявлении форм ее реализации, медиаций между различными смысловыми уровнями — возможно, не все из них являются собственно социальными (подсознательный, например) — и их эвентуального выражения в отдельной сказке.

Решив строго ограничивать себя исследованием смысла, т. е. рассматривать сказку в качестве единственного объекта анализа, как такового, вне какого бы то ни было сравнения с другими сказками или их так называемыми вариантами, мы тем более отказались от сопоставления с производящей культурной системой или с самим рассказчиком. Речь идет, однако, лишь о *временном отказе*; далее будет показано, как на другом этапе в наше исследование впишется именно сравнительный подход. Кроме того, и опять-таки по методологическим соображениям, здесь не учитывается еще один тип контекста, который определяется глобальной ситуацией воспроизведения сказки (например, на посиделках); мы постараемся далее к нему вернуться, если удастся такой контекст найти, что обычно бывает довольно трудно сделать.

2. ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ, который предполагается здесь представить, вписывается в особую стратегию; необходимо вкратце изложить ее ².

1. Возможно более исчерпывающее исследование комплекса текстов одной «микрокультуры», каждый из которых рассматривается в своих собственных пределах и на основании исключительно языковых данных.

2. Сравнение различных текстов между собой через посредство результатов, полученных при первичном анализе (на уровне метасказок).

3. Сопоставление этих результатов с данными ситуаций воспроизведения исследуемых текстов. На этом этапе мы надеемся преодолеть «иллюзию письменного текста», введя дополнительный смысл, содержащийся в интонации рассказчика, его жестах и т. д., а также в реакциях слушателей и в объяснениях, даваемых группой.

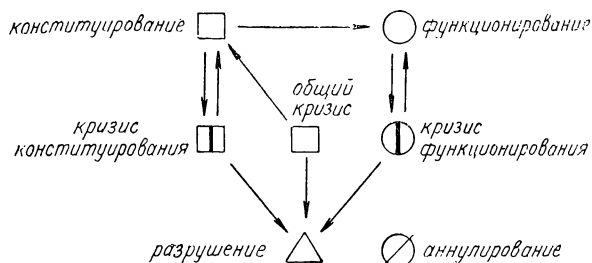
4. Сопоставление с культурными данными, как современными, так и прошлыми (этнографические и этнологические исследования), с социологическими и историческими данными, с психо- и социолингвистическими данными, характеризующими группу, воспроизводящую и создающую тексты.

5. Сравнение на основании полученных результатов корпусов разных «микрокультур» (синхронное сравнение) и, кроме того, если это возможно, сравнение корпусов одной и той же «микрокультуры», записанных в разное время (диахроническое сравнение) ³.

3. ИЗЛОЖЕНИЕ МЕТОДА

3.1. Диады

В настоящее время мы находимся лишь на первом этапе своей научной программы. Цель выработанных нами методов — охватить текст целиком, чтобы ничего не выпадало в остаток. Речь идет, по сути дела, о такой перестройке текста, при которой первый-смысловый уровень раскрывался бы сам собой, а наше интерпретационное вмешательство сводилось бы к минимуму. Поскольку в дальнейшем мы перейдем к интерпретациям, сейчас наша цель изложить чита-

Т а б л и ц а 1. Диаграмма диады (диадные моменты)

телю все этапы своего подхода таким образом, чтобы наши соображения по раскрытию смысла были всегда эксплицитными, определенными и ясными, следовательно, контролируемыми.

После многочисленных попыток описания текста способом, оказавшимся на практике слишком аналитичным, мы сочли необходимым выделить синтетическую единицу членения текста. Эта единица не что иное, как проявляющаяся в данном тексте связь между двумя персонажами.

Выбор такой единицы, называемой *диадой*, подразумевает следующий постулат: каждая сказка предполагает наличие по меньшей мере одной диады, и соответственно каждый персонаж входит по меньшей мере в одну диаду⁴. Что же касается *персонажей*, они определяются как «существа», необходимой и достаточной характеристикой которых является проявление в некоторый момент рассказа минимальной инициативы, другими словами, слуга, который лишь выполняет приказание хозяина, не будет персонажем, и, напротив, предоставленный самому себе осел, который *возвращается* к хозяину и *стучит* в дверь головой, будет считаться персонажем⁵. Этот статус получит также говорящий и самостоятельно действующий предмет.

Диады входят в текст в виде некоторого числа фраз, названных нами *реализациями*. Диадные реализации могут быть разделены на ограниченное число диадных моментов, а именно: 1) *конституирование* диад; 2) *функционирование* диад; 3) *кризис конституирования*

ния; 4) кризис функционирования; 5) общий кризис; 6) разрушение диады. Диадные моменты образуют модель всех возможных сочетаний и порядка их появления; другими словами, диада в сказке не манифестируется обязательно во всех диадных моментах (см. диаграмму одной диады на табл. 1).

3.1.1. Конституирование и функционирование диады

Конституирование диады — это совокупность действий персонажей, устанавливающих определенный тип связи.

Функционирование диады — это совокупность действий персонажей, актуализирующих данный тип их связи.

Следовательно, для различения конституирования диады и ее функционирования надо применить обратный анализ, идя от цели⁶, выраженной в тексте. Приведем пример*: сын султана хочет жениться на нищенке; с этой целью он приводит ее во дворец и объяв-

* Все приведенные в этой работе примеры взяты из ливийской «Сказки о нищенке».

СКАЗКА О НИЩЕНКЕ

Была одна старуха, у нее была дочь. Старуха была бедна. У нее не было крыши над головой. Однажды она отправилась за подаaniem, а дочери оставила немного чечевицы, сказав: «Свари мне ее». Дочь начала варить чечевицу и все время мешала ее и пробовала, пока всю не съела. Мать вернулась с хлебом и спросила у нее: «Где чечевица?» Та ответила: «Мать, я ее съела». Мать побила дочь, и она убежала. Сын султана ее встретил, привел к себе и сказал своей матери: «Я хочу на ней жениться». Мать сказала ему: «Сын мой, ведь это нищенка, а ты на ней женишься?» Он сказал (слугам): «Накройте на стол и приготовьте все кушанья, какие только есть, и, если она будет есть кушанья султанов, я на ней женюсь». И потом он сказал им: «Она умная, она попробовала каждое кушанье, и я хочу на ней жениться». И он женился на ней, и она стала жить во дворце. Однажды она увидела, что ее мать просит подаание, и приказала слугам позвать ее. Старуха вошла, ей приготовили еду, и она поела. И потом, дорогая моя, старуха много раз ела и пила. Однажды дочь сказала ей: «Мать, ты меня не узнала? Я твоя дочь». И мать сказала ей: «Почему ты мне не оставила немного чечевицы?» Как только дочь выходила из дворца, мать говорила ей: «Почему ты мне не оставила немного чечевицы?» Дочь перестала выходить из дворца. Старуха заболела и умерла. Ее похоронили в саду, у нее на могиле вырос дикий жасмин. Однажды дочь с мужем отправилась в загородное поместье на прогулку. И они веселились, и она искала у него в голове (лаская его). Над ней склонился куст и сказал: «Дочь моя, если бы ты оставила мне немного чечевицы!» Она засмеялась, муж спросил у нее, почему она смеется. Она ответила: «Я смеюсь над твоей бородой, она как метла моего отца». Он сказал: «Взглянь богом, я не оставлю тебя в покое, пока ты мне не покажешь дом твоего отца». Она сказала, «Пойдем!» Пошла вместе с ним, пришла в Фвехат, увидела большой дом и вошла туда. Там она увидела старика на золотом стуле и сказала: «Здоровья тебе, отец мой». Он сказал ей: «Добро пожаловать, дочь моя». Она рассказала ему обо всем, что произошло. Он ответил: «Хорошо, у меня нет дочери, и ты — моя дочь». Она вышла, позвала мужа и велела ему войти. Муж вошел и сразу увидел, что все золотое и метла, висящая на стене, золотая. После этого муж вышел и сказал ей: «Хочу, чтобы ты была моей женой и в этом мире и в другом». Утром они увидели, что старик умер, и остались в этом дворце, он и его жена⁷.

ляет матери о своем желании; он говорит ей: «Я хочу на ней жениться». Весь этот процесс является конституированием диады. И действительно, цель, объявленная персонажем (сыном султана), — женитьба. Все элементы текста, которые даны в качестве определяющих или подготавливающих осуществление цели, входят в момент конституирования диады.

Напротив, элементы рассказа, появляющиеся после того, как цель достигнута, включаются в момент функционирования диады; здесь это эпизод, описывающий действия супружеской пары: вместе есть, веселиться, искать в голове.

3.1.2. Кризис конституирования, кризис функционирования и общий кризис

В общем плане о кризисе диады можно говорить тогда, когда один из двух персонажей ставит связь под удар, создавая напряженность или антагонизм. Если напряженность появляется до реализации цели (например, женитьбы), мы говорим, что имеет место кризис конституирования диады; здесь кризис конституирования иллюстрируется испытанием, которому сын султана подвергает дочь нищенки (кризис преодолевается завершением конституирования).

Напротив, если напряженность появляется после того, как диада конституирована, мы будем говорить о кризисе функционирования; это, например, случай, когда муж угрозами требует показать ему дом отца жены.

Таким образом, по определению, кризис всегда вводится в действие по меньшей мере одним из персонажей диады, поэтому он всегда находится внутри диады: это напряженность между персонажами, каковы бы ни были внешние факторы, эвентуально могущие сыграть роль в зарождении кризиса.

И есть, наконец, общий кризис, когда напряженность предшествует связи.

3.1.3. Разрушение диады

Разрушение может произойти после одного из рассмотренных кризисов. Пример первого типа: дочь перестает приходить к матери. Альтернатива разрушения состоит в этом случае в восстановлении конституирования; в данном тексте это иллюстрируется успешным испытанием: дочь нищенки ест кушанья султанов.

В случае же кризиса функционирования также возможны два выхода: либо диада его преодолевает и, следовательно, сохраняется (функционирование), либо она взрывается (разрушение). Здесь кризис ликвидирован после того, как муж увидел золотую метлу и убедился в существовании отца: диада была под угрозой, но вновь обрела

свое функционирование. И, напротив, кризис приводит к разрушению в случае бегства дочери в начале повествования.

Разрушение диады — окончательное прекращение связи между двумя персонажами из-за действий или слов одного и / или другого из партнеров, составляющих диады.

Общий кризис обычно приводит к разрушению; в рассматриваемом тексте это эпизод, в котором покойная мать упрекает дочь, а та своим смехом кладет конец связи между ними. Однако можно найти другие тексты, где общий кризис сопровождается конституированием новой связи (например, двое врагов становятся друзьями).

К категории разрушения диады следует присовокупить примечательный случай исчезновения диады. Момент кризиса не играет при этом никакой роли. Мы будем называть *аннулированной* диаду, которая исчезает без кризиса, оттого что один из персонажей перестает входить в нее; здесь это случай с приемным отцом, смерть которого кладет конец существованию диады. То же самое происходит, когда диада в сказке перестает проявляться, хотя мы не можем засвидетельствовать ее разрушение. Так происходит, например, с одной диадой в сказке «Язык животных», записанной Бассе в М'забе⁸: царь награждает некоего человека даром понимать язык зверей. После этого события (функционирование диады) оба персонажа не поддерживают больше никакой связи: о царе в тексте больше нет речи.

Кроме того, мы используем понятие модуса как свойства диадных моментов.

Момент может быть реальным, другими словами, персонажи или то, что они собой представляют, думают и т. д., даны прямо и непосредственно. Напротив, если на уровне персонажей или того, что они собой представляют, думают и т. д., есть подмена, мы говорим о модусе мнимости. Такого рода диадный момент дублируется реальным моментом, который он скрывает. Например, муж симулирует хорошее отношение к жене (мнимое функционирование), а на самом деле он готовит ей ловушку (кризис реального функционирования)⁹.

Короче говоря, конструкция диадной системы является рамкой-основой для анализа текста, хотя диадные моменты сами по себе не могут передать весь смысловой комплекс повествования. Они, однако, позволяют нам перейти к другому типу членения текста — по операционным схемам (см. ниже). Диадные моменты образуют своего рода каркас, на котором крепятся схемы. Тем не менее переход от диад к схемам возможен лишь благодаря некоторому числу новых предварительных операций, с помощью которых организуется совокупность семантических составляющих сказки, а именно: 1) ситуации, 2) обзорная таблица, 3) выявление диадных моментов. Эти промежуточные процедуры мы и постараемся теперь описать как можно более сжато.

3.2. Промежуточные процедуры

3.2.1. Ситуации

Разбиение на диадные моменты позволяет перейти к другому разбиению текста — на более крупные единицы, которые мы называем *ситуациями*. Ситуация определяется конституированием новой диады или разрушением существующей диады и тем более со-присутствием обоих этих моментов. Так, в выбранном нами тексте выделяется пять ситуаций:

- 1) от начала рассказа до бегства дочери (разрушение);
- 2) от встречи сына султана с дочерью нищенки и до их женитьбы (конституирование); здесь имеет место со-присутствие второй диады, диады мать—сын;
- 3) от встречи дочери с матерью до момента, когда дочь перестает выходить из дворца (разрушение);
- 4) от прогулки до смеха девушки (разрушение);
- 5) от смеха девушки до финального повторного утверждения брака (функционалирование).

Кроме перечисленных выше критериев следует учитывать пограничные сигналы¹⁰, являющиеся дополнительным элементом, который позволяет подтвердить или уточнить это разбиение.

3.2.2. Обзорная таблица

Обзорная таблица основана на серии из 10 категорий, близких некоторым грамматическим категориям; мы выделили их эмпирически, и на практике они оказались весьма плодотворными. Разумеется, для определения статуса этих категорий в логике сказки (но не в логике языка) нужны в дальнейшем теоретические исследования.

Эти категории значимы лишь в рамках диад, так что наша обзорная таблица характеризуется двумя входами: строки по горизонтали соответствуют диадам, а вертикальные столбцы — указанным категориям. Таким образом, каждый элемент текста, занявший клетку в таблице, получает двойную характеристику (см. фрагмент обзорной таблицы к «Сказке о нищенке»).

1. *Столбцы*. Они частью соответствуют двум персонажам диады, глаголу (праксеме), выражающему связь между ними, а частью — вопросам, которые мы ставим в связи с этой диадой: а) специфическим вопросам, относящимся к праксеме: что, где, почему (причина), зачем (цель), как (способ); б) группе вопросов, касающихся определений к персонажам, предметам (появившимся после вопроса «что») и к глаголу (вопросы «когда», «как»).

2. *Строки*. Как было показано, в строках помещены оба персонажа, реализующие диаду, например «мать побила дочь». В зависимости от вопросов клетки таблицы заполняются — или не заполня-

№	а	б	с	д	е	ф	g	h	i	j	к	l	м
	Атрибут	Персонаж	Праксема	Когда	Как	Персонаж	Атрибут	Что	Атрибут	Где	Как (способ)	Почему (причина)	Зачем (цель)
1	Старая бедная	Мать	<i>идет за подаянием</i>	<i>однажды</i>		люди 1 с		чечевица		место без крыши		бедная 1 а	чтобы сварить 3 с
2		Мать	оставляет	уходит 1 с		Дочь			не много				
3		Дочь	варить (приказание) →	в отсутствие матери →		Мать		то же	то же				чтобы есть и делить 3 2 п, 4 2 п
4		Дочь	варит (выполнение)		мешая и пробуя ее	(Мать) 1 с, 2 с		то же	то же			приказание матери	
5		Дочь	все время мешает			(Мать) 1 с, 2 с		то же	то же				
6		Дочь	все время пробует			Мать 1 с, 2 с		то же	то же				
7		Дочь	ест	во время варки 4 с, е, 7 е	пробуя	Мать 1 с, 2 с		то же	то же				все время пробова ла 6 с
8		Мать	<i>возвращается</i>			Дочь		хлеб					
9		Мать	принесит 8 с+что-то			Дочь							

ются — тремя разными способами: а) просто семантическими составляющими, непосредственно связанными с самой диадной реализацией; б) обращением к семантическим составляющим, по отношению к данной диадной реализации внешним, но принадлежащим к другим диадным реализациям той же сказки; в) извлечением сем, содержащихся в одной или нескольких семантических составляющих данной реализации и/или других диадных реализаций текста. Оставшиеся пустыми клетки, особенно клетки с вопросами «почему» (причина) и «зачем» (цель), могут быть заполнены в результате анализа по операционным схемам. Мы увидим, что смысл сказки в большой степени манифестируется в том, что «не сказано», поскольку можно предполагать, что причина и цель находятся в самой сердцевине значения, а в то же время соответствующие клетки нередко с самого начала остаются пустыми.

3. *Не-диадные действия.* Этим термином мы обозначаем те действия одного из персонажей, которые в первом приближении как будто не связаны со вторым персонажем. Предварительно они рассматриваются в строках по образцу диад; последующий анализ должен определить, относить ли их к диадным реализациям или к определению персонажа. Даже если такого рода действие трансформируется в атрибут, существенно представить его именно как действие, чтобы можно было просеять его через вопросник.

4. *Фразовые трансформации.* Как было показано, диадная реализация проявляется благодаря наличию глагола; из этого следует, что главное предложение и его придаточное являются двумя диадными реализациями; они записываются поэтому в две строки так, чтобы была передана их связь. Речь идет об особом случае операции гомогенизирования, которую мы осуществляем над текстом с помощью обзорной таблицы (например, трансформация пассива в актив и т. д.); конечно, эти операции поднимают многочисленные проблемы, и здесь нам предстоит еще много сделать.

5. *Диадные реализации коммуникации.* Они включены в таблицу, как и другие реализации. Однако, учитывая их особый характер и нередко возникающие в связи с этим трудности, мы предварительно рассматриваем их в риторическом плане; здесь это, например, сравнение бороды и метлы¹¹.

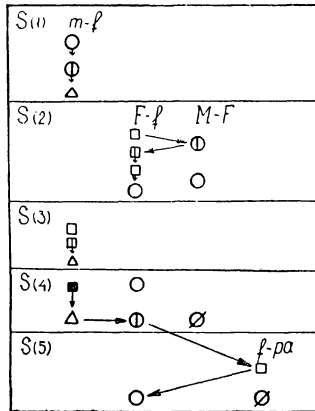
3.2.3. Выявление связи диадных моментов

Теперь перейдем к взаимосвязи моментов двух диад в одной и той же ситуации, затем к взаимосвязи моментов одной и той же диады либо в одной и той же ситуации, либо в разных ситуациях.

Построим для текста общую таблицу, где одновременно представлены ситуации, диады, собственно диадные моменты и связи между этими диадными моментами (ср. табл. 3 взаимодействия диадных моментов).

Очевидно, что в первой ситуации все три диадных момента (функционирование, кризис функционирования, разрушение) находятся в отношении последовательного появления. В самом деле, «пробование» чечевицы относится и к функционированию, и к кризису функционирования, а бегство дочери (разрушение) является ответом на материнские побои (кризис функционирования).

Во второй ситуации момент конституирования диады сын — дочь вызывает кризис диады мать—сын. Момент кризиса функциониро-

Т а б л и ц а 3. Ситуации и взаимосвязи диадных моментов через праксемы

вания, в свою очередь, вызывает кризис диады сын—дочь (кризис конституирования). И действительно, во все три рассматриваемых диадных момента входит намерение жениться; это, следовательно, тот элемент, который обеспечивает их взаимосвязь.

В четвертой ситуации разрушение диады мать—дочь вызывает кризис диады сын—дочь: в обоих этих диадных моментах участвует смех.

В двух случаях интерференция диады, состоящей из сына и дочери и соответственно их матерей, с диадой сын — дочь вызывает кризис последней.

В пятой ситуации, напротив, интерференция диады дочь—отец с диадой сын—дочь разрешает кризис этой последней, обеспечивая ее функционирование.

Итак, *интер-* или *интрадиадная праксема*¹² (воздействие одного диадного момента на другой) представляется нам первостепенным и основным элементом, объединяющим диады в сигнификативном плане и позволяющим провести первое сравнение различных ситуаций

Другой способ выявить взаимосвязь диадных моментов (ср. табл. 3) — это сравнить моменты одной и той же диады в разных си-

туациях. Диада мать — дочь, например, три раза находится в кризисе, который все три раза кончается разрушением диады, так что эта диада как бы обречена на разрушение.

Эти примеры показывают, что выявление взаимодействия (интерили интрадиадные праксемы) или сравнение диадных моментов позволяет продвинуться еще на один шаг в установлении смысла. При выработке операционных схем можно обратиться к таким общим рамочным конструкциям, которые показывали бы связи между диадами и одновременно между персонажами (читатель потом заметит на приведенных далее примерах установления операционных схем, что мы не пользовались этим инструментом, предпочтя ему другие механизмы, но обратились бы к нему в случае полного анализа выбранной здесь сказки ¹³).

3.3. Операционные схемы

Применение различных процедур, которые мы здесь изложили, завершается построением операционных схем, выводящих прямо на проявление смысла. Цель этих процедур и состоит в построении каркаса текста, одновременно всеобщего и аналитического, который является основой и обеспечением критериев построения схем. Схемы объединяют эти процедуры, приводя к построению метасказки, где значения выявляются среди прочего благодаря дополнительным проверочным процедурам (тип рассуждений и т. д.).

Функция операционной схемы состоит в том, чтобы проводить в сказке распознавание на уровне смысла; это означает, что она состоит по меньшей мере из двух элементов, а именно двух параллельных синтагм, находящихся в парадигматической связи друг с другом (под синтагмой мы понимаем группу элементов текста, объединенных нами в сигнификативную реконструированную фразу). Это возвращает нас к положению, что смысл в сказке не может быть найден без внутреннего сравнения, выявления взаимодействия между частями сказки, которые мы ранее с помощью диад определили в терминах ситуаций.

С дескриптивной точки зрения операционная схема представляет собой двойную синтагму, состоящую из определенного числа элементов. Элементы могут быть разделены на три категории:

- а) общие, идентичные элементы;
- б) эквивалентные элементы, т. е. те, которые, будучи разными, имеют одну и ту же функцию;
- в) элементы и разные и не эквивалентные, которые позволяют противопоставлять синтагмы внутри операционной схемы и, таким образом, внутри ситуаций и персонажей.

Любое сравнение или выявление связи предполагает среди прочего, что имеющиеся термы содержат идентичные и различающиеся элементы: если все элементы гетерогенны, сравнение невозможно;

напротив, если все элементы идентичны или эквивалентны, перед нами особый случай взаимосвязи.

Наконец, исходя из своего состава, элементы схемы имеют четыре источника. Речь может идти об одной семантической составляющей, взятой в тексте, как таковая. Речь может идти о совокупности семантических составляющих, которые мы рассматриваем как одно целое, т. е. как один элемент. Речь может идти о семе, выведенной из одной семантической составляющей, или даже о совокупности сем, выведенных из одной или нескольких семантических составляющих и рассматриваемых нами как один элемент.

То, что текст содержит значительное число семантических составляющих и еще большее число имплицитных сем, выдвигает важную проблему отбора элементов, входящих в схемы. Вот почему наши усилия были направлены на создание инструмента отбора.

Речь идет о том, чтобы найти общий для двух данных ситуаций элемент, который позволит построить с помощью последовательного присоединения элементов две полностью параллельные синтагмы, образующие одну схему. При методе, постулирующем диаду как единицу сказки, мы будем искать идентифицируемый элемент в *праксемах*, или активной связи двух персонажей. Нам, кроме того, представляется, что смысл сказки проявляется, как правило, больше в моменты конституирования, чем в статические моменты; поэтому мы будем искать общий элемент (сему или семантическую составляющую) прежде всего в *праксемах*, относящихся к моментам конституирования или кризиса. В нашем тексте различные моменты конституирования или кризиса выражены следующими *праксемами*:

S (1): есть—бить (кризис);

S (2): есть—жениться (кризис);

S (3): есть—сообщать (конституирование) и спрашивать о еде (кризис);

S (4): сожалеть о еде (кризис) и смеяться—сравнивать—угрожать (кризис);

S (5): сообщать—удочерять (конституирование).

В целом выявляется один элемент, общий для четырех ситуаций из пяти, а именно «есть». Он позволит нам построить первую операционную схему. Опираясь на этот элемент, обратимся к обзорной таблице, описывающей ситуации 1 и 2, чтобы установить первичное минимальное ядро, а потом при наличии места построить расширенную схему: она может расширяться до тех пор, пока позволяет параллелизм. Тогда можно записать:

Схема 1

Дочь	ест	тчевизицу
Дочь	ест	кушанья султанов

Первая синтагма создается кризисом диады S (1), вторая — конституированием диады S (2). Таким образом, мы получили минимальное схематическое ядро. Если мы теперь подвергнем обследованию элементы синтагм, то сможем установить эвентуальные эквивалентности, свести различия к синонимии, добавить новые элементы для расширения схемы, определить некоторые семы и т. д.

Попробуем осуществить такую двойную операцию расширения и редукции. В нашей таблице нет столбца для следствия, но оно имплицитно присутствует, когда задается вопрос «почему» (причина). Чтение таблицы должно показать, что вопрос «почему» в связи с элементами «убежать» и «жениться» отсылает соответственно к двум синтагмам схемы 1. «Бегство» есть элемент, разрушающий диаду, а «женитьба» — элемент, приводящий к ее окончательному конституированию. Две эти единицы занимают, таким образом, аналогичные, но инвертированные позиции. Для того чтобы прояснить эту оппозицию, можно заменить их и в совпадающих и в противопоставленных частях более общими семами. Тогда конец связи мать—дочь будет противопоставлен началу связи муж—жена (сын—дочь).

Если теперь мы поставим к разрушению диады вопрос «почему», то окажется, что «съесть чечевицу» получает атрибут: ведь в ситуациях (3) и (4) мать упрекает дочь за то, что та не оставила ей «немного чечевицы», другими словами, не оставила ее долю; поэтому сема «чечевица» в схеме получает атрибут: «чечевица матери».

Если мы теперь перечитаем нашу схему, то увидим, что «есть чечевицу матери» и «есть кушанья султанов» имеют *противоположные следствия* — разрушение или конституирование диады; эти два «есть», таким образом, не идентичны по значению и не эквивалентны в синтагматической цепи. Но поскольку с парадигматической точки зрения они представляются идентичными, для выделения парадигматической оппозиции следует выявить дополнительный элемент, который их дифференцирует в соответствующих синтагмах (и, наоборот, эквивалентность элементов вытекает из идентичных или эквивалентных следствий).

Мы видим, что мать упрекает дочь за то, что та не разделила с ней чечевицу; здесь «разделить» означает оставить некоторое количество. Сын султана, напротив, радуется, видя, что она разделяет еду султанов; в этом случае «разделить» имеет качественный смысл: есть те же виды кушаний. Так двойная — дополнительная и противопоставленная — единица может войти в цепь и, определяя предыдущий элемент, объяснять при этом последующие «отсутствие количественного разделения» и «качественное разделение». Исходя из первичного ядра схемы, мы получаем следующую расширенную схему (см. схему 1 на с. 180).

Наличие в S (3) элемента «есть» позволяет нам вывести новую схему, где сравниваются S (1) и S (3). Мы увидим, что там в игру войдут и другие, еще не использованные элементы,

С х е м а 1 (развернутая)

= —→

Дочь	ест	чечевицу	матери	Не разде- ление	количе- ственное	Конец связи	мать, дочь
Дочь	ест	кушанья	султанов	Разделение	каче- ственное	Начало связи	муж, жена

= знак эквивалентности; — —→ знак следования.

Итак, конституирование диады в S (3) реализуется через еду, которую мать дает дочери. Следовательно (что не было отмечено схемой 1), в ситуации S (1) мать обеспечивает дочь едой (функционирование диады). Тогда получаем схему 2.

С х е м а 2

Мать	обеспечивает еду	дочери	Дочь	лишает еды	мать
Дочь	обеспечивает еду	матери	Дочь	не лишает еды	мать

Эти термины, конечно, получены в результате операции сокращения синонимов: обеспечивать едой = «оставила немного чечевицы», «приказал слугам накрыть на стол» и т. д. Операция произведена с помощью обзорной таблицы. Двойная оппозиция между двумя этими ситуациями реализуется так: инвертируются роли матери и дочери в обеспечении пищей, инвертируется роль дочери в лишении пищи. Можно видеть, как одна и та же диадная реализация (обеспечивать мать едой) при параллелизме схем разворачивается с помощью двух различных элементов. Можно отметить также, что персонажи занимают в схеме обособленное положение, являясь весьма своеобразным элементом (дочь, мать в приведенных здесь примерах), так что вся остальная схема может рассматриваться как определитель персонажей, что к тому же прямо вытекает из диад, взятых в качестве исходных. Здесь следует видеть указание на то, как существенно рассматривать взаимные соответствия перспектив.

Но мы можем продолжить анализ, расширив вопросник обзорной таблицы, что позволяет обогатить схемы дополнительными элементами. Например, сравнение атрибутов «есть» и вопрос «когда», приложенный к еде в S (1) и S (3), показывает нам, что дочь съела *немного* чечевицы и причем только один раз (в отсутствие матери, во время приготовления); мать, напротив, получает обильную еду в течение многих дней подряд; таким образом, между этими двумя «есть» возникает значительное количественное противопоставление. Кроме того, в S (1) на вопрос «как», относящийся к приготовлению и к еде, следует один и тот же ответ: «пробуя». «Пробовать», таким образом,

участвует одновременно в функционировании диады и в кризисе диады: амбивалентность («пробовать»), которая соединяет переход от одного момента к другому и определяет кулинарную технику, может интерпретироваться как факт невольного съедания чечевицы, поскольку оно произошло из-за дочернего послушания. Это может быть записано в виде схемы.

С х е м а 2 - б и с

Дочь	лишает еды	мать	Немного	Один раз	Невольно
Дочь	обеспечивает еду	матери	Много	Много раз	Сознательно

Схема может интерпретироваться одновременно и как снятие вины с дочери, и как достаточное возмещение причиненного матери ущерба.

Так строится метасказка, которая, оставаясь в непосредственной близости к необработанному материалу — само языковое выражение сказки, — реорганизует ее сигнификативно с помощью полностью контролируемых читателем процедур (хотя их выводы могут быть подвергнуты критике).

Из нашего подхода с его глобальным аспектом само собой вытекает, что данное здесь линейное представление получено не сразу, но является результатом последовательных коррекций в той мере, в какой комплексный анализ текста позволяет сблизить разобщенные в нем элементы, с помощью обзорной таблицы обнаружить новые семы и т. д.

Может показаться, что этот подход требует дорогостоящих и достаточно сложных средств, а приводит к результатам, которые можно считать либо очевидными, либо, напротив, чисто софистическими. Нам он кажется тем не менее необходимым, поскольку наш метод стремится к объективности; системное применение этого подхода должно привести к точной интерпретации текста, к выявлению бесспорного смысла. Надо подчеркнуть тем не менее, что, с одной стороны, это завершение достаточно длинного исследования, а с другой — только начало, лишь эскиз, поскольку затронутые проблемы чрезвычайно сложны; именно поэтому наш метод должен совершенствоваться, трансформироваться и т. д.; именно поэтому он открыт для критики.

4. ФОРМАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА ДИАД

Здесь было показано, как распределение с помощью диадных моментов совокупности связей между персонажами в рамках системы динамической классификации завершается выявлением специфического значения текста.

С помощью тех же диадных моментов можно без обращения к значению выявить и формальную динамику текста, что должно привести нас к сравнению интерсказок и к построению типологии, определяемой самыми общими свойствами функционирования сказки.

5. МНОЖЕСТВЕННОСТЬ СМЫСЛА

Наш метод позволил постепенно подойти к смыслу. По мере продвижения смысл становится все более иерархизованным и разветвленным. Все происходит, как если бы сказка была суммой разных и более или менее ограниченных количественно семантических кодов. Доминирующий смысл дается почти сразу. В приведенной здесь сказке этот доминирующий смысл восстанавливается из кода семейных отношений и сексуального кода. Другие второстепенные семантические коды как бы подчинены ему, например социальный код: оппозиция богатство/бедность, в свою очередь связанная с философским кодом, с помощью которого существо проявляется в существовании. Или еще психологический код: «выходки» дочери (она несдержанна в пробовании, в смехе) и «обучение реальной обстановке», которая требует умения применяться к собеседнику, кто бы он ни был: мать, муж или чужой старик. Метафизический код, открывающий путь к рассмотрению избирательной связи человека с представителем сверхъестественного мира (ср. этнографию). Размеры статьи не позволяют довести до конца эти рассуждения, требующие полного анализа сказки. Тем не менее существенно подчеркнуть, что наш метод представляется весьма плодотворным для выявления скречивания и переплетения различных сигнификативных кодов¹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эти исследования проводились нами в Объединенной группе исследований (E. R. A. 357) под руководством Жермен Тийон (Национальный центр научных исследований, Париж). Мы выражаем здесь особую благодарность Давиду Коэну и Полетт Галан-Перне, которые помогли нам в работе многочисленными и весьма ценными советами.

² [Breteau, 1968 и 1972].

³ В этой работе идет речь о сравнении двух алжирских версий подвигов Бени Хилала, записанных одна в самом начале XX в., другая — в 1966 г. [Breteau et Galley, 1972].

⁴ [Breteau, 1972].

⁵ [Breteau et Zagnoli, 1971—1972].

⁶ Цель — основной элемент сказки, рассматриваемой и как игра [Breteau, 1972—1973].

⁷ [Panetta, 1943].

⁸ [Breteau et Zagnoli], 1970.

⁹ Ср. о сказке «Великан-людоед» (Panetta, № XIV в [Breteau et Zagnoli, 1970]).

¹⁰ [Galand-Pernet, 1969]. Ср. [Breteau, Galand-Pernet, Galley, 1974].

¹¹ См. доклад Брего, Галан-Перне и Галлей «О риторических моментах в магрибской сказке» на VI Международном конгрессе фольклористов (Хельсинки, 1974).

¹² Праксеум в смысле элементарного действия см. [Moles, 1973].

¹³ Полный анализ этого текста опубликован в 1975 г.

¹⁴ Мы, кроме того, уже разработали и попробовали применить так называемый метод «полей» [Breteau et Zagnoli, 1971—1972]. Он дал ряд интересных результатов; следует отметить, однако, что в данном случае мы использовали его в иной перспективе: там он служил нам для раскрытия смысла, а здесь для «чистой формализации» сказки мы исходим из смысла, раскрытого предварительно методом диад. В той же работе мы использовали так называемый метод «территорий», семантический эффект которого был значителен; однако здесь и он должен быть переработан в соответствии с новым построением всего комплекса, где, как представляется, он сможет сыграть специфическую роль при сравнении интерсказок. Кроме того, мы провели эксперимент по типологическому анализу сказок с помощью *сеток* (абстрактный аспект системы диад), позволяющих рассмотреть приложение к сказке теории графов [Breteau, 1972]. Эти сетки близки к социометрическим сеткам Морено. Ср. пример сетки: сказка Сизи Бу Коффа в *A propos des moments rhétoriques dans le conte maghrébin*. Ср. [Breteau, Galand-Pernet, Galley, 1974].

БИБЛИОГРАФИЯ

- Basset, 1897. — B a s s e t R. Nouveaux contes berbères. P., 1897.
- Breteau, 1964. — B r e t e a u C. H. Nord-est Constantinois, premier palier de la personnalité (inédit, mémoire d'ethnographie). P., 1964.
- Breteau, 1968. — B r e t e a u C. H. Précautions à prendre pour recueillir la littérature orale. — «Littérature Orale Arabo-Berbère, Centre National de la Recherche Scientifique», № 3, P., 1968.
- Breteau, 1972. — B r e t e a u C. H. La vie imaginaire d'une communauté du Nord-Est Constantinois. — Littérature Orale et Ethnologie. Thèse de doctorat de 3ème cycle, inédite. P., 1972.
- Breteau, 1972—1973. — B r e t e a u C. H. Conte et théorie des jeux, jeu agnostique. — Hourri-Pazotti. Introduction aux Contes du Cap Bon recueillis. Рукопись, 1972—1973.
- Breteau, Galand-Pernet, Galley, 1974. — B r e t e a u C. H., G a l a n d - P e r n e t P., G a l l e y M. A propos des «moments rhétoriques» dans le conte maghrébin. — «Littérature Orale Arabo-Berbère, Centre National de la Recherche Scientifique», № 6. P., 1974.
- Breteau et Galley, 1972. — B r e t e a u C. H. et G a l l e y M. Réflexions sur deux versions algériennes de Dyab le Hilalien. Alger, 1972.
- Breteau et Zagnoli, 1970. — B r e t e a u C. H. et Z a g n o l i N. Le cri ou le silence. — «Littérature Orale Arabo-Berbère, Centre National de la Recherche Scientifique», № 4. P., 1970.
- Breteau et Zagnoli, 1971—1972. — B r e t e a u C. et Z a g n o l i N. La nuit multiple. — «Littérature Orale Arabo-Berbère, Centre National de la Recherche Scientifique», № 5. P., 1971—1972.
- Galand-Pernet, 1969. — G a l a n d - P e r n e t P. Apostrophe, délimitation prosodique de l'énoncé, effets de style en berbère. — «Cahiers Ferdinand de Saussure». Vol. 25, 1969.
- Moles, 1973. — M o l e s A. La communication et les massmedia. Verviers, 1973.
- Panetta, 1943. — P a n e t t a E. L'arabo parlato a Bengasi. Roma, 1943.

СТРУКТУРНАЯ ТИПОЛОГИЯ ИНДЕЙСКИХ СКАЗОК СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ *

Данная статья посвящена анализу фольклорной формы в большей степени, чем лингвистической. При этом подчеркивается, что изучение формы *per se* не замыкается на самом себе. Описание формы — лишь необходимый шаг к исследованию происхождения и функции. Но именно анализ формы приводит к пониманию того, что такое фольклор. Если корректно описать фольклор в терминах формальных критериев, гораздо легче будет исследовать его происхождение, постигать процесс устной передачи и анализировать различные функции¹.

Строгая типология без предварительного морфологического анализа невозможна. Что касается индейских сказок, то установлению их типологии препятствовало именно отсутствие выделенных морфологических единиц и соответствующего морфологического анализа. Размеры пробелов в морфологии иллюстрируются тем, что к анализу композиции индейских сказок до сих пор широко прилагается казуалистическая теория, согласно которой индейские сказки представляют собой случайные и непрочные конгломераты мотивов. В 1894 г. английский фольклорист Дж. Джейкобс, говоря о примитивных сказках вообще, заметил: «Читавшие эти сказки согласятся, я думаю, со мной в том, что они аморфны, бессодержательны и относятся к хорошим европейским сказкам так же, как беспозвоночные к позвоночным в животном царстве»². В 1916 г. сходные суждения высказал Ф. Боас: «Европейский фольклор создает впечатление, что все сказки представляют собой самостоятельные единицы, что их связь прочна, а сам комплекс весьма древен. Анализ американского материала, со своей стороны, показывает, что сложные сказки новы, что связь между их составными элементами слаба и что по-настоящему древние фрагменты сказок — это случайные эпизоды и небольшое число простых сюжетов»³. М. Джейкобс недавно критиковал Боаса⁴ за то, что тот не распространил на область фольклора структурный подход, успешно использованный им при исследовании языка, а также пластического и графического искусств. Действительно, если в 1920—30-х годах структурный, или моделирующий,

* Переведено по: A. D u n d e s. Structural Typology in North American Indian Folktales. — A. D u n d e s (ed.), The Study of Folklore. Prentice-Hall, 1965, с. 206—215 (перепечатано из: «Southwestern Journal of Anthropology». Vol. 19, 1963, с. 121—130).

подход охватил лингвистику, психологию, этномузыковедение и антропологию, то фольклор как научная дисциплина остался ориентированным на узкоисторический подход и предоставлен атомистическим штудиям. В 1934 г. появились «Модели культуры» («Patterns of Culture») Бенедикта, в 1933 г. Х. Робертс опубликовал «Феномен модели в первобытной музыке» («The Pattern Phenomenon in Primitive Music»), а также исследование «Форма в первобытной музыке» («Form in Primitive Music»). В лингвистике работы Сепира «Язык» («Language», 1921) и «Звуковые модели языка» («Sound Pattern in Language», 1925) предшествовали «Языку» («Language», 1933) Блумфилда и «Фонемному принципу» («The Phonemic Principle», 1934) Сводеша, «Гештальт-психологии» («Gestalt Psychology», 1929) Кёлера и «Принципы гештальт-психологии» («Principles of Gestalt Psychology», 1935) Коффа отразили то же теоретическое направление в философии. Исследование моделей в 30-е годы само по себе было моделью культуры. В области фольклора, однако, не ощущалось интереса к холистическому синхронному подходу. Фольклористика 30-х годов была в основном представлена гигантским «Индексом мотивов» («Motiv-Index of Folk Literature») С. Томпсона, словарем *par excellence*, олицетворением атомистических устремлений в фольклористике. К сожалению, начиная с 30-х годов культурное запаздывание исследований фольклора возрастало, и это стало одной из причин того, почему фольклористика сделала так мало успехов в области теории.

Одним из немногочисленных исключений является «Морфология сказки» В. Проппа, вышедшая в 1928 г. Под морфологией Пропп понимает описание сказки по основным частям и отношению частей друг к другу и к целому⁵. Определив и обособив морфологическую единицу, которую он назвал «функцией», Пропп провел анализ сплошной выборки, т. е. произвольного корпуса сказок из знаменитого собрания Афанасьева. При анализе функций, т. е. единиц нарративной структуры сюжета, Пропп обнаружил, что число функций ограничено 31, а их последовательность фиксирована. Это не значит, что в данной сказке встретятся все возможные функции, но те, которые встретятся, будут расположены в предсказуемом порядке. Разработав морфологию, Пропп получил возможность приступить к типологии и пришел к заключению⁶, что морфологически все русские волшебные сказки принадлежат к одному и тому же структурному типу⁷.

Применяя к индейским сказкам пропповскую морфологическую схему⁸, я частично использовал терминологию и теоретические положения К. Л. Пайка по его последней работе — «Язык в отношении к объединенной теории структуры человеческого поведения»⁹. Пропповская функция у меня соответственно заменяется мотивом, в которой объединяются значения мотива и алломотира. Тогда сказки могут быть определены как последовательности мотивом. Мотивемные ячейки могут заполняться различными мотивами,

а конкретные альтернативные для данной ячейки мотивы могут быть названы алломотивами. С помощью этой комбинированной проповско-пайковской структурной схемы мне удалось обнаружить в индийских сказках ряд четких структурных моделей.

Большое число индийских сказок определяется движением от не-равновесия к равновесию. Не-равновесие, которого следует бояться и, если это возможно, избегать, может рассматриваться как статус избытка или недостачи в зависимости от точки зрения. Не-равновесие может быть выражено высказыванием, в котором сообщается, что одного имеется слишком мало, а другого — слишком много. В начале сказок о заповедных (недоступных большей части человечества или большинству членов племени) объектах, таких, как игра, рыба, съедобные растения, вода, приливы и отливы, времена года, солнце, свет, огонь и т. п., очень часто говорится о недостатке, ощущаемой социально или универсально. Инициальный статус «потоп» может быть интерпретирован как «слишком много воды» или «слишком мало земли», но в обоих случаях это будет нежелательный статус не-равновесия, которое я называю «недостачей». Сказки могут состоять только из сообщения о том, как было утеряно изобилие или как была ликвидирована недостача. Иными словами, нечто избыточное может быть утеряно, а нечто утерянное или похищенное — найдено. И та и другая ситуации попадают в рубрику движения от не-равновесия к равновесию.

Один структурный тип индийской сказки и состоит именно из двух мотивем: «недостача» (*Н*) и «ликвидация недостачи» (*ЛН*). В версии малекитов «Освобождение отнятой воды» чудовище захватывает всю воду в мире (*Н*). Культурный герой поражает чудовище, и это его действие освобождает воду (*ЛН*). Основанная на той же мотивемной модели сказка уишрэм разворачивается следующим образом: «Жители Колумбии были без глаз и без рта (*Н*). Их еда состояла в том, что они нюхали осетра. Койот открыл им глаза и рот (*ЛН*)». В неопубликованной сказке верхних чехалис говорится: «Когда-то мир стал распадаться на куски. Мяга и множество ее побегов решили снова собрать его вместе. Они так и сделали и спасли мир». Сказок, состоящих лишь из двух мотивем, немного, но они есть. Двухмотивемную последовательность можно определить как минимальную модель индийской сказки.

Гораздо чаще встречается мотивемная последовательность, состоящая из следующих четырех мотивем: «запрет», «нарушение», «следствие», «попытка избежать следствия» (сокращенно *Запр, Нар, Сл, ИС*). «Попытка избежать следствия» — скорее факультативная, чем обязательная структурная ячейка; в тех случаях, когда она присутствует, попытка эта может быть как успешной, так и неуспешной. Вообще наличие четвертой мотивемы (*ИС*) зависит от данной культурной традиции или от информанта в пределах этой традиции. От этих же факторов могут зависеть успех или неудача попытки.

Для иллюстрации характера этой сказочной модели достаточно нескольких примеров. Следует обратить внимание на разнообразие содержания в пределах одной и той же структурной формы. В сказке суэмпи кри сестра предупреждает маленького брата, чтобы он не охотился на белку вблизи воды (*Запр*), мальчик охотится на белку вблизи воды (*Нар*), и, когда он пытается подобрать упавшую в воду стрелу, его проглатывает рыба (*Сл*). В конце концов рыба приплывает к сестре, та разрезает ее и таким образом освобождает брата (*ИС*). В сказке лиллуэт старик предостерегает мальчишек, чтобы они, ловя рыбу, не просили в шутку кита приплыть (*Запр*). Мальчики смеются и продолжают свое (*Нар*), после чего появляется кит и проглатывает их (*Сл*). Кит подплывает к берегу, где люди разрезают его и таким образом освобождают мальчиков (*ИС*). В сказке онондага, имеющей параллели у эскимосов и у индейцев прерий, детям говорят, чтобы они перестали танцевать (*Запр*). Те отказываются (*Нар*) и попадают на небо (*Сл*), где становятся созвездием Плеяд. Распространенная в индейских сказках концовка содержит этиологический мотив. Этот мотив структурно не обязателен: он скорее стилистически маркирует литературную коду. Иногда запрещение выражено имплицитно, а не эксплицитно. В сказке «Движущаяся скала» трикстер оскорбляет скалу, отбирая у нее подарок (например, одежду), который он ранее ей дал, или испражняясь на скалу (*Нар*). Скала движется, преследуя его (*Сл*). Обычно герой спасается благодаря помощи животных, которые и разрушают скалу (*ИС*). В сказке тлинкитов мальчики вытаскивают морские водоросли по одну сторону своего каноэ и снова опускают их по другую сторону (*Нар*). В результате наступает вечная зима (*Сл*). У родственных им катламетов запрет выражен эксплицитно. Жителям города нельзя играть со своими экскрементами (*Запр*). Дурной мальчик играет с экскрементами (*Нар*), и на следующую ночь начинает идти снег. Зима стоит все время, и люди начинают погибать от голода (*Сл*). Они избавляются от этого бедствия, оставив дурного мальчика погибать на льду (*ИС*). Эти сказки характеризуются большим разнообразием содержания, т. е. большим количеством алломотивов. Именно это привело некоторых антропологов к убеждению, что индейским сказкам недостает общей связности. Однако мотивемная последовательность в этих сказках совершенно одинакова. Говоря в терминах мотивем, связь между составными элементами здесь, в противоположность мнению Боаса, очень высока.

Индейские сказки могут, далее, состоять из комбинаций коротких мотивемных моделей. Обычная шестимотивемная комбинация состоит из «недостачи», «ликвидации недостатка», «запрета», «нарушения», «следствия» и «попытки избежать следствия». В сюжете «Орфей» муж лишается жены (*Н*), но вновь ее возвращает или получает возможность ее вернуть (*ЛН*), если не нарушит запрета (*Запр*). Муж неизбежно нарушает запрет (*Нар*) и опять теряет жену (*Сл*). Для того чтобы показать, как совершенно разное содержание вклады-

ваются в одну и ту же структурную схему, сказку об Орфее можно сравнить со сказкой зуньи «Девочка и сверчок». Девочка находит поющего сверчка и хочет взять его домой (*Н*). Сверчок идет с ней домой (*ЛН*), но предупреждает, что она не должна трогать и щекотать его (*Запр*). Играя со сверчком, девочка щекочет его (*Нар*), у сверчка лопаются брюшко, и он умирает (*Сл*). В табличной форме обе эти сказки имеют следующий вид.

Мотивемы	«Орфей»	«Девочка и сверчок»
Недостача	Муж хочет привести жену из царства мертвых домой	Девочка хочет привести сверчка с поля домой
Ликвидация недостачи	Муж приводит жену	Девочка приводит сверчка
Запрет	Мужа предупреждают, чтобы он не оглядывался на жену	Девочку предупреждают, чтобы она не трогала сверчка
Нарушение	Муж оглядывается	Девочка трогает сверчка
Следствие	Жена умирает	Сверчок умирает
Попытка избежать следствия	-----	-----

Отметим, что следствие может выступать в форме недостачи, как, например, в сказке об Орфее. Это приводит к мысли, что в тех сказках, где инициальная недостача отсутствует, может встретиться мотивемная последовательность, каузирующая статус недостачи. Обычно недостача является результатом какого-либо неразумного действия или, более специально, результатом нарушения запрета. Однако в ряде версий о ныряльщике за землей недостача дана в начале: «Некогда земли не было. Там, где сейчас земля, была вода». С другой стороны, потоп может быть вызван, как в предании верхних чехалис, безрассудным пренебрежением запретом. В этом предании Дрозду запрещено мыть грязное лицо (*Запр*), но его уговаривают нарушить запрет. После того как Дрозд умылся, начинается сильный дождь, который идет до тех пор, пока вода, поднявшись, не покрывает все вокруг (*Сл*). Тогда Ондатра четыре раза в обычной для ныряльщика за землей последовательности ныряет за грунтом. Следует ясно понять, что эти структурные чередования мотивем не ограничиваются историческими сюжетами: чередования такого рода

могут быть обнаружены во множестве сказок. В широко распространенной сказке о «подбрасывателе глаз» трикстер может терять глаза (*H*), снова их возвращать (*ЛH*), и только. Во всяком случае, в ряде версий индейцев прерий встречается именно двухмотивемная последовательность. Трикстер хочет научиться подражать человеку, умеющему подбрасывать свои глаза в воздух и вновь возвращать их на место (*H*). Трикстер получает эту возможность (*ЛH*) с предупреждением, что глаза можно подбрасывать только четыре раза или что нельзя бросать их слишком высоко или вблизи деревьев (*Запр*). Трикстер не слушается (*Нар*) и лишается глаз (*Сл*). Структурный анализ позволяет предположить, что для любой сказки, начинающейся с недостачи, теоретически возможно и то, чтобы она начиналась с запрета, нарушение которого казуирует недостачу. Если это так, сумма сведений о чередующихся структурных моделях может найти широкое применение в построении и оценке историко-географических гипотез относительно конкретных сказок. То, что ранее фольклористы считали подтипами определенной сказки, может быть проявлением более общих чередований структурных моделей.

Во всяком случае, очевидно, что индейские сказки имеют выраженную структуру постольку, поскольку они состоят из четко выделяемых мотивемных последовательностей. Само собой понятно, что выше были рассмотрены далеко не все существующие мотивемные модели. Еще одна распространенная модель состоит, например, из «недостачи», «хитрости», «обмана» и «ликвидации недостачи»¹⁰. Тем не менее уже эти немногие (приведенные в качестве иллюстрации) модели представляются достаточными для подтверждения тезиса о структурированности индейских сказок. Структурный анализ, однако, не замыкается на самом себе, и здесь может встать вопрос: в чем же смысл и какова цель структурного анализа сказок?

Прежде всего в возможности типологических заключений. Как указал Р. Якобсон в своих комментариях по поводу подхода Боаса к изучению индейских языков, в них должны быть выявлены структурные сходства: «Ряд грамматических фонемных типов имеет обширную и непрерывную дистрибуцию при отсутствии лексических сходств»¹¹. Вёгелин и Хэррис высказали сходные суждения. Они считают, например, что «структурное сравнение языков может осуществляться независимо от их генетического родства»¹². Ван Геннеп указал, что разнообразные обряды, совершенно различные по содержанию, описываются в рамках одной и той же структурной модели, иными словами, если модель, соответствующая последовательности разъединения, перехода и включения, может описывать обряды, связанные с рождением, достижением зрелости, браком, смертью и т. д., то и для совершенно разных по содержанию сказок могут быть четко выделены общие структурные модели.

Второе значительное преимущество структурного анализа —

новая техника овладения культурологическим аспектом содержания в рамках транскультурных форм. Если фольклорист выделяет в данной культурной традиции все сказки одинаковой структуры, т. е. описывает мотиву за мотивемой, он может легко установить, выражается ли данная мотивема особым мотивом. Например, выделив некоторое число основанных на модели «запрет/нарушение» сказок чейенн, я обнаружил, что запрет неукоснительно ограничивает использование чудесной силы четыремя разами. В ряде случаев информанты чейенн весьма сильно меняли содержание сказки, чтобы можно было включить в нее этот специфический мотив. В их версии «Движущейся скалы» нет обычного оскорбления скалы. Вместо этого трикстер, увидев человека, который умеет двигать камни, не дотрагиваясь до них, хочет получить ту же способность (*Н*). Эта способность ему дается (*ЛН*) при условии, что воспользоваться ею он может только четыре раза (*Запр*). Он теряет счет, пользуется ею пятый раз (*Нар*), и камень гонится за ним (*Сл*). Трикстера спасает Козодой, который разбивает камень на куски (*ИС*). Сходным образом в редкой версии «Незадачливого хозяина» трикстер получает способность срезать мясо у себя с зада при условии, что сделает это не более четырех раз. Предпочтение, даваемое в рамках одной культурной традиции мотиву «не более четырех раз», можно заметить при чтении одной сказки, а можно и не заметить. Теперь отпала необходимость в применении столь субъективного и эмпирического подхода. Следует лишь выделить или наложить друг на друга все основанные на определенной мотивеме модели сказки одной культурной традиции и затем рассмотреть разные мотивы, заполняющие соответствующую мотивемную ячейку.

Еще один выигрыш от структурного анализа — возможность предсказания в ситуации окультуривания. Если известны структура европейских и структура индейских сказок, то с достаточной достоверностью можно предсказать изменения, которые произойдут в европейской сказке при заимствовании ее индейцами. Например, в качестве иллюстрации можно взять версию зуньи сказки А 121 — «Волки взбираются друг по другу на дерево». В европейской сказке волки взбираются друг по другу, чтобы схватить того, кто находится на дереве. Когда самый нижний волк убегает, все остальные падают. В версии зуньи Койот хочет взобраться на обрыв, чтобы добыть мяса (*Н*). Койот собирает своих приятелей, других койотов, и они решают взобраться на гору по хвостам друг друга или по кукурузным початкам, вставленным в *anus* (*ЛН*). Всех койотов предупреждают, что нельзя пускать ветры. Тем не менее последний койот нарушает запрет (*Нар*), из-за чего вся цепь разваливается. Все койоты разбиваются (*Сл*).

Если раньше фольклористам приходилось довольствоваться простой идентификацией европейских сказок у индейцев Северной Америки, то теперь оказалось возможным точно установить, как европейские сказки отливались в модели традиционных индейских сказок,

в данном примере — в модель с мотивемной последовательностью «запрет/нарушение». Интересно отметить, что одно из наиболее ярких структурных различий между европейскими и индейскими сказками заключается в количестве мотивем, разделяющих связанные между собой парные мотивемы типа «недостача» и «ликвидация недостачи». Количество такого рода мотивем может рассматриваться как указание на так называемую мотивемную глубину сказок. Индейские сказки имеют гораздо меньшую мотивемную глубину, чем европейские. В последних «недостача» (функция 8а Проппа) и «ликвидация недостачи» (функция 19 Проппа) отстоят друг от друга далеко, в то время как в индейских сказках «недостача» ликвидируется вскоре после того, как она была установлена. Возможно, меньшая мотивемная глубина индейских сказок связана отчасти с отсутствием у индейцев собственных или заимствованных кумулятивных сказок, которые нередко представляют собой длинные взаимосвязанные ряды недостач, подлежащих ликвидации в промежутке между инициальной недостачей и ее финальной ликвидацией. Проверить гипотезы такого рода можно, если поместить сказки данной структурной модели в определенную культуру, а через заданный период времени вновь к ней обратиться.

Самый вдохновляющий вклад структурного анализа лежит, пожалуй, в неисследованной области кроссжанрового сравнения. Фольклористы редко пытались сравнивать разные фольклорные жанры. Скорее наоборот, в связи со сказками и поверьями в последние годы была сделана попытка разделить область фольклорных исследований на две части: словесный фольклор и народные обычаи. Херскович, например, принимает этот, как он его называет, «двойной мандат»¹³, а Бэском¹⁴ с определенностью утверждает, что для антрополога в фольклор входят мифы и сказки, но не народные обычаи или поверья.

Однако морфологический анализ обнаруживает, что в основе их обоих может быть заложена общая структурная модель. В недавно опубликованной работе по структурному анализу поверий я предложил для них следующее предварительное общее определение: «Поверья суть традиционные выражения одного или нескольких условий и одного или нескольких результатов, связанных с некоторыми условными знаками и другими причинами»¹⁵. Формула поверий может быть выражена так: «Если *A*, то *B*» — с факультативным «если не *C*». В категории поверий, которые я назвал «магическими», выполнение одного или нескольких условий *каузирует* один или несколько результатов. Чипшева, например, верят, что, если бросать в озеро собак или кошек, будет буря. Правда, в «конверсивных» поверьях нежелательный результат может быть нейтрализован или даже изменен на противоположный так, что он становится желаемым. Иными словами, в магических поверьях содержится некое условие, выполнение которого приводит к какому-то результату. Одновременно возможно и конверсивное поверье; применяемое в качестве

противодействия, оно позволяет индивиду избежать или аннулировать нежелательный результат магического поверья. Теперь, пожалуй, можно вывить параллель между структурой мотивемной последовательности «запрет/нарушение» в сказке и структурой поверья. Рассмотрим в связи с этим сказку и поверье зуньи.

Сказка		Поверье	
<i>Запр</i>	Девочке запрещают охотиться на кроликов	Условие	Если женщина съест пресный хлеб, связанный с оленьей охотой,
<i>Нар</i>	Она охотится на кроликов		-----
<i>Сл</i>	Появляется чудовище-людоед	Результат	у нее рождаются близнецы,
<i>ИС</i>	Близнецы Ахайут спасают девочку	Контрактант	если только не обнести хлеб четыре раза вокруг перекладины приставной лестницы ее дома.

Не следует разочаровываться бросающимся в глаза отсутствием в поверье аналога мотивеме «нарушение». Для поверий заведомо предполагается выполнение условия, или, иными словами, нарушение запрета. Поэтому и представляется возможным сравнивать сказки и поверья. Более того, было бы интересно выяснить, существует ли значимая корреляция между формами сказок и поверий одной и той же культурной традиции и особенно корреляция между факультативной мотивемой «попытка избежать следствия» и контрактным фрагментом в поверьях. Можно думать, что в традициях, где для сказок с «нарушением запрета» наблюдается большое преобладание «попыток избежать следствия», должна аналогично быть высокая степень встречаемости контрактантов или конверсивных поверий. Следует также отметить, что эта структурная модель может быть обнаружена и в других фольклорных жанрах. В играх, например, существуют обязательные правила. Если правила нарушаются (при том, что нарушение правил иногда входит в игру), за этим может следовать наказание. Тогда в зависимости от конкретной игры или от конкретной версии игры могут появляться — или не появляться — способы аннулировать наказание или избежать его¹⁶.

Значение структурного анализа очевидно. Морфологический анализ индейских сказок обеспечивает переход к их дескриптивной типологии. Типологические наблюдения, в свою очередь, обеспечи-

вают фольклористам возможность анализировать зависимость содержания от данной культуры, предсказывать культурный обмен и приступать к кроссжанровому сравнению. Следует надеяться, что структурный анализ других географических ареалов, например Африки, покажет, универсальны или не универсальны определенные структурные модели.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Источники приведенных здесь характерных индейских сказок и более подробное обсуждение проблемы структурного анализа, в фольклоре см.: A. Dundes. *The Morphology of North American Indian Folktales*. — «FF Communications», № 195. Helsinki, 1964.

² J. Jacobs. *The Problem of Diffusion: Rejoinders*. — «Folklore». Vol. 5, 1894, с. 137.

³ F. Boas. *Tsimshian Mythology*. — «Annual Report of the Bureau of American Ethnology». Vol. 31, 1916, с. 878.

⁴ M. Jacobs. *Folklore*. — *The Anthropology of Franz Boas*. — W. Goldschmidt ed. (American Anthropological Association. Memoir 89). San Francisco, 1959, с. 127.

⁵ V. Propp. *Morphology of the Folktale*. — Indiana University Research Center in Anthropology, Folklore, and Linguistics. Publication 10. Bloomington, 1958, с. 18.

⁶ Там же, с. 21.

⁷ Подробный обзор работы Проппа см.: C. Lévi-Strauss. *L'analyse morphologique des contes populaires russes*. — «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics». Vol. 3, 1960, с. 122—149 (примеч. англ. изд.). (См. статью «Структура и форма» в настоящем сборнике. — *примеч. ред.*.)

⁸ A. Dundes. *From Etic to Emic Units in the Structural Study of Folktales*. — «Journal of American Folklore». Vol. 75, 1962, с. 95—105.

⁹ K. L. Pike. *Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behaviour*. 3 parts. Glendale, 1954—1960.

¹⁰ A. Dundes. *The Morphology of North American Indian Folktales*. Helsinki, 1964, с. 72—75.

¹¹ R. Jakobson. *Franz Boas. Approach to language*. — «International Journal of American Linguistics». Vol. 10, 1939, с. 192—193.

¹² C. F. Voegelin, Z. A. Harris. *The Scope of Linguistics*. — «American Anthropologist». Vol. 49, 1947, с. 596.

¹³ M. J. Herskovits. *Folklore after a Hundred Years: A Problem in Redefinition*. — «Journal of American Folklore». Vol. 59, 1946, с. 93.

¹⁴ W. R. Bascom. *Folklore and Anthropology*. — «Journal of American Folklore». Vol. 66, 1953, с. 285.

¹⁵ A. Dundes. *Brown County Superstitions*. — «Midwest Folklore». Vol. 11, 1961, с. 28.

¹⁶ Целесообразность кроссжанрового сравнения с помощью структурного анализа подтверждается работой, в которой одни и те же структурные модели применены к разным фольклорным жанрам. См.: E. K. Königs-Maranda, P. Maranda. *Structural Models in Folklore*. — «Midwest Folklore». Vol. 12, 1962, с. 133—192. Применение структурного анализа к народному танцу, области фольклора, пренебрегаемой большей частью фольклористов, в свою очередь, поддерживает кроссжанровое сравнение. См.: Gy. Martin, E. Pecsóvár. *A Structural Analysis of the Hungarian Folk Dance (A Methodological Sketch)*. — «Acta Ethnographica». Vol. 10, 1961, с. 1—40. О сравнении структур сказки и игры см.: A. Dundes. *On Game Morphology: A Study of the Structure of Non-Verbal Folklore*. — «New York Folklore Quarterly». Vol. 20, 1964, с. 276—288 (примеч. англ. изд.).

СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ В ФОЛЬКЛОРЕ *

0.0. ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТРУКТУРЫ

Структура может быть определена как внутреннее отношение, посредством которого организованы составляющие элементы целого. Структурный анализ состоит, таким образом, в обнаружении значимых элементов и их порядка.

0.1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА

Поскольку аналогичные структуры возможны и в иных, чем фольклор, классах явлений, постольку фольклорные структуры обуславливаются лишь границами понятия «фольклор». Мы попытались дать здесь предварительное определение, которое в сжатом виде формулируется так: **ф о л ь к л о р — э т о н е з а п и с а н н ы е м е н т и ф а к т ы**¹. Из этого определения следует, в частности, что ни один текст, как таковой, не является реальной фольклорной единицей: тексты суть лишь запись ментифактов (в то время как артефакт всегда есть запись себя самого). Это имеет прямое отношение к исследованию текстов, поскольку в записанном тексте структура фольклорной единицы может и не манифестироваться, а его реализация, например магическое действие, может входить в эту единицу.

0.2. РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ФОЛЬКЛОРНОЙ ЕДИНИЦЕЙ И ЕЕ ЗАПИСЬЮ

Тогда, следовательно, существуют разные виды фрагментарных текстов: те, которые информант полностью не знал, и те, которые были записаны неудовлетворительно. Конечно, можно довольствоваться доступной информацией, однако при этом следует помнить, что ни одна запись и даже видеозапись не будет полной: только ситуация, в которой текст реализуется, является для него жизненной средой. Это значит, что носитель традиции и его аудитория, их действия и реакции, язык, которым они пользуются, и его коннотаты, сумма групповой культуры — все должно быть известно предварительно, чтобы обеспечить возможность корректного анализа

---

* Переведено по: E. Köngäs Maranda, P. Maranda. *Structural Models in Folklore and Transformational Essays*. The Hague—Paris, 1971, с. 16—94.

данной фольклорной единицы. Неосуществимость этих требований не влияет на их значимость: если границы научного анализа будут определены, тем бóльшую достоверность он получит.

0.3. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ФОЛЬКЛОРУ

Мы предполагаем также, что при изучении фольклора полезны разные исходные точки и соответственно разные методы; по сути дела, они не просто полезны, но необходимы. В число таких базисных исходных точек войдут структура, содержание (или темы), стиль и функции. Все это свойства одной и той же единицы, что, естественно, имплицитно их взаимосвязь. В ходе своего исследования мы, например, увидели, что в наших моделях есть определенная ячейка для «сообщения» рассматриваемой единицы, т. е. психосоциальная функция. Эту ячейку надо искать в последнем члене двух наших последних формул; мы отметим ее в связи с соответствующими моделями. Без сомнения, интересно обнаружить, что модель, являющаяся абстрактной репрезентацией одной какой-либо характеристики, при этом имеет точку соприкосновения с социальным феноменом в целом².

0.4. СТРУКТУРНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ФОЛЬКЛORA

В ряде смежных с фольклором областей, таких, как социальная антропология и лингвистика, структурный анализ используется давно и успешно. В фольклористике этот подход набрал силу в последнее десятилетие. После ранних, прокладывающих путь работ В. Проппа³, К. Леви-Строса⁴ и Т. Себеока⁵ к настоящему времени появился достаточно широкий список статей, посвященных разным жанрам фольклора⁶. Сам Леви-Строс почти закончил и в значительной части опубликовал свой монументальный труд «Мифологические»⁷. Э. Лич написал ряд статей и издал труды симпозиума по структурному изучению мифа⁸. И как вторичное явление возникла критическая литература по Леви-Стросу и Проппу⁹.

Между тем в лингвистике укоренился трансформационный анализ, распространяющий свое влияние и на фольклористику¹⁰; так, различие глубинных и поверхностных структур представляется многообещающим для анализа и понимания фольклора.

0.5. ЕДИНИЦЫ, ВЫДЕЛЕННЫЕ ДРУГИМИ

Одной из первостепенных задач структурного исследования является установление операционных единиц, т. е. элементов, с которыми можно работать и над которыми могут производиться логические операции (такие, как редукции, пересечения, объединения, отображения и т. д.)¹¹.

Единицы, или элементарные составляющие, — это части, выделяемые в некотором континууме, например в нарративе, и в пределах принятой системы исследования являющиеся минимальными.

Примеры единиц, предложенных в предшествующих работах по фольклору:

тип (Аарне, 1910),
 функция (Пропш, 1928),
 мотив (Томсон, 1932),
 мифема (Леви-Строс, 1955),
 мотивема (Дандис, 1962)¹².

Типы, как отметил уже Пропш, характеризуются не своим строением, а наличием в них ярких моментов; такие моменты могут быть или не быть структурно значимыми.

Мотив сходен с типом, но это меньшая единица, не имеющая сама по себе операционной значимости (решительную критику мотива как единицы см. у Пропша, затем у Сапорты и Себеока; ср. также далее, 0.6).

Мифема — содержательно-структурная единица (см.: Леви-Строс, Структура и форма), состоящая из отношения между субъектом и предикатом, в терминах которых исследователь переписывает компоненты мифа. как это обильно проиллюстрировано Леви-Стросом в «Мифологичных».

Функция и мотивема относятся к одному и тому же понятию отдельного «действия *dramatis personae* с точки зрения его значения для развития действия сказки как целого»¹³.

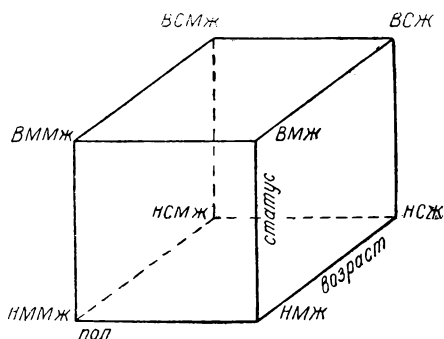
Предлагались и другие пути выделения единиц для анализа, такие, как фокусирование внимания на паузах, которые делает рассказчик (Пул; Паулинсон), и такие, как определение (1) временного промежутка и вероятностных связей (Сапорты и Себеока), (2) единиц поведения (Армстронг) или (3) аналитических высказываний (Паулинсон; Маранда; Лабов и Валецки)¹⁴. Мы оба недавно провели большую работу с такими небольшими единицами: Маранда при машинном анализе мифов — с аналитическими высказываниями, Кёнгас-Маранда при полевых исследованиях меланезийских мифов — с единицами, которые рассказчик выделяет паузами. Хотя небольшие единицы значимы и для общего анализа нарратива, они, по существу, имеют малое отношение к структуре в том значении этого термина, которое употребляется в данной работе. Здесь мы имеем дело с крупными аналитическими единицами. Правда, автоматический анализ может группировать мелкие единицы так, чтобы получались крупные единицы в соответствии с леви-стросовским способом определения пучков отношений и их взаимосвязи и под другим углом зрения с бременовскими нарративными моделями в духе Пропша.

0.6. ПАРАМЕТРЫ

Мотивы — странствующие межкультурные нарративные элементы — сравнимы с фонетипами в лингвистике. Для структурного изучения данного корпуса сюжетов необходимо выделить «фонемы». Как и

в языке, это достигается только путем анализа организации корпуса, как такового, и определения различий, обеспечивающих выделение тех признаков, которые являются различительными. Звуки языка можно описать и вне контекста, но тогда неизвестна степень достоверности описания. Именно поэтому сомнительны межнациональные, межкультурные, межъязыковые, межкорпусные «мотивемы». Тем не менее возможно выработать универсальные эффективные методы выделения единиц в каждом данном корпусе и возможно установить общие параметры, на которых основаны различия. Методы такого типа будут соответствовать якобсоновскому анализу по различительным признакам. Представляется, что ряд таких параметров указал Леви-Строс, например: охотник/добыча, содержащее/содержимое, левый/правый, верх/низ и т. п. Маранда же при составлении словарей для автоматического анализа прибегает к глаголам или функциям типа «переходное/непереходное движение», «внутренняя/внешняя трансформация» и т. д. Следует отметить, что число подобных параметров пока неизвестно, так же как не определено, когда они принадлежат термам, а когда — функциям (ср. попытки Бремона в этом направлении).

Кёнгас-Маранда в своей работе, кратко изложенной далее (разд. 8), установила для европейских сказок основы термового анализа по различительным признакам. В Märchen * при термах указывается только пол, возраст и социальный статус; в остальном участники определяются исключительно своими действиями. Таким образом, персонаж европейской сказки всегда может быть описан триадой, как это представлено в вершинах углов на следующей диаграмме.

Сокращения: В — высокий, Н — низкий, С — старый, М — молодой, Мж — мужской, Ж — женский.

* Авторы статьи пользуются немецкими обозначениями жанров, употребляя их индивидуально, и потому они оставлены без перевода (примеч. пер.).

1.0. НАША ГИПОТЕЗА ¹⁶

Наша рабочая гипотеза состояла в том, чтобы проверить, применима ли формула Леви-Строса ¹⁶ к произведениям разных жанров фольклора и, как это следует из его метода, бинарны ли процессы фольклорного мышления.

1.1. ТЕОРИЯ

По Леви-Стросу, мифологическое мышление ¹⁷ устанавливает сетку отношений между социоисторическими фактами и работает на уровне символов при поддержке взаимодействия инфра- и суперструктур ¹⁸. Оно выполняет, таким образом, специфическую задачу медиации несводимых противоположностей. Это соответствует модели примирения противоположностей (*coincidentia oppositorum*) посредством медиатора; ряд специалистов по символической логике считают это динамическим ядром ментальных процессов ¹⁹. Структурный анализ должен быть сконцентрирован на выявлении в самом тексте оппозиционных пар и способного их объединить медиатора ²⁰. Медиация может быть в общем сведена к метафорической структуре ²¹, но это, как мы сейчас увидим, не удовлетворяет критериям дескриптивной адекватности. В самом деле, аналогия, частным случаем которой являются метафоры, по своему существу линейна. Непрерывная аналогия $A : B :: B : C$ — «*A* относится к *B* как *B* к *C*» — или прерывная аналогия $A : B :: C : D$ — «*A* относится к *B* как *C* к *D*» — не могут формализовать витки в мифе, требующие «нелинейной» формализации (см. далее в этом разделе выдержку из третьего тома «Мифологичных»; ср. также использование авторами аналогии при трансформационном анализе).

Формула Леви-Строса $fx(a) : fy(b) :: fx(b) : fa^{-1}(y)$ должна пониматься как запись процесса медиации с более точным, чем в простой аналоговой модели, выражением некоторых динамических ролей. В этой формуле (*b*) — медиатор, (*a*) — первый терм, в соответствии с социоисторическим контекстом выражающий динамический элемент (идентифицирующей функцию *fx*), под давлением которого развивается сюжет. Другая функция, *fy*, противопоставленная первой, идентифицирует (*b*) в его первом появлении. Таким образом, (*b*) поочередно идентифицируется обеими функциями и поэтому может осуществлять медиацию между противопоставленными членами.

Хотя аналогия именно «линейна», формула Леви-Строса «нелинейна», так как предполагает мену ролей или функций и термов: (*a*), данное как терм, получает при инверсии в a^{-1} значение функции, а *y*, данное в значении функции, становится (*y*), т. е. термом, что является конечным результатом процесса. Согласно нашей интерпретации, эта мена необходима для тех структурных моделей, в которых конечный результат есть не просто циклическое возвращение к исходной точке после ликвидации первого препятствия, но виток спирали, новая ситуация, отличающаяся от начальной не только тем,

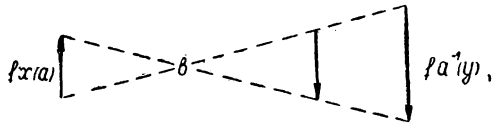

что она ее ликвидирует, но еще и тем, что ее статус выше, чем просто ликвидация начального²². Иными словами, если один участник (a) идентифицируется негативной функцией fx (и таким образом становится вредителем), а другой (b) — позитивной функцией fy (и таким образом становится героем), то (b) может, в свою очередь, принимать на себя и негативную функцию²³, что приводит к «победе» тем более полной, что она основана на «уничтожении» терма (a), а это окончательно устанавливает позитивное значение (y) в конечном результате. В качестве терма (y) идентифицируется функцией, являющейся инверсией первого терма. В метафорическом плане инверсия, так сказать, недостатки, выражающей актуальное давление негативной силы, есть не просто ликвидация недостатки или возмещения, но и выигрыш, т. е. $fa^{-1}(y) > fx(b)$.

В заключение представляется целесообразным отметить, что два первых члена формулы соответствуют введению конфликта, третий — поворотной точке сюжета, а последний член относится к конечной ситуации.

Другой способ изложения нашей интерпретации леви-стросовской формулы состоит в указании, что три первых ее члена — $fx(a)$, $fy(b)$ и $fx(b)$ — выражают динамический процесс, конечный итог которого, выраженный последним членом — $fa^{-1}(y)$, есть результат или статус, т. е. конец процесса медиации.

Этот процесс в общих чертах можно описать как инверсию начального статуса посредством оперирования с (b), причем такую инверсию, действие которой не прекращается с ее окончанием. Это можно представить приблизительно так:

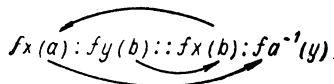

где (b), пользуясь сравнением Леви-Строса, выполняет функцию «игольного ушка», сквозь которое изображение видны перевернутыми и, можем добавить мы, кажутся большими, чем на самом деле.

Другими словами, если в начале фольклорного текста две противопоставленные тенденции x и y актуализируют глубинную оппозицию двух термов a и b , порождающую конфликт, «задачу», то далее имеет место следующая операция (*):

$$[fx(b)]^* [fx(a)] \rightarrow fa^{-1}(y).$$

Это может быть изображено с помощью графов:

Формула Леви-Строса заимствует символику из алфавита теории функций, однако на этом ее связь с математикой кончается. Сам Леви-Строс всегда видел в этом не более чем «рисунок» для иллюстрации «двойного витка, передающего переход от метафор к метонимиям и обратно» (личная беседа, 1969).

Формула в таком виде после первого ее появления в 1955 г. встречается у Леви-Строса лишь однажды. Исследование группы южноамериканских мифов во втором томе «Мифологических» он заключает такими словами.

«Этот переход от метафоры к метонимии, многократно показанный на предыдущих страницах и уже упомянутый в других работах („Le totémisme aujourd'hui“, „La pensée sauvage“, „Mythologiques. I. Le cru et le cuit“), является типичным способом разветвления серии трансформаций с помощью инверсии, когда имеется достаточное количество промежуточных шагов. Следовательно, и в этом случае невозможно подлинное равенство между исходной и конечной точками, за исключением только одной инверсии, которая порождает следующую группу: при равновесии на одной оси группа манифестирует неравновесие на другой оси. Это присущее мифологическому мышлению ограничение сужает его динамизм, хотя в то же время удерживает от перехода в действительно статичное состояние. De jure, если не de facto, мифы не инертны.

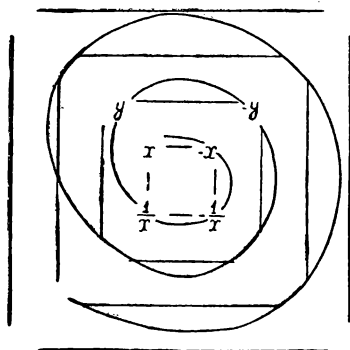
Таким образом, здесь мы находим частный случай иллюстрации того канонического отношения, которое в 1955 г. мы записали следующим образом (приводится формула).

Уместно привести ее хотя бы для того, чтобы убедить читателя, что с тех пор мы не переставали ею пользоваться»²⁴.

Леви-Строс прибавляет (личная беседа, 1969), что его обращение в третьем томе «Мифологических» к группам Клейна было главной причиной того, что он вернулся к формуле в своей последней книге (см. особенно следующее извлечение, которое он прокомментировал с помощью диаграммы, воспроизведенной ниже).

«Мифологическая система „братья-холостяки“ предстает в виде четырех четырехчастных взаимно гомологичных и вставленных структур. Если упорядочить их логически, можно сказать, что они соответственно оперируют родственными связями, поведением относительно биологической природы, поведением относительно культуры и, наконец, связями, объединяющими человека со вселенной и представленными в виде смены времен года. Однако отношения вставленности не статичны. Далеко не изолированная от других, каждая структура скрывает неравновесие, которое не может быть компенсировано без обращения к терму, взятому из смежной структуры. Диаграмма, иллюстрирующая общую конфигурацию, будет скорее походить на вписанные друг в друга квадраты, чем на меандр: „не-супруг“ — это не термин родства; отсутствие месячных очищений требует перевода из физиологического плана в календарный, прежде чем оно сможет выражать периодичность; инверсия конца одного времени года не

эквивалентна началу другого, и сакральное вкушение пищи не смешивается с профанической едой, приготовленной старательным поваром. В самом лоне мифов мышление, решительно ведомое диалектикой, поднимается от родства к социальным функциям, от биологических к космическим ритмам, от хозяйственных действий к деяниям религиозной жизни»²⁵.

Эта спираль точно отображает представленную с помощью графов формулу Леви-Строса, предложенную в первом издании нашей монографии (гл. 5, модель IV).

Формула, как и леви-стросовская теория структуры мифа вообще, требует телеологического подхода. В самом деле, по этой теории, мифы создаются для разрешения противоречий, а формула может быть понята, только если читать ее с конца, когда инверсия первого терма, a в $fx(a)$, становится словесным высказыванием, которое производит субстантификацию словесного высказывания y в $fy(b)$, дающее $fa^{-1}(y)$. Итак, миф строится с конца, как детективный рассказ. Глубинная структура мифа является решением задачи в когнитивном, социологическом, технологическом или других важных планах; будучи однажды найдено, оно порождает миф в кодах, которыми располагает общество.

1.2. НАША ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФОРМУЛЫ ЛЕВИ-СТРОСА

1.2.1. Применение формулы

Леви-Строс применяет свою формулу для анализа отношения между полным набором вариантов мифа²⁶ и социально-историческим контекстом, из которого они вытекают. В первом случае миф должен быть совокупностью не только всех доступных вариантов, но и всех альтернатив исходного мифа, хотя этот последний аспект сформулирован у Леви-Строса неясно; мы тем не менее полагаем, что так на-

стойчиво он подчеркивает именно неизбежное следствие взаимодействия суб- и суперструктур.

Не будем здесь вступать по этому поводу в дискуссию²⁷. Достаточно сказать, что мы, с одной стороны, распространили применение формулы на описание разных жанров, а с другой — ограничили ее применение произвольно отобранными вариантами, поскольку установить полный набор вариантов фольклорного текста для данного общества практически невозможно.

Конечно, наше ограничение в применении леви-стросовской формулы приводит к подходу, полностью отличному от его собственного. Цель Леви-Строса состоит в изучении взаимодействия суб- и суперструктур, происходящего в сетке корреляций между социальными и мифологическими структурами, в то время как наше намерение — лишь выделить некоторые общераспространенные модели фольклорных текстов, не переходя в данной работе на психосоциальный или какой-либо другой уровень интерпретации. Более того, наша строго формальная цель должна вызвать критику со стороны Леви-Строса, поскольку он считает (см.: «La structure et la forme», «La pensée sauvage»), что разделить структуру и содержание невозможно. С другой стороны, мы делаем то, что Эдмунд Р. Лич («Леви-Строс в саду Эдема: обзор ряда современных течений в анализе мифа») ошибочно рассматривает как стремление Леви-Строса освободить фольклор от натиска функционализма. Во всяком случае, мы не следуем Личу, потому что (1) не толкуем Леви-Строса неверно, а видоизменяем и расширяем его метод, в то время как Лич искажает его, анализируя данные, социальный контекст (как и функция) которых остается неизвестным; (2) наш анализ в противоположность анализу Лича сосредоточен исключительно на формальном уровне, не говоря уже о смещении, возникающем из-за его недостаточно критического отношения к используемым вариантам, вызванного содержательным характером его анализа (например, когда он касается проблем, которые пытаются разрешить библейские повествования).

1.2.2.0. Единицы

Исходя из леви-стросовских мифем как крупных составляющих, а пучков отношений как элементарных единиц, мы применили самую простую дихотомию термов и функций, которую используют и он и Пропп. Кроме того, опираясь на Л. Теньера и Э. Рише (чья теория может быть приблизительно суммирована так: грамматическая функция определяется исходя из предложения как целого, из пустой формы, которая может быть заполнена некоторым числом взаимозаменяемых термов, каково бы ни было их значение), мы, таким образом, видим в структуре матричную форму, а в содержании — список социально-исторически обусловленных термов, способных ее заполнить²⁸.

1.2.2.1. Термы

Термы являются символами, представляемыми социально-историческим контекстом; термы могут быть *dramatis personae*, магическими агентами, космографическими признаками, т. е. любыми субъектами, способными к действию или к исполнению ролей.

Термы взаимно противопоставлены: принадлежащие к категории (а) однозначны, принадлежащие к категории (б) многозначны.

Термы данного нарратива не могут быть выбраны произвольно: они обусловлены самим повествованием. Первый терм определяется нахождением одиночного элемента в инициальной ситуации, т. е. в ситуации до разрешения кризиса. Второй терм (медиатор) определяется нахождением в ситуации до разрешения кризиса многозначного элемента.

Термы представляют собой конкретные воплощения, актуализации, в то время как функции являются более общими и абстрактными выражениями противоборствующих сил.

Хотя Пропп (гл. VI его книги) стремился разделить уровень действий и «круг действий» персонажа, в своем анализе он был недостаточно последователен. Свидетельство этому — порочный круг в определении: он устанавливает класс персонажей, называемых вредителями, чей «круг действий» — вредительство; таким образом, вредитель — это персонаж, совершающий вредительство, а вредительство — действие вредителя; то же самое с дарителями и дарением.

Мы, в частности Маранда при компьютерном анализе, попытались определить главного героя нарратива чисто статистически: главный герой — это тот, кто упоминается наибольшее число раз²⁹. Кроме него в европейских (и других) сказках фигурирует противник и некоторое число персонажей, проясняющих или делающих возможными действия двух первых; их можно назвать испытателями, и в соответствии с действиями героя (и противника) они могут стать его помощниками или врагами. Они, однако, как правило, неопределенны, поскольку их действия мотивируются линией героя, а не ими самими. Поэтому мы склонны видеть в сказке два «фронта» и «отряд» персонажей, выступающих то на одной, то на другой стороне³⁰.

Можно полностью согласиться с Аристотелем и Проппом в том, что значимы не персонажи, а действия. Вероятно, при статистическом или другом полном анализе совокупности нарративов какой-либо культуры обнаружится, что все персонажи могут быть сгруппированы в соответствии со своими наиболее типичными и выраженными чертами. Безусловно, определенные классы персонажей (младший сын или младшая дочь, *Petit Jean* и т. д.) связаны с определенными видами действий и результатов. Однако термы, их классификация, помещение их в ячейки нарративной основы, как нам кажется, есть нечто относящееся к уровню глубинных структур, взаимосвязанное с *Weltanschauung* группы и входящее в него, в то время как развертывание различных

функций есть нечто принадлежащее уровню поверхностных структур и образующее нарративную линию или сюжет. Рассмотренные таким образом и инварианты и варианты сказок структурируются, но на разных уровнях: они входят в разные виды структур, но остаются объединенными одной культурой.

1.2.2.2. *Функции*

Функции являются ролями, опирающимися на символы. Они образуют динамическое сочетание основных активных сил, задающих термам толчок, движение. Значит, пока термы не определены функциями, они остаются лишь странствующими элементами³¹. Кроме того, и функции существуют не независимо, а только в термовом выражении, придающем им их конкретный облик.

Инициальная пара противопоставленных функций — лишь тенденции; в финальном итоге одна из них одерживает окончательный верх и согласно упомянутой выше (1.1) мене становится термом. Впрочем, такое происходит только в нарративах с определенным типом концовки (более подробно об этом см. в разделе, где говорится о различиях между нашими моделями).

1.2.2.3. *Взаимосвязь термов и функций*

Термы варианты, функции константны. Это значит, что в данном корпусе текстов термы одного варианта могут быть заменены термами другого варианта, при том что выполняют они одну и ту же функцию (как это было установлено уже Проппом)³².

1.2.2.4. *Список наших аналитических единиц*

Термы (*a*) и (*b*) — соответственно члены двух групп *A* и *B*, образующие парадигмы, определены в соответствии с их типологиями в данном обществе (например, дракон, черт, ведьма, великан-людоед в индоевропейской традиции; черепаха, осьминог, акула, ящерица в северомалайской традиции).

Функции *x* и *y* — дополнительные словесные высказывания, которые идентифицируют термы (*a*) и (*b*).

Итак, при *x*=вредительство в индоевропейской традиции *A* будет таким множеством персонажей-вредителей, что $A = \{a_1, a_2, a_3, \dots, a_n\}$, где, например,

a_1 =дракон,

a_2 =черт,

a_3 =ведьма,

a_4 =великан-людоед.

Если дано одно словесное высказывание, другое определяется в корреляции с ним, поскольку формула опирается на предположение о том, что в человеческих культурах действует аксиома равно-

весия; поэтому постулируется «равновесие усилий», и возрастание усилия в одной из частей уравнения равновесия должно быть компенсировано. Усилие измеряется в терминах политической, магической, экономической, эмоциональной и других сил, а в нашей формальной записи оно выражается с помощью знаков больше ($>$) и меньше ($<$).

Разные операции над разными терминами обнаруживают регулярность; ее и описывают разные наши модели.

1.3. НАША ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННАЯ ФОРМУЛА

Сама по себе формула соответствует весьма простой схеме, основанной на работе Кёнгас³³. Ее членами будут — квазирезультат : квазирезультат :: окончательное решение : окончательный результат, где : и :: выражают два коррелятивных каузальных ряда; к ним мы вернемся позже, используя следующие аббревиатуры:

QA : QR :: FS : FR³⁴.

1.4. НАШИ МОДЕЛИ

В ходе работы мы сразу же обнаружили, что наша модификация формулы Леви-Строса соответствует лишь ограниченному числу текстов, а именно таких, в которых финальный результат³⁵ выражает скорее увеличение, чем просто возвращение к начальному состоянию. Некоторые тексты, несмотря на наличие инициальной оппозиции, не содержат даже намека на возможность процесса медиации, а в ряде случаев медиатор действует неудачно. На основе своих материалов мы пришли к следующему списку моделей, представленных в порядке нарастающей сложности.

Нулевой медиатор (модель I).

Неудачливый медиатор (модель II).

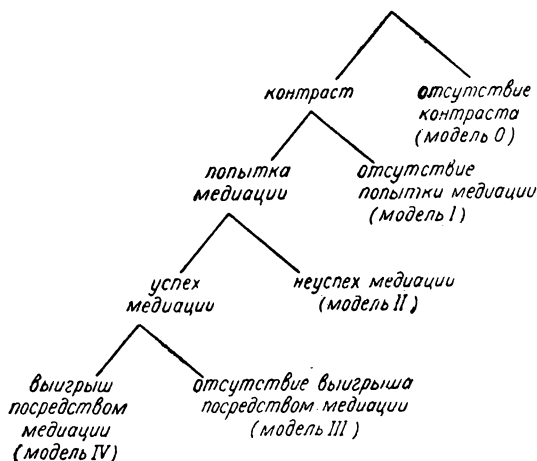
Удачливый медиатор: ликвидация инициального конфликта (модель III).

Удачливый медиатор: преобразование инициального конфликта (модель IV).

Для совсем простых структур может быть предложена другая модель. В некоторых заговорах, песнях, плачах и детских нарративах (разд. 8), например, отсутствует контраст (или контраст является имплицитным), однако при этом не происходит ни изменения состояния, ни попыток медиации. Текст разворачивается как повторяющиеся репрезентации одного-единственного состояния. Эту «модель O» мы в дальнейшем не будем рассматривать.

Список моделей может быть представлен в виде дерева, являющегося одновременно и моделью решения для рассказчика (см. с. 206).

Далее наши модели будут даны и в виде диаграмм, и в виде формул. Визуальные представления с помощью диаграмм дополняются попытками дать более точные описания через формулы. Знаки + и —

обозначают то, что Осгуд в своем семантическом анализе называет «валентностями»³⁶. Разделение на «положительное» и «негативное» рассматривается вне связи с *Lebensanschauung*, хотя большинство фольклорных материалов даёт возможность для соответствующих оценок. Наше разделение на плюс и минус обозначает просто, что речь идет о членах оппозиции в чистом виде, об аспектах, и с к л ю ч а ю щ и х д р у г д р у г а. Оставляя в стороне культурные ценности и нормы, заметим, что в структурном смысле безразлично, выражается любовь знаком плюс или минус, — важно, чтобы она была маркирована в оппозиции к ненависти; то же самое верно и в отношении действий дьявола, и в отношении других содержательных черт. Для обозначения гибели, ненависти, зла, вины мы используем знак минус лишь потому, что так проще следовать условному разделению, принятому во всех источниках и, кроме того, легко усваиваемому нашими читателями, а не потому, что мы смешиваем структуру и некоторые содержательные аспекты как значимости. Это служит напоминанием фактической идентичности зеркальных структур, что у нас отражено в использовании логических символов A и $\bar{A}$ — для обозначения того же на более абстрактном уровне.

1.5. ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Прежде чем вынести суждение о верности своей гипотезы, мы считаем необходимым проверить ее на подлинном фольклорном материале. Отбор проверочного материала произволен в отношении того, исследовался ли он раньше; с другой стороны, мы стремились выбирать наиболее показательные примеры для каждого жанра (здесь слово «жанр» употреблено в традиционном смысле). Поэтому все наши материалы можно найти в соответствующих стандартных фольклорных собраниях.

2.0. НУЛЕВОЙ МЕДИАТОР (МОДЕЛЬ I)

Так вышло, что в этой главе разбираются тексты, которые уже подвергались структурному анализу, а именно марийский «сонет», рекрутская (в принятой жанровой классификации) песня, рассмотренные Т. А. Себеоком³⁷, и группа финских песен, иногда классифицируемых как песни с повторениями (kertauslaulut), исследованные ранее М. Кууси³⁸.

2.1. ЛИРИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ («СОНЕТ»)

Марийский «сонет» звучит так:

Небесная кукушка, мой отец, остается,
Крыло кукушки, моя мать, остается.
Небесная ласточка, мой старший брат, остается.
Крыло ласточки, жена моего старшего брата, остается.
Летняя бабочка, мой младший брат, остается.
Крыло бабочки, моя младшая сестра, остается.
Летний цветок, я сам, я ухожу.
Цветение цветка мое остается³⁹.

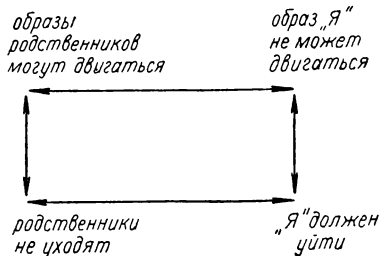
Себеок дает полный его анализ. Начав с фонемных характеристик, он в итоге приходит к тому уровню исследования, который является структурным в употребляемом здесь значении этого термина, т. е. к уровню, приводящему к общей модели, к сети корреляций, в конце концов образуемых композицией. Результаты анализа он суммирует так.

Песня посвящена одной из самых традиционных романтических тем. Первые шесть строк рисуют гармонию человека и природы — это семья и ее ближайшее окружение. Образы являются символами порядка и стабильности — они постоянны, они «остаются». Обращение на самого себя также выдержано в романтической струе: и «я» принадлежу к пейзажу, «я» являюсь частью природы, и у меня в семье есть свое собственное место. И вот надо, чтобы «я ушел». Здесь, однако, как бы возникает парадокс: летний цветок уходит, но его цветение, его суть «остается». Даже так: внешняя оболочка «меня» уходит, но (заключает певец) моя сокровенная внутренняя сущность — мои мысли о вас и ваша память обо мне — остается здесь, дома.

В более высоком плане это песня о смерти и ее отрицании, о бессмертии, дистилляция того же самого культурного опыта, который сформулирован в другом жанре марийского фольклора, в пословице «Человек умирает, его имя остается»⁴⁰.

Себеок указывает, что «образы являются символами порядка и стабильности — они постоянны, они остаются». Мы же хотели бы выделить внутреннюю оппозицию между всеми образами и их коррелятами: стабильные члены семьи, т. е. отец, мать, старший брат, невестка, младшие брат и сестра, — все сравниваются с летающими, свободно движущимися существами (птицы, бабочки, а для изображения женщин — крылья). Стабилен один только образ «я» — цве-

ток ⁴¹. Иными словами, все члены семьи сравниваются с феноменами, для которых движение не означает смерть, и только «я» сравнивается с созданием, для которого вырывание из родной почвы означает смерть.

В этом сонете не следует искать медиации. Здесь перечисление всех остающихся родственников лишь подчеркивает идею «оставания».

Себеок утверждает, что образы «сонета» выражают стабильность и что они структурно существенны для стихотворения. Мы утверждаем, что образы первого шестистишия выражают свободу движения, и спрашиваем, целесообразно ли рассматривать их как структурные элементы сонета. Их можно считать стилистическими составляющими, призванными особо подчеркнуть глубину трагедии, заключающейся в уходе героя. Структурным же в их сочетании можно считать следующее:

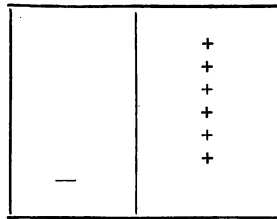
уровень образов   МОЖЕТ ДВИГАТЬСЯ   НЕ МОЖЕТ ДВИГАТЬСЯ
уровень персонажей   ОСТАЕТСЯ   : УХОДИТ

То есть (обозначая движение через M): $M/\bar{M} > \bar{M}/M$, или, упрощенно, $P > \bar{P}$, что является качественной оппозицией между данным множеством и его дополнением; проще говоря, это напряжение между двумя противопоставленными состояниями, организующее композицию «сонета» без какой бы то ни было попытки медиации, т. е. с нулевым медиатором, поскольку, хотя память (или невеста) остается, сам герой тем не менее уходит.

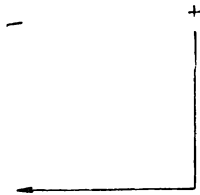
Оставив образы в стороне, приведем следующую таблицу:

—	+
\	Отец Мать Старший брат Невестка Младший брат Сестра (Память обо мне)
Я	

Это можно выразить следующим образом:

Или в нашей финальной записи:

В виде формулы, где
термы:

a — я,

b — родственники $b_1 + b_2 + b_3 + b_4 + b_5 + b_6$;

функции:

x — уход,

y — оставание,

$$fx(a) > fy \left(\sum_{i=1}^6 b_i \right).$$

Читается: функция «я» — *уход* — перевешивает функцию суммы его родственников — *оставание*.

Мы определили эту сумму равной шести, но если ответ на загадку восьмой строки будет «возлюбленная», то число возрастает до семи. В этом отношении количественный аспект суммирования, как и число медиаторов в моделях II, III, IV, структурно нерелевантны. Формула может быть записана как $fx(a) \geq fy(b)$.

То, что герой говорит о своем «цветении», остающемся после его ухода, может быть понято как попытка, в основном риторическая, забыть себя самого и своих близких в час расставания. В интерпретации Себеока: «Моя внешняя оболочка уходит, но . . . моя сокровенная внутренняя сущность — мои мысли о вас и ваша память обо мне — остаются здесь, дома»⁴².

Группа «я» в самом тексте эксплицитно не выражена. Следуя логике сонета, надо было бы ожидать, что метонимическое цветение цветка — женский двойник «я», его возлюбленная или невеста,

но и это лишь догадка. Аналогия или даже цепочка аналогий последовательно указывает на женщин, через родство или брак являющихся метонимическими частями мужчин, но в последней строке остается открытая ячейка. Это представлено в точности как загадка:

кукушка	: крыло	:: отец	:	мать
ласточка	: крыло	:: старший брат	:	жена старшего брата
бабочка	: крыло	:: младший брат	:	младшая сестра
цветок	: цветение	:: я	:	x

Но в «сонете» есть еще и другие непрерывные аналогии:

небо	: кукушка	:: кукушка	:	крыло
небо	: ласточка	:: ласточка	:	крыло

с переменной сфер:

лето (земля?)	: бабочка	:: бабочка	:	крыло
лето	:	цветок	:: цветок	: цветение

Можно также предположительно утверждать, что на этих двух «сферах» небо/земля основана иерархическая структура стихотворения, группирующая персонажей на женатых и неженатых. Эта интерпретация колеблет весы в пользу возлюбленной, а не жены (как ответа на загадку). Описанная с помощью причинно-следственной формулы, песня выглядит так:

QS: «Свободные» родственники не уходят.

QR: Трагедии не происходит.

FS: «Я» связан с домом, но должен уйти.

FR: Трагедия.

Тогда формула QS : QR : : FS : FR читается так: если родственники, которые могут двигаться, не уходят, в их жизни не происходит трагедии (и, конечно, не было бы, даже если бы они ушли); но если «я», который в действительности не может двигаться, должен уйти, это жизненная трагедия (выраженная тем более остро, что она контрастирует с отсутствием трагедии в жизни остальных членов семьи).

2.2. ЛИРИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ (ПЕСНЯ С ПОВТОРЕНИЯМИ)

В эту категорию попадает обширная группа финских песен, краткое описание М. Хаавио в его антологии⁴³ и детально М. Кууси в его уже упоминавшейся статье⁴⁴. Поскольку в работах Хаавио и Кууси некоторые варианты даны не полностью, мы берем свои примеры непосредственно из научного издания народной поэзии⁴⁵, используя здесь стандартную аббревиатуру SKVR.

Из SKVR XIII₁ мы берем две нарративные песни, структура которых соответствует модели I. Обе песни были записаны в одном

и том же месте, в Сакколе, Южная Карелия, и в обеих говорится об одном и том же герое. SKVR XIII₁ звучит так:

1. Антерус ушел на войну,
С оловянными ножнами ушел на битву,
Ножны из олова, пояс из серебра,
Борода золотыми завитками,
5. Волосы золотыми кудрями,
Меч у него на поясе с украшениями.
Весть была ему послана:

Твой отец умер дома.
Как одеть мне твоего отца?
В шелковые одежды и в замшу.
Какой гроб сделать мне для твоего отца?

Мне надо сделать серебряный гроб,
Гвозди, кованые из меди.
Как везти мне моего отца на кладбище?
На его жеребце.

Антерус ушел на войну.
(Строчки 2—6 повторяются.)
Твоя мать умерла дома.
Как одеть мне твою мать?
В шелковые одежды и льняное покрывало.
Какой гроб сделать мне для матери?
Мне надо сделать стальной гроб,
Гвозди, кованые из серебра.
Как везти мне мою мать на кладбище?
На ее мерине.

Антерус ушел на войну.
(Строки 2—6 повторяются.)

Твой брат умер дома.
Как одеть мне твоего брата?
В тонкие одежды.
Какой гроб сделать мне для моего брата?
Мне надо сделать серебряный гроб,
Гвозди, кованые из стали.
Как везти мне моего брата на кладбище?
На его мерине.

Антерус ушел на войну.
(Строки 2—6 повторяются.)

Твоя сестра умерла дома.
Как одеть мне мою сестру?
Чем покрыть мне ее нежную кожу?
Всю белым.
Какой гроб сделать мне для сестры?
Мне надо сделать деревянный гроб.
Какие сделать мне гвозди?
Мне надо сделать железные гвозди.
Как везти мне мою сестру на кладбище?
На ее кобыле.

Антерус ушел на войну.
(Строки 2—6 повторяются.)

Теперь твоя несчастная жена умерла.
Как одеть нам ее?
В лохмотья.
Какой гроб надо нам сделать?
Корыто из дубовой коры.
Как мне везти ее (в могилу)?
На холм на баране,
На холощеном баране на кладбище.

Герой получает пять вестей о смерти, и его реакция обнаруживает его чувства к близким. Четверо кровных родственников заслуживают самого лучшего обращения и самых роскошных облачений — по контрасту с его «несчастной женой» (*kuŋja kuŋrrani*), с которой обходятся наихудшим образом. Иерархия образов здесь сходна с марийским «сонетом», где самое высокое положение занимает отец, затем образы идут по нисходящей, вплоть до сестры, занимающей весьма скромное, хотя и достойное положение.

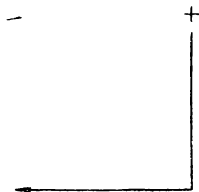
Песня является иллюстрацией напряженных родственных отношений: кровные родственники герою дороже жены. См. таблицу:

—	+
Жена	Отец Мать Брат Сестра

Это можно выразить так:

	+
	+
	+
—	+

И еще раз в нашей финальной записи:

В виде формулы, где
термы:

a — жена,

b — кровные родственники $b_1 + b_2 + b_3 + b_4$;

функции:

x — ненависть,

y — любовь:

$$Fx(a) > Fy\left(\sum_{i=1}^4 b_i\right).$$

Читается: безразличие героя к жене подчеркивается его любовью к кровным родственникам ⁴⁶.

Мы снова можем привести свою причинно-следственную формулу. Тогда:

QS : Кровные родственники умирают.

QR : С ними хорошо обходятся, т. е. хоронят с почетом.

FS : Жена умирает.

FR : Самое худшее обхождение, похороны без всякого почета. Формула QS : QR :: FS : FR имеет следующее чтение: если умершим кровным родственникам герой оказывает почести, то к смерти жены он относится самым худшим образом.

2.3. ЛИРИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ (С ПОВТОРЕНИЯМИ)

Наш южнокарельский пример сравнения родственников дублируется песней, записанной там же, в Сакколе. В этом варианте происходят следующие события.

Антерус уходит на войну.

Ему приносят весть: мать умерла.

Антерус равнодушно отвечает: раз умерла, значит, пришло ее время; пусть деревня (шięго) ее хоронит; мне важнее воевать.

Антерус уходит на войну.

Ему приносят весть: брат умер.

Антерус равнодушно отвечает: раз умер, значит, пришло его время; пусть деревня его хоронит; мне важнее воевать.

Антерус уходит на войну.

Ему приносят весть: жена умерла.

Антерус отвечает: теперь мне пора домой, хватит мне воевать (SKVR XIII₁, 19).

Это не такой полный, как первый, вариант, поскольку в нем появляются не все члены семьи. Базовая структура тем не менее сходна с SKVR XIII₁, 18, и единственный контраст заключается в инвертированной оценке родства. Это среди прочего означает, что теперь финальный результат позитивен в противоположность негативному результату предыдущей песни. Как верно заметил Кууси, каждая из этих песен «утверждает власть Эроса», другими словами,

героиня этих песен — та, которая упоминается последней и которой противопоставлены все остальные ⁴⁷.

Структура SKVR XXII₁, 19 будет:

—	+
Мать Брат	Жена

То есть:

— —	+
--------	---

В виде графов:

В виде формулы, где
термы:

a — жена,

b — кровные родственники $b_2 + b_3$ (в серии $b_1, \dots, b_4$, см. выше, 2.2);

функции:

x — равнодушие,

y — любовь:

$$Fy(a) > Fx\left(\sum_{i=2}^3 b_i\right).$$

Читается: любовь героя к жене подчеркивается его равнодушием к кровным родственникам.

В соответствии с причинно-следственной формулой песня записывается так:

QS : Кровные родственники умирают.

QR : Равнодушие героя.

FS : Жена умирает.

FR : Реакция героя — горе.

Тогда формула $QS : QR :: FS : FR$ дает следующее чтение: если к смерти кровных родственников герой относится равнодушно, то смерть жены вызывает у него горе.

М. Кууси рассматривает варианты с полным набором родственников — отец, мать, брат и сестра, противопоставленные жене; кровные родственники, противопоставленные возлюбленному или мужу героини, — и приходит к следующему заключению: «Метод сравнения прост. Отец, мать, брат, сестра и любовный партнер по очереди помещаются в идентичную ситуацию: „Заплати за меня выкуп, X!“, „X умер дома“, „X обращается с тобой плохо?“ Что касается отца, матери, брата, сестры, результат сформулирован в идентичных или сходных стихах, что касается „тебя“ (*sinä*), результат резко противопоставлен. В двенадцати первых стихотворениях отношение между „я“ и четырьмя близкими родственниками трактуется как негативное, а отношение между „я“ и его „ты“ — как позитивное; в девяти последующих случаях отмечается противоположное. Критической точкой стихотворения всегда является пятый член: „ты“ для меня значишь больше, чем остальные родственники, и я для тебя значу больше остальных, выражаются ли наши отношения в ненависти или в любви. Хороши ли, плохи ли четверо других родственников, они даются как задний свет или фон, на котором изображается робкое влечение или страстная, мрачная горечь. . . В своей структурной основе эти стихотворения утверждают власть Эроса более сложным способом, нежели любой другой жанр финской народной эпической поэзии, за исключением баллад»⁴⁸.

2.4. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, полученные для двух этих дополнительных типов сюжета модели при сравнении обнаруживают то же самое логическое отношение, что и две части рассмотренного выше (3.1) марийского «сонета». В этом случае зеркально отображающие друг друга песни охватывают первичную серию эмоциональных возможностей, включенных в отношение брак/кровное родство, т. е. любовь и ненависть. Поскольку наша теперешняя цель исключительно структурная, мы оставляем в стороне те возможные интерпретации, для которых структурный анализ — предварительный шаг.

Релевантная интерпретация должна, по нашему мнению, пойти дальше простого психоаналитического исследования; представляется, что психоанализ способен лишь указать случаи дополнительной, но не объяснить их; структурный анализ же предусматривает путь для выражения дополнительной, содержащейся в данных ситуациях, включающих психоаналитические результаты; однако уровень окончательной интерпретации надо искать и в биологии и в логике⁴⁹.

3.0. НЕУДАЧЛИВЫЙ МЕДИАТОР (МОДЕЛЬ II)

Модель II описывает многие мифы, возникшие в контексте культурных контактов. В них культурные герои терпят неудачу в своих попытках наделить собратьев технологическими новшествами или новыми типами благ. Результатом является восстановление недостатка тех вещей, которые делают слабого человека могущественным; мифы же призваны показать технические или экономические несоответствия.

Можно интерпретировать как случай успешной медиации следующий пример, если рассматривать его с точки зрения потерпевшего несправедливость персонажа. Однако частотный анализ (см. выше, 1.2.2.1) показывает, что главным действующим лицом является судья (10 встречаемостей, включая местоимения, при одной для потерпевшего несправедливость).

3.1. SAGE

В каноническом собрании финских легенд о сверхъестественном (Myyttillisiä tarinoita) Л. Симонсуури публикует следующую.

Был один судья, который всегда, если его подкупить, выносил несправедливое решение. Человек, пострадавший без вины, пожелал, чтобы черт побрал такого несправедливого судью. Случилось, что, когда судья в полночь мылся в бане, он попытался разжечь трубку, а огниво выпало у него из рук и так и не нашлось, как его ни искали. Тогда судья послал слугу за другим огнивом. Слуга пошел, но, когда он вернулся, дверь была заперта, а из бани слышались стоны. Дверь не открывалась, несмотря на все попытки. Тогда пошли за пастором, и пастор пришел, но и он не смог ничего поделать с дверью. Наконец, когда под дверью стояло уже двенадцать пасторов, дверь открылась и черт выбросил кожу судьи на сушильном песте, а судью унес с собой ⁵⁰.

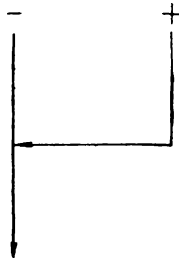
Основные признаки этой легенды следующие:

—	+
Неправедный судья Неправедное решение Желание, чтобы черт побрал судью Победа черта	Попытка 1—12 пасторов спасти судью

То есть:

-	+
—	
—	
—	
	+
	+
	+
	+
	+
	+
	+
	+
	+
	+
	+
	+
—	

В нашей финальной записи:

В виде формулы, где
термы:

a — несправедливый судья,

b — пасторы-медиаторы;

функции:

x — проклятие,

y — спасение:

$$Fx(a) > Fy\left(\sum_{i=1}^{12} b_i\right).$$

Читается: функция «проклинать несправедливость» перевешивает функцию медиаторов (пасторов) «спасение».

Снова причинно-следственная формула:

QS: Судья выносит несправедливое решение.

QR: Невинный страдает.

FS: Пожелание, чтобы черт побрал судью.

FR: Дурной поступок наказан.

Формула QS : QR :: FS : FR дает следующее чтение: если вынесенные судьей несправедливого решения приводит к тому, что страдает невинный, то пожелание, чтобы судья был наказан, т. е. взят чертом, приводит к восстановлению справедливости и, несмотря на усилия медиаторов, следует наказание за дурной поступок.

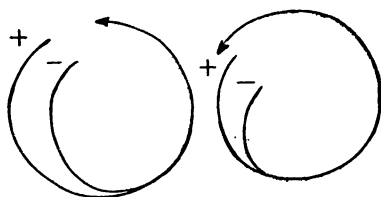
3.2. ВЗАИМОСВЯЗЬ РАЗНЫХ АСПЕКТОВ ОДНОГО ТЕКСТА

Практически нарратив, подобный этой Sage, сугубо моралистичной, «предостерегающей», не может быть прочтен изолированно от своего сообщения: мы уже установили, что разные аспекты данного текста, т. е. структурный, функциональный и т. п., именно аспекты одного текста, неразрывно поэтому переплетенные. Это, особенно в данном случае (но также и в рассмотренных выше песнях), означает, что психосоциальная функция, эмоциональная значимость текста впаяны в фольклорную структуру. Цель структурного анализа состоит в том, чтобы показать, как организовано содержание и как выражена функция, а не в том, чтобы отрицать существование функции или содержания⁵¹.

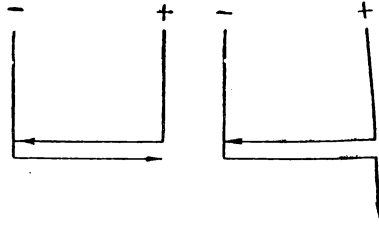
4.0. УСПЕШНАЯ МЕДИАЦИЯ: ЛИКВИДАЦИЯ ИНИЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА (МОДЕЛЬ III)

Здесь перед нами цикличная структура, отличная от спиральной структуры модели IV. В текстах типа III действие медиатора возвращает положение вещей к исходной точке после успешного сопротивления действию, приведшему сюжет в движение. В типе IV медиация не только ликвидирует инициальный конфликт, но и извлекает преимущество: то, что обеспечило медиатору его силу — словесное высказывание y в $fy(b)$, гипостазировано или воплощено в конце. Это предполагает, что в подобных текстах культурная значимость y усиливается демонстрацией могущества. В самом деле, к способности противостоять натиску противника прибавляется возможность одновременно ликвидировать его и, извлекая из этого действия большее могущество, увеличить свою значимость.

Разницу между моделями III и IV мы изображаем на следующей диаграмме (ср. выше спираль в 1.1).

Или, как мы обычно представляем с помощью графов:

И здесь мы не будем специально различать позитивные и негативные концовки, тем более что узаконена трактовка моделей с позитивными концовками как инверсий моделей с негативными концовками, и наоборот.

4.1. SAGE

Для иллюстрации модели III выбраны нарративы, классифицируемые как мифологические предания (mythische Sagen). Первое из них состоит в следующем.

«Когда стали забивать гвоздями гроб старухи из Сойдинмяки, один гвоздь погнулся. Матти, крестьянин, бросил его в ящик с гвоздями и взял другой. После этого покойница стала привидением. Ночью она в облике человека вошла в дверь. Дверь открылась и закрылась, и было слышно, как кто-то ступает по полу. Привидение в сером платье подошло к очагу, село на стул, поставило ноги на камень в очаге и стало их греть. Потом оно стало ходить по комнате, как будто что-то искало, гремело тарелками на столе, подошло к посудному шкафу и все в таком роде. После того как это происходило несколько ночей подряд, девушка Манта, которая спала в этой комнате и каждый раз видела привидение, сказала об этом крестьянину. Тот подумал: „Она, конечно, ищет тот гнутый гвоздь от гроба, что я бросил в ящик с гвоздями“. Крестьянин нашел гвоздь и вбил его в стол для покойников⁵², и привидение сразу перестало приходить»⁵³.

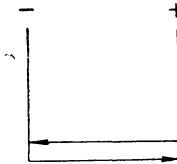
Эта Sage имеет следующую структуру:

-	+
Отобранный гвоздь Появление привидения	Гвоздь, отданный покойнице Гвоздь отдан назад Исчезновение привидения

То есть:

-	+
-	+

С помощью графов:

В виде формулы, где термины:

a — «украденное» (крестьянином),
 b — привидение (т. е. недавно умершая);

функции:

x — внесение беспокойства,
 y — установление покоя:

$$fx(a) : fy(b) :: fx(b) : fy(\bar{a}).$$

Читается: если «вносящая тревогу» функция «украденной» у покойницы собственности вызывает привидение, то «вносящая беспокойство» функция привидения вызывает возвращение собственности (ликвидацию кражи) и восстановление покоя.

Другой путь изображения формулы (см. выше, 1.1) — с включением *-«операции»:

$$fy(b) \rightarrow [fx(b)*fx(a)] \rightarrow fx(a) = 0,$$

где операция возможна благодаря амбивалентности термина b .

В виде причинно-следственной формулы:

QS: Гнутый гвоздь (уже данный покойнице) взят у нее.

QR: Покойница возвращается за своей собственностью.

FS: Гнутый гвоздь отдан назад.

FR: Привидение исчезает (т. е. равновесие).

Формула QS : QR :: FS : FR читается: если взятие собственности покойницы вызывает привидение, то возвращение собственности изгоняет привидение.

Но, как показано выше, эта формула, однако, не описывает процесса медиации.

4.2. SAGE

Другой пример для иллюстрации нашей модели III — другая Sage.

«В Илъярви у одного человека украли сапоги. Этот человек пришел к ворожею, старику Тилли в Куру. Старик велел ему принести водки. Водка самого ворожея не помогала. Тогда ворожей показал ему изображение вора в бутылке со спиртным. Вдобавок он взял свежую зеленую ветку, связал ее узлом и сказал: „Через три дня вор принесет тебе твое добро назад“. На третий день вор прибежал бегом, чтобы вернуть сапоги, и был в таком страхе, что еще издали стал кричать: „Где здесь Вялти? Где Вялти?“ Хозяина сапог звали не по-нашему, но его обычно называли Вялти»⁵⁴.

Структура этой Sage следующая:

-	+
Сапоги украдены	Помощь ворожея Сапоги возвращены

То есть:

-	+
	+

С помощью графов:

В виде формулы (в этом примере медиатор, конечно, ворожей, поэтому), где

термы:

a — кража,

b — ворожей;

функции:

x — нанесение ущерба,

y — помощь:

$$fx(a):fy(b)::fx(b):fy(\bar{a}).$$

Читается: функция кражи «нанесение ущерба» относится к функции ворожея «помощь» как функция ворожея «нанесение ущерба» (по отношению к краже) к функции ликвидированной кражи «помощь».

Такой тип концовки, который состоит в простой ликвидации инициальной недостачи или в простом восстановлении, иной, чем тип концовки, предполагающий увеличение. Ведь результат с переменной предполагает, что в финале осуществляется ликвидация плюс выигрыш (или, лучше, ликвидация — фактор выигрыша).

В причинно-следственной раме:

QS: Сапоги украдены у их хозяина.

QR: Хозяин ищет сапоги.

FS: Ворожей опознает вора и вынуждает его вернуть сапоги.

FR: Сапоги возвращены (равновесие восстановлено). Читается: если кража приводит к тому, что хозяин ищет свои сапоги, то помощь ворожея приводит к восстановлению равновесия.

4.3. МАГИЯ

4.3.0. Заговор как элемент врачевания

Приводимый здесь марийский заговор представляет собой интересный случай, который может быть использован как пример холистического приложения нашего бинарного анализа к магическому действию. Текст заговора следующий:

Как яблоня расцветет, так пусть эта рана заживет!

(Должно быть перечислено все, что расцветает.)

Когда вода сможет расцвести, только тогда меня переборят! ⁵⁵.

4.3.1. Анализ Себеока

Структурный анализ Себеока может быть суммирован следующим образом: утвердительная часть заговора, включающая металингвистическое предложение, которое выше дано в скобках, формализована с помощью символической логики.

Таким образом:

$o \equiv$ цветущее дерево,

$o_1 \equiv$ цветущая яблоня,

$s \equiv$ императивные составляющие «действие-действие», так что $o \supset s$ выражает структуру первой части заговора, т. е. «если o , то s » или « o имплицитно s », что является утверждением «в высшей степени вероятного случая».

Тогда, следовательно, первая часть заговора читается:

$$\begin{aligned} o_1 &\supset s, \\ o_2 &\supset s, \\ o_n &\supset s \text{ и вообще} \\ O &\supset S. \end{aligned}$$

Отрицательная часть заговора, т. е. его последнее предложение, которое выражает «в высшей степени невероятный случай», будет соответственно читаться:

$$\bar{O} \supset \bar{S} \text{ (не } O \text{ имплицирует не } S\text{)}.$$

По словам Себеока, все первое предложение можно теперь выразить в терминах простой бинарной пропозициональной операции, а именно импликации, т. е. $o_1 \supset s$. С помощью дополнительного символа, а именно точки для выражения конъюнкции, вся первая непосредственная составляющая, т. е. первое и второе предложения вместе, может быть выражена как: $(o_1 \supset s) \cdot (o_2 \supset s) \cdot (o_3 \supset s) \dots (o_n \supset s)$, но это эквивалентно (символ $\equiv$) $(o_1 \cdot o_2 \cdot o_3 \cdot \dots \cdot o_n) \supset s$; и, поскольку $o_1 \equiv O$, $o_2 \equiv O$, $o_3 \equiv O \dots$, $o_n \equiv O$, и поскольку, кроме того, $s \equiv S$, мы приходим к выражению $O \supset S$. Последнее рассматривается как эквивалентное по определению [первой] последовательности.

Внутренняя структура составляющей «деятель-действие» является придаточным предложением ко второму, т. е. предложение «. . . вода может расцвести» весьма сходно с внутренней структурой моделирующей составляющей «. . . яблоня расцветет» первого предложения. Однако две составляющие не абсолютно идентичны. Здесь мы должны вернуться к мотиву «в высшей степени невероятного случая», о котором говорилось в этой работе ранее. Следует отметить, что утверждение, подобное «. . . яблоня расцветет», истинно; это значит, что яблони действительно расцветают. Напротив, утверждение «. . . вода может расцвести» на основании повседневного опыта ложно, т. е. на самом деле вода не расцветает. Глагол «может» является лингвистическим способом сигнализации разницы между двумя составляющими по значению истинности. Пусть знак — означает крайнюю невероятность того, что вода расцветает. Составляющая (. . .) тогда может быть обозначена через $\bar{o}$.

Все последнее предложение целиком может быть теперь выражено в терминах той же операции — импликации, как и все предыдущие предложения, т. е. $\bar{o} \supset \bar{s}$. Поскольку $\bar{o} \equiv O$ и, кроме того, $\bar{s} \equiv S$, мы приходим к выражению $O \supset S$. Последнее рассматривается как эквивалентное по определению [второй] последовательности⁵⁶.

4.3.2. Дополнительный анализ

Таким образом, вслед за Себеоком можно сказать, что $\bar{o} \equiv O$ и $\bar{s} \equiv S$ (см. ниже, в этом разделе). Но $\bar{o} \supset \bar{s}$ не может соответствовать негативной части заговора, поскольку в принятой системе формализации оно может означать лишь: «Если фруктовые деревья не расцветут, тогда не будет исцеления». В таком случае заговор следует рассматривать как состоящий из двух эксплицитных утвер-

ждений и двух эллипсисов. Тогда он будет читаться так (эллипсисы даны в квадратных скобках):

Как яблоня расцветет, так пусть эта рана заживет!

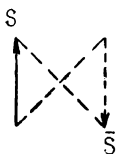
[Как яблоня не расцветет, так пусть эта рана не заживет.]

Когда вода сможет расцвести, только тогда меня переборят!

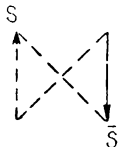
[Когда вода не сможет расцвести, только тогда меня не переборят.]

Итак, перед нами два утверждения, являющиеся дополнительными, но не прямо, как утверждает Себеок, а лишь косвенно, поскольку ни негативное дополнение первой части, ни позитивное второй в тексте не даны. Именно благодаря эллипсисам они усиливают свое единство, более яркое, чем просто при избыточном нанизывании фраз.

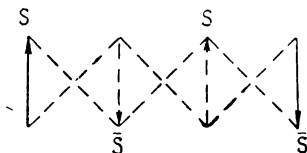
Эту логическую структуру можно изобразить с помощью графов. Первая часть и дополнительный эллипсис:

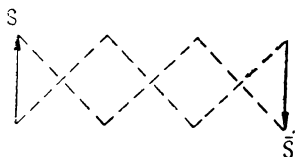
Второй эллипсис и дополнительная часть:

Заговор, эксплицированный полностью:

Заговор, как он есть:

Первое эксплицитное утверждение может быть, кроме того, корректно формализовано через $O \supset S$. Поскольку $\bar{o} \supset \bar{s}$ не может репрезентировать последнюю строку, для «Когда вода сможет рас-

цветсти» должен быть введен дополнительный символ, который мы обозначим через p . Теперь согласимся с Себеоком, что «меня переборят» эквивалентно «пусть эта рана не заживет», что не обязательно так (см. в этом же разделе далее). Тогда мы можем переписать формализацию так:

$$O \supset S \text{ и } P \supset \bar{S}.$$

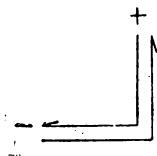
Из этого видно, что $O \supset \bar{P}$, т. е. что заговор опирается на культурную аксиому: в отношении расцветания дерева находятся в дополнительном распределении с водой. Подобные дополнительные распределения могут быть рассмотрены на материале марийского фольклора, причем анализ дает ограниченное число культурных параметров.

Теперь мы, вероятно, более отчетливо видим, что заговор двумя разными способами выделяет одну и ту же позитивную концовку и избегает плоской избыточности. Начиная с позитивного утверждения «как... так и», он кончает отрицанием («когда... только тогда») негативного высказывания («переборят меня»), чья функция — подтверждение предыдущего. Установленное между двумя такими дополнительными утверждениями отношение усиливает однонаправленность этого структурного типа: он состоит в (1) утверждении и (2) отрицании своей инверсии, так что финальная цель однозначна. Этот процесс является не медиацией, а соположением, выделяющим определенную оппозицию, один полюс которой имплицитно ликвидирует ее.

Если сравнить этот тип структуры с теми, которые приводились как примеры нашей модели I, результат будет следующий (см. также 4.4). В модели I мы имеем дело с одним субъектом при двух противопоставленных функциях, медиацию между которыми он не может осуществить, например певец, который хочет остаться, но должен уйти, или любовь и ненависть певца; в заговоре мы имеем единственную функцию, S , подчеркнутую противопоставленными утверждениями, одно из которых невозможно. Случаи модели I соответствуют следующему графу:

в то время как заговор должен быть представлен так:

Модель I кончается эмфатическим выделением одного из членов оппозиции; в заговоре эмфатически передается разрешение оппозиции исцеления. Но каким же образом в нем достигается S — разрешение? С помощью самого текста, в котором одно и то же выражено двумя противопоставленными, но в конце сходящимися способами. Что это: процесс медиации или только дублирование утверждения? И если здесь медиация, то чем она достигается?

Мы подчеркнули выше (4.0), что существует разница между текстом, кончающимся простой нейтрализацией инициального конфликта, и текстом, кончающимся улучшением инициального статуса. Что же является результатом заговора: только ли восстановленный статус здоровья (зажившая рана) или нечто большее, чем это, например, усиление власти врачавателя над ранами (раны никогда не смогут перебороть его)?

Пусть дана первая интерпретация, и заговор, интерпретируемый в данном случае как осуществляемый врачомателем процесс медиации, примет тогда следующее выражение:

$$fx(a) : fy(b) :: fx(b) : fy(\bar{a}).$$

С другой стороны, если вторая интерпретация корректна, он будет читаться как:

$$fx(a) : fy(b) :: fx(b) : fa^{-1}(y).$$

Эта вторая интерпретация побуждает рассматривать заговор в рамках теории мифа, согласно которой концовка модели IV увеличивает социальный престиж медиатора, субстанцифицируя его, как здесь, с помощью той самой силы (в качестве словесного высказывания), которой он противопоставлял свое собственное могущество (см. выше, 1.1). Средним термом является, таким образом, врачеватель, поскольку он выполняет «позитивную» функцию (усиливая при этом магическую метафору «расцветание — здоровье»), а затем и «негативную» (усиливая заклинание ликвидацией негативного воздействия раны). Чтение формулы, где

термы:

a — рана,

b — врачеватель (ворожей);

функции:

x — вред,

y — исцеление:

$$fx(a) : fy(b) :: fx(b) : fa^{-1}(y), \text{ или } fy(\bar{a}),$$

таково: «вредящая» функция раны относится к «исцеляющей» функции ворожее как «вредящая» (по отношению к ране) функция ворожее к $[fa^{-1}(y)]$, всегда «ликвидирующей рану» функции исцеления, или как $[fy(\bar{a})]$ — к «исцеляющей» функции ликвидированной раны.

И снова, без эксплицитного соотношения с процессом медиации, мы можем выразить текст в виде следующей формулы:

QS: Исцеляющее заклинание.

QR: Начало позитивного процесса.

FS: Заклинание.

FR: Конец процесса в финальном статусе.

QS : QR :: FS : FR

В упрощенном чтении первая половина формулы соответствует нормальному природному статусу, в котором царит равновесие, т. е. расцветают деревья и кровь не льется; вторая половина соответствует невероятности аномального статуса природы, в которой естественный порядок перевернут, т. е. вода может расцветать, а кровь проливаться и не в связи со смертью⁵⁷.

4.3.3. Импликации к анализу ритуалов

Интерпретация с привлечением медиации вносит интересную проблему оппозиции существа заговоров другим фольклорным текстам. В нашем анализе медиатор (врачеватель) находится вне текста, если только мы не обнаружим его в тексте в конце, когда он говорит: «. . . только тогда меня переборят». С другой стороны, если считать, что в самом тексте его нет, возникает вопрос, нельзя ли структурно анализировать обряды, учитывая только их *Sitz im Leben*. Тогда это соответствовало бы определению фольклора, данному нами выше (0.1 и 0.2).

Структурный анализ пережитков, или реликтов, актуальный контекст которых невозможно выяснить, сложен, если корректна наша предшествующая формализация. С другой стороны, вполне возможно, начав просто с текста, прийти к реконструкции необходимого контекста (как мы попутно сделали это ранее).

В порядке проверки гипотезы следует проанализировать тот же самый заговор вне связи с ворожеем-медиатором, т. е. не по Себеоку (4.3.2). (Не введет ли эта гипотеза заговоры в категорию лирического жанра?⁵⁸.) Как бы то ни было, начать необходимо с разрешения двух серьезных трудностей.

(1) И рана и исцеление даны в тексте так, что из этого необходимо следует использование заговора как средства исцеления; другими словами, он динамичен по своей природе и состоит, в сущности, из процесса, замыкающегося не на нем самом (как в случае нарратива), а на пациенте, над которым он «осуществляется», т. е. произносится. Тогда $fy(\bar{a})$ или $fa^{-1}(y)$ надо искать в пациенте⁵⁹. Говоря структурно, текст предполагает как позитивный и негативный полюсы бинарной системы, так и их соположение; однако ликвидация негативного термина и его преобразование в функцию содержится в записанном тексте лишь имплицитно.

(2) Глагольные наклонения в этом заговоре дают ясное указание на императивный характер текста. Это означает, что текст предназначен для произнесения, что необходимо имплицитно ворожею. Иными словами, в отличие от других нарративов, относительно самодостаточных, заговоры и ритуалы не дадут как нормальные записи текстов достаточной для анализа информации. Это может показаться слишком вольным обобщением, однако возможно указать следующее различие между нарративами (т. е. Märchen, Sage, баллада и прочие эпические песни) и заговорами: первая группа может быть названа «исторической» и «объективной» и передает драматическое событие, не прибегая к «живому» участию либо рассказчика, либо аудитории; вторая группа «актуальна» и «субъективна» и заставляет обоих принимать участие в драматическом акте — исполнителя активно, аудиторию хотя бы пассивно. Другими словами, если мы начнем (предположительно) с инициальной оппозиции, разница между нарративом и обрядом будет в том, что в первом оппозиция разрешена заранее, а во втором задача поставлена самой ситуацией и ее ожидаемое разрешение, даже если оно, как в загадках⁶⁰, всегда одинаково (см. 9.8), принадлежит исполнителю.

4.4. ТРИ ПЕРВЫЕ МОДЕЛИ

Кажется целесообразным, прежде чем перейти к последней нашей модели, бросить взгляд на пройденное.

Модель I состоит из соположения отношения A в противопоставлении к своему «дополнению» $\bar{A}$ (кавычки показывают, что это не обязательно действительно логическое дополнение). Она описывает единственную корреляцию $A : \bar{A}$.

Модель II на поверхностном уровне принадлежит к тому же типу, что и модель I. Существенная разница между ними состоит в том, что отношение между A и его «дополнением» $\bar{A}$ (в финале отсутствующим) совмещается посредством производимой неудачливым медиатором операции. Модель II, следовательно, описывает (1) первую корреляцию $A : \bar{A}$; (2) вторую корреляцию $A : B$ и (3) упорядоченное отношение $A > B$, поскольку $x > y$ в

$$fx(a) : fy(b).$$

Модель III описывает те же две корреляции — $\bar{A} : A$ и $A : B$, но здесь упорядоченное отношение является инверсией отношения в модели II с точки зрения равновесия вступающих в конфликт сил, поскольку мы имеем $A < B$. В итоге $fx(a) = 0$, так как по ходу действия x нейтрализовано y .

И, наконец, в модели IV, как мы сейчас увидим, описываются те же две корреляции, что и в моделях II и III. Упорядоченное отношение то же, что и в модели III, т. е. $A < B$. Однако разница между моделями III и IV заключается в том, что между A и B существует

отношение «гораздо больше, чем», $A \ll B$, вследствие чего гипотезируется могущество B .

Описание наших моделей суммируется с помощью следующих упрощений:

Модель I $A : \bar{A}$

Модель II $A > B \rightarrow A$

Модель III $A < B \rightarrow \bar{A}$

Модель IV $A \ll B \rightarrow B$

**5.0. УСПЕШНАЯ МЕДИАЦИЯ:
ЛИКВИДАЦИЯ ИНИЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА
КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ
ИНИЦИАЛЬНОГО СТАТУСА (МОДЕЛЬ IV).**

Примеры модели IV, единственной бесспорно совпадающей с формулой Леви-Строса, взяты из разных фольклорных жанров, а именно: Schwank, мифа, Sage и загадки.

5.1. SCHWANK

Для жанра Schwänke возьмем цикл, ранее рассмотренный Кёнгас⁶¹. Все варианты этого цикла построены по совершенно однотипной модели; поэтому, избегая повторений, мы разберем здесь только два из них. Начнем с типа 1560:

«Вот однажды хозяин и работник принялись за еду, когда и соседи тоже ели. И вот хозяин говорит: „Давай сделаем вид, что едим, а есть не будем“. Работник согласился, а потом, когда они пришли на поле косить, работник снял с косовища лезвие и сказал вот так: „Теперь давай сделаем вид, что косим, а косить не будем“»⁶².

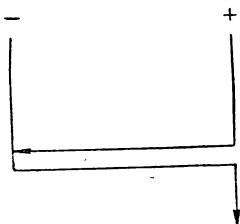
Структура текста такова:

—	+
Хитрость хозяина Уступка работника	Контрхитрость работника

То есть:

—	+
—	+

В виде графов:

В виде формулы, где
термы:

a — хозяин,
 b — работник;

функции:

x — притворство,
 y — согласие на притворство.

Формула $fx(a) : fy(b) :: fx(b) : fa^{-1}(y)$ дает следующее чтение: если притворство хозяина приводит к согласию работника на притворство, то притворство работника приводит к перемене функции хозяина на «согласие на притворство».

Кладя в основу анализа причинно-следственные единицы, получаем:

QS: Хозяин обманывает.

OR: Работник обманут.

FS: Работник обманывает.

FR: Хозяин «расплачивается».

Формула $QS : OR :: FS : FR$ читается: если обман, совершаемый хозяином, приводит к тому, что работник обманут, то обман, совершаемый работником, приводит к тому, что хозяин расплачивается.

Благодаря простоте нашего Schwank ясно видно, как происходит в нем взаимодействие структуры и других аспектов фольклорного текста. Что касается того, почему в качестве термов выбираются *dramatis personae* текста, как таковые, то следует сказать, что эти Schwänke сами по себе уже настолько абстрактны, что их действующие лица — не конкретные персонажи (с именами или личными характеристиками), а лишь социальные роли, и то только в противопоставлении друг другу. Кроме того, инициальная оппозиция дается в тексте ни для чего другого, кроме как для сообщения минимума информации о задаче; если мы обозначим притворную еду через P_1 , а притворную работу через P_2 , мы сможем пересказать весь текст без изменений в том виде, который, как таковой, и является его структурной схемой. Другими словами, мы имеем дело с редким случаем построения фольклорного текста на минимуме содержания, нужном лишь для прикрытия структурного каркаса. Благодаря той же простоте столь очевидна психосоциальная функция этих Schwänke: она состоит лишь в том, что хозяин «расплачивается», наказанный

своим же собственным оружием, а поскольку социально он выше, его падение сильнее, чем у работника, — тот не мог упасть, потому что он и так уже внизу. Что касается стиля, можно заметить в качестве возражения Леви-Стросу, считающему, что жанр, к которому неприменима поговорка «traduttore traditore»*, — это миф; именно данный цикл Schwänke соответствует этому в гораздо большей степени, чем любой миф; Schwank так легко переводим как раз потому, что его содержание сведено к минимуму, а стиль — к наибольшей возможной простоте, т. е. потому, что в этих Schwänke вряд ли есть что-нибудь, кроме базисной структуры.

5.2. SCHWANK

Возьмем другой пример, из того же цикла. Этот Schwank принадлежит к типу 1561:

«Однажды хозяин с работником завтракали, и хозяин сказал так: „А что, если нам сразу съесть столько, чтобы не надо было приходить обедать?“ А работник был очень. . . „Ладно, давай поедем. А не лучше ли тогда заодно и поужинать, чтобы уж больше не беспокоиться?“ — сказал работник. Ладно, хозяин был этим очень доволен, а после того как поели, работник забрался в постель; хозяин сказал работнику: „Ты что это делаешь?“ А работник сказал так: „А что, разве после ужина не ложатся спать?“»⁶³.

Легко увидеть здесь точно такую же структуру, как и в предыдущем тексте; мы можем (и даже должны) расположить его составляющие таким же образом.

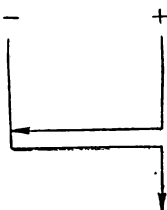
—	+
Хитрость хозяина Уступка работника	Контрхитрость работника Уступка хозяина Юмор работника

То есть:

—	
—	
	+
	+
	+

* Переводчик-предатель (примеч. пер.).

В виде графов:

По формуле Леви-Строса мы можем выразить термы и функции этого текста следующим образом:

термы:

a — хозяин,
 b — работник;

функции:

x — обманывать,
 y — быть обманутым.

$$fx(a) : fy(b) :: fx(a) : fa^{-1}(y).$$

Чтается так: если обман со стороны хозяина приводит к тому, что работник обманут, то обман со стороны работника приводит к перемене функции хозяина — он обманут.

В рамках причинно-следственной формулы:

QS: Хозяин обманывает.

QR: Работник обманут.

FS: Работник обманывает.

FR: Хозяин расплачивается.

Чтение формулы см. в 5.1.

В формуле значимо, что конечный результат больше простой ликвидации квазирезультата, который заключается лишь в том, что хозяин обманут. На самом деле финал этого Schwank несет весьма существенное сообщение: отрицание власти, причем власти, основанной на социальном преимуществе. В морали «обманщик обманут, а его социальный статус разрушен» содержится показатель эмфазы. Вот почему для выражения эмфазы нарративных элементов нужно нечто большее, чем линейная формула. И именно здесь, в последнем члене нашей формулы, обнаруживается ячейка для психосоциальной функции текста: это $fa^{-1}(y)$, показывающая, что и работник может возвыситься над хозяином, заставив его занять более низкое положение, чего тот не может избежать, поскольку сам подготовил его своим обманом.

5.3. SCHWÄNKE И ЗАГАДКИ

Рассмотренные выше (5.1 и 5.2) Schwänke и весь цикл в целом являются нарративами, построенными на некоей задаче. Эта задача может быть представлена в виде загадки:

Что социально ниже и все-таки выше? (*Более высокий интеллект.*)

Можно далее составить на основе этого цикла и более специальные загадки:

Тип 1560: Как работник может отплатить хозяину за его хитрость с притворной едой? (*Притворной работой.*)

Тип 1561: Как работнику выйти из положения, когда хозяин экономит еду и время, объединяя завтрак с обедом? (*Присоединив к нему ужин, чтобы таким образом дойти до конца рабочего дня.*)

1565*: Как может работник «отплатить» хозяину, если тот заставляет его преувеличить размер рыбы? (*Заставив хозяина преувеличить хищность кошки.*)

1567*: Как работнику пожаловаться на недостаток еды? (*Выдумав «вестника».*)

1568: Как работнику получить кусок мяса, если хозяин притворяется, что он поворачивает тарелку, чтобы она не разбилась: (*Поворачивая ее дальше, т. е. используя ту же хитрость, пока он не доберется до мяса.*)

Если загадки такого рода могут коррелировать с реальными нарративами, то загадки и нарративы являются трансформациями идентичных базисных структур.

5.4. МИФ

Мы выбрали миф «Нырлящик за землей», мотив А 812, хороший репрезентативный вариант которого взят нами из обобщающей статьи Кёнгас⁶⁴, содержащей некоторое число полных вариантов мифа и анализ основных его составляющих. Данный вариант предлагается как один (но не единственный) возможный пример.

Некогда вся земная твердь была покрыта водой, и ничего живого на ней не было, кроме орла и ворона. На поверхность водной глади был брошен обломок дерева, и на нем птицы обычно сидели и разговаривали. В конце концов им наскучило одиночество, и они вдвоем сумели создать утку, которая плавала вокруг дерева. Однажды утка нырнула на дно и вынесла в клюве немного земли. Это показалось орлу и ворону вещью удивительной и заслуживающей внимания, потому что они никогда не видели ничего подобного. Поскольку им очень уж надоело сидеть только на бревне, а принесенный грунт показался заслуживающим внимания, они договорились заставлять утку все время нырять за ним, но не смогли прийти к соглашению, куда класть землю. Поэтому они разделили мир на две части⁶⁵.

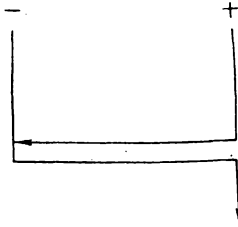
Суть мифа была удачно изложена Э. Уилер-Вёгелин: «... у культурного героя есть определенный набор животных, которые ныряют в первобытные воды и приносят немного грунта или песка, чтобы сделать из этого земную твердь»⁶⁶.

—	+
Вода (необитаемая=не-земля)	Творец Помощник Земля

То есть:

—	+ + +
---	-------------

В виде графов:

В виде формулы, где термины:

a — вода (почти универсально),

b — первосущество и его помощник (т. е. «не-ныряльщик» и «ныряльщик», вместе составляющие творца);

функции:

x — не-твердь (не-обитаемость),

y — твердь (обитаемость):

$$fx(a) : fy(b) :: fx(b) : fa^{-1}(y).$$

Читается: функция «не-твердь» практически универсальной воды относится к функции «твердь» творца (способность к жизни на воде) как функция «не-твердь» творца (способность к нырянию) к превращению воды, что приводит к обитаемости⁶⁷.

В причинно-следственной раме:

QS: Вода и беспомощное первосущество.

QR: Земля не создана (одиночество, тоска и подобн. первосущества).

FS: Использование ныряльщика за землей, приносящего землю.

FR: Сотворение мира.

Итак, формула QS : QR :: FS : FR опять выражает инициальную ситуацию нарратива с двумя его первыми членами: третий — «разрешение» нарратива, т. е. поворотный момент, а последний член формулы выражает результат.

И здесь снова обнаруживается, что финальный результат больше простой ликвидации инициальной ситуации: в начале есть только вода (исключая бревно или другую минимальную подставку для первосущества), в конце же есть и земля и вода, причем последняя находится в подчиненном положении в том смысле, что творец может увеличивать или уменьшать ее количество по своему усмотрению. Роль медиатора в этом мифе состоит в разрешении первоначально неразрешимой задачи «переворачивания дна».

И опять в последнем члене формулы перед нами ячейка для психосоциальной функции. Более точно: она всегда находится в последней функции. В мифе о ныряльщике за землей психосоциальная функция призвана объяснить, как образовался мир в его теперешнем виде (с помощью превращения первозданных вод). В Schwänke, разобранных выше и естественно представляющих собой нарративы совершенно иного рода, ячейки заполняются другим сообщением (перемена социально высокого статуса).

5.5. SAGE

Следующая Sage — длинная, с повторениями и при этом обладающая всеми признаками настоящей сказки; нет нужды говорить, что эта Sage служит прекрасным примером того, что для структуры текста совершенно нерелевантен аспект его длины.

«Жила-была однажды бедная женщина. Ее единственная корова потерялась в лесу. Целый день искала женщина корову, но не нашла ее. На другой день она в большом огорчении опять отправилась за своей пропавшей коровой. Женщине повстречался черт в человеческом обличье и спросил, что у нее за беда. Женщина отвечала, что потеряла корову и так и не нашла ее. Черт сказал женщине: „Если через пятнадцать лет отдашь мне то, что носишь под передником, найдешь свою корову“.

Женщина потрогала передник, а под ним был ключ от амбара. Она пообещала отдать то, что носит под передником, лишь бы нашлась корова. И пропавшая корова тут же нашлась. Женщина отправилась домой. А дома она поняла, что тот человек просил у нее не ключ от амбара, а ребенка, которого она носила, потому что она оказалась беременна. И еще она поняла, что это был не обычный человек, а черт.

После рождения сына женщина загоревала. Она растила его до пятнадцати лет. Приближался роковой срок. Сын спрашивал у матери, что она все плачет и мучается. Мать рассказала сыну, что еще до его рождения она по ошибке пообещала его черту. Мальчик попросил мать не тревожиться и отправился к пастору. Выслушав его рассказ, пастор сказал, что это дело серьезное, и велел мальчику прийти к нему за три дня до пятнадцатилетия.

Когда настал срок, мальчик, как ему было приказано, пришел домой к пастору. Тот повел его вечером в церковь, поставил перед ал-

тарем, дал в руки вино и освященный хлеб и велел давать это каждому, кто придет за ним и в точности скажет молитву.

Ночью черти пришли за мальчиком, но, не зная нужных слов, не смогли его увести.

Вечером второго дня пастор опять оставил мальчика на ночь в церкви и сделал все, как и в предыдущую ночь. Самые разные черти пришли за ним, но он не ушел, потому что они не знали нужных слов. Наутро пришел пастор и увел мальчика из церкви. На третью ночь пастор привел мальчика в церковь, сделал все так же, как накануне, и велел мальчику ждать, пока он сам за ним не придет.

Снова разные черти пришли за мальчиком. Один даже явился под видом его матери и просил его выйти, но мальчик остался. Наконец пришел черт в обличье пастора, начал читать „Плоть Господа нашего. . .“ и пропустил имя Спасителя, почему мальчик и понял, что это был не пастор.

Наутро сам пастор пришел за мальчиком и прочел молитву полностью, так что мальчик понял, что это был настоящий пастор, и решил выйти из церкви. Он вернулся домой, а у черта больше не было власти над ним»⁶⁸.

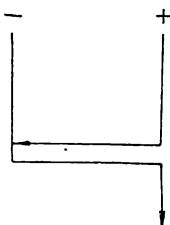
Структура Sage может быть описана следующим образом:

—	+
<p>Бедная женщина теряет свое единственное имущество,</p> <p>но душа ее ребенка погублена</p>	<p>Черт предлагает продолжение земной жизни</p> <p>Помощь пастора Мальчик спасен</p>

То есть:

—	+
—	+
	+

В виде графов:

В виде формулы, где
термы:

a — власть черта,

b — власть бога (представленная пастором);

функции:

x — земная жизнь,

y — вечная жизнь:

$$fx(a) : fy(b) :: fx(b) : fa^{-1}(y).$$

Читается: на первый взгляд власть черта распространяется на земную жизнь человека, а в функции бога входит только вечная жизнь, но если человек понимает, что бог помогает в земной жизни, власть черта уничтожается и достигается вечная жизнь.

В причинно-следственной раме:

QS: Женщина обещает отдать то, что она носит под передником.

QR: Пропавшая корова нашлась, но тем самым черту обещана душа.

FS: Черту не отдают мальчика.

FR: И собственность сохранена, и душа спасена.

Формула $QS : QR :: FS : FR$ читается: помощь черта работает на мирской выигрыш, но на потерю в вечности, в то время как помощь бога работает на выигрыш и в мирском и в вечном.

Медиатором в этом нарративе является священник; примечательно, что он использует в качестве магических средств сакральные объекты и что эта Sage практически совпадает с Märchen типа 330. Интересно, насколько незначительна разница между жанрами и насколько глубоко, по крайней мере для некоторых случаев, она зависит от психосоциальной функции. Очевидно, что структурно не имеет значения, кто и как обманывает черта, однако при классификации текстов такого рода это начинает играть роль различительных признаков: пастор и сакральные объекты (вино, хлеб) характеризуют тексты, относимые к Sagen, а «светский» герой и его магические средства (три желания) — к Märchen⁶⁹. В этом специальном случае даже сама психосоциальная функция завуалирована; Sage сохраняет магические черты, в частности использование алтаря и сакральных объектов; проблема же сказки заключается в том, что герой, напри-

мер, был обещан дьяволу, а в итоге оказывается на небе, т. е. душа его спасена, и «у дьявола больше не было власти над ним», говоря словами разобранной здесь Sage.

5.6. SAGE

Следующий наш пример модели IV — зеркальное отражение предыдущей структуры. Разбирается еще одна Sage.

«Работнику крестьянской усадьбы, когда он пошел косить, досталась очень плохая коса. Он стал косить, но она едва шла, хотя точил ее он очень старательно. В конце концов к обеду он потерял терпение, отшвырнул косу к забору и разразился проклятиями: „Тысяча чертей пусть точит эту косу, а с меня хватит“ — и пошел домой обедать. По дороге ему встретились люди, бежавшие что было сил; у каждого под мышкой было по половине точильного камня. Каждого он спрашивал: „Вы куда?“ И все отвечали: „Точить, точить надо, чтобы набралось нужное число“. Работник задумался, чем же это кончится, — уж слишком много народу отправлялось на луг.

Когда работник пообедал, у забора была хорошо наточенная коса. Он начал косить, и трава срезалась так легко, в один миг. „Вот это настоящая работа“, — подумал про себя работник.

А когда потом, через некоторое время, он оглянулся, то, к своему удивлению, обнаружил, что вся трава стояла, ни стебелька не было срезано. В недоумении он посмотрел на косу и увидел, что от нее не осталось ничего, кроме пятки, — так точильщики наточили ему косу»⁷⁰.

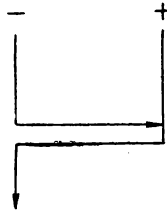
-	+
Плохая коса Проклятие, т. е. призывание на помощь черта Реальные дей- ствия чертей: фи- нальный статус хуже инициа- льного	Мнимая помощь

То есть:

- - -	+
-------------	---

В виде графов:

В виде формулы, где
термы:

a — коса,
 b — черти;

функции:

x — несоответствие,
 y — ложная помощь.

Формула $fx(a) : fy(b) :: fx(b) : fa^{-1}(y)$ дает тогда следующее чтение: несоответствие косы относится к ложной помощи черта как несоответствие черта (как помощника) к испорченной косе, в которой материализуется ложная помощь. В упрощении: помощь чертей приводит к полной порче инструмента.

В причинно-следственной раме:

QS: Призывание чертей на помощь (проклятие).

QR: Черти приходят точить косу.

FS: Черти чрезмерно затачивают косу.

FR: Работа не сделана, инструмент испорчен.

Медиатор в этой Sage — «тысяча чертей», под видом помощи портящих инструмент.

5.7. ЗАГАДКА

Следующий наш пример — структурный анализ загадки, призванный показать разнообразные возможности нашего подхода.

Загадка такая:

Глаза есть, а видеть не может. Что это? ⁷¹.

Эта загадка может быть проанализирована следующим образом.

Термы:

a — глаза однозначно (в «нормальном», «буквальном» значении),
 b — глаза многозначно (в любом значении);

функции:

x — может видеть,
 y — не может видеть.

Формула $fx(a) : fy(b) :: fx(b) : fa^{-1}(y)$ дает следующее чтение: однозначный «глаз» может видеть, а многозначный «глаз» может не видеть, но многозначный «глаз» может видеть так, что в конце концов амбивалентное значение «глаза» обеспечивает «не может видеть».

Значит, если мы примем «невидение» как метафорическую функцию глаза, то увидим, что образ загадки распространяется на три первых члена формулы, а ответ содержится в последнем члене. Поскольку ответ состоит в отрицании однозначности понятия, любой ответ, дающий его метафорическую интерпретацию, будет правилен. Следовательно, на разных языках можно подставлять разные ответы, лишь бы они давали метафорические значения слова «глаз» (и его перевода). Представляется, что загадки такого рода действительно интернациональны: ноги, которые не ходят (ответ: *стол, скамья* и т. д.); уши, которые не слышат (*у лохани* и т. д.); ходьба или бег без ног (часы) и подобные встречаются во многих традициях; и всегда эти загадки обеспечиваются возможностями конкретного языка. Наш пример, однако, направлен не на то, чтобы разрешить проблему структуры всех загадок, а лишь на то, чтобы показать возможность использования структурных формул, описывающих нарративы, и для описания некоторых загадок. Наблюдение такого рода — что разные жанры соответствуют идентичным структурам — заслуживает дальнейшего исследования.

В причинно-следственной раме:

QS: Первое общее предположение — глаза видят.

QR: Подходящего ответа нет.

FS: Есть глаза иные, чем «буквальные».

FR: Ответ — метафорические глаза, т. е. отрицание функции «видения» как необходимого критерия для глаз. Медиатором в этой загадке является, конечно, понятие глаз, способное включить в себя обе функции, обозначая «глаза» в «холистическом» смысле, т. е. в любом возможном значении.

6. ПОСЛОВИЦЫ

И, наконец, простейшая структура бинарных отношений иллюстрируется небольшим числом пословиц.

Алан Дандис дал интересный анализ пословиц, определенных им как пословицы равенства и обозначенных через $A=B$. Наши примеры взяты из его статьи, но приведены в ином порядке: мы не распределяем их дидактически, а даем сразу в соответствии с избыточностью термов и типов равенства⁷².

I. «Дело есть дело»;

«Довольно значит довольно»;

«Мальчики есть мальчики».

II. «Вскипятить кофе — испортить кофе»;

«Друг в нужде — друг наверняка»;

«Единственный хороший индеец — мертвый индеец».

III. «Увидеть — значит поверить»;

• • • • •

- «Время — деньги».
- IV. «Хорошая рука — хорошая плата»;
«Первым пришел, первым получил»;
«Чем скорее, тем лучше».
- .....
- V. «Нашедшие хранят, потерявшие плачут».
- VI. «Служба — не наследство»;
«Справедливый обмен — не грабеж».
- VII. «Полбулки лучше, чем ничего»;
«Две головы лучше, чем одна»;
«Любитель рассказывать хуже вора».
- .....

Проведем формализацию:

- I. $X^A = X^A$.
 II. $X^A = Y^A$.
 III и IV. $X^A = X^B$.
 V. $(X^A = Y^A) + (Y^{-B} = Z^B)$.
 VI. $X^A \neq X^B$.

VII. $X^A \geq Y^B$ (где B может быть равным A , там X и Y дают ему его значимость).

Таким образом I, II и VII, с одной стороны, и III—VII — с другой, различаются по избыточности термов, а I, II—V и VII являются четырьмя разными типами уравнений. Оставив в стороне этот «квантитативный» аспект, весь ряд можно представить неспецифицированным отношением A/A' , которое является самой элементарной реляционной структурой.

7. ПОВЕРЬЯ

В своей публикации поверий Алан Дандис ⁷³ предлагает следующую трехчленную классификацию:

- I. Знаки (приметы).
 II. Магия.
 III. Конверсия.

По его классификации, различие между I и II состоит в том, что «человек пассивен по отношению к приметам, но явно активен по отношению к магии» ⁷⁴. Другими словами, хотя и I и II категории построены как условие-результат, различие между ними Дандис видит в том, что магия осуществляется человеком, а приметы — нет. Конверсия же, по его словам, это процедура, в которой «поверья-приметы переводятся в поверья-магию» ⁷⁵.

Используя практически эти категории, Дандис тем не менее недостаточно различает волевое действие, которое будет единственным типом, включенным в его категорию II, и невольное действие, реально столь же пассивное, как и «небесные приметы». Невольное действие,

естественно, может быть описано как способ случайного, ненамеренного производства примет. Это значит, что категория I у Дандиса когерентна и значима для приведенных в его статье примеров ⁷⁶, но в его категорию II ошибочно включен целый ряд примеров, никак не относящихся к магии, а принадлежащих приметам, т. е. его категории I. Таковы, в частности, № 68, 69, 71, 88, 100 и др.

Нам кажется, кроме того, что Дандис допускает и более серьезную теоретическую ошибку, выделяя «конверсии» в особую группу. Целесообразнее было бы выразить все три категории с помощью одной формулы, а именно: если A , то B , если не C .

Тогда A будет либо знаком, либо магическим действием, B — его результатом, а C — использованным контрагентом. Если C равно нулю, мы получаем категорию I или II Дандиса; если оно имеет положительное значение — категорию III; таким образом разрешается трудность отнесения I или II к категории пресуппозиции или к части III.

Эта схема может быть выражена с помощью причинно-следственной формулы так:

QS: Условие (примета и т. д.).

QR: Результат.

FS: Противодействие.

FR: Результат противодействия (удача и подобн.).

Проиллюстрируем это несколькими поверьями, взятыми наугад из собрания Дандиса.

№ 88. Беременной женщине нельзя видеть змею, иначе на ребенке будет отметина.

QS: Беременная женщина видит змею.

QR: На ребенке будет отметина.

FS: Избегает змей.

FR: Ребенок будет без (обезображивающей) отметины.

Нет необходимости указывать, что это поверье основано на примете (ненамеренное видение змей), которой следует остерегаться; это означает, что данный пример соответствует категориям I и III в большей степени, чем категории II, куда Дандис его поместил. Здесь перед нами примета и принятие мер предосторожности.

№ 100. Четырехлистный клевер приносит удачу (в собрании Дандиса — обычное поверье-примета).

Сразу же видно, что, используя формулу «Если A , то B , если не C », мы должны принять C равным нулю. Само собой понятно, что это благоприятная примета, и потому нет необходимости в изменении квазирезультата. И снова это поверье относится к категории I, потому что четырехлистный клевер не может быть сделан человеком и попадает случайно, однако Дандис поместил его в категорию II.

По нашей формуле это имеет вид:

QS: Нахождение четырехлистного клевера.

QR: Получение удачи.

FS: $\emptyset$.

FR: Квазирезультат остается в силе.

Число примеров только из собрания Дандиса может быть легко увеличено; весьма просто было бы показать, что все 219 его номеров соответствуют нашей формуле $QS : QR :: FS : FR$ и в то же самое время нашей формулировке «Если A , то B , если не C ». Мы берем на себя смелость обобщения и предполагаем, что эти формулы описывают все поверья, поскольку признаки типа многочисленных условий или нулевых противодействий должны рассматриваться как содержательные.

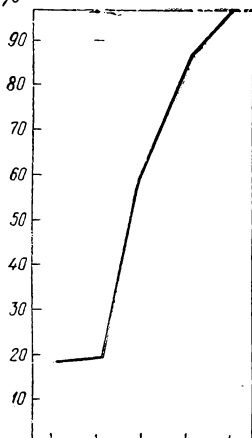
Далее, когда $C \neq \emptyset$, а имеет положительное значение и выполняет роль ненулевого медиатора, перед нами процесс медиации, соответствующий нашим моделям III и IV. На деле иногда конверсия — только средство для ликвидации инициального конфликта (модель III), как у Дандиса в № 207, 208, где «оба контрактанта нейтрализуют конверсивные поверья таким образом, что само действие ликвидирует нежелательный результат»⁷⁷. Кроме того, наша модель IV однозначно объясняет действия контрактантов «более чем просто нейтрализующие». «Другой пример желания как фактора конверсии можно видеть в связи с поверьем-приметой: „Уронить гребень — к неприятности“. Наступание на гребень нейтрализует это поверье, а желание изменяет потенциально неблагоприятную ситуацию в благоприятную. „Если уронишь гребень, наступи на него, задумай желание и не говори ни слова, пока к тебе кто-нибудь не обратится“»⁷⁸.

8. ЭКСПЕРИМЕНТ

Зимой 1963/64 г. Кёнгас-Маранда проводила под эгидой Гарвардского центра научных исследований эксперимент для установления того, как развивается у детей усвоение различных типов нарративных структур. Испытуемыми были школьники из Кембриджа и Бельмонта (Массачусетс) в возрасте от 6 до 12 лет. В качестве нарративов использовались англо-американские сказки наших типов III и IV. Во избежание выучивания наизусть давались длинные тексты: при невозможности повторить их дословно рассказчик, чтобы хорошо воспроизвести сказку, должен был овладеть правилами композиции. В ходе одного эксперимента нарративы читались каждому испытуемому непосредственно, в ситуации «с глазу на глаз», и ребенок затем повторял текст так, как он его понял. В другом эксперименте сказки рассказывались ребенку 1, он пересказывал их ребенку 2, тот — ребенку 3 и т. д. Все версии, в том числе и версия экспериментатора, записывались на магнитофон. Был получен ряд показательных результатов. Овладение сложными структурами шло медленно: самые маленькие (шестилетние) либо разбивали нарративы на несвязные фрагменты, либо сводили их к противоречивой структуре; восьмилетние в большинстве упрощали модель IV до модели III

или даже II и I; большинство девятилетних, а также все старшие могли воспроизвести данную структуру.

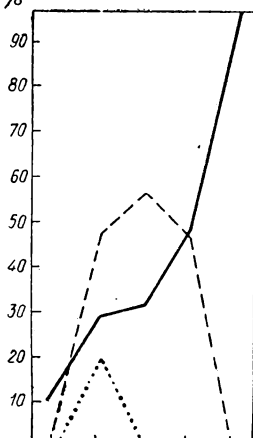
Число испытуемых
%

Возраст 6 7 8 9 11

Общее усвоение структуры (инициальная ситуация, медиация и результат) в зависимости от возраста.

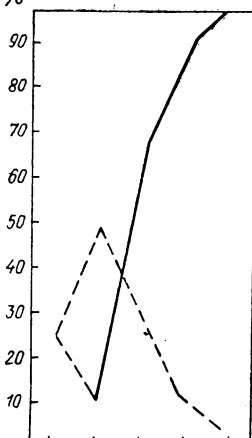
Число испытуемых
%

Возраст 6 7 8 9 11

Инициальная ситуация: изменение усвоения в зависимости от возраста. Полное усвоение — сплошная линия; частичное усвоение — прерывистая линия; сведение к простым оппозиционным парам — точечная линия.

Число испытуемых
%

Возраст 6 7 8 9 11

Результат: изменение усвоения в зависимости от возраста. Полное усвоение — сплошная линия; частичное усвоение — прерывистая линия.

Конечно, возраст, в котором окончательно усваиваются разные виды структур, может меняться в зависимости от культуры, социо-исторического класса и т. д.; случается и так, что дети, которые не могут овладеть структурой, «укрывшейся» в протяженном нарративе, овладевают ею в короткой версии. Подобные различия кажутся нам менее интересными, мы хотим подчеркнуть то, что сложность структур соответствует умственному развитию. Наше дерево (см. выше, 1.4) воспроизводит иерархию структур как модель решения, описывающую, хотя бы в общем виде, процесс построения повествования. Итак, каждая простая структура есть неполная сложная структура, и в процессе развития, проходящим ребенком, простые структуры усваиваются первыми, а самые сложные — последними при условии, что преподаватель полностью владеет нарративной комбинаторикой.

9.0. ВЫВОДЫ

По целому ряду практических причин нашу дискуссию никак нельзя считать исчерпанной. Ввиду ограниченности места нам, например, не удалось проверить свои модели на большом количестве фольклорных текстов. Из-за этого многие наши положения кажутся, естественно, смелыми обобщениями; лучший способ оценки — проверить их на возможно большем числе аутентичных фольклорных текстов. Они могут выдержать испытание, но может также оказаться необходимым образовать новые модели или комбинировать различные наши модели. Пока же мы хотели бы подытожить результаты следующим образом.

9.1. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАПИСЕЙ

Если в основу структурного анализа кладется сам текст, т. е. его архивная запись, неизбежны ошибки; более того, задача времени будет казаться неразрешимой, особенно в тех случаях, когда кодирующий и декодирующий включены в «драму», т. е. влияют на исход текста.

9.2. ПЛЮС И МИНУС

В ходе исследования существенно различать структуру и содержание, функцию и стиль. Если даже ради удобства предлагается обозначать «позитивные» в социоисторическом плане явления знаком плюс, следует иметь в виду, что этот знак выражает лишь противопоставление тому, что обозначено знаком минус, и определяет только значимость или норму. Таким образом, в структурном смысле и власть черта, и обманы вполне можно обозначить через плюс, лишь бы противопоставленные им власть и действия обозначались знаком минус.

9.3. ЗЕРКАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ

Именно потому, что оппозиция такого рода чисто относительна, зеркальные структуры фактически идентичны.

9.4. ИНИЦИАЛЬНЫЕ БИНАРНЫЕ ОППОЗИЦИИ

Начала всех рассмотренных нами фольклорных текстов идентичны, поскольку в каждом содержится инициальная оппозиция.

9.5. МЕДИАЦИЯ

В одних случаях начало отличается от конца (модели III и IV); в других случаях (модель II) оно остается тем же самым, но этому предшествует бесплодная попытка изменить ход действия. Мы называем

ваем медиатором специально введенного агента, обеспечивающего переход от инициального статуса к отличающемуся от него финальному результату. Медиаторы являются важными показателями культуры. Сравнения персонажей, способных выполнять эту функцию, значимы как внутри данного культурного ареала, так и кросскультурно.

Существенно то, как в данном корпусе текстов распределены определенные модели и какие из них преобладают. Модель IV, несомненно, превалирует в европейском фольклоре и, возможно, также в других оптимистичных, «процветающих» и богатых обществах. Там скромный герой начинает с бедности и «капиталистическим способом» завоевывает богатство и высокий социальный статус. В этом смысле понятие будущей жизни в европейском фольклоре более популярно, чем в эскимосском: в последнем для счастья достаточно обеспечение средств к существованию⁷⁹.

Мы обнаружили, что бесписьменные культуры, которые до контактов процветали и использовали для мифов модель IV, при создании мифов о культурном герое переходят теперь к модели II. Племена «же» (Gê) в Центральной Бразилии полностью первобытны. При столкновении с более высоким европейским техническим уровнем происходят две вещи: (1) они усиливают возможности своих традиционно удачливых медиаторов, объединяя их исключительные способности в одном персонаже; однако (2) даже эти «усиленные» медиаторы не могут улучшить участь аборигенов⁸⁰. Подобные структуры, ные альтернативы можно найти и в яванской народной драме, но там растущая социальная мобильность предоставляет традиционным медиаторам новые компенсационные возможности⁸¹.

9.6. РАЗНИЦА КОНЕЧНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Наши модели базируются на разнице между началом и концом, а также (1) на наличии или отсутствии попытки вызвать эту разницу, если она существует, и (2) на неудачном, цикличном или спиральном результате этой попытки. Они, конечно, могут быть совмещены. Протяженные мифы состоят обычно из эпизодов, каждый из которых соответствует какой-либо модели (см. далее гипотетический пример, где цифры соответствуют нашим моделям, а знаки указывают их ориентацию, с учетом основного признака):

II- III- III+ III- I- IV+

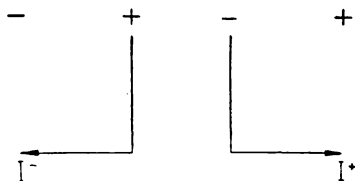
Сцепление моделей далее иллюстрируется графиками.

9.7. МОРФОЛОГИЯ МОДЕЛЕЙ

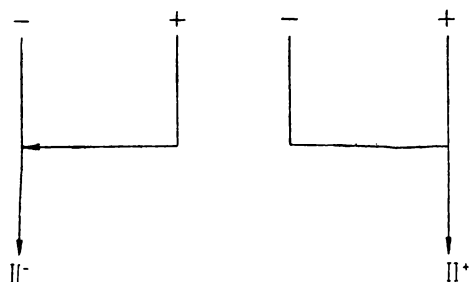
В этой работе были использованы приводимые ниже графы. Теперь мы даем их с зеркальным отражением и обобщенными формулами, введенными в 4.4.

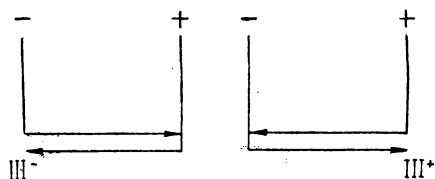
Нулевая медиация
 Модель I. $A : \bar{A}$

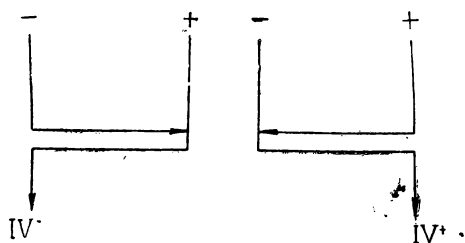
Неудачная медиация
 Модель II. $A > B \rightarrow A$

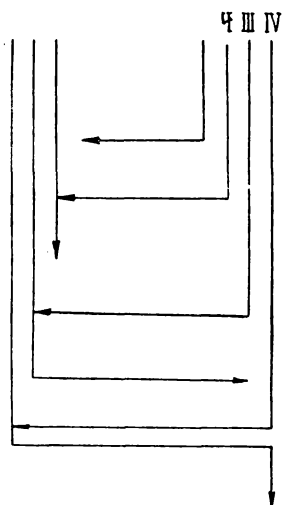
Успешная медиация, ликвидация инициального конфликта
 Модель III. $A < B \rightarrow \bar{A}$

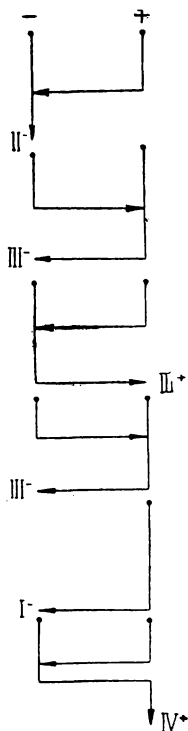
Успешная медиация, пермутация инициального конфликта
 Модель IV. $A \ll B \rightarrow B$

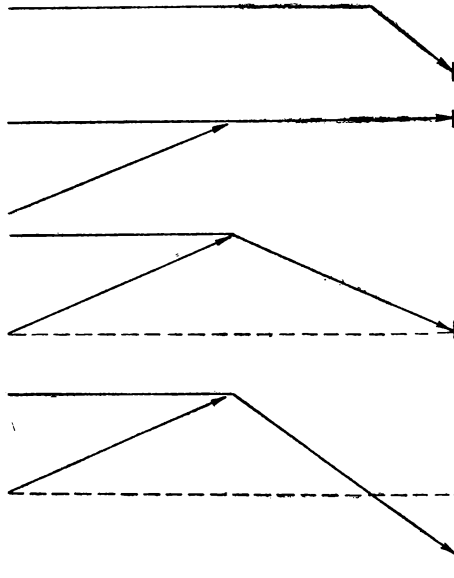
Далее все четыре модели сгруппированы для иллюстрации их взаимовставляемости:

Сцепление (см. предыдущий раздел) представлено следующим образом:

Диаграммы могут быть изображены и так (здесь нарративная последовательность движется слева направо, а оппозиции — по вертикальной оси):

9.8. ЛИРИКА, НАРРАТИВ, РИТУАЛ

Представляется, что на базе структурного исследования могут быть установлены следующие общие различия.

Жанры	Лирика	Нарратив	Ритуал
Инициальная оппозиция	Не разрешается	Разрешается в самом нарративе	Разрешается при участии кодирующего и декодирующего
Сюжет	Не существует	Существует	
Медиация	Не предусмотрена	Находится в сюжете	Находится вне сюжета, во внешнем действии
Уровень	Субъективный	Объективный	От объективного к субъективному

9.9. ТАКСОНОМИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

С другой стороны, представляется, что структурный анализ в малой степени может помочь разрешению проблем структурной классификации. Это в общем понятно: такие различия (сами по себе значимые и операционные), как, например, между Märchen и Sage, основаны на функции (Märchen служит развлечению, Sage — усилению верований), а мы разъединяем функциональный и структурный аспекты.

9.10. СТРУКТУРА И ПСИХОСОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ

Другое дело, что структурный анализ может выявлять ячейки, например, для функций и на их основе для общей классификации. В наших формулах ячейка для функции находится в последнем члене формулы. Если эта ячейка будет заполнена космогоническим сообщением, мы получим миф; если социальным — социальный нарратив, если интеллектуальным, наш текст, возможно, окажется загадкой и т. п. Мы не хотим делать никаких определенных заключений о деталях: нами рассмотрен недостаточный объем материала.

9.11. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФОРМУЛЫ ЛЕВИ-СТРОСА

Мы исходили из проверки формулы Леви-Строса и нашли, что она соответствует структуре мифов, но для описания всего нашего материала необходимо ввести еще три формулы. Формула Леви-Строса была выведена для описания структуры мифов⁸². Мы нашли, что, использованная по-иному, чем у него, она вполне может быть приложена и к некоторым другим жанрам⁸³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ E.-K. K ö n g ä s , M a r a n d a . The Concept of Folklore. — «Midwest Folklore». Vol. 13, 1963, с. 69—88. Здесь не место для дискуссии о понятии фольклора; мы хотим лишь указать, что наше определение рассматривает пространство более ограниченное, чем, например, в folkklivforskning С. Эриксона (см.: S. E r i x o n . Introduction. — Folkliv. Т. 1. Stockholm, 1937, с. 5—12), но, с другой стороны, и более широкое по сравнению с многочисленными определениями устной литературы, см., например: M. J. H e r s k o v i t s . Folklore. — M. L e a c h (ed.). Dictionary of Folklore, Mythology and Legend. Vol. 1. N. Y., 1949, с. 400; F. L. U t l e y . Folk Literature: An Operational Definition. — «Journal of American Folklore». Vol. 74, 1961, с. 193—206.

² Ср.: «Мы представили системы классификации в виде «деревьев»; рост дерева хорошо иллюстрирует только что указанную трансформацию. В своей нижней части дерево, если можно так сказать, глубоко мотивировано: оно должно иметь ствол, идущий по вертикали. В нижних ветвях уже содержится больше случайного: их число, хотя его можно ограничить заранее, предварительно не определено, так же как и направление каждой из них и угол отклонения от ствола; все это, однако, связано взаимными отношениями, поскольку основные ветви своим собственным весом и весом других ветвей с листвою, которые они несут, должны поддерживать в равновесии силы, прилагаемые ими к общей точке опоры. Однако, по мере того как внимание переключается на

более высокие уровни, роль мотивированности слабеет, а роль случайности растет; последние ветви не могут ни поколебать стабильности дерева, ни изменить характеризующую его форму. Множественность и незначимость освободили их от начальных ограничений, а их общая дистрибуция может объясняться серией повторений во все уменьшающемся масштабе, безразлично по плану, записанному в их генетическом коде, или как результат статистических колебаний. Разумно обоснованная вначале структура, разветвляясь, приходит к своего рода инертности или логическому безразличию. Не противореча своей первоначальной природе, она тем не менее может испытывать воздействие многообразных случайностей, которые, впрочем, возникают слишком поздно, чтобы помешать внимательному наблюдателю идентифицировать ее и поместить в один класс (С. Lévi-Strauss. *La pensée sauvage*. P., 1962, с. 210—211).

Взаимодействие структуры и содержания в нашем анализе может быть также разъяснено с помощью аналогии с тем, что говорит Хомский о взаимодействии формы и содержания при лингвистическом анализе: «Данные противоречащие примеры не должны, однако, заслонять от нас то факта, что существует поразительное соответствие между структурами и элементами, раскрываемыми с помощью формального грамматического анализа, с одной стороны, и специфических семантических функций — с другой. . . Таким образом, ясно, что между формальными и семантическими моментами языка наблюдаются несомненные, хотя и неполные соответствия. Такая неполнота соответствий не дает нам возможности привлекать значение в качестве базы для грамматического описания. . .»

Нельзя игнорировать, однако, существование соответствий между формальной и семантической сторонами. Эти соответствия должны изучаться в более общей теории языкознания, включающей в качестве составных частей теорию лингвистических форм и теорию использования языка. . . Определив синтаксическую структуру языка, мы можем исследовать, каким образом эта синтаксическая структура используется при реальном функционировании языка. . . Мы можем судить о достоинствах формальных теорий по их способностям объяснять и делать очевидными разнообразные факты, связанные с пониманием и использованием предложений. Другими словами, нам хотелось бы, чтобы синтаксический каркас языка, обнаруживаемый грамматикой, был способен поддерживать семантическое описание, и мы, естественно, высоко оценим такую теорию формальной структуры, которая приведет нас к грамматикам, более полно удовлетворяющим этому требованию» (N. Chomsky. *Syntactic structures*. S⁷-Gravenhage, 1962, с. 101—102 *). См. также ниже, 3.2.

³ V. P r o p p. *Morphology of the Folktale* (Publication Ten of the Indiana University Research Center in Anthropology, Folklore and Linguistics). Ed. by S. Pirkova-Jakobson, transl. L. Scott (Bloomington), 1958; В. Я. П р о п п. *Морфология сказки*. Изд. 2-е. М., 1969.

⁴ С. Lévi-Strauss. *The Structural Study of Myth*. — *Journal of American Folklore*. Vol. 68, 1955, с. 428—444 [перевод в кн.: Th. A. Sebeok (ed.). *Myth: A Symposium*. Bloomington, 1958, с. 50—66; см. несколько измененный французский авторский вариант в «*Anthropologie structurale*». P., 1958, гл. XI, рус. пер.: «*Вопросы философии*». 1970, № 6, с. 152—154]; он же. *La Geste d'Asdiwal*. — *L'Annuaire de l'Ecole pratique des Hautes Études. Section des Sciences Religieuses* (1958—1959). P., 1958, с. 3—43 (см. статью «Деяния Асдиваля» в настоящем сборнике); он же. *Leçon inaugural faite le mardi 5 janvier 1960, Collège de France, chaire d'anthropologie sociale*. P., 1960 (частично напечатано под заглавием «*Problèmes de l'invariance en anthropologie*». — «*Diogenes*». № 31. 1960, с. 23—33); он же. *La structure et la forme*. — «*Cahiers de l'Institut de science économique appliquée*», № 9 (série M, № 7), mars 1960, с. 3—36 (то же под заглавием «*L'analyse morphologique des contes populaires russes*». — «*International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*». Vol. 3, 1960,

* Перевод работы Хомского дан по изданию: Новое в лингвистике. М., 1962, с. 513 и сл. (примеч. пер.).

с. 122—149; см. статью «Структура и форма» в настоящем сборнике); он же. *Four Winnebago Myths: A Structural Sketch*. — S. Diamond (ed.). *Culture in History*. N. Y., 1960, с. 351—362; он же. *La pensée sauvage*. P., 1962. Среди самых первых работ, написанных под влиянием метода Леви-Строса, выделяются: M. Bouteiller. *Cosmologie et médecine magique selon notre folklore rural; Esquisse d'analyse structurale*. — «L'Ethnographie» (n. s.). Vol. 53, 1958—1959, с. 91—95; E. R. Leach. *Lévi-Strauss in the Garden of Eden: An Examination of Some Recent Developments in the Analysis of Myth*. — «Transactions of the New York Academy of Sciences». Series II. Vol. 23, 1961, с. 386—396. Ср.: R. Needham. *Structure and Sentiment*. Chicago, 1962.

⁵ Th. A. Sebeok. *Cheremis Dream Portents*. — «Southwestern Journal of Anthropology». Vol. 6, 1950, с. 369—388; Th. A. Sebeok, L. H. Orzack. *The Structure and Content of Cheremis Charms. P. 2*. — «Anthropos». Vol. 48, 1953, с. 760—772; Th. A. Sebeok, F. Ingemann. *Structural and Content Analysis in Folklore Research*. — *Studies in Cheremis: The Supernatural* (Viking Fund Publications in Anthropology, № 22). N. Y., 1956, с. 261—268; Th. A. Sebeok. *Sound and Meaning in a Cheremis Folksong Text*. — For Roman Jakobson. *The Hague, 1956*, с. 430—439; он же. *Folksong Viewed as Code and Message*. — «Anthropos». Vol. 54, 1959, с. 141—153; он же. *Decoding a Text: Levels and Aspects in a Cheremis Sonnet*. — Th. A. Sebeok (ed.). *Style in Language*. N. Y., 1960, с. 221—235.

⁶ M. Kuusi. *Omaistenvertailukertaus*. — «Kalevalaseuran vuosikirja». T. 38. Helsinki, 1958, с. 89—108; он же. *Kansanparadokseista*. — Там же. T. 42, 1962, с. 56—68; A. Dundes. *Brown County Superstitions*. — «Midwest Folklore». Vol. 11, 1961, с. 25—56; он же. *From Etic to Emic Units in the Structural Study of Folktales*. — «Journal of American Folklore». Vol. 75, 1962, с. 95—105; он же. *The Binary Structure of 'Unsuccessful Repetition' in Lithuanian Folktales*. — «Western Folklore». Vol. 21, 1962, с. 165—174; он же. *The Morphology of North American Indian Folktales*. — «FF Communications», № 195. Helsinki, 1964; R. A. Georges, A. Dundes. *Toward a Structural Definition of the Riddle*. — «Journal of American Folklore». Vol. 76, 1963, с. 111—118; D. Venamos. *Situation Structure of the Non-Humorous English Ballad*. — «Midwest Folklore». Vol. 13, 1963, с. 163—176; I. L. Fischer. *Sociopsychological Analysis of Folktales*. — «Current Anthropology». Vol. 4, 1963, с. 235—295; C. Bremond. *Le message narratif*. — «Communications». 1964, № 4, с. 4—32; он же. *La logique des possibles narratifs*. — Там же. 1966, № 8, с. 60—76 (рус. пер.: Семiotика и искусствоведение. М., 1972, с. 108—135); Ch. T. Scott. *Persian and Arabic Riddles: Language-Centered Approach to Genre Definition*. — «International Journal of American Linguistics». Vol. 31, supplement 1965; V. Morin. *L'histoire drôle*. — «Communications». 1966, № 8, с. 102—119; см. также статьи в кн.: P. Maranda, E. Kōngäs Maranda (ed.). *Structural Analysis of Oral Tradition*. Philadelphia, 1970; C. Lévi-Strauss. *The Deduction of the Crane*; E. R. Leach. *Kimil: A Category of Andamanese thought*; D. Hymes. *The 'Wife' who 'Goes Out' like a Man: Reinterpretation of a Clackamas Chinook Myth*; A. J. Greimas. *The Interpretation of Myth: Theory and Practice*; V. Turner. *The Syntax of Symbolism in a Ndembu Ritual*; J. L. Peacock. *Class, Clown and Cosmology in Javanese Drama: An Analysis of Symbolic and Social Action*; A. Dundes. *The Making and Breaking of Friendship as a Structural Frame in African Folktales*; E. Kōngäs Maranda. *The Logic of Riddles*; R. da Matta. *Myth and Anti-Myth among the Timbira*; P. Maranda, A. Dundes, E. R. Leach, D. Maury-Lewis. *An Experiment: Notes and Queries from the Desk, With a Reply by the Ethnographer*.

⁷ C. Lévi-Strauss. *Mythologiques*. Vol. 1—3. P., 1964—1968 (vol. 1. *Le cru et le cuit*, 1964; vol. 2. *Du miel aux cendres*, 1967; vol. 3. *L'origine des manières de tables*, 1968).

⁸ E. R. Leach. *Lévi-Strauss in the Garden of Eden...; он же. Genesis as Myth*. — «Discovery». 1962, May, с. 30—35; он же. *The Legitimacy of Solomon: Some Structural Aspects of Old Testament History*. — «European

Journal of Sociology». Vol. 7, 1966, с. 59—101; он же (ed.). The Structural Study of Myth and Totemism. (A. S. A. Monographs). Edinburgh, Tavistock, 1967.

⁹ О Проппе см. статью Бремона в сн. 6 и он же. La postérité américaine de Propp. — «Communications». 1968, № 11, с. 148—164; A. I. Greimas. Sémantique structurale. P., 1966, гл. 4; см. также конкретные приложения методов Проппа в работах Дандиса, сн. 6. О Леви-Стросе см. статьи Лича в сн. 8; P. H. Richard. Analyse des Mythologiques de Claude Lévi-Strauss. — «L'Homme et la société». 1967, juillet, с. 109—133, и 1969, avril, с. 179—194; D. Sperber. Le structuralisme en anthropologie. — O. Ducrot и др. (eds.). Qu'est-ce que le Structuralisme? P., 1968; I. R. Bucher, H. A. Selby. A Formal Study of Myth. Austin, 1969, а также статьи в кн.: E. R. Lich (ed.). The Structural Study of Myth and Totemism и другие исследования и статьи в следующих журналах: «Esprit», «L'Arc», «Annales: Economies, Sociétés, Civilisations».

¹⁰ E. Königäsa Maranda. The Logic of Riddles; она же. Structures des énigmes. — «L'Homme». Vol. 9, 1969, с. 5—48; она же. Perinteen transformaatiosääntöjen tutkimisesta *. — «Virittäjä». 1970, № 2, с. 277—292. См. также: I. R. Buchler, H. A. Selby. A Formal Study of Myth, с. 138 и сл., где, однако, разбираются трансформации не всего текста в целом, а лишь персонажей. Уже раньше серию трансформаций предложил Пропп [Les transformations des contes fantastiques. — Tz. Todorov (ed.). Théorie de la littérature. P., 1965, с. 234—262; рус. изд. В. Я. Пропп. Трансформации волшебных сказок. — «Поэтика. Временник отдела словесных искусств». Т. 4. Л., 1928, перепеч.: В. Я. Пропп. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976, с. 153—173].

¹¹ P. Maranda. Anthropological Analyses: Lévi-Strauss' Concept of Social Structure. — H. Nutini, I. R. Buchler (eds.). The Anthropology of Claude Lévi-Strauss. N. Y., 1971.

¹² О дискуссии по поводу этических и других единиц см.: A. Dundes. The Morphology of North-American Indian Folktales, гл. III.

¹³ V. Propp. Morphology of the Folktale, с. 20; см. также: A. Dundes. From Etic to Emic Units. . . , с. 101 и 103.

¹⁴ I. de S. Pool (ed.). Trends in Content Analysis. Urbana, 1959, с. 202—206; J. L. Powlison. A Paragraph Analysis of a Yague Folktale. — «International Journal of American Linguistics». Vol. 31, 1965, с. 109—118; S. Saporta, Th. Sebeok. Linguistics and Content Analysis. — I. de S. Pool (ed.). Trends in Content Analysis; P. Maranda. Computers in the Bush: Tools for the Automatic Analysis of Myths. — J. Helm (ed.). Essays on the Verbal and Visual Arts. Seattle, 1967; он же. Formal Analysis and Intra-Cultural Studies. — «Social Science Information», 1967, № 6; W. Labov, J. Walletsky. Oral Versions of Personal Experience. — J. Helm (ed.). Essays on the Verbal and Visual Arts.

¹⁵ Эта статья является результатом тесного сотрудничества, в ходе которого была прежде всего выработана рабочая гипотеза — после различных пробных соображений, которые предлагались авторами и затем сводились воедино в детальных дискуссиях, частью записанных на магнитофон; мы старались также в каждом случае проводить анализ независимо, чтобы потом проверить результаты исследований друг друга. В итоге работа была написана совместно.

¹⁶ См. его «Anthropologie structurale», с. 258. NB: в статье Леви-Строса, опубликованной Себеоком в книге «Myth. A Symposium», на с. 64 типографская неточность.

¹⁷ О спорной интерпретации мифологического мышления у Лича см.: J. Pouillon. L'analyse des mythes. — «L'Homme». Vol. 6, 1966.

¹⁸ C. Lévi-Strauss. Anthropologie structurale, с. 364 и сл.; он же. La pensée sauvage, гл. IX.

* Трансформационные правила в устной традиции (примеч. пер.).

¹⁹ Проводя антропологический анализ бинарных структур родства в соответствии с направлением, разработанным Леви-Стросом, Р. Нидхем утверждает следующее: «Эмпирической исходной точкой является то, что использование символической оппозиции в дуальных классификациях в высшей степени свойственно человеческой культуре. Наиболее распространенной и частой манифестацией дуального устройства являются различие и дифференцированная оценка правого и левого; лучше всего это изложено в классической статье Херца, где утверждается, что дуализм является сущностью „первобытного мышления“. . . и проиллюстрировано Вайлем на большом числе убедительных примеров. . . Хокарт рассматривает эту и связанные с ней оппозиции в рамках жизни и смерти, также сосредоточивая внимание на фундаментальной природе дуального устройства и его распространении во всем мире. . . Рассерс использует принцип дуального устройства, и в частности оппозицию правого и левого, в своих исследованиях яванского мифа и драмы. . . Той же природы и оппозиция между сакральным и профаническим, столь подчеркиваемая Дюркгеймом, Ван Геннепом и Херцем; в заключение я процитирую работу Дюмезиля по анализу индоевропейского понятия государственности в терминах дополнительных противопоставленных членов. . . Дуализм проявляется во всем мире и во все исторические периоды с таким постоянством (хотя и в разной степени разработанности), что это заставляет приписывать ему естественный, а может быть, и логически необходимый характер.

Существенной общей чертой дуальных представлений является не простая дуальность, но отношение оппозиции термов (значений, оценок, классов и т. д.). Первостепенная важность этого понятия подчеркивается его долгой философской историей на Западе, от Пифагора и Гераклита и далее. Аристотель рассматривал оппозицию как одну из категорий человеческого мышления (Категории, гл. X, XI), а оппозиция значений истинности на столетия получила признание традиционной логики в качестве одного из законов мышления — закона исключенного третьего. В философском труде Эмелина, который и Дюркгейм и Херц цитируют в своих исследованиях по формам классификации, определенно утверждается, что оппозиция является фундаментальным логическим признаком, без которого невозможно мышление: „Вне первичного факта оппозиции противоположностей и как следствия их синтетического примирения нет иного способа для становления мышления. . .“ Имея в виду то же самое, я мог бы утверждать, что вообще для того, чтобы мыслить, мы должны различать и что простейшей формой различения является оппозиция. Мне кажется, что именно этот простой логический факт лежит в основе универсальности дуальных схем классификации. . .

В частном случае рассматриваемой нами классификации наличествует, однако, не просто рациональная антигетическая оппозиция (ср. зороастризм), но особый род оппозиции, а именно *дополнительная* оппозиция. Ясно, что сама по себе она не может образовать систему представлений; для того чтобы соотнести пары оппозиционных термов в системе, нам требуется еще одно правило — правило *аналогии*. Этот тип отношения может быть также признан необходимым для мышления (Доролль, 1949) и, как таковой, является еще одним основанием универсального характера дуальной классификации» (R. N e e d h a m. A Structural Analysis of Aimol Society. — «Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde». Т. 116, 1960, с. 103—104).

Гештальт-психология дала сильный толчок структурализму (см. хотя бы: C. L é v i - S t r a u s s. Les structures élémentaires de la parenté. P., 1949, гл. 14; он же. Anthropologie structurale, с. 354). Вот точка зрения настоящего гештальтиста, в общем плане не чуждая взглядам Нидхема:

«Биполярная организация проявляется не только тогда, когда мы наблюдаем за тем, что делают другие. Более того, любой может ощутить себя направленным к определенным объектам или *от* определенных объектов с помощью такого же динамического образования пар. В самом деле, за исключением низших форм жизни, едва ли остается какое-либо целостное поле, в котором нет биполярной организации. Я потенциально всегда направлено к чему-нибудь или *от* чего-нибудь. Наиболее ярко это проявляется там, где наличествуют

сильные эмоции и мотивированность. . . Биполярная организация, несомненно, сходна с теми ситуациями в физике, когда силовые линии или линии направленных процессов идут от одной части поля к другой. В гештальт-психологии различно направленные типы поведения я интерпретируются не как „инстинкты“, заключенные в я *per se*. Скорее они рассматриваются как векторы, связывающие и от я, и от данных объектов или, более точно, от одновременно возникающих отношений между характеристиками первого и вторых. Это, конечно, лежит в той же плоскости, в какой физические векторы между объектами зависят от „отношения характеристик“ этих объектов. Включенные сюда различные состояния я в большой степени определяются физиологическими условиями в пределах организма. . .

Игра психологических векторов, источники, откуда они берут начало, давление, которое испытывают некоторые участки поля под их влиянием, вызываемые этим различные изменения и эвентуально прекращение действия векторов и давления после достижения определенных результатов — все это главный предмет психологии, как и главнейшее содержание жизни» (W. Köhler. *Gestalt Psychology*. N. Y., 1959, с. 176—177).

Точку зрения психологии развития, модифицирующей гештальтистский подход, см.: I. Piaget. *La formation du symbole chez l'enfant*. P., 1945; он же. *La psychologie de l'intelligence*. P., 1947; он же. *Les relations entre l'intelligence et l'affectivité dans le développement mental de l'enfant*. P., 1958. См. также: C. Lévi-Strauss. *Anthropologie structurale*, с. 133—183; Ad. E. Jensen. *Mythos und Kult bei Naturvölkern*. Stuttgart, 1951; M. Eliade. *Traité d'histoire des religions*, P., 1953; C. Kluckhohn. *Scientific Study of Values*. — «3 Lectures». Toronto, 1958, с. 43—49; P. Radin, U. Frankfurt и т. д.

²⁰ Эти «невозможные» ситуации могут выражаться такими парами, как, например, жизнь / смерть; рожденный в нижнем мире / рожденный людьми; земля / вода; родители / дети и т. д. (см.: C. Kluckhohn. *Scientific Study of Values*, с. 43—49).

²¹ О метафорическом и метонимическом полюсах см.: R. Jakobson, M. Halle. *Fundamentals of Language*. s'-Gravenhage, 1956, *passim*; C. Lévi-Strauss. *La pensée sauvage*, с. 70, 140—141, 198—199, 271—277, 280—283, 297—302, 319.

²² В терминах Проппа и Дандиса инициальной ситуацией будет, например, «недостача» или «задача», а финальной — «ликвидация недостачи» или «решение задачи»; уточнение, вносимое в эту структуру формулой Леви-Строса, состоит, во-первых, в указании роли медиатора как необходимого агента трансформации данной ситуации и, во-вторых, в более тонком анализе каждой из полярных ситуаций; например, «недостача» теперь анализируется и как функция, и как терм.

²³ Негативная функция медиатора — это его негативное действие, направленное против негативной силы и потому рассматриваемое как позитивное; иными словами, будучи идентифицирован той же функцией, что и первый терм, медиатор аннулирует действие первого термина. Жильбер Дюран (G. Duran). *Les structures anthropologiques de l'imaginaire*. P., 1960, с. 215) говорит об этом процессе следующим: «Остановимся же на этом столь важном процессе инверсии и спросим себя, какой психологический механизм лежит в основе эвфемизма, приводящего чуть ли не к антифразе. . . Такую эвфемизирующую трансформацию можно определить как процесс двойного отрицания. Это процесс, предвестников которого мы встретили, когда речь шла о диалектике связывания и о персонаже связанного связывателя. Это процесс, использованный во многих легендах и народных фаблю, где появляется обокраденный вор, обманутый обманщик и т. д. . . и который обозначается речениями вроде „Не рой другому яму. . .“, „нашла коса на камень“ и т. п. . . Такой прием состоит, по существу, в восстановлении позитивного с помощью негативного, в ликвидации результата первоначальной негативности с помощью отрицания или негативного действия. Можно сказать, что источник диалектического движения всясть находится в приеме двойного отрицания, до своей формально-грамматической кодифика-

ции существовавшего на уровне образов. Этот прием обеспечивает трансмутацию ценностей: я связываю связывателя, убиваю смерть, поражаю противника его же оружием. И тем самым я совпадаю полностью или частично с линией поведения противника». Общий взгляд на драматическую структуру сюжетов см. там же, с. 301—302.

²⁴ С. Lévi-Strauss. *Mythologiques*. Т. 2, с. 211—212.

²⁵ С. Lévi-Strauss. *Mythologiques*. Т. 3, с. 254—295.

²⁶ Мифы, говорит он в статье «Структура и форма», более четко структурированы, чем сказки, и это делает их более доступными структурному анализу.

²⁷ Теперь это может быть показано на примере «Мифологичных» Леви-Строса.

²⁸ L. Tesnière. *Éléments de syntaxe structurale*. P., 1959; E. Richey. *Un instrument de description formelle des langues: la théorie des lieux linguistiques*. — *Revue de l'Ass. Canadienne de Linguistique*. Vol. 6, 1961, № 3, с. 192—208; он же. *Lieux linguistiques et latin classique*. Montréal, 1962 (Рише опирается также на Ельмслева, Торебю, Балли, Гиро, Вагнера и Мартине). «Функция абсолютно предшествует языковым единицам. . . Из наблюдения над этим фактом следует, что каждая языковая единица извлекает свою собственную значимость из структурных отношений, существующих между различными звуковыми последовательностями, представленными одновременно и в одной и той же фразе. Отсюда словарь, претендующий на то, чтобы быть исчерпывающим, должен был бы сообщать нам, что *femme*, французская звуковая последовательность, по праву принадлежит к трем традиционным частям речи: существительное в *il aime sa femme**, прилагательное в *une déléguée très femme*** и наречие в *réagir très femme****. Итак, все эти отношения между звуковыми последовательностями, отношения, конституирующие саму фразу, являются грамматическими ролями».

В результате оказывается, что лингвистический феномен весьма ярко раскрывается перед нами в виде бесконечной структурированной целостности, в которой переменное число звуковых последовательностей временно получает особую функцию, называемую грамматической ролью. Комплекс всех различных грамматических ролей создает систему языка, и в них реально заключается секрет осуществления коммуникации между членами одного человеческого общества» (там же, с. 30—31).

Сходным образом, но на этот раз с логической точки зрения и следуя Витгенштейну, можно сказать, что и сам логический факт состоит не из элементов (или символических представлений предметов, суждений и т. д.), но именно из операций, опирающихся на такие элементы, как отрицание, импликация, сложение, мультипликация и т. д.

Наконец, заимствованная у психологов аналогия с функцией может еще раз показать, что наш подход не ограничен содержательными признаками и потому может найти кроссжанровое применение. «Динамические дистрибуции суть функциональные единства. Возьмем, например, обычную электрическую цепь. Разность потенциалов и плотность тока сами распределяются по проводникам таким образом, что устанавливается и поддерживается устойчивое или стационарное состояние. Ни одна часть в этом распределении не самодостаточна; характеристики локального потока повсюду зависят от факта устойчивого распределения, обеспеченного процессом в целом. . .

. . . Раз все силы в данной динамической дистрибуции уравновешивают друг друга, их равновесие, несомненно, не будет нарушено, если интенсивность всех сил будет уменьшаться или возрастать в одной и той же пропорции. Следовательно, такие динамические состояния вполне независимы от абсолютных фактов, действующих в разных их частях. Предположим, что самодистрибуция есть дистрибуция тока, текущего по проводнику определенной формы, например

* Он любит свою жену (*примеч. пер.*).

** Очень женственная делегатка (*примеч. пер.*).

*** Реагировать очень по-женски (*примеч. пер.*).

по электролиту, заполняющему сосуд этой формы. Напряжение тока не влияет на его дистрибуцию. Точно так же, если вместо ионов Na и Cl электрические нагрузки несут K и Br и другие, дистрибуция тока не меняется. Или возьмем явления, которые происходят, когда приходят в контакт. . . два раствора различной ионной концентрации. Подобные явления зависят от отношения ионных концентраций, в то время как абсолютные значения концентраций несущественны. . . Другими словами, быть позитивной стороной такой физической системы есть свойство, которым часть системы обязана своему положению в системе в целом» (W. Köhler. Gestalt Psychology, с. 80—120).

Таким образом, «разности потенциалов и плотности тока» (содержательные характеристики) в таких «динамических дистрибуциях», как фольклорные структуры, не будут нарушать равновесия, свойственного данным типам этих структур. Другими словами, будет ли содержание космогоническим (мифы) или развлекательным (сказки) и т. п., формально irrelevantно, «если интенсивность всех сил уменьшается или растет в одной и той же пропорции». И, следовательно, такие динамические состояния вполне независимы от абсолютных фактов, действующих в разных их частях. . . напряжение тока не влияет на его дистрибуцию. Точно так же. . .» и т. д.

²⁹ P. M a r a n d a. Analyse qualitative et quantitative de mythes sur ordinateurs. — Calcul et formalisation dans les sciences de l'homme. P., 1968, с. 82—84.

³⁰ I. L. F i s c h e r. The Sociopsychological Analysis of Folktales.

³¹ Аристотель в «Поэтике» уже показал, что в трагедии имеют значение не характеры, а ситуация, сюжет или структура событий.

³² Функции можно сравнить с элементарными социальными ролями, например отец, брат, в то время как термы можно сравнить с индивидами, которые их исполняют.

³³ E. K ö n g ä s M a r a n d a. A Finnish Schwank Pattern: The Farmer-Servant Cycle of the Kuisisto Family. — «Midwest Folklore». Vol. 11, 1961, с. 197—211.

³⁴ Разработанная независимо, эта схема подтверждена нейрофизиологическими исследованиями: «Мышление есть „решающее задачи“ поведение, которое включает корреляцию и интеграцию критических событий во времени и пространстве. Оно характеризуется: (а) периодом предварительного исследования; (б) предразрешающим периодом поиска; (с) периодом вспомогательного испытания пробного решения; (д) заключительным актом и регистрацией в памяти и (е) соответствующим действием. Сущность мыслительного процесса состоит в объединении или группировке критических событий во времени и пространстве. Если анализировать ключевые термины в этом высказывании, очевидно, что термин „критические события“ в той степени, в какой (в них) включается мозг, синонимичен информации с техническими ограничениями по теории информации» (W. C. H a l s t e a d. Thinking, Imagery and Memory. — J. Field и др. (eds.). Handbook of Physiology. Section I: Neurophysiology. Vol. 3. Wash., 1960, с. 1669).

³⁵ Ср. Аристотель о дифференциации трагедий в «Поэтике» (1456а, с. 5—10): «Справедливо, говоря о том, что трагедии одинаковы или различны по сюжету, считать одинаковыми прежде всего те, у которых одна и та же завязка и развязка».

³⁶ R. O s g o o d. The Representational Model and Relevant Research Methods. — I. de S. P o o l (ed.). Trends in Content Analysis. См. еще: там же, с. 218—223.

³⁷ Th. A. S e b e o k. Decoding a Text. . .

³⁸ M. K u u s i. Omaistenvertailukertaus, с. 89—108. Это один из редких случаев ранней классификации фольклорных текстов в соответствии с их формой; другой очевидный случай — формульные сказки. Кууси говорит, что эти песни зафиксированы в финском и эстонском ареалах; добавим к этому, что подобные песни можно найти, например, и в литовском фольклоре (см.: I. V a l u s.

Lietuvių dainos Amerikeje. Boston, 1958, с. 141—143, где даны сюжеты семи разных песен). Ф. Ойнас недавно определил эту модель как славянскую.

³⁹ Th. A. Sebeok. Decoding a Text. . . , с. 227.

⁴⁰ Там же, с. 234.

⁴¹ Себеок верно указывает на заключенную в системе образов иерархию, проявляющуюся в том, что женщины — члены семьи (метонимии) рассматриваются как подчиненные соответствующим мужчинам — членам семьи (метафоры). Что касается серии «тотемных» признаков, отметим следующий показательный пассаж Леви-Строса (La pensée sauvage, с. 223—224): «Австралийские племена с реки Drysdale, на севере Кимберли, делят отношения родства, совокупность которых образует социальное „тело“, на пять категорий, называемых в соответствии с какой-либо частью тела или мышцей. . . И в этом случае, следовательно, вся система социальных отношений в целом, сама по себе соответствующая космологической, проецируется на уровень анатомии. . .»

Можно было бы привести и другие примеры, начиная с терминологии родства у древних германцев и кончая соответствиями между космологией и анатомией у индейцев пуэбло и навахо и у негров Судана.

Было бы весьма поучительно рассмотреть детально и на достаточном числе примеров механизм этого гомологического членения, общее отношение которого к классификационным формам, встреченным нами ранее, явно вытекает из деривации:

если

(группа *a*) : (группа *b*) :: (род „медведь“) : (род „орел“),

то

(член *x* от *a*) : (член *y* от *b*) :: (член *I* „медведя“) : (член *m* „орла“).

Имеющиеся данные. . . подтверждают, что такое же отождествление с частями тела существует в многочисленных языках безотносительно к различию сословий и родов, иногда даже царств и что эта система отождествлений имеет самое широкое распространение» (Леви-Строс ссылается на: Harrington. Mollusca among the American Indians. — «Acta Americana». vol. 3, 1945, № 3).

⁴² Th. Sebeok. Decoding a Text. . . , с. 234.

⁴³ M. Haavio. Kirjokansi. Helsinki, 1952, с. 229—232.

⁴⁴ M. Kuusi. Omaistenvertailukertaus, с. 89—108.

⁴⁵ Suomen Kansan Vanhat Runot. 33 vols. Helsinki, 1908—1948.

⁴⁶ Английский термин «climax of relatives»*, применяемый к песням этой структуры (например, Child 12, Child 13 и Child 95) в кн.: F. J. Child. The English Popular Ballads, 5 vols. (1882—1898, переизд. — N. Y., 1956), в данном случае не подходит, поскольку здесь рассматривается не шкала, а лишь оппозиция между кровными родственниками и брачными партнерами. См. также статью: Climax of Relations. — M. Leach (ed.). Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend, с. 236.

⁴⁷ M. Kuusi. Omaistenvertailukertaus, с. 103.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ «Всякое психологическое объяснение рано или поздно кончается обращением к биологии или к логике (или к социологии, но и она приводит к той же альтернативе). . . Формальная логика, или логистика, дает просто аксиоматику состояний мыслительного равновесия; реальной наукой, соответствующей этой аксиоматике, является именно психология» (J. Piaget. La psychologie de l'intelligence. P., 1947, с. 7—8).

⁵⁰ L. Simonsuuri. Muuttillisii tarinoita. Helsinki, 1947, с. 67; он же. Typen- und Motivverzeichnis der finnischen mythischen Sagen. — «FF Communications», № 182. Helsinki, 1961, E 266 и E 261.

⁵¹ См. высказывание Хомского в сн. 2.

⁵² Ruumislauta, название специального стола для покойника.

⁵³ L. Simonsuuri. Muuttillisii tarinoita, с. 95; он же. Typen- und Motivverzeichnis. . . , С 436.

* Шкала терминов родства (примеч. пер.).

⁵⁴ L. Simonsuri. Myytilisiä tarinoita, с. 184; он же. Typen- und Motivverzeichnis. . . , D 561 (D 691 и 701).

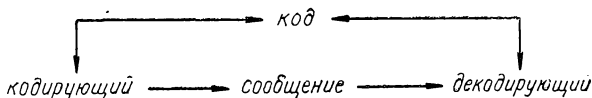
⁵⁵ Th. A. Sebeok, F. I. Ingemann. Structural and Content. . . , с. 284—287. Следуя в общей интерпретационной схеме первой части данного анализа, мы будем рассматривать этот заговор как закливание, что является предварительным этапом логической формализации. Однако возможно ли оставлять в стороне императивную значимость заговора, не затрагивая его природной сущности? Если нет, то ворожей должен быть изначально включен в него и приниматься в расчет (как медиатор), см. далее.

⁵⁶ Th. A. Sebeok. The Structure and Content. . . , с. 382—383.

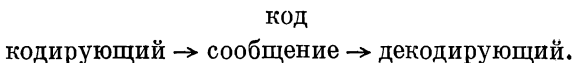
⁵⁷ Ср.: L. Honko. Luonnonjärjestyksen palauttamisen aate parannusriiteissä *. — P. Virtaranta, T. Itkonen, P. Pulkkinen (eds.). Verba Docent. Juhlakirja Louri Hakulisen 60-vuotispäiväksi 6.10.1959. Helsinki, 1959, с. 539—613. «Врачеватель — защитник порядка и восстановитель духовного равновесия общества. . . и психологическая и идеологическая, т. е. мифологическая, логика обрядов врачевания может быть описана одинаково. В обеих идет речь о восстановлении космического порядка» (там же, с. 612—613). По мнению Хонко миф является необходимым составляющим обряда врачевания; наш пример ясно показывает, что это не обязательно: и без этого данный текст, заговор, работает как миф.

⁵⁸ М. Хаавио (M. Haavio. Lauluruu. Helsinki, 1952) в антологии финской народной лирики, между прочим, дает некоторое количество заговоров как лирические тексты (ср. у Ламартина в «Le Lac»: O temps, suspends ton vol. . . .).

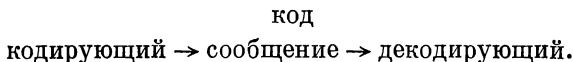
⁵⁹ Используя себеоковскую модель фольклорной коммуникации (здесь в упрощении):

для своего анализа мы взяли следующие элементы:

Анализ Себеока не детализирует процесса медиации и поэтому, возможно, имплицитно рассматривает такие заговоры как лирические обращения (см. сн. 58). Такой способ анализа использован лишь в следующей части:

⁶⁰ Миф как текст тогда будет нарративом; однако для создания нарративного мифа нужно нечто большее, чем просто пересказ: нужна его актуализация в проблемной ситуации; эта ситуация, ее проблема и решение будут тогда психосоциальным эквивалентом ритуала. Ср.: C. Lévi-Strauss. La pensée sauvage, с. 313—323.

⁶¹ E. Kōngäs Maranda. A Finnish Schwank Pattern, с. 202—204. Эта модель состоит из следующих признаков: окружение/характеры/проблема/квазирешение/финальное решение/сообщение. Из них характеры являются структурными составляющими и используются как термы; задача имплицитно ставится во введении, т. е. в начале, как предварительное условие квазирешения. Наши структурные единицы содержатся в квазирешении/квазирезультате/

* Принцип восстановления космического порядка в образах врачевания (примеч. пер.).

финальном решении/финальном результате (в последнем сообщении, как мы вскоре покажем, занимает свое определенное место).

⁶² Там же, с. 210.

⁶³ Там же, с. 205—206.

⁶⁴ E. K ö n g ä s M a r a n d a. The Earth Diver. — «Ethnohistory». Vol. 7, 1960, с. 151—180.

⁶⁵ Там же, с. 153.

⁶⁶ E. Wheeler-Voegelin. Earth Diver. — M. Leach (ed.). Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend, с. 334.

⁶⁷ Если способность к нырянию — свойство первосущества в нашем мифе, перед нами монотеистическое понятие творца; если способность к нырянию приписывается только помощнику (а способность к творению у него огнята), перед нами дуальное понятие творца. См.: E. K ö n g ä s M a r a n d a. The Earth Diver, с. 167—169.

⁶⁸ L. Simonsuuri. Myytillisä tarinoita, с. 248—250; он же. Typen- und Motivverzeichnis. . ., E 551.

⁶⁹ См., например: Finlands svenska folkdikning I A, Sagor. Vol. 1. Helsingfors, 1917, с. 134—140 (тип 330); P. Debarue. La conte populaire française. Vol. 1. P., 1957, с. 346—364.

⁷⁰ L. Simonsuuri. Myytillisä tarinoita, с. 276.

⁷¹ A. Taylor. English Riddles from Oral Tradition. Berkeley and Los Angeles, 1951, № 227. Ср. с. 272—310: «Орган, нормальный по форме, аномальный по функции».

⁷² A. Dundes. Trends in Content Analysis: A Review Article. — «Midwest Folklore». Vol. 12, 1962, с. 31—38, особенно с. 37—38.

⁷³ A. Dundes. Brown County Superstitions, с. 25—56.

⁷⁴ Там же, с. 31.

⁷⁵ Там же, с. 32.

⁷⁶ Там же, с. 34—39.

⁷⁷ Там же, с. 32.

⁷⁸ Там же, с. 33.

⁷⁹ E. K ö n g ä s M a r a n d a. What Does a Myth Tell about Society? — Radcliff Institute Seminars. Jan. 1966; она же. Two Tales of Orphans. — Там же. Feb. 1966; она же. Myth and Art as Teaching Materials. Cambridge. Mass., 1965.

⁸⁰ P. Maranda. The Structural Analysis of Myth, Lecture given at Harvard University 1965 (пук.); ср.: R. da Matta. Myth and Anti-Myth among the Timbira.

⁸¹ J. Peacock. Class, Clown and Cosmology in Javanese Drama.

⁸² Использование этой формулы для исследования элементарной структуры родства см. в работе: P. Maranda. Note sur l'élément de parenté. — «Anthropos». Vol. 58, 1963, с. 810—828.

⁸³ Если могут быть приняты обобщения Дж. Кемпбелла о героических мифах (см.: J. Campbell. The Hero with a Thousand Faces. N. Y., 1960), то нашей формуле, безусловно, будут соответствовать мифы разных культур: «Рискуя жизнью, герой переходит из мира повседневного в область сверхъестественного чуда; ему противостоят фантастические силы, но он одерживает победу; герой возвращается из своего чудесного приключения, обладая властью одаривать благами своих подданных». В качестве иллюстрации он приводит Прометея, Ясона, Энея и Будду, представляя это на диаграмме в виде окружности, соответствующей движению героя вовне и его возвращению обратно, в «повседневный мир». Мы хотим подчеркнуть (см. нашу модель IV), что герой не возвращается в исходную точку (см. нашу модель III), но что следствием его приключения является трансформация мира.

Моя цель ¹ заключается в предложении рабочей гипотезы для анализа фольклорного дискурса. Его я определяю как универсум мифов, сказок, легенд, пословиц и прочих традиционных жанров. Этот очерк вписывается в направление, представленное трудами Леви-Строса, нашей работой «Структурные модели и трансформационные исследования» ², и имеет много точек соприкосновения с результатами, полученными А. Греймасом, В. Мореном, Г. Мильнером и в особенности Э. Кёнгас-Маранда («Структура загадок» ³).

В качестве рабочей гипотезы здесь предлагается попытка определить элементарную структуру сказки «Золушка» (АТ 510); если она к тому же станет таксономическим критерием, мы будем в дополнительном выигрыше (см. ниже, 4.4). В этом смысле мое определение связано, с одной стороны, со словом Малларме, а с другой — с канонической формулой Леви-Строса. Напомним, что первый в письме к Верлену высказал мысль, что в мире существует только один миф, лежащий в основе и письменной поэзии, и устной традиции, и этот миф — ответ на вопрос, почему человек должен умереть. Второй, как известно, сформулировал с помощью алгебраизированной метафоры, представляющейся такой же загадочной, как и сами мифы, теорию, основанную на двойной инверсии.

Метаязык, которым я буду пользоваться в ходе этого метамифологического экскурса, элементарен; надеюсь, что он послужит отправной точкой для более строгого анализа.

Чтобы подойти к центральной функции, я буду пользоваться трансформационным анализом, применяя редукцию. А поскольку трансформационный анализ, по сути, основан на теории множеств, придется прибегнуть и к ней. Теория графов, в свою очередь, позволяет сформулировать некоторые отношения, существенные для нашего анализа; равным образом я обращаюсь к ней.

Но, конечно, было бы полезно прежде всего определить в самом общем виде смысл уже употребленных здесь терминов. Прочтя статью, читатель может вернуться к этому разделу.

Метаязык. Метаязык — аналитический язык, (1) лексика которого состоит из однозначно определенных термов и (2) все син-

---

* Переведено по: P. M a r a n d a. Cendrillon: théories des graphes et des ensembles. — Sémiotique narrative et textuelle. P., 1973, с. 122—136.

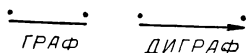
таксические правила которого выражены эксплицитно. Основной метаязык, использованный в этой статье, — теория графов (ориентированных графов).

Металиф. В данном контексте этот термин означает «структуру», т. е. сумму метаязыковых операций, описывающих порождение сказки «Золушка».

Трансформационный анализ. Текст, версию или вариант можно трансформировать один в другой, определив правила, эксплицитные этот переход, или трансформацию. Короче говоря, трансформация — проекция одного элемента множества на другое множество. Эта проекция может осуществляться путем замещения, инверсии, перевертывания и т. д.⁴. При этом должно выполняться одно условие: следует избегать функциональной энтропии, т. е. множество, на которое сделана проекция, должно сохранять свои формальные свойства. Возьмем, например, в качестве множества все городские улицы с односторонним движением; применим трансформацию перевертывания: все улицы с движением в направлении север—юг получат направление движения с юга на север и т. д., а множество сохранит при этом свои формальные свойства. Но если мы применим трансформацию снятия оппозиции, т. е. если все улицы будут иметь двустороннее движение, то множество потеряет свои формальные свойства и придется вводить новое множество, с иными характеристиками организации движения; его новые формальные свойства будут отличными от предыдущих.

Теория множеств. На основании предшествующего следует заключить, что сначала надо определить множества и их формальные свойства, а затем переходить к трансформациям (см. ниже, разд. 3).

Теория графов. Существует два типа графов: неориентированные и ориентированные, или «направленные» (*dirigés*, откуда сокращение «диграф»). И первые и вторые изображаются точками и дугами, но, в то время как в неориентированных графах дуги — это линии, в диграфах это стрелки, острия которых указывают направление (ср. разницу между ними на следующем рисунке).

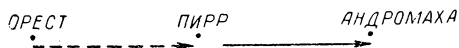

Точки в графе — «термы», а дуги — «отношения» между этими термами. Так, карта дорог является неориентированным графом, где обычно точки — населенные пункты, а дуги — пути сообщения. Напротив, путеводитель или путевой лист являются диграфами, поскольку в них указан отправной пункт, остановки в пути и пункт прибытия, и, таким образом, между этими точками установлены отношения порядка (например, мы сначала едем в Монреаль, потом в Торонто, потом в Ванкувер или сначала в Торонто, потом в Ванкувер, потом в Монреаль и т. п. — в порядке, установленном нами самими или агентом бюро путешествий).

В рамках этой статьи достаточно ввести еще два понятия теории графов — понятие помеченной и непомеченной дуги и понятие степени точки.

Точки и ориентированные дуги — элементы, которые нам будут необходимы. Теперь следует сказать, что непомеченная дуга ничего не говорит о характере представленных ею отношений, в то время как помеченная дуга показывает либо негативное (прерывистая линия), либо позитивное отношение (сплошная линия). Помеченные дуги часто используются в психологии, а также при составлении социограмм. Например, для изображения в виде графа любви Пирра к Андромахе в трагедии Расина надо взять сплошную дугу, для изображения ненависти Ореста к Пирру — прерывистую дугу (см. рис.).

И последнее понятие, которым мы будем пользоваться, — степень точки (были бы также весьма полезны и другие понятия, такие, как «связность», «цикл», «присоединенная матрица» и т. д., если бы мы хотели вывести анализ за пределы настоящего очерка, ср. работу, упомянутую ниже, в 2.0, примеч. 5).

Степень точки измеряется в терминах количества исходящих и входящих дуг. Очевидно, что точка, не связанная с другой точкой, изолированная, имеет степень 0. Для связанных между собой точек можно говорить о двух степенях или двух типах — исходе и заходе. Точка в начале дуги имеет таким образом 1-ю степень исхода (или 1-ю внешнюю полустепень, поскольку отношение идет от этой точки до другой); и наоборот: точка, в которую входит дуга, будет иметь 1-ю степень захода (или 1-ю внутреннюю полустепень, поскольку отношение идет от другой точки до нее). Далее вводятся символы $d+$ для обозначения степени исхода и $d-$ для обозначения степени захода.

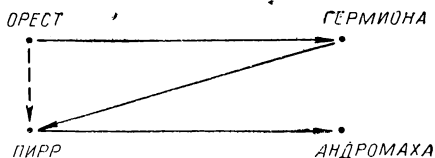
Вернемся к дорожному примеру и к «Андромахе». Представим в городе площадь, откуда выходят две улицы с односторонним движением и одна с двусторонним и куда входят две улицы с односторонним движением. Таблица описывает эту точку (площадь) с помощью графов:

$d+$ — количество улиц с односторонним движением, выходящих с площади (2);

$d\pm$ — количество улиц с двусторонним движением, соединяющих площадь с другими точками (1);

$d-$ — количество улиц с односторонним движением, ведущих к площади (2).

Оказывается, что в «Андромахе» степень действия у Ореста выше, чем у Пирра, и что степень мотивации этого у последнего выше, чем у Ореста, поскольку $d+(\text{Орест})=2$, в то время как $d+(\text{Пирр})=1$ и $d-(\text{Пирр})=2$.

Цель этого вступления — с самого начала облегчить читателю понимание операций анализа.

1. СОДЕРЖАНИЕ СКАЗКИ

Учитывая результаты формализации с помощью графов, я перегруппирую выделенные Деларю—Тенез (Delagüe—Tenèze) четыре эпизода в три. Третий их эпизод, «Встреча с принцем», теперь объединяется с четвертым в эпизод «Узнавание и свадьба». Эта операция оправдана и без введения графов, поскольку «узнавание» прибавляет только метонимический элемент (для принца потерянная туфелька — это и загадка и ключ: метонимия как часть костюма Золушки; метафора в структуре уравнения, где неизвестное — женщина, которую ищут).

I. Героиню преследуют.

A. У героини две сводные сестры [(которые) чья мать ее преследует(ют)].

II. Чудесный помощник.

B. В то время как сестра(ы) едет(ут) на бал. . . героиня должна остаться дома.

C. Героине помогает. . . доброжелательное существо.

D. Героиня получает от доброжелательного существа. . . наряд и карету.

III. Встреча с принцем.

A. В этом наряде героиня отправляется на бал.

B. Принц не сводит глаз с героини.

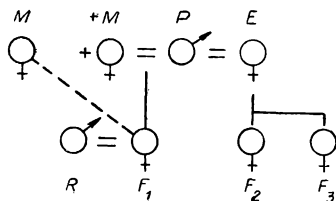
[IV]. Узнавание и свадьба.

E. Счастливая свадьба.

2. ГРАФЫ

Теория графов — удобный инструмент для выявления точным образом отношений между терминами — здесь между персонажами «Золушки»⁵.

2.1. Определения

F_1 = Золушка, дочь P ,
 M = фея-крестная,
 $+M$ = умершая мать F_1 ,
 P = отец F_1 ,
 E = жена P , мачеха F_1 ,
 R = принц,
 F_2, F_3 = сводные сестры F_1 .

Эти символы, представляющие скорее роли, чем актанты ⁶, отсылают к парадигматическим множествам (см. ниже, 4.3).

Отношения родства ⁷:

A = свойство (в том числе брак),
 G' = кровное родство (step-relative),
 G'' = «полуродство»,
 G''' = отношение между крестными родителями и детьми,
 S = полусиблинг.

Отношения исхода и захода:

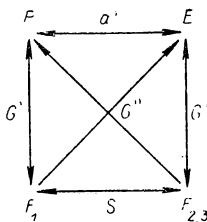
$d+(x_1)$ = степень исхода (или внешняя полустепень точки x_1) — количество дуг, исходящих из точки x_1 в одном графе,
 $d-(x_1)$ = степень захода (или внутренняя полустепень точки x_1) — количество дуг, входящих в точку x_1 в одном графе.

Взаимные обязательства:

A = выполнение долга,
 $\neg A$ = отказ от выполнения долга.

2.2. Родство и свадьба: исходный домашний очаг и создание нового домашнего очага

Эпизод I.

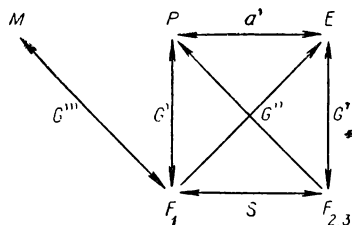
$$d+(F_1) = d+(P) = d+(E) = d+(F_{2,3}) = 3,$$

$$d-(F_1) = d-(P) = d-(E) = d-(F_{2,3}) = 3.$$

Перед нами исходный домашний очаг в состоянии равновесия, где в принципе каждый член в силу родственных отношений имеет доступ к любому другому. Таким образом, граф, представляющий эпизод 1, имеет сильную связность (теперь, предвосхищая 2.3, можно

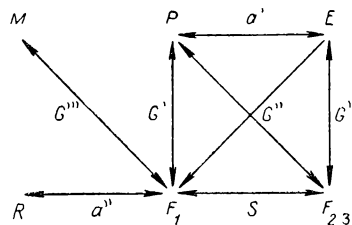
заметить, избегая ловушки этноцентризма, что G' не всегда означает сердечность отношений, а S и G'' — их напряженность, ср. дружбу мачехи и/или отчима с неродными детьми в исландском фольклоре).

Эпизод II.

Появляется пятая точка, M , где $d+(M)=d-(M)=1$; $d+$ и $d-$ остаются постоянными для всех остальных точек, кроме F_1 , где $d+(F_1)=d-(F_1)=4$. К участникам исходного домашнего очага теперь прибавилась чудесная помощница, вследствие чего $d_{\pm}(F_1)$ из 3 (эпизод I) становится равным 4.

Эпизод III.

Появляется шестая точка, R , где $d+(R)=d-(R)=d+(M)=d-(M)=1$.

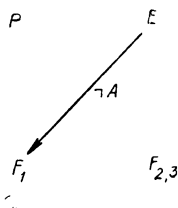
$d_{\pm}$ остается постоянным для P , E , $E_{2,3}$. Для F_1 достигнут максимум; $d_{\pm}(F_1)=5$.

Теперь образован новый домашний очаг, результат заключается в увеличении $d_{\pm}(F_1)$, возрастающего от 3 до 5, в то время как степени исхода и захода у других персонажей остаются постоянными; действие завершило свой путь.

2.3. Взаимные обязательства

Схема, образованная отношениями родства, не обнаруживает ничего иного, кроме их прогрессивного увеличения, благодаря Золушке. Об этом говорят прежде всего отношения действия.

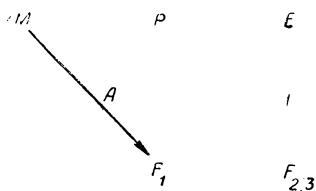
Эпизод I.

$$\begin{aligned}d \pm (P) &= d \pm (F_{2,3}) = 0, \\d \vdash (F_1) &= 0, d \dashv (F_1) = 1, \\d \dashv (E) &= 0, d \vdash (F_1) = 1.\end{aligned}$$

При переходе от структуры домашнего очага к структуре действия P и $F_{2,3}$ исчезают, и граф сводится к двум точкам, между которыми существует отношение «отказа от выполнения долга». (В некоторых версиях прямо говорится, что Золушка — служанка у мачехи и сводных сестер; тогда по форме отношение $F_1 \leftrightarrow E$ становится симметричным, а по содержанию — нерефлексивным.)

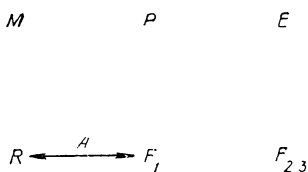
Эпизод II.

$$\begin{aligned}d \pm (P) &= d \pm (E) = d \pm (F_{2,3}) = 0, \\d \vdash (F_1) &= 0, d \dashv (F_1) = 1, \\d \dashv (M) &= 0, d \vdash (M) = 1.\end{aligned}$$

Здесь, как и в эпизоде I, содержится еще только одно отношение, не симметричное, но по содержанию дополнительное к отношению в эпизоде I; центром внимания считается по-прежнему F_1 .

Эпизод III.

$$d \pm (F_1) = d \pm (R) = 1.$$

Отношение симметричное как по форме, так и по содержанию. Пусть это отношение обоюдного содействия и долга—контрдолга будет основано на теории дара, выработанной Моссом (Mauss).

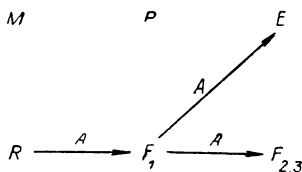
Тогда активными персонажами являются поэпизодно:

- I: E ,
- II: M ,
- III: F_1, R .

Золушка же, $d \vdash (F_1) = 1$, активна только в эпизоде III, в то время как в эпизодах I и II ее роль строго пассивна. При отсутствии взаи-

модействия между двумя домашними очагами Золушка становится активной только при столкновении двух противопоставленных сил. По существу, она, как и любой персонаж, только предлог для сказки и не может быть ее элементарной функцией; последняя выявится лишь после адекватного анализа противодействующих сил, конфликт между которыми в точности соответствует матрице мифа.

Следует прибавить, что в версиях, где конечный эпизод содержит примирение, значимость Золушки как персонажа повышается, так как при этом ее степень захода остается постоянной, $D+(F_1)=3$.

Мы имеем, таким образом, (1) структуру внутреннего по отношению к исходному домашнему очагу действия A ; (2) введение дополнительного отношения, A , извне исходного домашнего очага (хотя доступ туда обеспечивается отношением крестных родителей и детей) и (3) симметричное и рефлексивное отношение. Наша элементарная структура получает, таким образом, следующее выражение:

G''' , оперирующее над AG^{n-1} , дает A .

Другими словами, доброжелательность родственника по религиозному обряду разрушает злокозненность сводного родственника и может, таким образом, привести к установлению отношения свойства (брака).

3. МНОЖЕСТВА

Формализация «Золушки» с помощью графов привела к выделению двух стратегических уровней (или «изотопий», в терминах Грей-маса) анализа: 1) семейные структуры и 2) взаимные обязательства; первый выделяется извлечением из исходного домашнего очага, второй — действием силы, ограничивающей силу противника. Теперь применим другие средства анализа. Структурные механизмы творчества в сказке раскроет перед нами теория множеств.

3.1. Определение

Универсум. Универсальное множество, или универсум дискурса, т. е. множество всех множеств, являющихся объектом анализа, например все алфавиты письменных языков, все мифы, записанные в одном или нескольких обществах.

Множество. Собрание объектов, определенных некоторым признаком; множество определяется либо *списком* своих членов, либо

правилом принадлежности, содержащим критериальные признаки. Множество, определяемое списком, или перечислением, — это, например, гласные в данном алфавите (a, e, i, o, u), так же как персонажи «Золушки» ($F_1, P, E, F_2, F_3, M, R$). Множество, определяемое правилом, — это, например, лабио-велярные; Скандинавские страны; отношения родства в европейском фольклоре. $B = [P \mid P \in \text{Скандинавия}]$, т. е. « B есть множество стран P таких, что они находятся в Скандинавии»; $A = [R \mid R \in \text{европейский фольклор}]$, т. е. « A есть множество отношений родства таких, что они засвидетельствованы в европейском фольклоре».

Подмножество. Множество, члены которого являются членами большего множества. Так, множество (гласные) есть *подмножество* множества (буквы алфавита), множество (персонажи «Золушки») есть подмножество (персонажей фольклора).

Дополнение. Множество всех элементов универсального множества, не входящих в данное множество. Так, в универсуме $U = \text{буквы алфавита}$ дополнением множества (гласные) является множество (согласные) и, наоборот, дополнением множества (согласные) является множество (гласные).

Мы будем иметь дело только с конечными множествами и, более конкретно, с множеством персонажей «Золушки». Персонажи сначала будут определены списком (3.2), потом правилом (3.3). Наконец, действие будет проанализировано в терминах дополнений.

3.2. Определение списком множеств, образованных персонажами «Золушки»

Эпизоды	Множества
I	$[F_1, P, E, F_2, F_3]$
II	$[F_1, M]$
III	$[F_1, R]$

3.3. Определение правилом множеств, образованных персонажами «Золушки»

Сформулированные здесь правила опираются на этнологию.

Правило I. Группировка персонажей по полу.

Эпизоды	Множества	
	Женщины	Мужчины
I	$[F_1, E, F_2, F_3]$	$[P]$
II	$[F_1, M]$	
III	$[F_1]$	$[R]$

При переходе от I к II наблюдается ликвидация одноэлементного множества $[P]$, а при переходе от I к III — замещение множества

$[P]$ множеством $[R]$. При переходе от I к II также происходит замещение подмножества $[E, F_2, F_3]$ подмножеством $[M]$. В III остаются только одна женщина и один мужчина; женщина участвовала во всех эпизодах, в то время как отца замещает супруг.

Правило 2. Группировка персонажей по отношениям кровного родства, крестных и крестников и свойства.

Эпизоды	Кровное родство	Свойство	Крестные
I	$[F_1, P]$ $[E, F_2, F_3]$	$[F_1, E]$ $[F_1, F_2, F_3]$ $[P, E]$	
II		$[P, F_2, F_3]$	
III		$[F_1, R]$	$[F, M]$

Мы видим, что отношения свойства объединяют наибольшее число персонажей — по сути дела, всех, кроме крестной (своим существованием обязанной предшествующему браку P и $\dagger M$, от которого произошла F_1).

Одновременное применение правил 1 и 2 (каждое отношение представлено группами персонажей одного и того же пола).

Эпизоды	Кровное родство		Свойство	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
I	$\emptyset$	$[E, F_2, F_3]$	$\emptyset$	$[F_1, E]$ $[F_1, F_2, F_3]$
II		Крестные		
		Мужчины	Женщины	
		$\emptyset$	$\emptyset$	
		$\emptyset$	F_1, M	

Мужчины элиминированы полностью; сказка как будто имеет дело только с женщинами. Однако наибольшее число персонажей объединено отношениями свойства, для которого необходимо присутствие обоих полов.

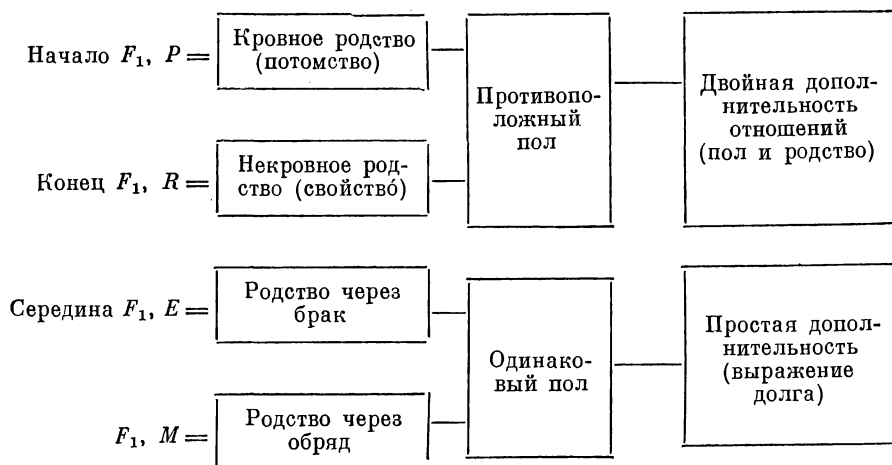
В силу $[E, F_2, F_3]$ рассказчик может свести $[F_2, F_3]$ к $[E]$ для большей компактности действия или по своему усмотрению развернуть его, расширив $[F_1, F_2, F_3]$, если он располагает временем или замечает у слушателей большой интерес.

Вернемся к отношениям свойства. Одновременное применение правил 1 и 2 позволяет выделить следующие остатки (декартово произведение мужчины $\otimes$ женщины).

Эпизоды	Кровное родство	Свойство
I	$F_1 \otimes P$	$P \otimes E$
II	$\emptyset$	$\emptyset$
III	$\emptyset$	$F_1 \otimes R$

Тогда действие имеет следующую структуру.

3.4.1. Начало и конец

Для женщины мужской универсум состоит либо из кровных родственников, либо из дополнения этого множества — некровных родственников (=свойственники и чужие). Здесь в начале описывается девушка, живущая вместе со своим отцом; в конце та же девушка живет вместе с супругом, став членом чужого домашнего очага. Происходит переход от исходного домашнего очага к новому и одновременно от отношений кровного родства к отношениям свойства. И все это — с помощью двойной инверсии по типу триггерного устройства.

	Кровное родство	Свойство
Начало	1	0
Конец	0	1

3.4.2. Середина

Мы свели структуру действия к триггерному устройству двойной инверсии кровного родства (имеющегося в начале, отсутствующего в конце) и свойства (жертвой которого вначале была F_1 и которое главенствует в конце). Теперь пойдем дальше и попытаемся выделить оператора(ов) этой двойной инверсии.

Применив правила 1 и 2, мы уже выделили подмножества $[F_1, E]$ и $[F_1, M]$. Мы знаем, что мать F_1 умерла и что, следовательно, E в качестве мачехи имеет по отношению к F_1 права и обязанности, точно так же как и M в качестве крестной. Мы знаем также, что при

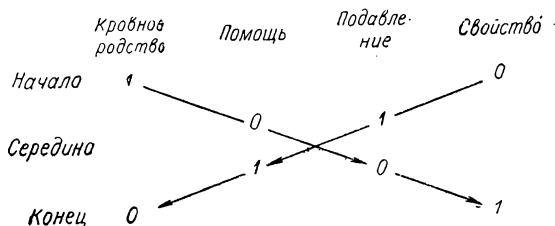
противопоставлении ролей для $F_1 \otimes E$, $F_1 \xrightarrow{7A} E$ и для $F_1 \otimes M$,
 $F_1 \xleftarrow{A} M$.

Еще одна инверсия.

		Помощь	Подавление
Середина	Начало	0	1
	Конец	1	0.

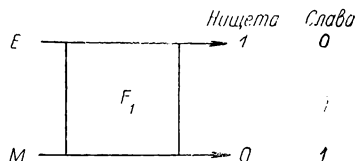
3.4.3. Целое

Сказку заключает двойная инверсия; отметим, что необходимость в мужчинах возникает только в начале и в конце.

Эта формализация сближается с предложенной Леви-Стросом в качестве канонической для мифа, к ней мы и приходим в конце. Ею представлена структура типа модели IV, описанной в другом месте⁸. Здесь в связи с анализом элементарной структуры «Золушки» мы заключаем, что (1) это структура с двойной инверсией, как в большом числе мифов, сказок и т. д., и что (2) двойная инверсия оперирует двумя множествами — кровным родством и взаимными обязательствами. Прибавим, что, если бы мы к тому же хотели исследовать европейские системы родства, было бы правомерно предложить в качестве множеств кровное родство (P) и полусвойство (E); кровное полуродство (M) и свойство (супруг A).

Обратимся теперь к имени Золушки с его семантикой «жалкое положение». Его типологическая связь с «пепельной средой» позволяет записать:

Тогда E_1 есть не что иное, как точка пересечения двух агентов, или операторов. Это — возвращение к результатам формализации с помощью графов. На космологическом уровне сказка объясняет, что если «унижающий себя возвысится», то это потому, что для фей (или

других сверхъестественных сил, здесь в большинстве случаев выступающих в связи с покойной матерью) нет ничего невозможного. «Великий пост» Золушки и ее «гипергамная пасха» служат только для манифестации могущества крестной. Она для вящей славы должна осыпать Золушку благодеяниями, и с этой целью коллективные представления в европейских обществах создали мачех и принцев.

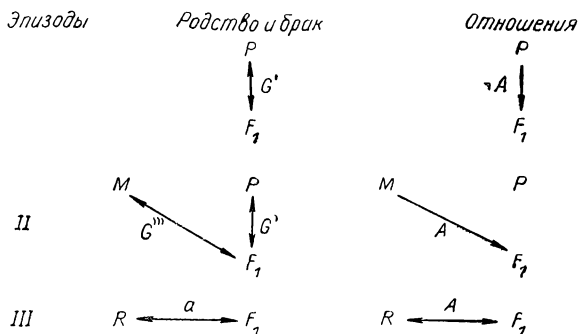
Теперь надо как можно больше сжать сказку, чтобы прийти к элементарной структуре, максимально однозначной, т. е. менее общей.

4. ЭЛЕМЕНТАРНАЯ СТРУКТУРА (см. выше, 2.3 и 3.3)

4.1. Отец и супруг

Самая простая форма ($\neq$ Urform) сказки как будто тяготеет к схеме «отцовское подавление». К этой схеме и можно свести «Золушку», применив правило 2 к эпизоду 1 и устранив подмножество $[E, F_2, F_3]$.

Вернемся к графам; тогда 2.2 и 2.3 с наложенным ограничением будут иметь следующий вид.

Что же, оказывается, такая элементарная версия существует (см.: Аарне—Томсон, тип 510, 1): «Преследуемая героиня. . . (b) убегает . . . от отца, который хочет жениться на ней. . . Т 411.1. Распутный отец. S322.1.2. Отец прогоняет дочь, потому что она не хочет выйти за него замуж». Явное подавление, доходящее до инцестуозного преследования.

4.2. Мачеха и крестная

Кто бы ни выступал в качестве помощника — крестная, чудесный предмет, найденный на могиле Золушкиной матери, или сама мать в ином облике и т. д., все это ясно показывает, что действующие лица образуют парадигматическое множество. Это удостоверяется следующей таблицей по Аарне—Томсону.

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ МНОЖЕСТВА

F_1 := героиня-падчерица = обижаемая младшая дочь = бесперспективная героиня = печь как местонахождение бесперспективного героя (героини) и т. д.

M = умершая мать приходит на помощь к преследуемой дочери = чудесный предмет, полученный от матери, = чудесный предмет, найденный на могиле матери, и т. д.

Можно также принять $E=P$ (см. выше, 4.2).

4.3. Необходимые и достаточные термины и отношения

ТЕРМЫ	ОТНОШЕНИЯ
1. Кровный родственник или полусвойственник	Отказ от выполнения долга
2. Кровный родственник или кровный полуродственник	Выполнение долга
3. Партнер противоположного пола	Свадьба

Таким образом, «Спящая красавица» не принадлежит к тому же структурному типу, что «Золушка»; напротив, «Ослиная шкура» к нему относится, поскольку последняя сказка может быть рассмотрена как ее зеркальная структура (напомним, что в «Ослиной шкуре» принцесса становится судомойкой, чтобы избавиться от incestуозных намерений своего отца, короля).

Предложенная в этом очерке рабочая гипотеза может быть проверена анализом отношений и операторов в других версиях «Золушки» и в других сказках иного — в традиционном рассмотрении — типа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь Пьер Маранда повторяет в расширенном и дополненном виде свой доклад на коллоквиуме в Палермо (5—10 апреля 1970 г.). — Примеч. к франц. изд.

² E. K ö n g ä s M a r a n d a, P. M a r a n d a. Structural Models in Folklore and Transformational Essays. The Hague—Paris, 1971.

³ E. K ö n g ä s M a r a n d a. The Logic of Riddles. — Structural Analysis of Oral Tradition. Ed. by P. Maranda and E. K ö n g ä s M a r a n d a. Philadelphia, 1971.

⁴ Более подробно см.: E. K ö n g ä s M a r a n d a. Perinteen transformaatios ä ntöjen tutkimisesta. — «Virittäjä». 1970, № 2 (французское резюме); P. M a r a n d a, E. K ö n g ä s M a r a n d a. Introduction. — Structural Analysis of Oral Tradition. Philadelphia, 1970.

⁵ Применение того же способа в более разработанном виде к анализу родства и ритуала см.: они же. Le Crâne et l'Utérus; Deux Théorèmes nord-malaitains. — «Échanges et Communications». Vol. 2. Mouton, 1970.

⁶ A. G r e i m a s. Du Sens. P., 1971.

⁷ См.: P. M a r a n d a. Kinship Semantics. — «Anthropos». 1964, № 6.

⁸ E. K ö n g ä s M a r a n d a, P. M a r a n d a. Structural Models. . .

1. ВВЕДЕНИЕ

Одним из принципов современной эстетики является возможность многих прочтений художественного произведения. Другими словами, читатель становится участником произведения, а основным делается отношение, устанавливающееся между текстом и читателем, отношение, которое меняется от момента к моменту и от читателя к читателю. Но хотя этот принцип стал чуть ли не общим местом в эстетике и литературной критике, он пока еще не нашел себе места в анализах художественного текста. Напротив, подобные анализы обычно ставят себе задачу объективного описания текста и стремятся исключить любой элемент, не имманентный тексту, а насыщенный субъективностью читателя.

Цель нашей работы — наметить возможность для примирения принципа полисемии художественного текста с требованиями научного анализа этого текста. Метод, который мы применим к нескольким сказкам, подсказан принципами порождающей грамматики. Возможность использовать метод порождающих грамматик при изучении полисемии поэтических текстов обсуждалась одним из авторов в статье, опубликованной ранее [22], и мы далее будем следовать положениям этой статьи.

Основные этапы исследования следующие.

Рассматривается некоторое число сказок, для каждой из которых принимается определенное разбиение на нарративные сегменты. Эти сегменты выбираются таким образом, чтобы приписать им семантические признаки весьма общего характера, связанные с типологией ситуаций, следующих друг за другом в рамках сказки. В последовательности этих сегментов обнаруживаются определенные повторения, которые указывают на стремление текста к определенной регулярности. Мы имеем в виду не повторяемость сегментов, как таковую, а повторяемость приписываемых им семантических признаков.

Для описания этой тенденции предлагается порождающий механизм (в виде грамматики в духе Хомского), но этот механизм введен

* Автор разделов 4, 6, 8, 11, 14 и 16.

** Автор остальных разделов.

*** Переведено по: S. Fotino și S. Marcus. Gramatica basmului. — Semiotica folclorului. Abordare lingvistico-matematică. București, 1975, с. 117—156.

не на уровне непосредственного восприятия текста как артикулированного языка, а на уровне синтаксиса приписываемых нарративным сегментам семантических признаков, которые обнаруживаются при разбиении сказки. Это означает, что терминальный грамматический словарь будет множеством — разумеется, конечным — этих семантических признаков. С помощью соответствующего нетерминального словаря создается конечный набор порождающих правил, в зависимости от которых мы интерпретируем рекурсивные тенденции текста. Ясно поэтому, что структура этих правил (как, впрочем, и способ отбора семантических признаков нарративных сегментов и, следовательно, терминального словаря) отражает не имманентное свойство текста, но одно из возможных отношений между текстом и читателем, т. е. определенное прочтение текста. С помощью этой же операции порождается бесконечное множество фраз, образованных семантическими признаками, множество, которое обычно реализуется в виде бесконечной цепочки, где основными являются правила перехода от одного термина цепочки к термину, непосредственно следующему за ним. Это реализуется введением — в рамках порождающих правил (правил часто контекстнезависимых, см. далее) — по меньшей мере одного правила с самовключением, т. е. правила, которое содержит во втором члене (правом) нетерминальный символ, использованный в его первом члене.

Преимущество правила с самовключением состоит в том, что оно может быть применено многократно, без ограничений на число повторяющихся применений.

Следовательно, порождающая грамматика указанным выше способом реализует бесконечное продление текста, которое подтверждает данное прочтение сказки. Следует заметить, что благодаря своим особенно четким повторениям сказка поддается анализу по типу описанного выше в гораздо большей степени, чем произведения художественной литературы. Дело в том, что каждый читатель экстраполирует такие повторения по-разному и, более того, один и тот же читатель с течением времени меняет принятое им самим прочтение. Следовательно, каждой сказке приписывается множество грамматик — факт, который мы попытаемся иллюстрировать анализом соответствующих примеров.

2. НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ПОРОЖДАЮЩИХ ГРАММАТИКАХ

Порождающая грамматика в смысле Хомского представляет собой систему G , образованную четырьмя объектами $\langle V_T, V_N, A, R \rangle$, где V_T есть конечное множество, называемое терминальным словарем, V_N есть конечное множество, называемое нетерминальным словарем (V_T и V_N содержат по крайней мере по одному элементу и не имеют общих элементов), A есть некоторый элемент V_N , называемый аксиомой грамматики, а R есть конечный набор правил вида $x \rightarrow y$, где

x и y — конечные цепочки элементов общего словаря (определяемого как объединение терминального словаря с нетерминальным). Элементы V_T будут называться терминальными символами, а элементы V_N — нетерминальными или вспомогательными символами. Любая конечная цепочка элементов из V_T будет называться терминальной фразой. Конечная цепочка элементов из некоторого словаря V будет называться фразой над словарем V . Фраза над словарем V , следовательно, имеет вид $x = a_1 a_2 \dots a_i a_{i+1} \dots a_n$, где a_i принадлежит V при любом значении i , взятом между 1 и n . Число n называется длиной фразы x . Условимся называть нулевой фразой и будем обозначать через ω фразу длины 0. Каждый набор (конечный или бесконечный) фраз над словарем V образует язык над словарем V . Упорядоченная пара $\langle u, v \rangle$ фраз из V образует контекст над словарем V . Правило $x \rightarrow y$, где y есть фраза над словарем V_T , называется терминальным правилом. Правило, не являющееся терминальным, называется нетерминальным.

Будем говорить, что фраза z выводится с помощью G непосредственно из фразы w , если существует такое правило $x \rightarrow y$ в R и контекст $\langle u, v \rangle$ над общим словарем, так что $w = uxv$ и $z = uyv$. Будем говорить, что фраза z выводится с помощью G из фразы w , если существует цепочка фраз $t_1, t_2, \dots, t_i, t_{i+1}, \dots, t_n$, такая, что $t_1 = w$, $t_n = z$, а t_{i+1} выводится непосредственно из t_i при любом значении i между 1 и $n-1$. Определим язык $L(G)$, порожденный грамматикой G , как совокупность терминальных фраз, выводимых из аксиомы A грамматики G .

В дальнейшем обозначим через $w \xrightarrow{n} z$, что фраза z выводится непосредственно из фразы w применением правила, имеющего в грамматике G порядковый номер n (в предположении, что правила G переименованы).

Правило $x \rightarrow y$ из R называется *контекстнонезависимым*, если фраза x является нетерминальным символом, а фраза y имеет ненулевую длину. Правило $x \rightarrow y$ контекстнoзависимо, если длина фразы x положительна, но не превосходит длины фразы y . Итак, очевидно, что каждое контекстнонезависимое правило — контекстнoзависимое правило (терминология здесь парадоксальна, но она принята и следует с ней считаться). Контекстнонезависимое правило $B \rightarrow y$ есть правило с *самовключением*, если стоящий в левой части нетерминальный символ B входит в выражение y . Присутствие в контекстнонезависимой грамматике по меньшей мере одного правила с самовключением обеспечивает бесконечность языка, порожденного этой грамматикой. Контекстнонезависимое правило $x \rightarrow y$ является простым справа, если $y = Ba$, где $B \in V_N$, а $a \in V_T$. Контекстнонезависимое правило $x \rightarrow y$ является простым слева, если $y = aB$, где $B \in V_N$, а $a \in V_T$. Грамматика G называется упорядоченной или грамматикой с *конечным числом состояний*, если имеет место следующая альтернатива: 1) все нетерминальные правила являются простыми справа или 2) все нетерминальные правила являются простыми слева. Кроме того, терминальные правила имеют $C \rightarrow c$ (где $C \in V_N$, $a \in V_T$).

Грамматика G называется *контекстнозависимой* (соответственно *контекстнонезависимой*), если все ее правила контекстнозависимы (соответственно контекстнонезависимы). Отсюда следует, что любая грамматика с конечным числом состояний контекстнонезависима и любая контекстнонезависимая грамматика является контекстнозависимой.

Язык называется *упорядоченным* или языком с *конечным числом состояний*, если он может быть порожден грамматикой с конечным числом состояний. Язык называется контекстнонезависимым, если он может быть порожден контекстнонезависимой грамматикой. Язык называется контекстнозависимым, если он может быть порожден контекстнозависимой грамматикой. Итак, очевидно, что любой язык с конечным числом состояний контекстнонезависим и любой контекстнонезависимый язык является контекстнозависимым. Можно показать (см., например, [21]), что существуют контекстнонезависимые языки, которые не имеют конечного числа состояний, и существуют контекстнозависимые языки, которые не являются контекстнонезависимыми (см. еще [4]).

3. ВЫДЕЛЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ

Возьмем несколько румынских сказок, анализируя каждую из них таким образом, чтобы при развертывании событий обнаружилось определенное число семантических признаков.

Эти признаки образуют терминальный словарь; на его основе сказка будет представлена как язык и будут определены порождающие грамматики этого языка. Точкой отсчета является представление сказки как последовательности событий, в которые вовлечено определенное число участников. Эти события суть первичные синтагматические единицы сказки, и их выявление составляет первый этап предпринимаемого здесь анализа, этап, который развертывается на уровне непосредственного восприятия сказки. Выделенные единицы являются нарративными сегментами, соответствующими некоторым простым событиям с обязательной предикативностью. На втором этапе нарративные сегменты, выделенные на предыдущем этапе, объединяются в более крупные сегменты с более абстрактным значением. Это значение уже не опирается на уровень непосредственного восприятия, но является результатом произведенного читателем анализа, с помощью которого из последовательности первичных событий, выявленных на первом этапе, получается более короткая последовательность более длинных нарративных сегментов с более общими значениями. Каждое из этих значений есть синтез значений нескольких простых нарративных сегментов. Если сегмент s , полученный на втором этапе, есть результат сложения сегментов $s_1, s_2, \dots, s_n$, полученных на первом этапе, значение s будет синтезом, суммой событий, представленных сегментами $s_1, s_2, \dots, s_n$.

Второй этап отличается от первого в трех отношениях.

а) В то время как первый этап реализует разбиение на сегменты на уровне непосредственного наблюдения над нарративной структурой сказки, второй этап приводит к сегментам с более абстрактным, более общим значением.

б) Произведенное на первом этапе разбиение на сегменты обладает высокой степенью объективности, оно почти навязано текстом сказки, и здесь влияние читателя ощущается очень мало. Гораздо меньшей степенью объективности обладают и разбиение на сегменты, произведенное на втором этапе, и способ приписывания выделенным таким образом сегментам некоторых более общих значений. Эти операции в большой степени зависят от влияния читателя, от типа прочтения, которое он принимает, от способа, которым он анализирует сегменты и события, выделенные на первом этапе. Можно сказать, что на втором этапе полностью манифестируется полисемия сказки.

с) Благодаря своей конкретности, обремененности множеством самых разнообразных деталей события, выделенные на первом этапе, являются в общем неповторяемыми событиями. На уровне воспринимаемых непосредственно нарративных сегментов явления повторения возможны весьма редко; именно поэтому эти сегменты не структурны, они не могут дать представление о том, что составляет основу архитектоники любой сказки, — о симметрии и повторении. С этой точки зрения совершенно иной случай — сегменты, выделенные на втором этапе. Их значения достаточно общи, чтобы обеспечить идентификацию значений двух разных сегментов.

Эта ситуация заставляет перейти к третьему этапу — введению отношения эквивалентности для множества сегментов, выделенных на втором этапе; два сегмента считаются эквивалентными, если они имеют одно и то же значение. Установление эквивалентности потребует новой операции по абстрактизации значений. Мы можем говорить, что сегменты и значения второго этапа были выделены адекватно лишь в той мере, в какой была реализована возможность идентификации значения двух разных сегментов. Можно, таким образом, сказать, что третий этап — это этап, который поддерживает результаты второго.

В следующих далее параграфах мы будем называть *сегментами-событиями* (сокращенно с. с.) или просто *событиями* сегменты, выделенные на первом этапе (здесь мы можем объединять сегмент с его значением), в то время как сегменты, выделенные на втором этапе, будут называться *нарративными сегментами*, (сокращенно н. с.).

Значения сегментов, выделенных на втором этапе и подвергнутых еще одному процессу абстрактизации, как это было показано выше, будут семантическими признаками, образующими терминальный словарь. Таким образом, на уровне нашего анализа они становятся простейшими семантическими единицами. Эта ситуация побуждает нас считать семантические признаки терминального словаря, по сути дела, морфемами сказки, в то время как события, из которых они складываются, соответствовали бы фонемам. Конечно, это лишь

частная аналогия, относящаяся исключительно к свойству синтагматической несократимости и к отсутствию у фонем значения. В противоположность естественным языкам фонемный инвентарь здесь гораздо больше морфемного из-за малой вероятности встретить одну и ту же фонему два раза.

Конечно, невозможно указать рецепты для осуществления тех операций, которые будут совершаться на трех описанных выше этапах. Но общим указанием можно считать, что операция объединения сегментов первого этапа в более протяженные сегменты второго этапа с учетом возможности установления на третьем этапе эквивалентов определяется специфическим нарративным смыслом сказки, смыслом, который неоднократно интерпретировался как восстановление ситуации равновесия, временно нарушенного под влиянием противодействующих факторов.

Если смысл некоторых замечаний в этом разделе кажется недостаточно ясным, советуем читателю вернуться к нему после ознакомления со следующим разделом, который, будучи основан на примерах, уточняет, как нам кажется, смысл всех операций, указанных выше.

4. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ СКАЗКИ «ШАНДОР-ВИТЯЗЬ, ВЫЛОВЛЕННЫЙ ИЗ ВОДЫ»

Теперь применим метод, изложенный в предыдущем разделе, к сказке «Шандор-витязь, выловленный из воды» [А]*. Эта сказка сообщает о следующих событиях.

(1) Царица — против желания царя — рождает сына, которого (2) выгоняют из дома; (3) ребенка находит старик и воспитывает его; (4) господин и св. Петр дарят мальчику волшебный меч и трех собак в слуги. (5) Возмужав, юноша Шандор отправляется по свету. (6) По дороге он встречает юношу и братается с ним. (7) В своих странствиях Шандор приходит в местность, где водой завладел дракон, которому в обмен на воду надо приносить человеческие жертвы. Как раз готовят в жертву царскую дочь. (8) С помощью меча и своих собак Шандор побеждает дракона, освобождая воду и спасая царскую дочь. (9) Ложный герой объявляет, что он совершил подвиг, за что требует в жены царскую дочь, и (10) убивает Шандора. (11) Собаки с помощью лекарства, добытого у змеи, оживляют его. (12) Шандор разоблачает обман соперника, который несет наказание, и (13) Шандор женится на царской дочери. (14) Существует еще один персонаж, Черный Царь, претендующий на руку царской дочери и, таким образом, являющийся соперником Шандора, которого он вызывает на поединок. (15) Три раза Шандор побеждает его с помощью волшебного меча. (16) Тогда Черный Царь понимает, что дело в мече, и стремится им завладеть. С помощью колдуньи, в сговор с которой входит и неверная жена Шандора, Черный Царь завладевает мечом. (17) Шандор убит.

* Примечания к сказкам см. в конце настоящей статьи (примеч. ред.).

(18) Собаки тем же способом, что и в предыдущий раз, оживляют его. (19) Шандор находит способ вернуть себе меч и покарать жену и Черного Царя. (20) Он встречается с названным братом, и побратимство возобновляется. (21) В это время он видит Красавицу мира и идет ее искать. (22) С помощью доброжелательного великана Шандор находит Красавицу мира, (23) на которой и женится.

Теперь сгруппируем следующим образом последовательность выделенных выше 23 сегментов-событий. Первый нарративный сегмент будет результатом сложений первых пяти с. с. Второй н. с. сведется к с. с. 6, третий н. с. будет образован событиями 7 и 8, четвертый — событиями 9, 10, 11 и 12. Пятый н. с. будет равен с. с. 13, шестой — 14 и 15, седьмой — с. с. 16, 17, 18, 19, восьмой — с. с. 20, девятый — с. с. 21 и 22, а десятый, и последний, нарративный сегмент образован с. с. 23.

Значения этих 10 нарративных сегментов определяются следующим образом. Н. с. 1 имеет нулевое значение, поскольку в принятой перспективе события с 1-го по 5-е не участвуют в развитии действия (они охватывают биографию персонажа до того, как он включается в действие, до его становления как персонажа-героя, и составляют предысторию, стилистический декор повествования). На том же основании припишем нулевое значение и сегменту 6. Н. с. 2 содержит встречу названного брата — содержание, которое встретится вновь в н. с. 8. Н. с. 3 и 9 соответствуют появлению первой и далее второй жены. Н. с. 4 и 7 соответствуют последовательности соперничество — убийство — возвращение — победа. Н. с. 5 и 10 соответствуют свадьбе.

Как видим, мы прошли одновременно описанные выше второй и третий этапы. Можно заметить, что каждый раз, когда два нарративных сегмента имеют сходное значение, они имеют и одинаковую длину (под длиной н. с. понимается количество с. с., на которые он распадается), а события одного и того же ранга в двух семантически эквивалентных н. с., в свою очередь, имеют сходное значение. Например, эквивалентные по значению н. с. 4 и 7 оба имеют одинаковую длину — 4, события первого порядка (соответственно с. с. 9 и 16) имеют значение «соперничество», события второго порядка (соответственно с. с. 10 и 17) имеют значение «убийство», события третьего порядка (соответственно 11 и 18) — значение «возвращение», а событие четвертого (соответственно 12 и 19) — значение «победа». Может показаться, что наличие некоторых событий со сходным значением находится в противоречии с утверждением предыдущего параграфа, согласно которому два разных н. с. имеют, как правило, разные значения. Однако это лишь кажущееся противоречие, поскольку в предыдущем параграфе речь идет о значении с. с. на уровне непосредственного восприятия, а здесь речь идет об их значении на определенном уровне абстракции.

Итак, запомним, что десять «морфемных» сегментов, представляющих сказку на синтагматическом уровне, соответствуют ряду семан-

тических признаков, которые вводят в множество нарративных сегментов отношение эквивалентности: два н. с. являются эквивалентными, если они соответствуют одному и тому же семантическому признаку. Рассматриваемые в самой абстрактной, самой общей форме, эти семантические признаки будут следующими: нулевой семантический признак «побуждение к действию» (конкретизированное во встрече с названным братом), «мотивация действия» (конкретизированная в поисках и нахождении жены, включая все относящиеся сюда действия) и собственно «действие» (состоящее из четырех этапов, конкретизированных в событиях 9, 10, 11, 12 и соответственно в 16, 17, 18 и 19). Последнее в данном случае можно рассматривать как образованное четырьмя признаками, на которые оно разбивается: соперничество, убийство, возвращение, победа. Далее, однако, мы увидим, что, учитывая тенденции сказки к рекуррентности, удобнее и целесообразнее отказаться от такого разбиения. По той же причине мы отказываемся в дальнейшем от рассмотрения нулевого семантического признака.

5. ПОРОЖДЕНИЕ СКАЗКИ «ШАНДОР-ВИТЯЗЬ, ВЫЛОВЛЕННЫЙ ИЗ ВОДЫ»

Возьмем терминальный словарь $V_T = \{\alpha, \beta, \gamma_1, \gamma_2, \gamma_3, \gamma_4\}$, где $\alpha, \beta, \gamma_1, \gamma_2, \gamma_3, \gamma_4$ — следующие семантические признаки нарративных сегментов сказки: α = побуждение к действию, β = мотивация действия, γ_1 = соперничество, γ_2 = убийство, γ_3 = возвращение, γ_4 = победа. Очевидно, что в соответствии со сказанным во введении нарративные сегменты представлены семантическими признаками с высокой степенью обобщения. Можно сказать поэтому, что терминальный словарь составлен из семантических признаков, органически связанных с типологией ситуаций в анализируемой сказке.

Текст сказки «Шандор-витель, выловленный из воды» реализует последовательность $\alpha\beta\gamma_1\gamma_2\gamma_3\gamma_4\gamma_1\gamma_2\gamma_3\gamma_4\alpha\beta$. Таким образом, обнаруживается повторение последовательности $\gamma_1\gamma_2\gamma_3\gamma_4$, слева и справа симметрично фланкированной последовательностью $\alpha\beta$. Другими словами, повторение последовательности $\alpha\beta$ прерывно, в то время как повторение последовательности $\gamma_1\gamma_2\gamma_3\gamma_4$ непрерывно. Поскольку признаки $\gamma_1\gamma_2\gamma_3$ и γ_4 появляются исключительно в сочетании $\gamma_1\gamma_2\gamma_3\gamma_4$, введем обозначение $\gamma = \gamma_1\gamma_2\gamma_3\gamma_4$, что приводит к упрощению выражения сказки: $\alpha\beta\gamma\gamma\alpha\beta$, или, еще проще, $\alpha\beta\gamma^2\alpha\beta$ (где через γ^2 обозначена последовательность $\gamma\gamma$). Возможно также соответствующее упрощение терминального словаря, принимающего вид $V_T = \{\alpha, \beta, \gamma\}$. Повторение последовательности γ говорит о возможности появления этой последовательности и в большем числе раз как после первого, так и после второго появления последовательности $\alpha\beta$, т. е. $\alpha\beta\gamma^n\alpha\beta\gamma^m$ (где γ^n и γ^m представляют собой повторение соответственно n и m раз последовательности γ). Произвольность выбора значений n и m приводит к бесконечному языку L_1 .

Для порождения этого бесконечного языка построим следующую порождающую грамматику над словарем V_T . Возьмем нетерминальный словарь $V_N = \{A, B, C, D, E, F\}$, где A будет инициальным символом грамматики. Порождающие правила будут следующими:

$$A \rightarrow \alpha B \quad (1)$$

$$B \rightarrow \beta C \quad (2)$$

$$C \rightarrow \gamma D \quad (3)$$

$$C \rightarrow \gamma C \quad (4)$$

$$D \rightarrow \alpha E \quad (5)$$

$$E \rightarrow \beta F \quad (6)$$

$$F \rightarrow \gamma F \quad (7)$$

$$F \rightarrow \gamma \quad (8)$$

Мы видим, что правила (4) и (7) суть правила с самовключением; благодаря им порожденный язык будет бесконечным. Покажем, что этот язык есть именно язык L_1 , рассмотренный выше.

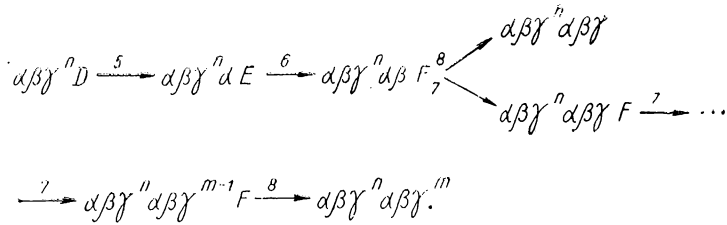
Поскольку A есть инициальный символ, мы должны начать процесс порождения с правила (1), продолжить применением правила (2), левый нетерминальный символ которого совпадает с правым нетерминальным символом правила (1). Тогда получаем порождающую последовательность

$$A \xrightarrow{1} \alpha B \xrightarrow{2} \alpha\beta C,$$

где цифра над стрелкой указывает порядковый номер правила. Далее существуют две возможности в зависимости от того, хотим ли мы, чтобы γ появилось один раз или n раз ($n \geq 2$). В первом случае надо применить правило (3), во втором — применить $n-1$ раз правило (4) и затем один раз правило (3).

$$\begin{array}{l} \alpha\beta\gamma C \\ \nearrow \\ \alpha\beta C \xrightarrow{3} \alpha\beta\gamma C \\ \searrow \\ \alpha\beta C \xrightarrow{4} \alpha\beta\gamma D \xrightarrow{4} \alpha\beta\gamma^2 C \xrightarrow{4} \dots \xrightarrow{4} \alpha\beta\gamma^{n-1} C \xrightarrow{3} \alpha\beta\gamma^n D. \end{array}$$

Далее в каждом из этих двух вариантов мы должны применить правило (5), затем правило (6), после чего перед нами снова открываются две возможности в зависимости от того, хотим ли мы реализовать одно появление γ или m появлений ($m \geq 2$) γ :

Таким образом, порожденные фразы в точности соответствуют предположенным.

Категориальные значения нетерминальных символов следует рассматривать в зависимости от их позиции как в правилах, так и в процессе порождения. Таким образом, A , инициальный символ грамматики, представляет собой признак сказки в ее целостности; значение инициального символа должно быть поставлено в связь с самим названием сказки, которое обычно является своего рода семантическим признаком всей сказки в целом. Символ B может быть интерпретирован как признак того отрезка сказки, который начинается непосредственно после первого появления α и распространяется до конца. Что же касается символа C , то он благодаря вхождению в правило с самовключением представляет не один отрезок, а бесконечное число отрезков, т. е. все сказки вида $\gamma^p \alpha \beta \gamma^r$, где p и r имеют произвольные целые положительные значения. Более точно C есть общий признак бесконечного множества способов повторения, при том что все они вписываются в схему $\gamma^p \alpha \beta \gamma^r$. Подобным же образом можно установить категориальное значение остальных нетерминальных символов.

Очевидно, что грамматика, порождающая прочтение $\alpha\beta\gamma^n \alpha\beta\gamma^m$, имеет очень простую структуру и входит в класс упорядоченных грамматик (или грамматик с конечным числом состояний). Рассмотрим теперь другое возможное прочтение той же самой сказки, прочтение, которое приведет к грамматике с более сложной структурой. А именно: введем дополнительное ограничение, состоящее в том, что число появлений γ после второго вхождения $\alpha\beta$ будет равно числу появлений γ после первого вхождения $\alpha\beta$. Это вводит условие $m=n$. Речь идет о порождении такого языка, в котором фразы имеют вид $\alpha\beta\gamma^n \alpha\beta\gamma^n$ ($n=1, 2, \dots$). Рассмотрим грамматику с терминальным словарем $\{\alpha, \beta, \gamma\}$ и с нетерминальным словарем $\{A, B, C, D\}$, где A — аксиома грамматики. Правила грамматики будут следующие:

$$A \rightarrow \alpha B \quad (1)$$

$$B \rightarrow \beta C \quad (2)$$

$$C \rightarrow \gamma D \quad (3)$$

$$D \rightarrow \gamma D \gamma \quad (4)$$

$$D \rightarrow \alpha \beta \quad (5)$$

Язык будет порождаться следующим образом:

$$\begin{array}{c}
 A \xrightarrow{1} a \quad B \xrightarrow{2} \alpha\beta \quad C \xrightarrow{3} \alpha\beta\gamma D\gamma \begin{array}{l} \xrightarrow{5} \alpha\beta\gamma\alpha\beta\gamma \\ \xrightarrow{4} \alpha\beta\gamma^2 D\gamma \end{array} \\
 \xrightarrow{4} \alpha\beta\gamma^n D\gamma^n \xrightarrow{5} \alpha\beta\gamma^n \alpha\beta\gamma^n
 \end{array}$$

Укажем, что грамматика, по которой был порожден язык $\{\alpha\beta\gamma^n\alpha\beta\gamma^n\}$ $n=1, 2, \dots$, уже не упорядоченная — из-за правил (3) и (4) — грамматика, поскольку правило (4) является правилом с самовключением, т. е. самым важным из правил. Кроме того, все пять грамматических правил являются контекстнезависимыми, поскольку в каждом случае первый член состоит только из одного и притом нетерминального символа. Возникает вопрос, не существует ли все-таки упорядоченная грамматика, которая порождает данный язык; в этом случае он был бы языком с конечным числом состояний. Теорема из теории языков с конечным числом состояний (см., например, теорему 7 гл. III книги С. Маркуса [21] или теорему 3.1 из книги Дж. Э. Хопкрофта и Д. Дж. Ульмана [14]) показывает, что это не так, другими словами, что язык $\{\alpha\beta\gamma^n\alpha\beta\gamma^n\}$ ($n=1, 2, \dots$) не есть язык с конечным числом состояний. Для изложения этой теоремы необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

Пусть дан язык L со словарем V ; скажем, что фраза x доминирует вправо над фразой y в L , и запишем

$$x \xrightarrow{d} y,$$

если для каждой фразы u имеет место следующее: если фраза xu входит в L , то фраза yu также входит в L . Будем говорить, что фразы x и y имеют одинаковую дистрибуцию вправо в L , если

$$x \xrightarrow{d} y \quad \text{и} \quad y \xrightarrow{d} x.$$

Условимся в этом случае записывать

$$x \xleftrightarrow{d} y.$$

Множество всех фраз, которые имеют ту же дистрибуцию вправо, что и x , составляет класс дистрибуции вправо фразы x . Можно проверить следующее свойство. Для двух различных форм классы дистрибуции вправо либо совпадают, либо не имеют ни одной общей фразы.

Теорема, на которую мы ссылались, утверждает среди прочего следующее: язык L есть язык с конечным числом состояний, если

и только если число классов дистрибуции вправо по отношению к L конечно.

На основе этой теоремы будет достаточно показать, что число классов дистрибуции вправо по отношению к $L = \{\alpha\beta\gamma^n\alpha\beta\gamma^n\}$ ($n=1, 2, \dots$) бесконечно, чтобы вывести, что этот язык не есть язык с конечным числом состояний. Рассмотрим бесконечную цепочку фраз

$$\alpha\beta\gamma, \alpha\beta\gamma^2, \alpha\beta\gamma^3, \dots, \alpha\beta\gamma^n, \dots$$

Допустив с помощью *reductio ad absurdum*, что число классов дистрибуции вправо по отношению к L конечно, получим в результате, что невозможно, чтобы все фразы этой бесконечной цепочки принадлежали к различным классам дистрибуции вправо в L , потому что существуют по крайней мере два натуральных числа m и n , $m \neq n$ с тем свойством, что фразы $\alpha\beta\gamma^m$ и $\alpha\beta\gamma^n$ имеют одну и ту же дистрибуцию вправо в L . Отсюда следует, в частности, что фраза $\alpha\beta\gamma^m\alpha\beta\gamma^n$ принадлежит языку $L = \{\alpha\beta\gamma^n\alpha\beta\gamma^n\}$ $n=1, 2, \dots$ (поскольку фраза $\alpha\beta\gamma^n\alpha\beta\gamma^n$ принадлежит этому языку), что абсурдно, потому что рассматриваемый язык содержит, по определению, только те фразы $\alpha\beta\gamma^i\alpha\beta\gamma^j$, для которых $i=j$. Это показывает, что число классов дистрибуции вправо в L действительно бесконечно, и, следовательно, L не есть язык с конечным числом состояний.

Как мы видим, симметрия величины показателя степени γ в двух его появлениях во фразах L имплицитно порождает более высокую степень сложности грамматики, порождающей язык L , чем в случае, когда требование симметрии не существует и когда язык, приписываемый сказке, мог бы быть порожден грамматикой с конечным числом состояний.

6. НАРРАТИВНЫЕ СЕГМЕНТЫ И ИХ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ В СКАЗКЕ «ЗОЛУШКА»

Этот же метод мы применим теперь к волшебной сказке «Золушка» [В]. Сегменты-события в хронологическом порядке суть следующие.

(1) Старик у которого была дочь (I), женится на женщине, тоже имеющей дочь (II), и между ними устанавливаются враждебные отношения. (2) Когда мать и дочь (II) идут в церковь, дочь (I) по совету петуха-доброжелателя также идет туда, причем свои ее не узнают, но на нее обращает внимание царский сын; (3) то же самое происходит во второй раз и (4) в третий раз, когда она теряет туфельку, которую по совету старой колдуньи берет царский сын. (5) Молодой царь отправляется искать ту, которая носит туфельку, и находит дочь (I). (6) Она идет во дворец, взяв с собой и дочь (II), и выходит замуж за царского сына. (7) Дочь (II) устраивает козни и убивает дочь (I). (8) Но в том месте, где она была убита, вырастает ива, из которой некий юноша делает себе дудочку; (9) юноша с удивлением обнаруживает, что дудочка умеет говорить. (10) Царь сам

убеждается в том, что дудочка говорящая, (11) услышав ее, дочь (II) пытается совершить новое вредительство. (12) Дочь (I) вновь обретает прежнее благополучие, а (13) дочь (II) несет наказание, (14) и, таким образом, восстанавливается равновесие.

В смысле развития действия с. с. 2—3—4 подготавливают будущее вознаграждение дочери (I), обиженной мачехой; следующее за ними с. с. 5 представляет собой встречу дочери (I) с ее будущим мужем, а с. с. 6 представляет собой первый этап развязки посредством женитьбы. С. с. 6 не кончает сказку, поскольку сохраняется антагонист, теперь воплощенный в дочери (II), устраивающей козни; это указывает на предварительный характер достигнутого равновесия и на необходимость нового его восстановления. Следующие с. с. — 8—9—10 представляют собой новую подготовку к узнаванию дочери (I). В следующем, 11 с. с. в результате неудавшейся попытки вредительства дочь (I) появляется опять, чтобы в с. с. 12 вновь обрести прежнее благополучие, а равновесие восстанавливается на этот раз окончательно в с. с. 14, после того как в с. с. 13 дочь (II) как антагониста устраняют.

Таким образом, выкристаллизовываются следующие восемь нарративных сегментов: н. с. 1 состоит из с. с. 1; н. с. 2 состоит из с. с. 2, 3 и 4; н. с. 3 состоит из с. с. 5; н. с. 4 состоит из с. с. 6; н. с. 5 состоит из с. с. 7; н. с. 6 состоит из с. с. 8, 9 и 10; н. с. 7 состоит из с. с. 11, и н. с. 8 состоит из с. с. 12, 13 и 14. Этим н. с. приписываются следующие семантические признаки более высокой степени обобщения. Н. с. 1 и 5 соответствуют признаку «неблагополучное состояние»; н. с. 2 и 6 соответствуют «подготовке к узнаванию», н. с. 3 и 7 соответствуют «узнаванию», а н. с. 4 и 8 соответствуют «благополучному состоянию» (конкретизированному в факте женитьбы). Объединение в рамках н. с. 8 с. с. 12, 13 и 14 объясняется в контексте повествования аналогией между жестокостью вредителя и такой же жестокостью способа, которым он устраняется. Что же касается значений с. с. 13 и 14, мы бы сказали, что это педаль, на которую нажимает рассказчик, чтобы указать на то, что на этом цепь событий останавливается. Если предположить, что сказка продолжается, то с. с. 13 и 14 можно опустить.

Заметим, что здесь в отличие от сказки «Шандор-витязь . . .» нарративные сегменты со сходным значением не всегда имеют одинаковую длину (н. с. 4 имеет длину, равную 1, в то время как н. с. 8, семантически эквивалентный н. с. 4, имеет длину, равную 3). Но это отступление весьма незначительно: как мы видели, с. с. 13 и 14 в составе н. с. 8 играют вспомогательную роль и при случае могут опускаться.

Условимся представить ситуацию н. с. следующим образом:

1	⋮	7
2—3—4	⋮	8—9—10
5	⋮	11
6	⋮	12—13—14

Пунктирная линия посередине — воображаемая ось квазисимметрии н. с.: напротив каждого левого н. с. находится справа н. с. с тем же значением. Как влево, так и вправо от этой воображаемой оси является оппозиция между н. с., выражающими состояние благополучия и равновесия, и н. с., поддерживающими состояние неблагополучия и нарушения равновесия. При этом напряжение этой оппозиции справа гораздо больше, чем слева.

7. ПОРОЖДЕНИЕ СКАЗКИ «ЗОЛУШКА»

Введем терминальный словарь $V_T = \{\alpha, \beta, \gamma, \delta\}$, где α, β, γ и δ — семантические признаки, выделенные в предыдущем параграфе, т. е. α — состояние неблагополучия, β — приготовление к узнаванию, γ — узнавание, δ — состояние благополучия. Развертывание сказки приводит к последовательности $\alpha\beta\gamma\delta\alpha\beta\gamma\delta$. Положим $\mu = \alpha\beta\gamma\delta$, тогда последовательность сводится к μ^2 , что дает повторение, приводящее к языку $L = \{\mu^n \mid n=1, 2, \dots\}$. Теперь мы можем рассматривать более простой терминальный словарь $V_T = \{\mu\}$ и нетерминальный словарь, образованный только аксиомой грамматики, $V_N = \{A\}$. Достаточно будет ввести следующие два правила: $A \rightarrow A\mu$ и $A \rightarrow \mu$. Для порождения фразы μ^n применим $n-1$ раз первое правило, а затем один раз второе правило. Ясно, что язык L есть язык с конечным числом состояний.

Если в интересах симметрии считать, что последовательность $\mu = \alpha\beta\gamma\delta$ должна быть повторена четное число раз, то мы придем к языку $L = \{\mu^{2n} \mid n=1, 2, \dots\}$, который является языком с конечным числом состояний. Этот язык отвечает требованию содержать чередование последовательностей с уменьшением напряжения оппозиции между состоянием равновесия и состоянием разрушения и последовательностей с нарастанием напряжения этой же оппозиции.

Действительно, если $V_T = \{\mu\}$, $V_N = \{A, B, C\}$, а R образовано правилами

$$A \rightarrow B\mu \quad (1) \quad A \rightarrow C\mu \quad (3)$$

$$B \rightarrow A\mu \quad (2) \quad C \rightarrow \mu \quad (4),$$

то можно начать процесс порождения либо с правила (3), либо с правила (1). Если начать с правила (3), то через два шага порождение приводит к фразе μ^2 :

$$A \xrightarrow{3} C\mu \xrightarrow{4} \mu^2.$$

Если начать с правила (1), то мы можем повторить n раз применение правил (1) и (2), после чего обязаны применить правило (3) и закончить процесс порождения правилом (4):

$$\begin{aligned} A &\xrightarrow{1} B\mu \xrightarrow{2} A\mu^2 \xrightarrow{1} B\mu^3 \xrightarrow{2} A\mu^4 \xrightarrow{1} \dots \\ \dots &\xrightarrow{1} B\mu^{2n-1} \xrightarrow{2} A\mu^{2n} \xrightarrow{3} C\mu^{2n+1} \xrightarrow{4} \mu^{2n+2}. \end{aligned}$$

Очевидно, что, хотя язык сохранил характер языка с конечным числом состояний, его порождение усложнилось, поскольку необходимы четыре правила вместо двух (как для предыдущего языка) и четыре нетерминальных символа вместо одного, достаточного для порождения предыдущего языка. Снова подтверждается тот уже отмечавшийся факт, что требования симметрии, наложенные на нарративную структуру, усложняют тип грамматики, которая представляет выявленные в рассматриваемой нарративной структуре повторения.

Интересно отметить, что, по принятой выше гипотезе, приведшей нас к рассмотрению исключительно последовательностей четной длины (для распределения термов по парам, в рамках которых манифестируется разница в напряжении оппозиций между состоянием равновесия и разрушения), бесконечность языка $\{\mu^{2n}\}$ ($n=1, 2 \dots$) была достигнута при отсутствии какого бы то ни было правила с самовключением; самовключение все же обеспечивается сочетанием первых двух правил грамматики, приводящим к «суммарному правилу» $A \rightarrow A\mu^2$, которое является правилом с самовключением.

Следует учесть, что характер языка не может быть определен исключительно знанием грамматики этого языка. Так, из того, что грамматика G не есть грамматика с конечным числом состояний, не следует, что язык, порожденный G , не есть язык с конечным числом состояний. Свойство самовключения позволяет отличать языки с конечным числом состояний от контекстнонезависимых языков, которые не являются языками с конечным числом состояний. Но из-за этого возникает необходимость применить понятие деривации с самовключением. Предположим, что дана контекстнонезависимая грамматика G , $G = \langle V_T, V_N, A, R \rangle$; существует символ $B \in V_N$ и фраза вида xBy , где x и y — фразы над общим словарем, обе ненулевые, а фраза xBy — деривация по отношению к G символа B . В этих условиях мы будем говорить, что деривация xBy из B есть в G деривация с самовключением. Ясно, что правило с самовключением является частным случаем деривации с самовключением. Можно видеть, что в описанной выше грамматике языка $\{\mu^{2n}\}$ ($n=1, 2 \dots$) не существует ни одного правила с самовключением, но существует деривация с самовключением, а именно деривация $A\mu^2$ из A . Деривация с самовключением xBy из B считается невырожденной, если x и y являются обе ненулевыми фразами. Можно показать [14, с. 61], что контекстнонезависимый язык есть язык с конечным числом состояний, если он может быть порожден с помощью по крайней мере контекстнонезависимой грамматики, которая не содержит ни одной невырожденной деривации с самовключением. Грамматика, с помощью которой был выше порожден язык $\{\mu^{2n}\}$, не содержит ни одной невырожденной деривации с самовключением, и, таким образом, данный язык есть язык с конечным числом состояний.

Существование в контекстнонезависимой грамматике деривации с самовключением есть необходимое условие для того, чтобы порожденный этой грамматикой язык был бесконечным.

8. ВЫДЕЛЕНИЕ НАРРАТИВНЫХ СЕГМЕНТОВ И ИХ ЗНАЧЕНИЙ В СКАЗКЕ «ЧЕТВЕРО ВОСЬМЕРЫХ ДЕРЖАТ»

Хотя этот текст принадлежит к жанру бытовой сказки, где события не столь показательны и содержательны, а построение явно более простое, анализ его по тем же критериям обнаруживает структуру, сходную со структурой анализированных ранее сказок. Имеется такая последовательность с. с. (1) Царь задает вопрос и обещает награду тому, кто на него ответит. (2) Один из окрестных жителей сообщает этот вопрос дочери, (3) которая таким образом включается в действие, давая ожидаемый ответ. (4) Тогда царь испытывает сообразительность девушки с помощью новой задачи, (5) решение которой она также находит. (6) Третья задача царя (7) полностью подтверждает сообразительность девушки. (8) Царь женится на ней, но (9) ставит условием семейной жизни, чтобы жена не вмешивалась в судебные дела. (10) Однако жена вмешивается в ситуацию такого рода, и (11) вследствие этого царь решает изгнать ее. (12) Благодаря уже неоднократно проявленному хитроумию ей удается изменить решение царя. (13) Семья сохранена.

Нарративные сегменты образуют следующую конфигурацию. Н. с. 1 составлен из с. с. 1 и 2 (с. с. 2 присоединяется для объяснения с. с. 1) и имеет значение побуждения к началу испытания. Далее следуют три н. с. длиной, равной двум: н. с. 2, состоящий из с. с. 2 и 3; н. с. 3, состоящий из с. с. 4 и 5; н. с. 4, состоящий из с. с. 6 и 7. Каждый из этих трех н. с. имеет значение испытания хитроумия. Такого рода испытание связано как с вопросом (собственно с. с. 1, 4 и 6), так и с ответом (соответственно с. с. 3, 5 и 7). Н. с. 5 сводится к с. с. 8 и означает положительный результат испытания. Все, что происходит далее, является повторением той же последовательности ситуаций, но с другой организацией сегментов-событий. Н. с. 6 соответствует н. с. 9 и повторяет значение с. с. 1; н. с. 7, 8 и 9 состоят из с. с. 10, 11 и 12 соответственно, а н. с. 10 состоит из с. с. 13 и повторяет значение н. с. 5.

И на этот раз воображаемая ось квазисимметрии отделяет первые пять н. с. от последующих пяти н. с.

1—2		9
2—3, 4—5, 6—7		10, 11, 12
8		13

Как и в рассмотренной выше сказке, здесь наблюдается разница в длине большей части н. с. со сходным значением в противоположность ситуации «Шандор-витязь, выловленный из воды», где адекватные н. с. всегда имеют одну и ту же длину.

9. МАТРИЧНЫЕ ГРАММАТИКИ И КОНТЕКСТНОЗАВИСИМЫЕ ЯЗЫКИ

Как будет видно из следующего параграфа, порождение сказки «Четверо восьмерых держат» вводит в действие грамматики большей сложности, чем те, которые были использованы для порождения рассмотренных ранее сказок. Чтобы удовлетворить этим требованиям, следует напомнить некоторые понятия и результаты, касающиеся матричных грамматик и контекстнозависимых языков.

Рассмотренные до сих пор порождающие грамматики не налагали никаких ограничений на порядок применения правил. Возможность введения такого порядка предоставляется матричными грамматиками, введенными в [1] и разработанными в [1], [3] и [4]. Для каждого типа грамматики Хомского можно найти соответствующий тип матричной грамматики. В дальнейшем мы будем рассматривать только те матричные грамматики, которые прилагаются к контекстно-независимым грамматикам.

Пусть $G = \langle V_T, V_N, A, R \rangle$ будет контекстнонезависимой грамматикой. Назовем *матрицей (порядка m) над G ($m \geq 1$)* любое упорядоченное множество $R_1, R_2, \dots, R_m$ правил R_i из R ($1 \leq i \leq m$). Матричная грамматика GM , приписанная G , есть, по определению, конечное множество матриц над G . Если даны две фразы x и y общего словаря G , мы будем говорить, что y является прямой деривацией x через GM , если существует такая матрица $M = \{R_1, R_2, \dots, R_m\}$ из GM и цепочка фраз $z_1, \dots, z_m$ над общим словарем, что

$$x \xrightarrow{R_1} z_1 \xrightarrow{R_2} z_2 \rightarrow \dots \xrightarrow{R_m} z_m = y.$$

В этом случае запишем

$$x \xrightarrow{M} y$$

Будем говорить, что фраза y является деривацией фразы x через GM , если существует такая цепочка матриц $M_1, M_2, \dots, M_k$ из GM и такая цепочка $z_1, \dots, z_k$ фраз над общим словарем, что

$$x \xrightarrow{M_1} z_1 \xrightarrow{M_2} z_2 \xrightarrow{\dots} z_{k-1} \xrightarrow{M_k} z_k = y.$$

В этом случае запишем

$$x \xrightarrow{GM} y$$

Язык $L(GM)$, порожденный GM , будет, по определению, множеством терминальных фраз (т. е. фраз над словарем V_T), которые выводятся из аксиомы A через матричную грамматику GM .

Язык называется матричным, если существует матричная грамматика, которая его порождает.

Нетрудно заметить, что любая контекстнонезависимая грамматика есть частный случай матричной грамматики, в которой каждая матрица образована только одним правилом и каждому правилу соответствует матрица. В этом частном случае язык, порожденный матричной грамматикой, совпадает с языком, порожденным контекстнонезависимой грамматикой, к которой она приписана. Следовательно, каждый контекстнонезависимый язык — матричный язык. Однако существуют матричные языки, не являющиеся контекстнонезависимыми, и мы это увидим именно в процессе порождения сказки «Четверо восьмерых держат».

Соотношение между матричными языками и контекстнонезависимыми языками разъяснено в [3 и 4], где установлено, что каждый матричный язык контекстнонезависим, однако существуют контекстнонезависимые языки, которые не являются матричными. Следовательно, класс матричных языков есть промежуточный между классом контекстнонезависимых и контекстнозависимых языков. Именно в этом свойстве состоит особый интерес этого класса языков, заключенного между более узким и более широким классами.

Ввиду того что мы будем иметь дело с некоторыми не контекстнонезависимыми языками, возникает необходимость в критерии, с помощью которого достаточно легко определить, что какой-либо язык не принадлежит к классу контекстнонезависимых языков. Такой критерий предоставляет нам следующая теорема из [2] (см. также [14, с. 57] или [4, с. 152]).

Если L есть бесконечный контекстнонезависимый язык над словарем V , то существуют два таких натуральных числа p и q , что каждую фразу x из L длины большей, чем p , можно представить в виде

$$x = y_1 z_1 w z_2 y_2,$$

где y_1, z_1, w, z_2 и y_2 — фразы над словарем V , фраза w ненулевая, по крайней мере одна из фраз z_1, z_2 ненулевая, длина фразы $z_1 w z_2$ меньше или равна q , а фраза вида

$$y_1 z_1^n w z_2^n y_2$$

принадлежит языку L при любом натуральном числе n .

Как мы видим, этот критерий дает необходимое условие того, что язык является контекстнонезависимым. Он будет использован в негативной форме, т. е. для установления того, какие языки ему не удовлетворяют и, следовательно, не являются контекстнонезависимыми.

10. ПОРОЖДЕНИЕ СКАЗКИ «ЧЕТВЕРО ВОСЬМЕРЫХ ДЕРЖАТ»

На основании анализа в предыдущем разделе выявляются следующие семантические признаки рассматриваемой сказки: α = побуждение к началу поиска, β = испытание хитроумия, γ = позитивный результат испытания. Теперь возьмем терминальный словарь $V_T = \{\alpha, \beta, \gamma\}$, над которым сказка «Четверо восьмерых держат» будет представлена фразой $\alpha\beta^3\gamma\alpha\beta^3\gamma$. Два аспекта являются здесь основными: символический характер цифры 3 и повторение последовательности $\alpha\beta^3\gamma$.

Трудно вообразить прочтение сказки, которое пренебрегло бы этими ее двумя чертами. Как бы мы ни представляли продолжение сказки, «ее бесконечное продление», придется подчиниться этим двум симметрическим ограничениям, предписанным ее структуре. Это означает, что показатель при β в каждом из двух появлений β должен быть всегда кратным 3, а последовательность $\alpha\beta^3\gamma$ должна повторяться хотя бы два раза. В нашем распоряжении остается еще возможность применить повторение последовательности $\alpha\beta^3\gamma$ произвольное число раз, большее или равное 2, или произвольное четное число раз, большее или равное двум. Естественно, во втором варианте альтернативы появляется дополнительное структурное ограничение по симметрии, что может повлиять на степень сложности порождающей грамматики, позволяющей породить сказку бесконечной длины.

Как мы видим, в отличие от предыдущих сказок, где бесконечное удлинение реализуется с помощью одного повторения, здесь следует учитывать два повторения: одно — для β , другое — для последовательности $\alpha\beta^3\gamma$.

Далее мы увидим, что происходит в более простом случае при отказе от возможности второго повторения. Иными словами, представим бесконечное удлинение сказки с помощью языка L , образованного фразами типа $\alpha\beta^{3n}\gamma\alpha\beta^{3n}\gamma$ ($n=1, 2, \dots$). Начнем рассуждение, имея в виду негативный результат: язык L_1 не есть язык с конечным числом состояний. Для этого достаточно показать, что число классов дистрибуции вправо в языке L_1 бесконечно (см. рассуждение при описании процесса порождения сказки «Золушка»). Применяя *reductio ad absurdum*, допустим, что число классов дистрибуции вправо в L_1 конечно. Это значит, что в бесконечной цепочке фраз

$$\beta^3, \beta^6, \beta^9, \dots, \beta^{3m}, \dots, \beta^{3n}, \dots, \beta^{3p}, \dots$$

существуют две различные фразы; пусть это будут фразы β^{3m} и β^{3p} , которые имеют одинаковую дистрибуцию вправо в L_1 . Из того факта, что фраза $\alpha\beta^{3m}\gamma\alpha\beta^{3m}\gamma$ принадлежит L_1 , следует, что и фраза $\alpha\beta^{3p}\gamma\alpha\beta^{3m}\gamma$ ($m \neq p$) принадлежит L_1 , а это противоречит определению языка L_1 . Следовательно, L_1 не есть язык с конечным числом состояний.

Дальнейшее требование связано с установлением того, является ли язык L_1 контекстнонезависимым. Покажем, что это действительно так. Пусть даны нетерминальный словарь $V_N = \{A, B, C\}$, где A — аксиома грамматики, и множество R , образованное следующими четырьмя правилами:

$$A \rightarrow \alpha B \quad (1)$$

$$B \rightarrow \beta^3 C \beta^3 \gamma \quad (2)$$

$$C \rightarrow \gamma \alpha \quad (3)$$

$$C \rightarrow \beta^3 C \beta^3 \quad (4)$$

Покажем, что грамматика $G = \langle V_T, V_N, A, R \rangle$ порождает язык L_1 . Процесс порождения начинается с обязательного применения первых двух правил, после чего он может продолжаться либо правилом (3), либо правилом (4). Если выбирается продолжение правилом (3), процесс порождения кончается, поскольку правило (3) терминально:

$$A \xrightarrow{1} \alpha B \xrightarrow{2} \alpha \beta^3 C \beta^3 \gamma \xrightarrow{3} \alpha \beta^3 \gamma \alpha \beta^3 \gamma.$$

Если выбирается продолжение правилом (4), единственным правилом с самовключением в грамматике G , тогда, применяя правило (4) $n-1$ раз и затем правило (3), мы породим фразу $\alpha \beta^{3n} \gamma \alpha \beta^{3n} \gamma$, где n есть натуральное число, большее 1:

$$\begin{aligned} A &\xrightarrow{1} \alpha B \xrightarrow{2} \alpha \beta^3 C \beta^3 \gamma \xrightarrow{4} \alpha \beta^6 C \beta^6 \gamma \xrightarrow{4} \alpha \beta^9 C \beta^9 \gamma \xrightarrow{4} \dots \\ &\dots \xrightarrow{4} \alpha \beta^{3(n-1)} C \beta^{3(n-1)} \gamma \xrightarrow{4} \alpha \beta^{3n} C \beta^{3n} \gamma \xrightarrow{3} \alpha \beta^{3n} \gamma \alpha \beta^{3n} \gamma. \end{aligned}$$

Поскольку все четыре правила грамматики G контекстнонезависимы, следует, что G есть контекстнонезависимая грамматика и соответственно язык L_1 контекстнонезависим.

Обратимся еще к возможности соединять повторение β^3 с повторением последовательности $\alpha \beta^3 \gamma$. Эта проблема приведет нас прежде всего к рассмотрению языков вида

$$L_2^m = \{\alpha \beta^{3n} \gamma \alpha \beta^{3n} \gamma \dots \alpha \beta^{3n} \gamma\} \quad (n = 1, 2 \dots),$$

где m указывает, сколько раз повторяется последовательность $\alpha \beta^{3n} \gamma$. Существуют серьезные основания для придания m сколь угодно больших значений, так как, пока результат цепочки пробных поисков (т. е. β^3) положителен (семантический признак γ), существует необходимость новой цепочки пробных поисков и т. д. Частный случай, когда $m=1$, приводит, как легко показать, к языку с конечным числом состояний. Случай $m=2$ разбирался выше и привел к контекстнонезависимому языку, который не является языком с конечным числом состояний. Рассмотрим теперь случай $m=4$ и пока-

жем, что он приводит к качественно новой ситуации, а именно к контекстнозависимому языку, который не является контекстнонезависимым. Заметим по этому случаю, что нет необходимости в специальном рассуждении относительно $m=3, 5, 6, 7, \dots$, поскольку здесь повторяется ситуация $m=4$. Очевидно, что с точки зрения воспроизведения повторений в сказке «Четверо восьмерых держат» особый интерес представляют четные значения m ; однако, поскольку они не приводят к ситуации, качественно отличной от ситуации с нечетными значениями m , в дальнейшем этим аспектом можно пренебречь.

Итак, пусть будет дан язык

$$L_2^4 = \{\alpha\beta^{3n}\gamma\alpha\beta^{3n}\gamma\alpha\beta^{3n}\gamma\alpha\beta^{3n}\gamma\}, n = 1, 2, \dots$$

Покажем прежде всего, что L_2^4 есть матричный язык. Будем пользоваться терминальным словарем $V_T = \{\alpha, \beta, \gamma\}$ и нетерминальным словарем $V_N = \{A, B, C, D, E\}$, где A — аксиома грамматики. Пусть R будет множеством правил, независимых от контекста.

$$A \rightarrow \alpha B \gamma \alpha C \gamma \alpha D \gamma \alpha E \gamma \quad (1)$$

$$B \rightarrow \beta^3 B \quad (2)$$

$$C \rightarrow \beta^3 C \quad (3)$$

$$D \rightarrow \beta^3 D \quad (4)$$

$$E \rightarrow \beta^3 E \quad (5)$$

$$B \rightarrow \beta^3 \quad (6)$$

$$C \rightarrow \beta^3 \quad (7)$$

$$D \rightarrow \beta^3 \quad (8)$$

$$E \rightarrow \beta^3 \quad (9)$$

К контекстнонезависимой грамматике $G = \langle V_T, V_N, A, R \rangle$ мы присоединим матричную грамматику GM , определяемую следующими матрицами: M_1 , состоящей из правила (1), M_2 , состоящей по порядку из правил (2), (3), (4) и (5), и матрицей M_3 , состоящей по порядку из правил (6), (7), (8) и (9).

Применяя к A матричное правило M_1 , получаем фразу $\alpha B \gamma \alpha C \gamma \alpha D \gamma \alpha E \gamma$. Применяя к A $n-1$ раз матричное правило M_2 , получаем фразу

$$\alpha\beta^{3(n-1)}B\gamma\beta^{3(n-1)}C\gamma\alpha\beta^{3(n-1)}D\gamma\alpha\beta^{3(n-1)}E\gamma;$$

применяя к ней матричное правило M_3 , получаем фразу

$$\alpha\beta^{3n}\gamma\alpha\beta^{3n}\gamma\alpha\beta^{3n}\gamma\alpha\beta^{3n}\gamma.$$

Из этого следует, что матричная грамматика GM порождает язык L_2^4 , т. е. что L_2^4 есть матричный язык.

Поскольку любой матричный язык контекстнозависим, то и L_2^4 — контекстнозависимый язык.

Покажем теперь, что L_2^4 не есть контекстнезависимый язык. Число 4 может быть замещено любым показателем $m > 2$. Ввиду этого и для большей краткости применим в данном случае $m=3$, при том что это рассуждение при простых модификациях деталей распространяется на любое другое значение m , большее 2. Итак, покажем, что L_2^3 не есть контекстнезависимый язык. Будем действовать с помощью *reductio ad absurdum* и предположим, что L_2^3 контекстнезависим. В этом случае, поскольку L_2^3 есть бесконечный язык, по теореме, упомянутой в конце предыдущего раздела, следует, что существуют два таких натуральных числа p и q , что любая фраза x языка L_2^3 длины, превышающей p , имеет вид

$$x = y_1 z_1 w z_2 y_2,$$

где w есть ненулевая фраза, по крайней мере одна из фраз z_1 и z_2 ненулевая, фраза $z_1 w z_2$ имеет длину, меньшую q , а фразы вида

$$y_1 z_1^n w z_2^n y_2$$

принадлежат языку L_2^3 при каждом натуральном $n \geq 1$.

Будем действовать по этапам. Учитывая вид x , имеем в случае, когда длина x достаточно велика,

$$(I) \quad x = \alpha \beta^{3s} \gamma \alpha \beta^{3s} \gamma \alpha \beta^{3s} \gamma = y_1 z_1 w z_2 y_2.$$

а) Покажем, что в (I) имеет место по крайней мере одна из двух следующих ситуаций: a_1) y_1 не содержит последнего β из первого появления β^{3s} ; a_2) y_2 не содержит первого β из последнего появления β^{3s} . В самом деле, если бы этого не было, y_1 и y_2 имели бы вид

$$(II) \quad y_1 = \alpha \beta^{3s} u, \quad y_2 = v \beta^{3s} \gamma,$$

а $z_1 w z_2$ было бы подфразой $\gamma \alpha \beta^{3s} \gamma \alpha$ (вообще мы будем говорить, что x есть подфраза y , если существуют две фразы u_1 и u_2 , такие, что $y = u_1 x u_2$). Итак, существуют две фразы t и y , такие, что

$$\gamma \alpha \beta^{3s} \gamma \alpha = t z_1 w z_2 y.$$

б) Если и t и y содержат хотя бы по одному β , тогда $z_1 w z_2$ есть подфраза β^{3s} , u и v из (II) соответственно имеют вид

$$u = \gamma \alpha \beta^p, \quad v = \beta^r \gamma \alpha,$$

и, учитывая (I) и (II), мы имеем

$$x = y_1 z_1 w z_2 y_2 = \alpha \beta^{3s} \gamma \alpha \beta^p \beta^r \gamma \alpha \beta^{3s} \gamma,$$

откуда

$$\beta^l = z_1 w z_2, \text{ т. е. } z_1 = \beta^i, w = \beta^j, z_2 = \beta^k, i + j + k = l \\ \text{ и } x_n = y_1 z_1^n w z_2^n y_2 = \alpha \beta^{3s} \gamma \alpha \beta^p \beta^{ni} \beta^j \beta^{nk} \beta^r \gamma \alpha \beta^{3s} \gamma$$

есть фраза языка L_2^3 , для которого $n \geq 1$. Однако мы имеем

$$x_n = \alpha \beta^{3s} \gamma \alpha \beta^{p+j+r+n(i+k)} \gamma \alpha \beta^{3s} \gamma,$$

и принадлежность x_n к L_2^3 приводит к равенству $p + j + r + n(i + k) = 3s$, что, очевидно, не может иметь места для *любого* значения n .

с) Если t содержит по крайней мере одно β , а y не содержит ни одного β , тогда t будет иметь вид

$$t = \gamma \alpha \beta^i,$$

т. е. $z_1 w z_2$ будет подфразой $\beta^{3s-i} \gamma \alpha$.

с₁) Если z_1 и z_2 не содержат ни одного β , тогда $z w z_2 = \gamma \alpha$ (если $z_1 \neq \omega$) или z_2 есть ненулевая подфраза $\gamma \alpha$ (если $z_1 = \omega$). В первом случае z_1 содержит только γ , во втором случае z_2 содержит по крайней мере один из элементов α и γ . Из этого следует, что во фразе

$$(III) \quad x_n = y_1 z_1^n w z_2^n y_2,$$

при том что y_1 и y_2 содержат фиксированное число появлений α и γ , подфраза $z_1^n w z_2^n$ содержит для достаточно большого n и по крайней мере для одного из элементов α, γ сколь угодно большое число непрерываемых появлений β . Эта ситуация вступает в противоречие со структурой фраз L_2^3 , где между двумя появлениями α или γ всегда находится несколько появлений β . Следовательно, для достаточно большого n невозможна принадлежность x_n к языку L_2^3 .

с₂) Если по крайней мере одна из фраз z_1, z_2 содержит по крайней мере одно β , тогда во фразе x_n из (III) подфраза $z_1^n w z_2^n$ будет содержать сколь угодно большое число последовательных появлений β (если n достаточно велико), но эти последовательные появления β отделены появлениями α и γ от степени β^{3s-1} в выражении y_1 и от степени β^{3s} в выражении y_2 . Разница между значениями показателей β делает и в этом случае невозможной для достаточно большого n принадлежность x_n к L_2^3 .

д) Если t не содержит ни одного β , а y содержит по крайней мере одно β , рассуждение симметрично тому, что проводилось в пункте с. Снова вытекает, что x_n не может принадлежать к L_2^3 , если n достаточно велико.

е) Мы показали таким образом, что здесь имеет место утверждение из пункта а. Остается продемонстрировать, что и на этот раз не удовлетворяется условие, необходимое для того, чтобы язык L_2^3 был контекстнонезависимым.

e_1) Предположим, что в (I) y_1 не содержит последнего β из первого появления β^{3s} . Следовательно, z_1 содержит по меньшей мере одно β из первого появления β^{3s} . Возможны две ситуации:

$e_{1.1}$) $z_1 w z_2$ содержит в качестве подфразы хотя бы одно из трех β^{3s} , которые появляются в (I). В этом случае длина $3s$ в β^{3s} не могла бы быть больше длины $z_1 w z_2$, которая, в свою очередь, не может быть больше q . Это означает, что у нас $3s \leq q$, что для достаточно большого s невозможно.

$e_{1.2}$) $z_1 w z_2$ не содержит в качестве подфразы ни одного из трех β^{3s} , которые появляются в (I). При этих условиях $z_1 w z_2$ не встречается с третьим β^{3s} из (I), поскольку в противном случае, учитывая, что z_1 и, следовательно, $z_1 w z_2$ встречаются с первым β^{3s} из (I), вышло бы, что второе $\alpha \beta^{3s}$ из (I) есть подфраза $z_1 w z_2$, что противоречит гипотезе. Отсюда следует, что в (I) фраза y_2 содержит в качестве подфразы третье β^{3s} , т. е. что во фразе x_n (III) показатель n , безусловно, влияет на показатель β после первого появления α и не влияет на показатель β после последнего появления α . Более точно: первый показатель может стать в (III) сколь угодно большим, если n достаточно велико, в то время как последний показатель при β выходит из-под влияния n , оставаясь постоянно равным $3s$. Следовательно, для достаточно большого n фраза x_n (III) не принадлежит к L_2^3 .

e_2) Предположим, что в (I) фраза y_2 не содержит первого β из последнего появления β^{3s} . Рассуждение, симметричное рассуждению в пункте e_1 , и на этот раз приведет к противоречию с гипотезой о том, что L_2^3 является контекстнезависимым языком.

В итоге констатируем, что во всех случаях гипотеза, что L_2^3 должен быть контекстнезависимым языком, оказалась неверной. Итак, L_2^3 не есть контекстнезависимый язык.

Замечание. Проблема, которую мы разрешили выше, представляет собой известную аналогию с проблемой принадлежности языка $\{a^n b^n a^n\}$ ($n=1, 2, \dots$) к классу не контекстнезависимых языков (см., например, [4, с. 193] или [14, с. 122]). Все же сравнение нашего подхода с принятым в [4] или [14] показывает разницу технического порядка между двумя проблемами.

Как можно видеть, большая сложность порождающей структуры сказки «Четверо восьмерых держат» вытекает из того, что повторение последовательности β каждый раз имеет одну и ту же длину (равную $3s$), а два последовательных появления β^{3s} всегда разделены (одной и той же последовательностью $\gamma\alpha$), при том что число этих появлений может превышать 2. Учитывая значения α (побуждение к началу испытания) и γ (положительный результат испытания), будем считать основным появлением γ после каждого β^{3s} , так как только позитивный результат цепочки из $3s$ пробных испытаний, поскольку герой их преодолевает, определяет то, что он подвергается новой цепочке пробных испытаний.

Следующая по степени сложности проблема состоит в том, чтобы рассматривать одновременно все возможные повторения последо-

вательности $\alpha\beta^{3s}\gamma$, другими словами, чтобы представить бесконечное удлинение сказки с помощью языка L_3 , образованного множеством всех фраз вида

$$(\alpha\beta^{3s}\gamma)^n,$$

где s и n независимо друг от друга принимают значения от 1 до ∞ . Рассмотрение этого языка кажется оправданным в связи с тем, что положительный результат γ в цепочке β^{3s} пробных испытаний требует обращения α к новой цепочке пробных испытаний, и так до бесконечности. Мы, однако, не будем еще раз касаться здесь этой проблемы, отметив только, что для каждого фиксированного значения n принимаем язык одного из уже известных типов (язык с конечным числом состояний для $n=1$, контекстнонезависимый язык для $n=2$, матричные языки, не независимые от контекста для любого значения n , большего 3).

11. ЭПИЧЕСКИЙ И ЭТИЧЕСКИЙ ПЛАН В БЫТОВОЙ СКАЗКЕ

Отнесенная к так называемым «бытовым», сказка «Дитя-сирота» [D] является повествованием-притчей, имеющей в виду исправление поведения. Параллелизм эпического и этического плана представлен здесь на всем протяжении текста. Этот параллелизм передается, как мы увидим, и в последовательности семантических признаков.

(1) Юноша поступает на службу к хозяину, получает в уплату три золотых (2) и отправляется с ними по свету. В пути он встречается со стариком, который, (3) за один золотой дает ему совет брать жену на веру, (4) за второй золотой дается второй совет — никогда не отдавать свою скотину в чужие руки, и (5) за последний золотой — совет не доверять никому своих тайн. (6) Далее, оставшись без денег, юноша возвращается к хозяину. По дороге он встречает турка, у которого получает одежду, деньги и лошадь. (7) Затем он женится, беря жену на веру, но она оказывается неверной, доказательства чего он и получает. (8) Затем он одалживает коня куму, который мучает животное, так что герой и на этот раз получает убедительное доказательство. (9) Только своей тайны он не открывает никому; (10) он использует разные способы, чтобы разоблачить враждебные действия жены и кума, которые несут наказание, (11) а сам соблюдает как закон добрые советы старика.

Соответствия, обнаруживаемые в процессе развития событий, иллюстрируют назидательный характер текста. Первая часть содержит предписания, которые должны быть показаны на примерах, вторая часть — показ примеров в эпическом сюжете, развивающемся по параболе так, что финальное утверждение предписаний в качестве законов, неоспоримых истин соответствует первой — гипотетической — части как итог-ответ.

С. с. 1 и 2 являются предысторией, условной рамкой эпического аспекта текста. Ввиду этого с. с. 1 и 2 будут первым н. с. сказки, н. с. с нулевым значением. Поэтому при анализе порождающего процесса мы можем абстрагироваться от них. Три следующие н. с., образованные соответственно с. с. 3, 4 и 5, развертывают свои значения в двух планах. В эпическом плане они содержат три запрета, а в плане этическом утверждают три предписания. С. с. 6 является н. с. с нулевым значением, поскольку он не связан с основной сюжетной линией сказки и служит лишь для создания нарративной рамки. Следующие три н. с., соответствующие с. с. 7, 8 и 9, развиваются исключительно в эпическом плане, имея общее значение «повторение запрета», причем н. с. 7 соответствует 3, 8 — 4, а 9 — 5. Но в то время как 7 и 8 представляют собой нарушения запрета 3 и соответственно 4, 9 является соблюдением запрета 5. Новый н. с. представлен с. с. 10, чье эпическое значение и есть собственно развязка сказки, а этическое в какой-то степени иллюстрируется с. с. 11, представляющим собой последний н. с. сказки, который символизирует демонстрацию предписаний, выраженных в н. с., соответствующих с. с. 3, 4 и 5.

12. ПЕРЫВНОСТЬ ЗАВИСИМОСТЕЙ МЕЖДУ СЕМАТИЧЕСКИМИ ПРИЗНАКАМИ

С точки зрения порождения этой сказки очевидно, что эпическая линия содержит более интересные повторения, чем линия этическая. За исключением с. с. 1, 2 и 6, т. е. с. с. с нулевым значением, семантические признаки, выявленные в эпическом развертывании данной сказки, будут следующими: α = первый запрет, β = второй запрет, γ = третий запрет, α' = реакция на запрет α , β' — реакция на запрет β , γ' = реакция на запрет γ , δ = развязка. Интересно здесь то, что каждый семантический признак представлен одним н. с., выраженным одним с. с. (α соответствует с. с. 3, β — с. с. 4, γ — с. с., 5, α' — с. с. 7, β' — с. с. 8, γ' — с. с. 9), за исключением δ , которое может быть приписано н. с. 10 и 11 (хотя н. с. 11 можно пренебречь из-за отсутствия в нем эпического значения).

Можно задать вопрос, почему мы считаем, что три запрета должны быть выражены тремя отдельными семантическими признаками (так же, как и три реакции). Объясняется это тем, что для реакции играет особую роль ранг запрета; так, запретам 1-го и 2-го рангов соответствует отрицательная реакция, а запрету 3-го ранга — положительная. Точно так же подчинительная структура синтагматического уровня сказки обуславливает различие семантических признаков трех запретов в соответствии с тремя реакциями. В самом деле, синтагматика сказки «Дитя-сирота» имеет вид $\alpha\beta\gamma\alpha'\beta'\gamma'\delta$, где α' находится в синтаксической зависимости от α , β' находится в синтаксической зависимости от β , а γ' — в синтаксической зависимости от γ , при том что зависимость здесь понимается в смысле дескриптив-

ной лингвистики (см., например, Э. Харрис [13]). Присутствие α' , β' , γ' требует присутствия α , β и соответственно γ ; другими словами, мы не можем узнать реакцию на определенный запрет до появления его самого. Существенно при этом, что ни одна реакция не следует за своим запретом непосредственно, а всегда находится на расстоянии от него, причем это расстояние всегда равно 3; другими словами, реакция появляется на третьем месте после соответствующего запрета.

Но дистантность реакций и соответствующих запретов приводит к единственной в своем роде ситуации — нарушению одного из самых частых и регулярных явлений, проявляющихся на уровне предложения в большинстве естественных языков. Мы имеем в виду нарушение свойства синтаксической проективности (см. систематическое описание этого понятия в [20, гл. VI]), свойства, которое требует, чтобы синтаксическое подчинение некоего термина a по отношению к другому терму b имплицировало бы подчинение b любого термина, промежуточного между a и b . Уточним, что под синтаксическим подчинением мы понимаем цепочку из одного или более чем одного синтаксически зависимых членов. Например, в предложении «Ученик решает очень интересные задачи» *очень* зависит от *интересные*, *интересные* зависит от *задачи*, которые, в свою очередь, зависят от *решает*, а через посредство этих зависимых членов *очень* подчинено *интересные*, *задачи* и *решает*, *интересные* подчинено *задачи* и *решает*, а *задачи* подчинено *решает*. Легко видеть, что предложение «Ученик решает очень интересные задачи» соответствует свойству синтаксической проективности и является, как говорят, проективным предложением. Статистические обследования английского и русского языков показали, что большая часть предложений этих языков проективна.

Теперь вернемся к фразе $\alpha\beta\gamma\alpha'\beta'\gamma'\delta$, отражающей синтагматическую структуру рассматриваемой сказки, и проверим проективность этой фразы. Прежде всего необходимо эксплицировать все проявляющиеся здесь зависимости. Кроме уже отмеченных можно указать, с одной стороны, зависимость β от α и γ от β (второй запрет требует первого, а третий — второго), а с другой — зависимость β' от α' и γ' от β' (вторая реакция требует первой, а третья требует второй). По отношению к порожденным этими зависимостями подчинительным связям фраза все-таки не проективна, поскольку, хотя γ' подчинено γ , промежуточные термины α' и β' не подчинены γ .

Конечно, мы не располагаем строгими критериями для установления синтаксических зависимостей между семантическими признаками. Каждое прочтение опирается на некоторую гипотезу, определяемую характером этих зависимостей. Можно, например, считать, что наличие 3 (а не 2 или 4) запретов существенно постольку, поскольку α требует β , $\beta-\gamma$, $\alpha'-\beta'$ и $\beta'-\gamma'$. Если присоединить к уже рассмотренным и эти зависимости, тогда α' и β' будут подчинены γ через посредство двух других зависимостей, и точно так же

любые два терма (исключая δ) будут подчинены один другому во всех возможных комбинациях, а требование проективности будет соблюдено.

Тип проективности, с которым мы имели дело выше, является, согласно Лесерфу и Иму, классическим. Другой тип проективности, по Шрейдеру, предоставляет возможность более категоричного утверждения. При любом принятом прочтении проективность в смысле Шрейдера нарушается. Эта проективность определяется следующим образом: фраза $x_1 \dots x_n$ проективна в смысле Шрейдера, если из того, что x_i зависит от x_j , а x_k зависит от x_m (причем k находится между i и j), следует, что m заключено между i и j и может быть равно i или j .

Легко видеть, что, какой бы ни была интерпретация отношений зависимости между семантическими признаками, фраза $\alpha\beta\gamma\alpha'\beta'\gamma'\delta$ не проективна в смысле Шрейдера. В самом деле, представив эту фразу в виде $x_1x_2x_3x_4x_5x_6x_7$, мы имеем $x_1=\alpha$, $x_2=\beta$, $x_3=\gamma$, $x_4=\alpha'$, $x_5=\beta'$, $x_6=\gamma'$, $x_7=\delta$, причем в каждом случае x_6 зависит от x_3 , а x_5 зависит от x_6 , так что основные условия проективности, по Шрейдеру, удовлетворяются при $i=6$, $j=3$, $k=5$, $m=2$ (k действительно находится между i и j), однако $m=2$ не находится между $i=6$ и $j=3$ и не равно ни одному из них; поэтому условие проективности в смысле Шрейдера не соблюдено.

13. ДВЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОДОЛЖЕНИЯ СКАЗКИ «ДИТЯ-СИРОТА»

Для порождения сказки «Дитя-сирота» необходимо остановиться на предпочтении одного варианта продолжения сказки; соответственно мы выбираем одно прочтение сказки. Здесь открываются две возможности. С одной стороны, мы можем умножить запреты и реакции, взяв вместо трех запретов, снабженных тремя реакциями, кратное трем запретам, снабженное таким же кратным трем реакциям; с другой стороны, мы можем оставить в неприкосновенности последовательность из трех запретов, сопровождаемых тремя ответами, и повторять всю ее целиком. В первом случае мы приходим к языку L_1 , образованному фразами вида

$$(\alpha\beta\gamma)^n(\alpha'\beta'\gamma')^n\delta \quad (n = 1, 2, \dots),$$

во втором случае получаем язык L_2 , образованный фразами вида

$$(\alpha\beta\gamma\alpha'\beta'\gamma')^n\delta \quad (n = 1, 2, \dots).$$

При $u=\alpha\beta\gamma$, $v=\alpha'\beta'\gamma'$ язык L_1 будет образован фразами вида $u^n v^n$ ($n=1, 2, \dots$) и может быть порожден контекстнезависимой

грамматикой вида $G = \langle V_T, V_N, A, R \rangle$, где $V_T = \{u, v\}$, $V_N = \{A\}$, а R состоит из правил

$$A \rightarrow B\delta \quad (1)$$

$$B \rightarrow uBv \quad (2)$$

$$B \rightarrow uv \quad (3),$$

которые позволяют породить фразу $u^n v^n$, применяя правило (1), затем применяя $n-1$ раз правило (2), затем применяя правило (3). С помощью метода, уже использованного при анализе сказки «Золушка», можно доказать, что язык L_1 не есть язык с конечным числом состояний.

Что касается языка L_2 , он может быть порожден грамматикой $G = \langle V_T, V_N, A, R \rangle$, где $V_T = \{\alpha, \beta, \gamma, \alpha', \beta', \gamma', \delta\}$, $V_N = \{A, B, C, D, E, F, G, H, I, J, L, M\}$, а R состоит из правил

$$A \rightarrow B\delta \quad (1)$$

$$B \rightarrow C\gamma' \quad (2)$$

$$C \rightarrow D\beta' \quad (3)$$

$$D \rightarrow E\alpha' \quad (4)$$

$$E \rightarrow F\gamma \quad (5)$$

$$F \rightarrow G\beta \quad (6)$$

$$G \rightarrow B\alpha \quad (7)$$

$$B \rightarrow H\gamma' \quad (8)$$

$$H \rightarrow I\beta' \quad (9)$$

$$I \rightarrow J\alpha' \quad (10)$$

$$J \rightarrow L\gamma \quad (11)$$

$$L \rightarrow M\beta \quad (12)$$

$$M \rightarrow \alpha \quad (13)$$

Для порождения фразы $\alpha\beta\gamma\alpha'\beta'\gamma'\delta$ применим последовательно правила (1), (8), (9), (10), (11), (12) и (13). Для порождения фразы $(\alpha\beta\gamma\alpha'\beta'\gamma')^n\delta$ при $n > 1$ применим сначала правило (1), потом $n-1$ раз цепочку правил от (2) до (7), потом цепочку правил от (8) до (13). Эти фразы порождены грамматикой G , следовательно, язык L_2 порожден G .

Структура этих 13 правил дает нам основание подтвердить, что G — грамматика с конечным числом состояний, поэтому L_2 — язык с конечным числом состояний.

Подчеркнем, что стратегия сказки «Дитя-сирота» более проста — в предположении, что повторения в ней заданы языком L_1 . Однако можно заметить, что как язык L_1 , так и язык L_2 «наследуют» свойство непроективности в смысле Шрейдера, что иллюстрируется наличием как во фразах L_1 , так и во фразах L_2 некоторых синтагматических зависимостей, представляющих запреты, и зависимостей, представляющих реакции на запреты:

$\overbrace{\alpha\beta\gamma\alpha'\beta'\gamma\alpha'\beta'\gamma\delta}$,
 $\underbrace{\alpha\beta\gamma\alpha'\beta'\gamma\alpha'\beta'\gamma\delta}$.

Мы представили здесь те фразы L_1 и соответственно L_2 , которые соответствуют $n=2$. Стрелка постоянно направлена от зависимого термина к управляющему терму. Конечно, мы представили лишь часть отношений зависимости, достаточную, чтобы показать, как эти две фразы отступают от свойства проективности в смысле Шрейдера. Здесь мы столкнулись с явлением прерывности в последовательности семантических признаков, аналогичным некоторым хорошо известным конструкциям естественных языков типа «Ион, Георге и Дан соответственно высокий, маленький и среднего роста», конструкциям, непроективность которых вызвала трудности при выработке алгоритмов машинного перевода.

14. НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ПРОЧТЕНИЯ

В «ЦАРЕ С УКРАДЕННЫМ ПЕРСТНЕМ» [E]

Текст этого нарратива, построенного как цепочка вопросов и ответов, может быть разложен на следующие сегменты-события.

(1) Царь задает одному старику вопрос (1-й) с подвохом; тот отвечает на этот вопрос, (2) тогда царь задает ему вопрос (2-й), и старик отвечает, (3) то же и с вопросом (3-м). (4) Царь повторяет вопросы, задавая их на этот раз своим слугам: сначала вопрос (1-й) слуге, который узнает ответ у старика за плату. (5) Царь задает второму слуге вопрос (2-й), и тот находит ответ тем же способом; (6) с вопросом (3-м) дело обстоит так же. (7) Появляется еще один персонаж — цыган, которые хочет стать «гадальщиком» при дворе. (8) Счастливая случайность и ловкость помогают ему показать себя хорошим «гадальщиком», (9) давая еще одно доказательство его мнимого дара. (10) Он попадает в ситуацию, когда ему надо узнать, где находится украденный перстень царя; хитростью он находит перстень. (11) Затем надо найти исчезнувшее ожерелье царицы, которое он также находит благодаря хитрости, и (12) снова только хитрость помогает ему найти ответ последней задачи — отгадать, что спрятано в мешке.

Каждый с. с., который содержит испытание — в виде ли вопроса или в виде собственно испытания, — состоит из двух термов (вопрос и ответ или испытание и прохождение испытания), которые мы для экономии анализа будем рассматривать как составляющие только одного события.

Рассмотрим группировку событий в развертывании нарратива в трех последовательностях испытаний, каждая из которых содержит по три события: последовательность, образованная с. с. 1, 2 и 3, последовательность, образованная с. с. 4, 5 и 6, и последовательность,

образованная с. с. 10, 11 и 12. Каждая из этих последовательностей соответствует определенному типу ума или хитрости. Первая последовательность очерчивает тип человека умного от природы, поэтому ее развертывание просто, линейно, вопрос и ответ ничем не прерываются. Вторая последовательность описывает определенный тип псевдоума, ложного ума, добытого за деньги; поэтому между вопросом и нахождением ответа помещено промежуточное действие «покупки» ответа. Третья последовательность имеет дело с притворным умом, результатом сочетания счастливого случая и плутовства, где присутствует и определенная доля хитрости (здесь вступают в действие с. с. 7, 8 и 9, которые вводят персонажа, способного продемонстрировать эту хитрость).

Соблазнительно было бы рассматривать каждую из этих последовательностей как один нарративный сегмент, но подобный способ может помешать нам уловить наиболее интересное и характерное в данной сказке. Более правильным кажется принять гипотезу, что здесь каждый сказочный с. с. гипостазирует н. с., другими словами, что число н. с. здесь равно числу с. с. Заметим, что, за исключением с. с. 7, 8 и 9, которые мы можем считать н. с. с нулевым значением, поскольку единственная их цель заключается в том, чтобы ввести новый персонаж, все остальные с. с. являются событиями-испытаниями, но за пределами этого общего признака они отличаются попарно либо параметром испытания, либо личностью адресанта. Так, в рамках последовательности с. с. 1, 2 и 3 адресант остается тем же, но меняется испытание, в то время как в рамках последовательности с. с. 4, 5 и 6 вопросы остаются теми же, что и в первой последовательности, но меняется адресант. Проблема состоит в том, чтобы решить, можно ли считать смену испытания и смену адресанта, каждую в отдельности, достаточной для указания на переход к другому нарративному значению и к другому семантическому признаку. Здесь, однако, вступает в действие принятый нами тип прочтения. На этот раз делается следующий выбор: будем считать более значимой смену испытания, другими словами, два с. с., которые содержат одно и то же испытание, но разных адресантов (как это было, например, в с. с. 1 и 4, или в с. с. 2 и 5, или в с. с. 3 и 6), рассматриваются как два н. с. с одинаковым значением, поскольку они выражают один и тот же семантический признак. Поэтому можно сказать, что, за исключением н. с. 7, 8 и 9 с нулевым значением, здесь есть три последовательности, имеющие каждая по три н. с., где н. с. 1, 2 и 3 имеют значение «испытание, которому подвергнут первый адресант», н. с. 4, 5, 6 имеют значение «испытание, которому подвергнут второй адресант», а н. с. 10, 11 и 12 — значение «испытание, которому подвергнут третий адресант».

15. АЛЬТЕРНАТИВА В ПОРОЖДЕНИИ СКАЗКИ «ЦАРЬ С УКРАДЕННЫМ ПЕРСТНЕМ»

Обозначив через α , β и γ три семантических признака, получим, нарративную структуру сказки в виде $\alpha^3\beta^3\gamma^3$. Возникает проблема, существенно ли здесь равенство числа этих семантических признаков и общего значения показателя каждого из них. При утвердительном ответе наиболее естественное продолжение сказки будет определяться языком L' , имеющим фразы вида $(\alpha^3\beta^3\gamma^3)^n$ ($n=1, 2, \dots$). При отрицательном ответе возможно несколько развертываний сказки. Одно из них соответствует языку L'' , образованному фразами вида $\alpha^{3n}\beta^{3n}\gamma^{3n}$ ($n=1, 2, \dots$), при предположении, что число адресантов остается неизменным (и равным 3), а число испытаний для каждого адресанта кратно 3. В этом случае сохраняется символический характер числа. 3. Что касается языка L' , то можно показать, что это язык с конечным числом состояний, причем доказательство этого только техническими деталями отличается от доказательства, с помощью которого мы показали, например, для сказки «Дитя-сирота», что язык L_2 есть язык с конечным числом состояний. Что касается языка L'' , то здесь ситуация более сложная. Можно показать с помощью постулатов и технических приемов, использованных при порождении сказки «Четверо восьмерых держат», что L'' есть не контекстнезависимый, а матричный, т. е. контекстнозависимый, язык.

Мы не будем входить здесь в соответствующие детали, оставив их на усмотрение читателя. Заметим только, что можно указать и другие развертывания данной сказки; они будут связаны с ростом числа адресантов до некоторого числа, кратного 3, что подкреплено неограниченным, но при этом всегда кратным 3 возрастанием числа повторений каждого испытания. Например, если число адресантов возрастает от 3 до 6, мы имеем дело с языком, состоящим из фраз вида $\alpha^{3n}\beta^{3n}\gamma^{3n}\alpha'^{3n}\beta'^{3n}\gamma'^{3n}$ ($n=1, 2, \dots$), однако можно показать, что это язык той же структуры (матричной, но контекстнезависимой), что и язык L'' , рассмотренный выше.

16. СЕГМЕНТЫ-СОБЫТИЯ И НАРРАТИВНЫЕ СЕГМЕНТЫ В СКАЗКЕ-АНЕКДОТЕ

Сказка-анекдот типа «Пэкалэ» [F] разделяется на следующие с. с. (1) Парень поступает в работники к попу с условием взаимного соблюдения некоторого требования. (2) В первый день поп заставляет работника нарушить это требование, но тот противится; 3) на второй день то же самое; (4) на третий день работник навлекает на себя наказание за нарушение злокозненного требования хозяина. (5) Брат парня — Пэкалэ, в свою очередь, нанимается к попу на тех же условиях. (6) Хозяин повторяет первое испытание, которое

Пэкалэ выдерживает, (7) повторяет второе с тем же результатом, и (8) в третий раз то же самое. (9) Теперь уже хозяину приходится во исполнение обоюдного условия сопротивляться Пэкалэ. В первом случае условие соблюдено, (10) во втором то же самое и (11) в третьем также. (12) Роли переменялись, и попу приходится уступать терпению и настойчивости Пэкалэ. Чтобы избавиться от Пэкалэ, он решает уйти вместе с сыном. (13) Однако Пэкалэ, обманув их, идет за ними. (14) Чтобы от него избавиться, они решают применить другую тактику, (15) но Пэкалэ опять их обманывает, (16) и это приводит к тому, что терпение попа полностью истощается, он нарушает исходное требование и (17) подвергается наказанию.

Здесь, как и в сказке, разобранной выше, выделяются последовательности, состоящие каждая из трех нарративных сегментов, за исключением с. с. 1, имеющего функцию предыстории, т. е. н. с. с нулевым значением, и с. с. 5, который, как и с. с. 7, 8 и 9 в предыдущей сказке, имеет исключительной целью введение нового персонажа, т. е. также может рассматриваться как н. с. с нулевым значением. За исключением этих двух с. с., все остальные с. с. имеют характер событий-испытаний и различаются попарно либо по характеру испытания, либо по персонажу, подвергнутому испытанию. Первая последовательность событий-испытаний составлена с. с. 2, 3 и 4; эти с. с. в то же время являются н. с. со значением первого, второго и соответственно третьего испытания. Вторая последовательность событий-испытаний состоит из с. с. 6, 7 и 8, в то же время являющихся н. с., которые соответствуют таким же испытаниям, как и н. с. 2, 3 и соответственно 4. Третья последовательность событий-испытаний состоит из с. с. 9, 10 и 11, которые определяют н. с. 9, 10 и 11, также соответствующие некоторым испытаниям, а последняя последовательность н. с. состоит из одного н. с., образованного с. с. 12 и 13 (новое первое испытание), одного н. с., образованного с. с. 14 и 15 (новое второе испытание), и одного н. с., образованного с. с. 16 и 17 (новое третье испытание). Итак, с первого взгляда видна аналогия между н. с. 2, 6, 9 и 12—13 (все соответствуют первому испытанию), аналогия между н. с. 3, 7, 10 и 14—15 (все соответствуют второму испытанию) и аналогия между н. с. 4, 8, 11 и 16—17 (все соответствуют третьему испытанию). Однако эта аналогия достаточно слаба, поскольку, например, н. с. 4 отличается от н. с. 8 как адресантом, так и результатом испытания, позитивным и негативным, н. с. 8 отличается от н. с. 11 видом испытания, а н. с. 11 отличается от н. с. 16—17 переменой ролей. В самом деле, если последовательность н. с. 2, 3, 4 вводит в качестве противников попа и брата Пэкалэ, то вторая и третья из выделенных выше последовательностей длиной, равной 3, заменяют брата Пэкалэ самим Пэкалэ, а четвертая последовательность, сохраняя тех же противников, создает ситуацию, в которой не поп ставит задачи Пэкалэ, а наоборот.

17. СИММЕТРИЯ ОРГАНИЗАЦИИ И УСЛОЖНЕНИЕ ПОРОЖДЕНИЯ

Покажем, что развертывание данной сказки выявляет три фазы нарративного развертывания. Первая фаза, соответствующая первой последовательности событий-испытаний, находится под знаком оппозиции между попом (персонажем подчиняющим) и братом Пэкалэ (персонажем подчиненным, как следует из н. с. 4). Вторая фаза, соответствующая следующим двум последовательностям, характеризуется состоянием равновесия между двумя оппозиционными персонажами: поп подвергает Пэкалэ испытаниям, и тот их все выдерживает. Третья фаза, соответствующая последней последовательности н. с. испытаний, снова оказывается под знаком оппозиции между подчиняющим и подчиненным персонажами, однако на этот раз подчиненный персонаж — поп, т. е. тот, кто в первой фазе был подчиняющим, а Пэкалэ на этот раз получает главенствующую роль, которая подводит его к ситуации, когда он может наказать попа. Итак, можно сказать, что по отношению к воображаемой оси, отделяющей первые шесть н. с.-испытаний от остальных н. с.-испытаний, выявляется симметрия типа

$$\underbrace{2 \ 3 \ 4}_{\text{I}} \quad \underbrace{6 \ 7 \ 8}_{\text{II}} \quad \vdots \quad \underbrace{9 \ 10 \ 11}_{\text{III}} \quad \underbrace{12-13 \ 14-15 \ 16-17}_{\text{IV}},$$

где последовательность IV повторяет структуру последовательности I в том смысле, что обе находятся под знаком оппозиции между подчиняющим и подчиненным персонажами; последний терпит поражение в третьем н. с. последовательности (н. с. 4 и соответственно н. с. 16—17), в то время как последовательность III повторяет структуру последовательности II, где обе фиксируют состояние равновесия между Пэкалэ и его противником. Поэтому мы можем сказать, что н. с. 12—13 повторяют семантический признак н. с. 2 (признак, который мы обозначаем через α и который выражает первое испытание в оппозиции между подчиняющим и подчиненным); н. с. 14—15 повторяют семантический признак н. с. 3 (признак, который мы обозначаем через β и который выражает второе испытание в оппозиции между подчиняющим и подчиняемым); н. с. 16—17 повторяют семантический признак н. с. 4 (признак, который мы обозначим через γ и который выражает третье испытание в оппозиции подчиняющий / подчиненный); н. с. 9 повторяет семантический признак н. с. 6 (признак, который мы обозначим через α_1 и который соответствует первому испытанию при равновесии противников); н. с. 10 повторяет семантический признак 7 (признак, который мы обозначим через β_1 и который соответствует второму испытанию при равновесии противников); н. с. 11 повторяет семантический признак н. с. 8 (признак,

который мы обозначим через γ_1 и который выражает третье испытание при равновесии противников).

Тогда сказка получает вид

$$\alpha\beta\gamma\alpha_1\beta_1\gamma_1\alpha_1\beta_1\gamma_1\alpha\beta\gamma(*).$$

Могло бы показаться, что выявленная таким образом симметрия приходит в противоречие с предыдущим утверждением относительно инвертированности ситуации, в которой находится четвертая последовательность по отношению к первой, из-за того что персонаж (поп), который в первой последовательности был подчиняющим, в четвертой становится подчиненным. Однако никакого противоречия нет, поскольку события протекают на разных уровнях организации и выражение (*) относится к более высокому уровню абстракции, чем тот, на котором имеет место инверсия упомянутого персонажа в первой и четвертой последовательностях. Выражение (*) относится к тому уровню организации, на котором постоянные оппозиции — это Пэкалэ / не-Пэкалэ и подчиненный / неподчиненный. Семантические признаки α , β и γ относятся к тем последовательностям н. с., в которых присутствует подчиненный персонаж, и этот персонаж — не Пэкалэ; с этой точки зрения последовательность IV полностью эквивалентна последовательности I, т. е. поп и брат Пэкалэ «растворяются» в одном персонаже — не-Пэкалэ. Семантические признаки $\alpha_1\beta_1\gamma_1$ относятся к тем последовательностям н. с., в которых не присутствует подчиненный персонаж.

Теперь перед нами стоит задача бесконечного удлинения сказки, представленной в виде (*). Естественное продолжение может быть дано на языке L_1 , фразы которого имеют вид

$$(\alpha\beta\gamma)^n\alpha_1\beta_1\gamma_1\alpha_1\beta_1\gamma_1(\alpha\beta\gamma)^n \quad (n = 1, 2, \dots)(**).$$

Этот язык может быть порожден грамматикой $G = \langle V_T, V_N, A, R \rangle$, где $V_T = \{\alpha, \beta, \gamma, \alpha_1, \beta_1, \gamma_1\}$, $V_N = \{A\}$, а R состоит из следующих двух правил:

$$A \rightarrow \alpha\beta\gamma\alpha_1\beta_1\gamma_1\alpha_1\beta_1\gamma_1\alpha\beta\gamma \quad (1)$$

$$A \rightarrow \alpha\beta\gamma A \alpha\beta\gamma \quad (2)$$

Для порождения фразы (*) достаточно применить правило (1). Для порождения фразы (**) для $n > 1$ применяем $n-1$ раз правило (2), затем один раз правило (1). Из того, что правила (1) и (2) контекстнонезависимы, следует, что L — контекстнонезависимый язык. Нетрудно увидеть, что L не есть язык с конечным числом состояний. В самом деле, если бы этого не было, число классов дистрибуции вправо по отношению к L было бы конечным, т. е. существовали бы такие два натуральных числа m и n , $m \neq n$, что $(\alpha\beta\gamma)^m$ и $(\alpha\beta\gamma)^n$ имели бы одну и ту же дистрибуцию вправо по отношению к L и фразы

$(\alpha\beta\gamma)^m \alpha_1\beta_1\gamma_1 \alpha_1\beta_1\gamma_1 (\alpha\beta\gamma)^n$ принадлежала бы L в противоречии с определением L .

Прочтение, соответствующее увеличению (**), имеет максимально естественное «нарративное обоснование». В самом деле, в развертывании (*) тот, кому удалось одержать верх над братом Пэкалэ, затем побежден самим Пэкалэ. Реально из данной сказки мы извлекаем гораздо больше; мы узнаем, в частности, что Пэкалэ очень хитер и что он побеждает всех, кому не смог противостоять его брат. Это обобщение, это символическое значение, которое наше прочтение приписывает сказке типа «Пэкалэ», отражено только в развертывании (**), где n представляет одновременно число персонажей, побеждающих брата Пэкалэ, и число персонажей, побежденных Пэкалэ. Совпадение этих двух чисел происходит только потому, что Пэкалэ добивается победы над *каждым*, кто побеждает его брата.

Можно рассмотреть и другие прочтения. Предположить, например, что Пэкалэ побеждает любого, побежденного попом. Другая возможность заключается в допущении одновременно с гипотезой, приведшей к развертыванию (**), что число уравновешенных конфронтаций равно числу конфронтаций между подчиняющим и подчиненным персонажем.

Подобное предположение также имеет «нарративное обоснование», воплощенное в *усилии*, которое надо приложить Пэкалэ, чтобы одержать верх над всеми остальными. Полученное в этом случае бесконечное удлинение будет дано на языке L , фразы которого имеют вид

$$(\alpha\beta\gamma)^n (\alpha_1\beta_1\gamma_1)^{2^n} (\alpha\beta\gamma)^n \quad (n = 1, 2, \dots)$$

В этом случае, принимая $\alpha\beta\gamma = a$ и $(\alpha_1\beta_1\gamma_1)^2 = b$, получаем язык, фразы которого имеют вид

$$a^n b^n a^n \quad (n = 1, 2, \dots),$$

язык, который, как известно, является матричным, но не контекстно-независимым (см. [4, с. 193 и 203]).

Очевидно, что язык L_1 обладает большей симметрией, чем язык L . И на этот раз мы констатируем, что ограничения по симметрии, которые прочтение навязывает нарративному тексту, определяют возрастание сложности порождающего механизма данного текста.

18. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы видим, принятая в данной работе процедура анализа каждый раз состояла из двух этапов: первый из них относился к установлению определенного инвентаря семантических признаков и соответ-

ствующего синтаксиса, а второй был посвящен порождающему процессу, как таковому.

Отбор сказок (целиком принадлежащий первому автору) позволил рассмотреть разнообразную гамму сказочных типов (волшебная сказка, бытовая сказка, анекдот) и столь же разнообразный репертуар порождающих типов (грамматики с конечным числом состояний, контекстнезависимые грамматики, матричные грамматики). Но в то время как разделение сказок на волшебные, бытовые и типа «Пэкалэ» более или менее последовательно отклоняется от каждого критерия и не выявляет устройства исследуемых нарративных структур, выработанная нами порождающая типология дает возможность рассмотреть все нарративы под одним углом зрения и соотнести их с одним термином сравнения — порождающей грамматикой хомскианского типа.

Этот подход предполагает следование старой традиции изучения нарративных произведений (фольклора и художественной литературы) методами структурной лингвистики, даже когда эта методология недостаточно продумана и наглядна. В самом деле, начиная с В. Проппа [26], и далее в работах Р. Жинестье [9,] А. Дандиса [8], В. В. Иванова и В. Н. Топорова [16], А. Греймаса [10, 11, 12], Ц. Годорова [27], М. Попа [24; 25] и Л. Долежелла [7], не говоря о других исследованиях, изучение нарративных структур имело в виду по преимуществу процесс сведения вариантов к инвариантам на базе минимально субстанциональных и максимально реляционных критериев.

Функции Проппа, драматические ситуации Жинестье, актанты Греймаса, мотивемы Дандиса, мотивемы и мотивы Долежелла, микронарративы с постоянной структурой, заимствованные Годоровым у Бремона, — все они используются в одних и тех же целях — выделить среди большого разнообразия нарративных элементов и приемов относительно небольшое число параметров, которые позволяют вскрыть ряд изоморфизмов между нарративными произведениями, на первый взгляд структурно различными, изоморфизмов, дающих возможность установить некоторые операционные связи между разными уровнями организации нарративного произведения (см. особенно недавнюю работу Долежелла [7]). В этом случае возникает возможность создать типологию нарративных структур в связи с особой комбинаторной ситуацией, представленной параметрами, принятыми в качестве терминов сравнения. Это, по сути дела, тот же способ, которым структурная лингвистика сводит изучение звуковых аспектов артикулированного языка к известной комбинаторике фонологических различительных признаков; это в то же время и способ, с помощью которого стабилизируются операционные связи между разными уровнями языка.

Очевидно, что первый шаг подхода, использованного в этой работе, подчинен исключительно этой богатой традиции. Сегменты-события, нарративные сегменты, семантические признаки являются

этапами в последовательности операций, сводящих варианты к инвариантам, причем инварианты, выделенные на одном этапе, становятся вариантами на непосредственно следующем за ним этапе в предвидении новых инвариантов. Естественно поэтому ожидать наличия связей и соответствий между сегментами-событиями, нарративными сегментами и семантическими признаками, выявленными в данной работе, с одной стороны, и функциями Проппа, мотивами Дандиса, актантами Греймаса, микронарративами со стабильной структурой Бремона и Тодорова и мотивами и мотивеми Долежела — с другой.

Здесь не предпринимается такого рода исследование (хотя оно не лишено интереса). Более важным кажется привлечь внимание к существенно разным целям, которые преследуют эти инварианты в данной работе и в исследованиях упомянутых выше авторов. Вследствие этого принятые здесь типы единиц, даже если они имеют точки соприкосновения с различными типами единиц, использованными другими авторами, никогда с ними не смешиваются. Речь идет о том, что инварианты, выявленные в этой работе, не самоцель и не *они* являются терминами сравнения, по которым строится типология анализируемых сказок, как это происходит у упомянутых авторов, где все сводится к комбинаторике инвариантов, к простому дуализму синтагматики и парадигматики этих инвариантов в лучших традициях классической структурной лингвистики. У нас явления повторения — не просто факт комбинаторики, как у Проппа, а отправная точка для создания ряда возвращений, обеспечивающих продолжение данного текста до бесконечности. Если подобный взгляд в широком смысле оправдан по отношению к произведениям искусства [22], то в случае фольклорных нарративов он оправдан в несравненно большей степени. Эти произведения уже в силу своего генезиса обладают постоянной открытостью, способностью к продолжению, а тенденции повторения и симметрии в них гораздо более явны, чем в нарративах художественной литературы. Ввиду этой виртуальной бесконечности народных сказок необходимо изучить механизмы, могущие объяснить такую «продуктивность»; исключительно в этом заключалась роль порождающих механизмов, которые мы ввели в анализ сказок.

Идея связать изучение нарративных структур определенных типов с порождающими механизмами уже высказывалась рядом авторов: Ю. Кристевой, когда она говорит о «продуктивности, именуемой текстом» [17]; А. Греймасом, когда он говорит о «нарративной грамматике» [12]; Ю. М. Лотманом, когда он рассматривает художественный текст как «механизм» [19, с. 360]; Й. Ихве, когда он различает нарративную компетенцию и нарративное употребление [15, с. 9]; В. Куммером, когда он говорит о «грамматике дискурса» [18], и целым рядом исследователей, например Т. А. Ван Дейком [6], Л. Долежелом [7] и т. д. Однако у одних авторов привлечение порождающих механизмов остается в стадии чистых деизидерат (см. [12; 17;

19)], а у других оно направлено на цели иные, нежели отображение повторений. В [15 и 7] имеются в виду хомскианские дихотомичные компетенции — употребление, соответственно глубинная структура — поверхностная структура, а в последней статье процесс порождения понимается просто как процесс перехода от одного уровня абстракции к другому, от «фабулы» к «мотивеме»; в [6 и 18] порождающий процесс остается на уровне артикулированного языка, а в центре внимания стоят не повторения, а трансформации. Как можно видеть, основной целью данной работы было исключительно установление типологии нарративных повторений, поскольку, что было показано во Введении, только на этом сосредоточено «литературоведческое» изучение сказки (которым, как считает Р. Никулеску [23, с. X, см. также 28], почти полностью пренебрегали). Такое избилующее тонкими наблюдениями исследование, как исследование Г. Кэлинеску, все-таки остается на уровне чисто атомистическом и не дает никакого представления о глобальных динамических аспектах фольклорных нарративов [5].

Построенная в этой работе порождающая типология обеспечивает не только единый и, по существу, глобальный способ сравнительной оценки структуры народных повествований, но помогает в то же время понять глубокую связь между тенденциями к симметрии и к повторениям — этим двум основам любого фольклорного нарратива.

По контрасту с очевидностью, по контрасту с общепринятой интуицией, которая стремится уравнивать эти два типа тенденций, данная работа доказывает, что тенденции к симметрии приводят к усложнению структуры порождающих механизмов, отражающих тенденции к повторениям. Значительную роль играют здесь числа с символическим значением, как, например, число 3 в последних рассмотренных нами сказках; такие числа увеличивают синтаксическую симметрию семантических признаков, что приводит иногда к усложнению порождающего механизма.

Без сомнения, необходимо в дальнейшем исследовать различные возможности сравнения двух порождающих грамматик, когда они принадлежат к одному и тому же порождающему типу, возможности измерения степени сложности каждой порождающей грамматики, чтобы тогда более тонко разрабатывать порождающую типологию фольклорных нарративов, попытка чего была сделана в настоящей работе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. S. A b r a h a m. Some questions of phrase structure grammars I. — «Computational Linguistics». 1965, № 4, с. 61—70.
2. Y. B a r - H i l l e l, M. P e r l e s, E. S h a m i r. On formal properties of simple phrase structure grammars. — «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung». Bd 14, 1961, с. 143—172.

3. J. P. Benzenesi. Grammaires matricielles. Preprint de l'Université de Paris. P., 1966.
4. B. Brainerd. Introduction in the mathematics of language study. — «Mathematical linguistics and automatic language processing». N. Y., 1971, № 8.
5. G. Călinescu. Estetica basmului. București, 1965.
6. T. A. Van Dijk. La metateoria del racconto. — «Strumenti Critici». 1970, № 12.
7. L. Doležel. From motifemes to motifs. — «Poetics». 1972, № 4, c. 55—90.
8. A. Dundes. The morphology of North American Indian folktales. — «FF Communications». Vol. 195. Helsinki, 1964.
9. P. Ginstier. Le Théâtre contemporain dans le monde. P., 1961.
10. A. J. Greimas. Eléments pour une théorie de l'interprétation du récit mythique. — «Communications». 1966, № 8, c. 28—59.
11. A. J. Greimas. La structure des actants du récit. Essai d'approche générative. — «Word». Vol. 23, 1967, c. 221—238.
12. A. J. Greimas. Du sens. Essais sémiotiques. P., 1970.
13. Z. S. Harris. Structural linguistics. Chicago, 1961.
14. J. Hopcroft, J. Ullman. Formal languages and their relation to automata. Mass., 1969.
15. J. Ihwe. On the foundations of a general theory of narrative structures. — «Poetics». 1972, № 3, c. 5—14.
16. В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.
17. J. Kristeva. Semeiotiké. Recherches pour une sémanalyse. P., 1969.
18. W. Kummer. Outlines of a model for a grammar of discourse. — «Poetics». 1972, № 3, c. 29—55.
19. Ю. М. Лотман. Структура художественного текста. М., 1970.
20. S. Marcus. Algebraic linguistics; Analytical models. N. Y.—L., 1967.
21. S. Marcus. Gramatici și automate finite. București, 1964.
22. S. Marcus. Generative Poetics. — Cahiers de linguistique théorique et appliquée (в печати).
23. R. Niculescu. Sensurile «Morfologiei basmului». Studiu introductiv la V. I. Propp. — «Morfologia basmului» (26), 1970, c. V—XXXV.
24. M. Pop. Metode noi în cercetarea structurii basmelor. — Folclor literar. Timișoara, 1967, c. 5—12.
25. M. Pop. La poétique du conte populaire. — «Semiotica». 1970, № 2, c. 2.
26. V. I. Propp. Morfologia basmului. București, 1970.
27. Tz. Todorov. Les catégories du récit littéraire. — «Communications». 1966, № 8, c. 125—151.
28. I. Vlăd. Povestirea. Destinul unei structuri epice. București, 1972.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАССМОТРЕННЫМ СКАЗКАМ

- [A] «Șandor viteaz de pe apă prins» — AIEF, mg. 3501 IIa, 3502 I a. Записано в Sur Petre, округ Buciumi-Sălaj, в 1968 г. С. Фотино и И. Херця.
- [B] «Cenușotcă» — O. Bîrlea. Antologie de proză populară epică. Vol. 1. București, 1966. «Это одна из самых распространенных сказок, зарегистрированная во всех областях и насчитывающая более 80 вариантов».
- [C] «Pațru țin pe ort» — O. Bîrlea. Antologie de proză populară epică. Vol. 2, с. 527—533. «Одна из самых распространенных во всех областях сказка, насчитывающая 60 вариантов. В большинстве вариантов ставится по 3 вопроса. . .».
- [D] «Copilul orfan» — O. Bîrlea. Antologie de proză populară epică. Vol. 2, с. 534—553. «Сказка отмечена как подтип в Мунтении, спорадически в Банате, в 9 вариантах. Советы бывают разные. . .»
- [E] «Împăratul cu inelul furat» — O. Bîrlea. Antologie de proză populară epică. Vol. 2, с. 554—561.
- [F] «Анекдоты (Пэкалэ)» — O. Bîrlea. Antologie de proză populară epică. Vol. 3, с. 41—47. «Известно более 112 вариантов сюжетов с Пэкалэ, по большей части из Трансильвании, где анекдотические эпизоды переплетаются в разных сочетаниях».

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
От составителей	7
<i>К. Леви-Строс.</i> Структура и форма (Размышления над одной работой Владимира Проппа)	9
<i>К. Леви-Строс.</i> Деяния Асдиваля	35
<i>К. Леви-Строс.</i> Как умирают мифы	77
<i>А. Греймас.</i> В поисках трансформационных моделей	89
<i>А. Греймас.</i> К теории интерпретации мифологического нарратива	109
<i>К. Бремон.</i> Бык-тайник (Трансформация одной африканской сказки)	145
<i>К. Брето, Н. Заньоли.</i> Множественность смысла и иерархия подходов в анализе магрибской сказки	167
<i>А. Дандис.</i> Структурная типология индейских сказок Северной Америки	184
<i>П. Маранда, Э. Кёнгас-Маранда.</i> Структурные модели в фольклоре . .	194
<i>П. Маранда.</i> «Золушка»: теория графов и множество	261
<i>С. Фотино, С. Маркус.</i> Грамматика сказки	275

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО СЕМИОТИКЕ ФОЛЬКЛЮРА**

*Утверждено к печати
редколлекцией серии
«Исследования по фольклору
и мифологии Востока»*

Редактор *Е. С. Новик*
Младший редактор *И. И. Исаева*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректоры *Л. И. Письман* и *А. В. Шандер*

ИБ № 15060

Сдано в набор 16.11.83. Подписано к печати 19.06.85. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 20. Усл. кр.-отт. 20. Уч.-изд. л. 21,43. Тираж 5000 экз. Изд. № 4869. Зак. 994. Цена 2 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград В-34, 9 линия, 12

ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА».

готовится к изданию книга:

Руденко М. Б. Литературная и фольклорные версии курдской поэмы «Юсуф и Зелиха». 34 л.

Книга содержит исследование покойного курдолога М. Б. Руденко, посвященное поэме курдского поэта XVI в. Селима Селимана, публикацию рукописей двух литературных версий поэмы, их русский перевод, а также тексты и переводы шести фольклорных версий, записанных автором книги из уст курдов — выходцев из Турции и Ирана. В исследовательской части книги дается текстологический и литературоведческий анализ памятника и его рукописей.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГИ», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192, МОСКВА В-192, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 «АКАДЕМКНИГИ» («КНИГА — ПОЧТОЙ»).

ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

готовится к изданию книга:

**Ближний и Средний Восток: Литература
и время.** (Конец 70-х—начало 80-х годов).
Сборник статей. 10 л.

В статьях сборника освещается общественно-политическая ситуация в странах Ближнего и Среднего Востока, ее отражение в литературе, идейная борьба в среде творческой интеллигенции, связь литературного процесса с развитием общественной обстановки. Анализируются проблематика и художественные формы афганской, персидской, турецкой, египетской, иракской, палестинской, израильской прозы, поэзии, драматургии.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГИ», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192. МОСКВА В-192. МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 «АКАДЕМКНИГИ» («КНИГА — ПОЧТОЙ»).

**ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

готовится к изданию книга:

Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. 23 л.

На материале словесного творчества (фольклора и книжной литературы) Запада и Востока от первобытности до середины XVIII в. автор описывает и анализирует историю становления и формирования эпико-романических жанров вплоть до их классических форм. Затрагиваются и общие проблемы исторической поэтики, теории эпоса и романа.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГИ», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192, МОСКВА В-192. МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 «АКАДЕМКНИГИ» («КНИГА — ПОЧТОЙ»).

